

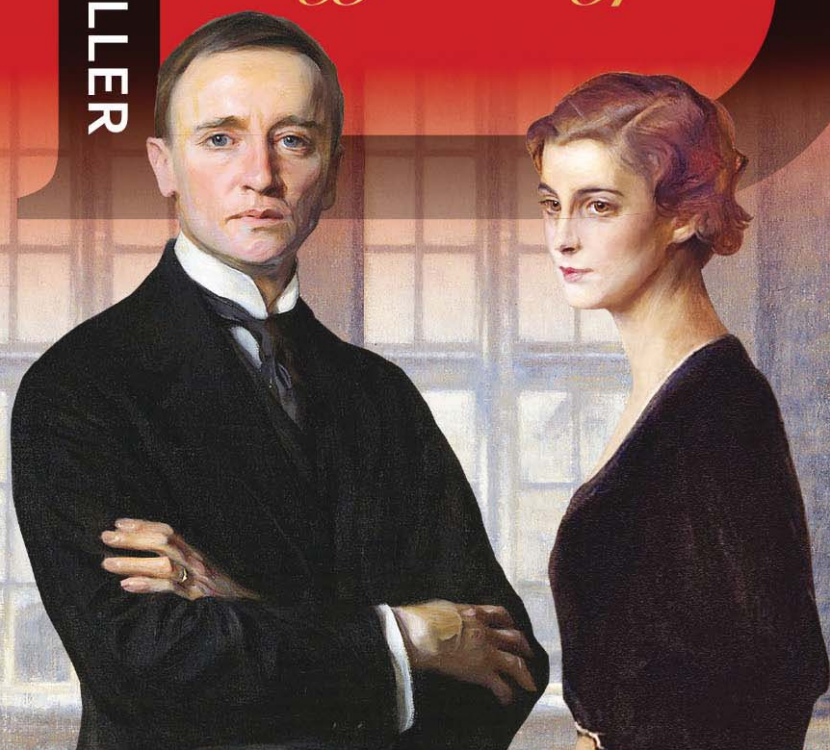
БИЛИНГВА
BESTSELLER

THE REMAINS
OF THE DAY

Kazuo Ishiguro

ОСТАТОК ДНЯ

Кадзуо Исигуро

БИЛИНГВА
BESTSELLER

БИЛИНГВА

**THE REMAINS
OF THE DAY**

Kazuo Ishiguro

BESTSELLER

ОСТАТОК ДНЯ

Кадзуо Исигуро

Москва
2020

In memory of Mrs Lenore Marshall

Prologue • july 1956

DARLINGTON HALL

It seems increasingly likely that I really will undertake the expedition that has been preoccupying my imagination now for some days. An expedition, I should say, which I will undertake alone, in the comfort of Mr Farraday's Ford; an expedition which, as I foresee it, will take me through much of the finest countryside of England to the West Country, and may keep me away from Darlington Hall for as much as five or six days. The idea of such a journey came about, I should point out, from a most kind suggestion put to me by Mr Farraday himself one afternoon almost a fortnight ago, when I had been dusting the portraits in the library. In fact, as I recall, I was up on the step-ladder dusting the portrait of Viscount Wetherby when my employer had entered carrying a few volumes which he presumably wished returned to the shelves. On seeing my person, he took the opportunity to inform me that he had just that moment finalized plans to return to the United States for a period of five weeks between August and September. Having made this announcement, my employer

Пролог: июль 1956 года

ДАРЛИНГТОН-ХОЛЛ

Все вероятней и вероятней, что я и в самом деле предприму поездку, которая занимает мои мысли вот уже несколько дней. Поездку, нужно заметить, я предприму один, в удобнейшем «форде» мистера Фаррадея; направлюсь же в западные графства, что, как я ожидаю, позволит по дороге обозреть много красивейших мест сельской Англии. В Дарлингтон-холле, таким образом, меня не будет дней пять, а то и шесть. Идея путешествия, должен я подчеркнуть, принадлежит мистеру Фаррадею, который дней десять тому назад самолично сделал мне это в высшей степени любезное предложение, когда я протираю портреты в библиотеке. Если не ошибаюсь, я как раз стоял на стремянке и вытирал пыль с портрета виконта Уэзебери, когда вошел хозяин со стопкой книг, каковые он, вероятно, собирался поставить на полку. Увидев мою персону, он воспользовался случаем и сообщил, что сию секунду принял окончательное решение отбыть в Соединенные Штаты на пять недель в августе-сентябре. Объявив

put his volumes down on a table, seated himself on the chaise-longue, and stretched out his legs. It was then, gazing up at me, that he said:

‘You realize, Stevens, I don’t expect you to be locked up here in this house all the time I’m away. Why don’t you take the car and drive off somewhere for a few days? You look like you could make good use of a break.’

Coming out of the blue as it did, I did not quite know how to reply to such a suggestion. I recall thanking him for his consideration, but quite probably I said nothing very definite, for my employer went on:

‘I’m serious, Stevens. I really think you should take a break. I’ll foot the bill for the gas. You fellows, you’re always locked up in these big houses helping out, how do you ever get to see around this beautiful country of yours?’

This was not the first time my employer had raised such a question; indeed, it seems to be something which genuinely troubles him. On this occasion, in fact, a reply of sorts did occur to me as I stood up there on the ladder; a reply to the effect that those of our profession, although we did not see a great deal of the country in the sense of touring the countryside and visiting picturesque sites, did actually ‘see’ more of England than most, placed as we were in houses where the greatest ladies and gentlemen of the land gathered. Of course, I could not have ex-

об этом, хозяин положил книги на стол, уселся в chaise-longue и вытянул ноги. Глядя на меня снизу вверх, он сказал:

— Послушайте, Стивенс, мне вовсе не нужно, чтобы все время, пока меня не будет, вы сидели взаперти в этом доме. Почему бы вам не взять машину да не съездить куда-нибудь на несколько дней? Поглядеть на вас, так отдых очень даже пойдет вам на пользу.

Предложение это обрушилось на меня так неожиданно, что я, право, не знал, что и сказать. Помнится, я поблагодарил его за заботу, но, видимо, не ответил ничего определенного, потому что хозяин продолжал:

— Я серьезно, Стивенс. Мне и в самом деле кажется, что вам следует отдохнуть. Бензин я вам оплачу. А то вы, ребята, всю жизнь торчите в этих старых особняках, всегда при деле, так где же вам выкроить время поездить по своей прекрасной стране?

Хозяин не впервые заговаривал на эту тему; больше того, это, кажется, по-настоящему его беспокоит. На сей раз, однако, мне прямо на стрямянке пришло в голову, как можно было бы ответить — ответить в том смысле, что лица нашей профессии хотя и нечасто видят страну, если понимать под этим поездки по графствам и осмотр достопримечательностей, на самом деле «видят» больше Англии, чем многие прочие, благо находятся в услужении там, где собираются самые важные дамы и господа государства. Разумеется,

pressed this view to Mr Farraday without embarking upon what might have seemed a presumptuous speech. I thus contented myself by saying simply:

‘It has been my privilege to see the best of England over the years, sir, within these very walls.’

Mr Farraday did not seem to understand this statement, for he merely went on:

‘I mean it, Stevens. It’s wrong that a man can’t get to see around his own country. Take my advice, get out of the house for a few days.’

As you might expect, I did not take Mr Farraday’s suggestion at all seriously that afternoon, regarding it as just another instance of an American gentleman’s unfamiliarity with what was and what was not commonly done in England. The fact that my attitude to this same suggestion underwent a change over the following days — indeed, that the notion of a trip to the West Country took an ever-increasing hold on my thoughts — is no doubt substantially attributable to — and why should I hide it? — the arrival of Miss Kenton’s letter, her first in almost seven years if one discounts the Christmas cards. But let me make it immediately clear what I mean by this; what I mean to say is that Miss Kenton’s letter set off a certain chain of ideas to do with professional matters here at Darlington Hall, and I would underline that it was a preoccupation with these very same professional matters that led me to

все это я мог изложить мистеру Фаррадею, лишь путившись в объяснения, которые, не дай бог, показались бы самонадеянными. Посему я ограничился тем, что просто сказал:

— Я имел честь видеть лучшее, что есть в Англии, на протяжении многих лет, сэр, в стенах этого дома.

Вероятно, мистер Фаррадей меня не понял, потому что продолжал:

— Нет, в самом деле, Стивенс. Чтоб на собственную страну да не посмотреть — это никуда не годится. Послушайте моего совета, выберите из дому на несколько дней.

Как и следовало ожидать, в тот раз я отнесся к предложению мистера Фаррадея недостаточно серьезно, посчитав это очередным проявлением незнакомства американского джентльмена с тем, что принято и что не принято в Англии. Потом я, правда, изменил отношение к этому предложению, больше того, идея автомобильной поездки на Западное побережье овладевает мной все сильнее. В основном это, конечно, объясняется — и с какой стати мне это скрывать? — письмом от мисс Кентон, первым чуть ли не за семь лет, если не считать поздравительных открыток на Рождество. Сразу же поясню, что именно я имею в виду; я имею в виду, что письмо мисс Кентон вызвало у меня некоторые соображения касательно моих профессиональных занятий в Дарлингтон-холле. Хотелось бы подчеркнуть, что озабоченность по поводу указанных профессиональных занятий

consider anew my employer's kindly meant suggestion. But let me explain further.

The fact is, over the past few months, I have been responsible for a series of small errors in the carrying out of my duties. I should say that these errors have all been without exception quite trivial in themselves. Nevertheless, I think you will understand that to one not accustomed to committing such errors, this development was rather disturbing, and I did in fact begin to entertain all sorts of alarmist theories as to their cause. As so often occurs in these situations, I had become blind to the obvious — that is, until my pondering over the implications of Miss Kenton's letter finally opened my eyes to the simple truth: that these small errors of recent months have derived from nothing more sinister than a faulty staff plan.

It is, of course, the responsibility of every butler to devote his utmost care in the devising of a staff plan. Who knows how many quarrels, false accusations, unnecessary dismissals, how many promising careers cut short can be attributed to a butler's slovenliness at the stage of drawing up the staff plan? Indeed, I can say I am in agreement with those who say that the ability to draw up a good staff plan is the cornerstone of any decent butler's skills. I have myself devised many staff plans over the years, and I do not believe I am being unduly boastful if I say that very few ever needed amendment. And if in the present case the staff plan is at fault, blame can be

и заставила меня пересмотреть отношение к великодушному предложению хозяина. Тут, однако, требуется более подробное объяснение.

Дело в том, что за последние несколько месяцев я допустил ряд погрешностей при исполнении своих прямых обязанностей. Нужно сказать, что все эти погрешности сами по себе не заслуживают серьезного внимания. Тем не менее вам, полагаю, понятно, что у лица, не привыкшего допускать такие погрешности, подобное развитие событий вызвало известное беспокойство; пытаюсь установить причину ошибок, я и вправду начал придумывать разного рода панические объяснения, но, как часто бывает в таких случаях, проглядел очевидное. И только поразмыслив над письмом мисс Кентон, я прозрел и понял простую истину — все погрешности последних месяцев проистекают всего лишь из-за неверного распределения обязанностей между слугами.

Всякий дворецкий, само собой разумеется, несет ответственность за тщательнейшую разработку схемы распределения обязанностей. Кто сочтет, сколько раздоров, возведенной напраслины, необоснованных отказов от места, сколько загубленных в самом начале карьер следует отнести на счет небрежности дворецких при составлении схемы распределения обязанностей? Могу заявить, что я, безусловно, согласен с теми, для кого способность составить хорошую схему распределения обязанностей — краеугольный камень искусства приличного дворецкого. Мне за свою жизнь довелось составлять много таких схем, и я могу без ложной

laid at no one's door but my own. At the same time, it is only fair to point out that my task in this instance had been of an unusually difficult order.

What had occurred was this. Once the transactions were over — transactions which had taken this house out of the hands of the Darlington family after two centuries — Mr Farraday let it be known that he would not be taking up immediate residence here, but would spend a further four months concluding matters in the United States. In the meantime, however, he was most keen that the staff of his predecessor — a staff of which he had heard high praise — be retained at Darlington Hall. This 'staff' he referred to was, of course, nothing more than the skeleton team of six kept on by Lord Darlington's relatives to administer to the house up to and throughout the transactions; and I regret to report that once the purchase had been completed, there was little I could do for Mr Farraday to prevent all but Mrs Clements leaving for other employment. When I wrote to my new employer conveying my regrets at the situation, I received by reply from America instructions to recruit a new staff 'worthy of a grand old English house'. I immediately set about trying to fulfil Mr Farraday's wishes, but as you know, finding recruits of a satisfactory standard is no easy task nowadays, and although I was

скромности сказать, что лишь считанные из них приходилось впоследствии дорабатывать. И если в Дарлингтон-холле обязанности между слугами распределены неправильно, то вина за это ложится только на меня и ни на кого другого. Однако справедливости ради нужно отметить, что в данном случае мне пришлось столкнуться с беспримерно трудной задачей.

Но расскажу по порядку. Когда обе стороны пришли к соглашению и этот дом, два века принадлежавший семейству Дарлингтонов, перешел в другие руки, мистер Фаррадей сообщил, что не станет сразу же переселяться, а задержится в Соединенных Штатах еще на четыре месяца: покончить с делами. Между тем ему бы очень хотелось сохранить в Дарлингтон-холле штат, служивший при прежнем владельце, — штат, о котором он слышал много хорошего. Названный «штат» представлял собой всего-навсего рабочую группу из шести человек, которых наследники лорда Дарлингтона оставили следить за домом до завершения переговоров о продаже; к сожалению, сразу же по продаже все ушли, и единственное, что мне удалось сделать для мистера Фаррадея, — это уговорить остаться миссис Клементс. Я написал новому хозяину и извинился, что так получилось; в ответном письме он распорядился нанять новых слуг, «достойных великолепного старинного английского дома». Я постарался незамедлительно исполнить пожелание мистера Фаррадея, но, как вы знаете, в нынешние времена весьма нелегко подыскать новых слуг, удовлетворяющих принятым

pleased to hire Rosemary and Agnes on Mrs Clements's recommendation, I had got no further by the time I came to have my first business meeting with Mr Farraday during the short preliminary visit he made to our shores in the spring of last year. It was on that occasion — in the strangely bare study of Darlington Hall — that Mr Farraday shook my hand for the first time, but by then we were hardly strangers to each other; quite aside from the matter of the staff, my new employer in several other instances had had occasion to call upon such qualities as it may be my good fortune to possess and found them to be, I would venture, dependable.

So it was, I assume, that he felt immediately able to talk to me in a businesslike and trusting way, and by the end of our meeting, he had left me with the administration of a not inconsiderable sum to meet the costs of a wide range of preparations for his coming residency. In any case, my point is that it was during the course of this interview, when I raised the question of the difficulty of recruiting suitable staff in these times, that Mr Farraday, after a moment's reflection, made his request of me; that I do my best to draw up a staff plan — 'some sort of servants' rota' as he put it — by which this house might be run on the present staff of four — that is to say, Mrs Clements, the two young girls, and myself. This might, he appreciated, mean putting sections of the house 'under wraps', but would I bring all my experience and expertise to bear to ensure such losses were kept to a minimum? Recalling

требованиям. Я был рад нанять Розмари и Агнес по рекомендации миссис Клементс, однако больше никого не нашел вплоть до дня нашей первой деловой встречи с мистером Фаррадеем весной прошлого года, когда он ненадолго приезжал в Англию осмотреться. Именно в тот день мистер Фаррадей в непривычно пустом хозяйском кабинете Дарлингтон-холла впервые пожал мне руку, хотя к тому времени мы уже были достаточно наслышаны друг о друге: со слугами вышла незадача, но мой новый хозяин имел возможность и по другим поводам проверить способности, каковых я, по счастью, видимо, не лишен, и, рискну утверждать, нашел, что на них можно положиться.

По этой причине, как мне кажется, он сразу же смог вступить со мной в деловую доверительную беседу, а отбыв, оставить в моем распоряжении немалую сумму для оплаты расходов на разнообразные приготовления в связи с его предстоящим переселением в Дарлингтон-холл. Во всяком случае, я хочу сказать, что в ходе именно этого собеседования я затронул вопрос о трудностях найма в наше время подходящей прислуги; мистер Фаррадей немного подумал и попросил меня как-нибудь да изобрести такую схему распределения обязанностей («что-то вроде расписания дежурств прислуги», как он выразился), при которой для поддержания в доме порядка хватило бы наличного штата из четырех человек — миссис Клементс, двух юных горничных и меня самого. Он согласился, что для этого, вероятно, потребуется «зачехлить» какие-то помещения, но призвал ме-

a time when I had had a staff of seventeen under me, and knowing how not so long ago a staff of twenty-eight had been employed here at Darlington Hall, the idea of devising a staff plan by which the same house would be run on a staff of four seemed, to say the least, daunting. Although I did my best not to, something of my scepticism must have betrayed itself, for Mr Farraday then added, as though for reassurance, that were it to prove necessary, then an additional member of staff could be hired. But he would be much obliged, he repeated, if I could ‘give it a go with four’.

Now naturally, like many of us, I have a reluctance to change too much of the old ways. But there is no virtue at all in clinging as some do to tradition merely for its own sake. In this age of electricity and modern heating systems, there is no need at all to employ the sorts of numbers necessary even a generation ago. Indeed, it has actually been an idea of mine for some time that the retaining of unnecessary numbers simply for tradition’s sake — resulting in employees having an unhealthy amount of time on their hands — has been an important factor in the sharp decline in professional standards. Furthermore, Mr Farraday had made it clear that he planned to hold only very rarely the sort of large social occasions Darlington Hall had seen frequently in the past. I did then go about the task Mr Farraday had set me with some dedication; I spent many hours

ня использовать весь мой опыт и знания, чтобы этих помещений было по возможности меньше. Вспомнив о временах, когда под моим началом было семнадцать человек прислуги, и зная, что не столь уж давно штат Дарлингтон-холла насчитывал двадцать восемь человек, я подумал, что распределять обязанности таким образом, чтобы тот же самый дом обслуживали всего четверо, — дело, мягко говоря, неблагодарное. Я попытался скрыть обуревавшие меня сомнения, но, видимо, не вполне в этом преуспел, ибо мистер Фаррадей тут же добавил, как бы для ободрения, что при необходимости можно нанять еще человека. Однако, повторил он, ему бы очень хотелось, чтобы я постарался «управиться пока вчетвером».

Как многие коллеги, я, естественно, питаю неприязнь к основательным изменениям в заведенном порядке. Но в отличие от некоторых не вижу ничего хорошего и в приверженности традиции ради нее самой. В век электричества и современных отопительных систем нет ровным счетом никакой нужды держать столько слуг, сколько требовалось всего одно поколение назад. Больше того, я давно пришел к выводу, что раздувание служебного штата только ради поддержания традиции — а это ведет к тому, что избыток свободного времени развращает слуг, — является существенной причиной резкого падения уровня профессиональных стандартов. К тому же мистер Фаррадей дал ясно понять, что крайне редко намерен устраивать большие приемы вроде тех, какие в прошлом часто бывали в Дарлингтон-холле. Вот почему

working on the staff plan, and at least as many hours again thinking about it as I went about other duties or as I lay awake after retiring. Whenever I believed I had come up with something, I probed it for every sort of oversight, tested it through from all angles.

Finally, I came up with a plan which, while perhaps not exactly as Mr Farraday had requested, was the best, I felt sure, that was humanly possible. Almost all the attractive parts of the house could remain operative: the extensive servants' quarters — including the back corridor, the two still rooms and the old laundry — and the guest corridor up on the second floor would be dust-sheeted, leaving all the main ground-floor rooms and a generous number of guest rooms. Admittedly, our present team of four would manage this programme only with reinforcement from some daily workers; my staff plan therefore took in the services of a gardener, to visit once a week, twice in the summer, and two cleaners, each to visit twice a week. The staff plan would, furthermore, for each of the four resident employees mean a radical altering of our respective customary duties. The two young girls, I predicted, would not find such changes so difficult to accommodate, but I did all I could to see that Mrs Clements suffered the least adjustments, to the extent that I undertook for myself a number of duties which you may consider most broad-minded of a butler to do.

я со рвением взялся исполнять задание мистера Фаррадея: много часов просидел над схемой распределения обязанностей и уж никак не меньше времени потратил на ее обдумывание, пока выполнял другие свои обязанности или перед сном, отдыхая в постели после рабочего дня. Когда мне казалось, что решение найдено, я всякий раз тщательно проверял, не допустил ли какой оплошности, и рассматривал его со всех сторон.

Наконец я разработал схему, которая, вероятно, не вполне отвечала требованиям мистера Фаррадея, однако мне казалась лучшей из всех, какие можно придумать. Самая красивая часть дома сохранялась в рабочем состоянии; требовалось законсервировать обширные служебные помещения, включая задние комнаты, две кладовые и старую прачечную, а также комнаты для гостей на третьем этаже; весь первый этаж и изрядное число комнат для гостей оставались, таким образом, открытыми. Подразумевалось, что нынешний штат из четырех человек мог справиться со своими обязанностями лишь с помощью приходящей прислуги. Поэтому предложенная мною схема предусматривала услуги садовника один раз в неделю (летом — два раза) и двух уборщиц, занятых по два дня в неделю. Помимо этого, моя схема требовала радикального перераспределения обязанностей внутри постоянного штата из четырех человек. Я знал, что двум горничным нетрудно будет приспособиться к таким изменениям, но по мере сил постарался облегчить перемены для миссис Клементс — вплоть до того, что возложил на себя кое-

Even now, I would not go so far as to say it is a bad staff plan; after all, it enables a staff of four to cover an unexpected amount of ground. But you will no doubt agree that the very best staff plans are those which give clear margins of error to allow for those days when an employee is ill or for one reason or another below par. In this particular case, of course, I had been set a slightly extraordinary task, but I had nevertheless not been neglectful to incorporate 'margins' wherever possible. I was especially conscious that any resistance there may be on the part of Mrs Clements, or the two girls, to the taking on of duties beyond their traditional boundaries would be compounded by any notion that their workloads had greatly increased. I had then, over those days of struggling with the staff plan, expended a significant amount of thought to ensuring that Mrs Clements and the girls, once they had got over their aversion to adopting these more 'eclectic' roles, would find the division of duties stimulating and unburdensome.

I fear, however, that in my anxiety to win the support of Mrs Clements and the girls, I did not perhaps assess quite as stringently my own limitations; and although my experience and customary caution in such matters prevented my giving myself more than I could actually carry out, I was perhaps negligent

какие обязанности, исполнение которых, как вы можете догадаться, требует от дворецкого немалой терпимости.

Даже теперь я бы не стал утверждать, что схема дурна: в конце концов, она позволяет вчетвером справляться с невероятным объемом работы. Но вы, несомненно, согласитесь, что оптимальное распределение обязанностей должно учитывать возможность ошибок в случае болезни одного из слуг или иного нарушения нормального хода жизни и свести число этих ошибок до минимума. В данном конкретном случае передо мной, конечно, стояла несколько необычная задача, но я тем не менее не забыл определить указанный «минимум» там, где это было возможно. Меня особенно беспокоило, что миссис Клементс или горничные еще и не захотят браться за исполнение обязанностей, не положенных им по должности, укрепившись в этом своем нежелании мыслями о том, что их рабочая нагрузка существенно возрастает. Поэтому, мучительно размышляя над схемой, я упорно хотел добиться, чтобы миссис Клементс с горничными не только преодолели нежелание выступать в более «эклектичных» ролях, но и сочли для себя новое распределение обязанностей приятным и необременительным.

Боюсь, однако, что в стремлении получить поддержку у миссис Клементс и горничных я, видимо, не оценил столь же трезво свои собственные возможности; хотя опыт и привычная предусмотрительность в подобных делах не позволили мне брать на себя сверх того, что я был в состоянии

over this question of allowing myself a margin. It is not surprising then, if over several months, this oversight should reveal itself in these small but telling ways. In the end, I believe the matter to be no more complicated than this: I had given myself too much to do.

You may be amazed that such an obvious shortcoming to a staff plan should have continued to escape my notice, but then you will agree that such is often the way with matters one has given abiding thought to over a period of time; one is not struck by the truth until prompted quite accidentally by some external event. So it was in this instance; that is to say, my receiving the letter from Miss Kenton, containing as it did, along with its long, rather unrevealing passages, an unmistakable nostalgia for Darlington Hall, and — I am quite sure of this — distinct hints of her desire to return here, obliged me to see my staff plan afresh. Only then did it strike me that there was indeed a role that a further staff member could crucially play here; that it was, in fact, this very shortage that had been at the heart of all my recent troubles. And the more I considered it, the more obvious it became that Miss Kenton, with her great affection for this house, with her exemplary professionalism — the sort almost impossible to find nowadays — was just the factor needed to enable me to complete a fully satisfactory staff plan for Darlington Hall.

выполнить, я, вероятно, проявил небрежность и не предусмотрел для себя запаса свободного времени. Неудивительно поэтому, что на протяжении семи с лишним месяцев эта оплошность заявляет о себе мелкими, однако красноречивыми просчетами. Одним словом, я пришел к выводу, что все объясняется очень просто: я взвалил на себя слишком много.

Вы, пожалуй, удивитесь, как я мог не заметить столь очевидной оплошности при распределении обязанностей. Согласитесь, однако, что подобные вещи не редкость, если долго и упорно думаешь об одном и том же: истина открывается лишь тогда, когда на нее совершенно случайно наталкивают посторонние обстоятельства. Так было и в этот раз: письмо от мисс Кентон, в котором, при всех длинных и довольно невразумительных рассуждениях, звучали явная тоска по Дарлингтон-холлу и, в чем я абсолютно уверен, вполне определенное желание сюда вернуться, побудило меня взглянуть на распределение обязанностей свежим взглядом. И только тут до меня дошло, что нам, безусловно, нужен еще один человек, призванный сыграть поистине решающую роль; что к отсутствию этой штатной единицы и восходят все мои недавние трудности. Чем больше я над этим размышлял, тем очевиднее мне становилось, что мисс Кентон, с ее привязанностью к этому дому и образцовым знанием дела — по нынешним временам такое почти невозможно найти, — именно тот человек, который мне нужен, и без нее схема укомплектования Дарлингтон-холла обслужива-

Having made such an analysis of the situation, it was not long before I found myself reconsidering Mr Faraday's kind suggestion of some days ago. For it had occurred to me that the proposed trip in the car could be put to good professional use; that is to say, I could drive to the West Country and call on Miss Kenton in passing, thus exploring at first hand the substance of her wish to return to employment here at Darlington Hall. I have, I should make clear, re-read Miss Kenton's recent letter several times, and there is no possibility I am merely imagining the presence of these hints on her part.

For all that, I could not for some days quite bring myself to raise the matter again with Mr Faraday. There were, in any case, various aspects to the matter I felt I needed to clarify to myself before proceeding further. There was, for instance, the question of cost. For even taking into account my employer's generous offer to 'foot the bill for the gas', the costs of such a trip might still come to a surprising amount considering such matters as accommodation, meals, and any small snacks I might partake of on my way. Then there was the question of what sorts of costume were appropriate on such a journey, and whether or not it was worth my while to invest in a new set of clothes. I am in the possession of a number of splendid suits, kindly passed on to me over the years by Lord Darlington himself, and by various guests who have stayed in this house

ющим персоналом не сможет удовлетворять всем требованиям.

Проанализировав таким образом сложившуюся ситуацию, я снова вернулся к любезному предложению, которое мне за несколько дней до того сделал мистер Фэррадей. Мне пришло в голову, что эту автомобильную поездку можно прекрасно использовать в интересах дела, а именно: я мог бы по дороге к Западному побережью заодно навестить мисс Кентон и лично выяснить, с чем связано ее желание возобновить службу здесь, в Дарлингтон-холле. Следует пояснить, что я не перечитал последнее письмо мисс Кентон и не допускаю, чтобы намеки на это с ее стороны были просто плодом моего воображения.

При всем том я несколько дней не мог решиться снова заговорить об этом с мистером Фэррадеем. Во всяком случае, я чувствовал — тут есть много такого, что следует прояснить для себя самого, прежде чем предпринимать дальнейшие шаги. Например, проблема расходов. Даже с учетом щедрого предложения хозяина «оплатить бензин» такая поездка все равно грозит обернуться немалыми и непредвиденными тратами, если добавить ночевки в гостиницах, завтраки, ланчи и ужины, не говоря уж о том, что в дороге я просто могу захотеть перекусить. Опять же вопрос о костюме: какой именно подойдет для подобного путешествия и имеет ли смысл вкладывать деньги в приобретение новой пары? У меня достаточно прекрасных костюмов, каковые за многие годы достались мне от щедрот самого лорда Дарлингтона и различных

and had reason to be pleased with the standard of service here. Many of these suits are, perhaps, too formal for the purposes of the proposed trip, or else rather old-fashioned these days. But then there is one lounge suit, passed on to me in 1931 or 1932 by Sir Edward Blair — practically brand new at the time and almost a perfect fit — which might well be appropriate for evenings in the lounge or dining room of any guest houses where I might lodge. What I do not possess, however, is any suitable travelling clothes — that is to say, clothes in which I might be seen driving the car — unless I were to don the suit passed on by the young Lord Chalmers during the war, which despite being clearly too small for me, might be considered ideal in terms of tone. I calculated finally that my savings would be able to meet all the costs I might incur, and in addition, might stretch to the purchase of a new costume. I hope you do not think me unduly vain with regard to this last matter; it is just that one never knows when one might be obliged to give out that one is from Darlington Hall, and it is important that one be attired at such times in a manner worthy of one's position.

During this time, I also spent many minutes examining the road atlas, and perusing also the relevant volumes of Mrs Jane Symons's *The Wonder of England*. If you are not familiar with Mrs Symons's books — a series running to seven volumes, each one concentrating on one region of the British Isles — I heartily recommend them. They were written during the thirties, but much of it would still be up to

гостей, на которых уровень здешнего обслуживания произвел самое благоприятное впечатление. Многие из этих костюмов, возможно, слишком парадны для автомобильной поездки или же старомодны по нынешним временам. Впрочем, есть одна пиджачная пара, которую в 1931 или 1932 году мне подарил сэр Эдвард Блэр; тогда костюм выглядел как с иголки и сидел на мне почти по фигуре; в нем, пожалуй, вполне уместно появиться вечером в гостиной или столовой любого пансиона, где я мог бы остановиться. Чего у меня, однако, нет, так это подходящего дорожного костюма, то есть такого, в каком было бы не стыдно сидеть за рулем; вот разве надеть подаренный в войну молодым лордом Чалмерсом — этот костюм мне хоть и явно мал, но зато сшит безупречно. В конце концов я подсчитал, что мои сбережения позволяют покрыть все возможные дорожные расходы и в придачу купить новый костюм. Надеюсь, из-за этой покупки вы не сочтете меня человеком тщеславным; просто если обстоятельства заставят меня отрекомендоваться путешественником из Дарлингтон-холла, тут уж необходим костюм соответственно занимаемому положению.

В те дни я также провел немало минут над дорожными картами и проштудировал соответствующие тома «Чудес Англии» миссис Джейн Симонс. Если вы не читали книг миссис Симонс — всего семь, каждая посвящена одному району Британских островов, — горячо их рекомендую. Написаны они в тридцатые годы, но во многом не устарели и сегодня: в конце концов, немецкие бомбы,

date — after all, I do not imagine German bombs have altered our countryside so significantly. Mrs Symons was, as a matter of fact, a frequent visitor to this house before the war; indeed, she was among the most popular as far as the staff were concerned due to the kind appreciation she never shied from showing. It was in those days, then, prompted by my natural admiration for the lady, that I had first taken to perusing her volumes in the library whenever I had an odd moment. Indeed, I recall that shortly after Miss Kenton's departure to Cornwall in 1936, myself never having been to that part of the country, I would often glance through Volume III of Mrs Symons's work, the volume which describes to readers the delights of Devon and Cornwall, complete with photographs and — to my mind even more evocative — a variety of artists' sketches of that region. It was thus that I had been able to gain some sense of the sort of place Miss Kenton had gone to live her married life. But this was, as I say, back in the thirties, when as I understand, Mrs Symons's books were being admired in houses up and down the country. I had not looked through those volumes for many years, until these recent developments led me to get down from the shelf the Devon and Cornwall volume once more. I studied all over again those marvellous descriptions and illustrations, and you can perhaps understand my growing excitement at the notion that I might now actually undertake a motoring trip myself around that same part of the country.

It seemed in the end there was little else to do but actually to raise the matter again with Mr Farraday.

думается, не изменили нашу провинцию столь уж неузнаваемо. Кстати, до войны миссис Симонс часто гостила в этом доме и даже была в числе тех, кто пользовался у слуг особым расположением, поскольку не стеснялась выказывать им свою признательность. Тогда-то я, питая к этой даме чувство вполне понятного восхищения, и приохотился читать ее книги в библиотеке, как только выпадала свободная минутка. Помнится, вскоре после отъезда мисс Кентон в Корнуолл в 1936 году я часто просматривал том III труда миссис Симонс, в котором перед читателем предстают красоты Девона и Корнуолла в сопровождении фотографий и, что, на мой взгляд, еще более впечатляет, разнообразных рисунков этого края. Таким образом я смог составить определенное представление о местах, куда мисс Кентон перебралась жить с мужем и где сам я никогда не бывал. Но все это, как я говорил, было еще в тридцатые, когда, если не ошибаюсь, книги миссис Симонс пользовались успехом в родовитых домах и на севере, и на юге. Много лет я не заглядывал в эти тома, однако новые обстоятельства побудили меня еще раз снять с полки том про Девон с Корнуоллом и вновь погрузиться в эти чудесные описания и разглядывание иллюстраций. Представьте себе, как я радовался и волновался при мысли, что теперь и сам смогу предпринять автомобильную поездку по тем краям.

В конце концов мне, похоже, не осталось ничего другого, как снова поднять тему поездки в разго-

There was always the possibility, of course, that his suggestion of a fortnight ago may have been a whim of the moment, and he would no longer be approving of the idea. But from my observation of Mr Farraday over these months, he is not one of those gentlemen prone to that most irritating of traits in an employer — inconsistency. There was no reason to believe he would not be as enthusiastic as before about my proposed motoring trip — indeed, that he would not repeat his most kind offer to ‘foot the bill for the gas’. Nevertheless, I considered most carefully what might be the most opportune occasion to bring the matter up with him; for although I would not for one moment, as I say, suspect Mr Farraday of inconsistency, it nevertheless made sense not to broach the topic when he was preoccupied or distracted. A refusal in such circumstances may well not reflect my employer’s true feelings on the matter, but once having sustained such a dismissal, I could not easily bring it up again. It was clear, then, that I had to choose my moment wisely.

In the end, I decided the most prudent moment in the day would be as I served afternoon tea in the drawing room. Mr Farraday will usually have just returned from his short walk on the downs at that point, so he is rarely engrossed in his reading or writing as he tends to be in the evenings. In fact, when I bring in the afternoon tea, Mr Farraday is

воре с мистером Фаррадеем. Я, разумеется, не исключал, что его предложение двухнедельной давности могло быть продиктовано минутным капризом и он уже отказался от этой идеи. Но, по моим наблюдениям последних месяцев, мистер Фаррадей не принадлежит к джентльменам, склонным к проявлению самого неприятного из свойств, которое только может быть у хозяина, — непоследовательности. Не было никаких оснований считать, что на сей раз он менее благосклонно отнесется к им же предложенной автомобильной поездке, больше того, что не повторит своего весьма щедрого предложения «оплатить бензин». Тем не менее я всесторонне обдумал, по какому случаю удобней всего заговорить с ним на эту тему; хотя, как было сказано, мне бы и в голову не пришло заподозрить мистера Фаррадея в непоследовательности, однако же представлялось разумным не касаться проблемы, когда он занят или думает совсем о другом. В подобных обстоятельствах отказ вполне мог и не отражать истинного отношения хозяина к существу дела, но после отрицательного ответа мне было бы нелегко еще раз вернуться к этой теме. Отсюда со всей очевидностью следовало, что нужно осмотрительно подгадать момент.

В конце концов я решил, что самое удобное время — когда я днем подаю ему в гостиную чай. Обычно к этому часу мистер Фаррадей возвращается с короткой прогулки по дюнам и редко сразу же садится читать или писать, обычно он занимается этим по вечерам. Вообще-то, когда я вхожу с подносом, мистер Фаррадей имеет обыкновение

inclined to close any book or periodical he has been reading, rise and stretch out his arms in front of the windows, as though in anticipation of conversation with me.

As it was, I believe my judgement proved quite sound on the question of timing; the fact that things turned out as they did is entirely attributable to an error of judgement in another direction altogether. That is to say, I did not take sufficient account of the fact that at that time of the day, what Mr Farraday enjoys is a conversation of a light-hearted, humorous sort. Knowing this to be his likely mood when I brought in the tea yesterday afternoon, and being aware of his general propensity to talk with me in a bantering tone at such moments, it would certainly have been wiser not to have mentioned Miss Kenton at all. But you will perhaps understand that there was a natural tendency on my part, in asking what was after all a generous favour from my employer, to hint that there was a good professional motive behind my request. So it was that in indicating my reasons for preferring the West Country for my motoring, instead of leaving it at mentioning several of the alluring details as conveyed by Mrs Symons's volume, I made the error of declaring that a former housekeeper of Darlington Hall was resident in that region. I suppose I must have been intending to explain to Mr Farraday how I would thus be able to explore an option which might prove the ideal solution to our present small problems here in this house. It was only after I had mentioned Miss Kenton that I suddenly realized how entirely inap-

закрывать книгу или журнал, если до этого читал, вставать, подходить к окнам и потягиваться, словно предвкушая забавный разговор.

Как бы там ни было, я полагаю, что абсолютно точно рассчитал подходящее время, и если все обернулось так, как оно обернулось, то в этом целиком и полностью виновата допущенная мною ошибка — я не учел совсем другого фактора. То есть не придавал должного значения тому, что в этот час суток мистер Фаррадей любит беседовать в непринужденных, шуточных тонах. Зная за ним эту склонность и отдавая себе отчет в его предрасположенности к подтруниванию надо мной в такие минуты, я не должен был бы, конечно, вообще упоминать про мисс Кентон, когда вчера принес ему чай. Но прошу принять во внимание, что я, в конце концов, обращался к хозяину с просьбой о щедрой милости, а потому, естественно, хотел намекнуть, что эта просьба продиктована вполне профессиональными соображениями. Вот так и вышло, что я принялся объяснять, почему решил съездить в западные графства, и вместо того, чтобы ограничиться упоминанием о заманчивых достопримечательностях, описанных миссис Симонс, необдуманно заявил, что в тех краях проживает бывшая экономка Дарлингтон-холла. Вероятно, дальше я собирался сказать мистеру Фаррадею, что таким образом получаю возможность проработать вариант, каковой мог бы стать идеальным решением возникших в доме небольших затруднений. Но только я произнес имя мисс

propriate it would be for me to continue. Not only was I unable to be certain of Miss Kenton's desire to rejoin the staff here, I had not, of course, even discussed the question of additional staff with Mr Farraday since that first preliminary meeting over a year ago. To have continued pronouncing aloud my thoughts on the future of Darlington Hall would have been, to say the very least, presumptuous. I suspect, then, that I paused rather abruptly and looked a little awkward. In any case, Mr Farraday seized the opportunity to grin broadly at me and say with some deliberation:

‘My, my, Stevens. A lady-friend. And at your age.’

This was a most embarrassing situation, one in which Lord Darlington would never have placed an employee. But then I do not mean to imply anything derogatory about Mr Farraday; he is, after all, an American gentleman and his ways are often very different. There is no question at all that he meant any harm; but you will no doubt appreciate how uncomfortable a situation this was for me.

‘I'd never have figured you for such a lady's man, Stevens,’ he went on. ‘Keeps the spirit young, I guess. But then I really don't know it's right for me to be helping you with such dubious assignments.’

Naturally, I felt the temptation to deny immediately and unambiguously such motivations as my employer was imputing to me, but saw in time that to do so would be to rise to Mr Farraday's bait, and

Кентон, как до меня внезапно дошло, что распространяться на эту тему в высшей степени неуместно. Мало того что я не мог быть уверен в согласии мисс Кентон к нам возвратиться — я, разумеется, со времени предварительной нашей беседы больше года тому назад ни разу не поднимал перед мистером Фаррадеем вопроса о дополнительной штатной единице. Высказывать свои соображения о будущем Дарлингтон-холла было бы в этих обстоятельствах, мягко говоря, весьма самонадеянно с моей стороны. Боюсь, я довольно внезапно замолк и несколько растерялся. Во всяком случае, мистер Фаррадей воспользовался случаем, широко ухмыльнулся и произнес, растягивая слова:

— Ай-ай-ай, Стивенс. Так вы у нас женолюб — в ваши-то годы.

В высшей степени неудобное положение, лорд Дарлингтон никогда бы не поставил в такое слугу. Я не хочу сказать о мистере Фаррадее ничего плохого — в конце-то концов, он американский джентльмен и часто ведет себя не так, как английский. Он не думал меня обидеть, об этом не может быть и речи, но вы-то, конечно, представляете, до чего мне было неловко.

— Вот уж не подозревал, Стивенс, что вы у нас такой женолюб, — продолжал он. — Помогает душой не стареть, верно? Право, не знаю, стоит ли потворствовать вам в столь сомнительной затее.

Меня, понятно, одолевало искушение тут же, на месте, самым недвусмысленным образом отмежеваться от побуждений, какие он мне приписывал, но я вовремя сообразил, что это значило бы

the situation would only become increasingly embarrassing. I therefore continued to stand there awkwardly, waiting for my employer to give me permission to undertake the motoring trip.

Embarrassing as those moments were for me, I would not wish to imply that I in any way blame Mr Farraday, who is in no sense an unkind person; he was, I am sure, merely enjoying the sort of bantering which in the United States, no doubt, is a sign of a good, friendly understanding between employer and employee, indulged in as a kind of affectionate sport. Indeed, to put things into a proper perspective, I should point out that just such bantering on my new employer's part has characterized much of our relationship over these months — though I must confess, I remain rather unsure as to how I should respond. In fact, during my first days under Mr Farraday, I was once or twice quite astounded by some of the things he would say to me. For instance, I once had occasion to ask him if a certain gentleman expected at the house was likely to be accompanied by his wife.

God help us if she does come,' Mr Farraday replied. 'Maybe you could keep her off our hands, Stevens. Maybe you could take her out to one of those stables around Mr Morgan's farm. Keep her entertained in all that hay. She may be just your type.'

попасться мистеру Фаррадею на удочку и усугубить и без того неприятное положение. Поэтому я продолжал стоять перед ним, сгорая от неловкости, и ждал, когда же он разрешит обещанную поездку.

При том, что я пришел тогда в немалое замешательство, мне не хотелось бы быть превратно понятым. Я никоим образом не виню мистера Фаррадея, которого никак нельзя назвать человеком недобрым. Я уверен, что и в тот раз он всего лишь забавлялся, шутил, что в Соединенных Штатах такое подтрунивание, несомненно, свидетельствует о добром, дружеском взаимопонимании между хозяином и слугой и ему предаются как своего рода сердечной потехе. Дабы представить вещи в их истинном свете, я должен сказать, что мои отношения с новым хозяином на протяжении всех этих месяцев были отмечены именно такими розыгрышами с его стороны, хотя, должен признаться, мне так и не ясно, как на них реагировать. Честно говоря, в первые дни пребывания мистера Фаррадея в Дарлингтон-холле его слова иной раз просто-напросто ставили меня в тупик. Так, однажды мне понадобилось спросить у него, прибудет ли джентльмен, которого ждали в гости, вместе с супругой.

— Боже упаси, — ответил мистер Фаррадей. — Но если она все-таки явится, не могли бы вы, Стивенс, избавить нас от нее? Сводили бы, скажем, в какой-нибудь хлев, их полно в усадьбе у мистера Моргана. Порезвились бы с ней на сене. Вдруг окажется, что она в вашем вкусе.

For a moment or two, I had not an idea what my employer was saying. Then I realized he was making some sort of joke and endeavoured to smile appropriately, though I suspect some residue of my bewilderment, not to say shock, remained detectable in my expression.

Over the following days, however, I came to learn not to be surprised by such remarks from my employer, and would smile in the correct manner whenever I detected the bantering tone in his voice. Nevertheless, I could never be sure exactly what was required of me on these occasions. Perhaps I was expected to laugh heartily; or indeed, reciprocate with some remark of my own. This last possibility is one that has given me some concern over these months, and is something about which I still feel undecided. For it may well be that in America, it is all part of what is considered good professional service that an employee provide entertaining banter. In fact, I remember Mr Simpson, the landlord of the Ploughman's Arms, saying once that were he an American bartender, he would not be chatting to us in that friendly, but ever-courteous manner of his, but instead would be assaulting us with crude references to our vices and failings, calling us drunks and all manner of such names, in his attempt to fulfil the role expected of him by his customers. And I recall also some years ago, Mr Rayne, who travelled to America as valet to Sir Reginald Mauvis, remarking that a taxi driver in New York regularly addressed his fare in a manner which if repeated in London

Поначалу я не уразумел, о чем это он. Потом сообразил, что хозяин изволит шутить, и попытался соответственно улыбнуться, но, боюсь, легкая тень замешательства, чтобы не сказать потрясения, промелькнула у меня на лице.

Потом, однако, я научился принимать хозяйские шутки подобного рода как должное и улыбался положенным образом всякий раз, как улавливал в его голосе подтрунивание. Тем не менее я так и не понял, что именно требуется от меня в таких случаях. Возможно, от всей души рассмеяться или даже подбросить в ответ уместную реплику. Последняя мысль беспокоит меня вот уже несколько месяцев, но я так и не пришел к определенному решению. Отнюдь не исключено, что в Америке умение быть всегда наготове с остроумным ответом входит в число достоинств образцового слуги в их, американском, понимании. Да вот же, помнится, мистер Симпсон, хозяин «Герба пахаря», как-то сказал, что, будь он барменом в Америке, не болтал бы он с нами по-дружески, хотя и уважительно, но грубо тыкал бы носом в наши пороки и недостатки, обзывал бы пьянчугами и еще похлеще, а то бы не справился с ролью и не оправдал ожиданий клиентов. Еще вспоминаю, как несколько лет назад мистер Рейн, который ездил в Америку камердинером при сэре Реджинальде Мовисе, заметил, что нью-йоркский таксист в разговорах с пассажирами запросто употребляет такие выражения, что, повтори он их в Лондоне, де-

would end in some sort of fracas, if not in the fellow being frogmarched to the nearest police station.

It is quite possible, then, that my employer fully expects me to respond to his bantering in a like manner, and considers my failure to do so a form of negligence. This is, as I say, a matter which has given me much concern. But I must say this business of bantering is not a duty I feel I can ever discharge with enthusiasm. It is all very well, in these changing times, to adapt one's work to take in duties not traditionally within one's realm; but bantering is of another dimension altogether. For one thing, how would one know for sure that at any given moment a response of the bantering sort is truly what is expected? One need hardly dwell on the catastrophic possibility of uttering a bantering remark only to discover it wholly inappropriate.

I did though on one occasion not long ago pluck up the courage to attempt the required sort of reply. I was serving Mr Farraday morning coffee in the breakfast room when he had said to me:

'I suppose it wasn't you making that crowing noise this morning, Stevens?'

My employer was referring, I realized, to a pair of gypsies gathering unwanted iron who had passed by earlier making their customary calls. As it happened, I had that same morning been giving thought to the dilemma of whether or not I was expected to reciprocate my employer's bantering, and had been

ло кончилось бы скандалом, а то еще сволокли бы голубчика в ближайший полицейский участок.

В свете этого вполне вероятно, что хозяин, подтрунивая надо мной, искренне рассчитывает, что я ему подыграю, а мою неспособность к этому рассматривает как своего рода служебное упущение. Я уже говорил, что эта проблема изрядно меня беспокоит. Однако боюсь, что подыгрывание не относится к тем служебным обязанностям, каковые я способен исполнять с воодушевлением. Приспособиться к новым обязанностям, исконно не входящим в круг моей деятельности, — еще куда ни шло по нынешним переменчивым временам, но подыгрывание и подтрунивание — это совершенно другая область. Начать с того, что никогда не скажешь наверняка: как раз сейчас от тебя и ждут этого самого подыгрывания. А о чудовищной вероятности промаха — отпустишь шутливое замечание и сразу поймешь, насколько оно неуместно, — и говорить не приходится.

И однако не так давно я набрался-таки смелости и попробовал ответить хозяину надлежащим образом. Как-то утром я подавал мистеру Фаррадею кофе в малой столовой и он обратился ко мне:

— Надеюсь, Стивенс, это не вы спозаранку раскаркались, как ворона, у меня под окнами?

Я понял, что хозяин имеет в виду двух цыган, собиравших старое железо, — те прошли мимо дома рано утром, выкликая по своему обыкновению: «Кастрюль берем-покупаем». Случилось так, что в то утро я как раз ломал голову над вопросом, ждут или нет от меня подыгрывания господским

seriously worried at how he might be viewing my repeated failure to respond to such openings. I therefore set about thinking of some witty reply; some statement which would still be safely inoffensive in the event of my having misjudged the situation. After a moment or two, I said:

More like swallows than crows, I would have said, sir. From the migratory aspect.'

And I followed this with a suitably modest smile to indicate without ambiguity that I had made a witticism, since I did not wish Mr Farraday to restrain any spontaneous mirth he felt out of a misplaced respectfulness.

Mr Farraday, however, simply looked up at me and said:

'I beg your pardon, Stevens?'

Only then did it occur to me that, of course, my witticism would not be easily appreciated by someone who was not aware that it was gypsies who had passed by. I could not see, then, how I might press on with this bantering; in fact, I decided it best to call a halt to the matter and, pretending to remember something I had urgently to attend to, excused myself, leaving my employer looking rather bemused.

It was, then, a most discouraging start to what may in fact be an entirely new sort of duty required of me; so discouraging that I must admit I have not really made further attempts along these lines. But at the same time, I cannot escape the feeling that Mr Farraday is not satisfied with my responses to his various banterings. Indeed, his increased per-

шуткам, и всерьез растревожился, прикинув, что в этом отношении подводил хозяина не раз и не два и что он может обо мне подумать. Поэтому я принялся ломать голову над остроумным ответом, таким, который прозвучал бы вполне невинно и в том случае, если б я неверно оценил положение. Подумав, я сказал:

— Я бы скорей повел речь о ласточках, чем о воронах, сэр. Как-никак — перелетные птицы.

Эту фразу я сопровождал легкой улыбкой, недвусмысленно дав понять, что сострил: не хотелось бы, чтобы мистер Фаррадей подавил взрыв непринужденного смеха из-за моей неуместной почтительности.

Но мистер Фаррадей только взглянул на меня и спросил:

— Что-что, Стивенс?

И лишь тут до меня дошло — разумеется, мою остроту трудно оценить человеку, не знающему, что это были цыгане. В такой ситуации я не увидел возможности продолжить обмен остроумными репликами, больше того, счел за благо поставить точку и, притворившись, что вспомнил о каком-то неотложном деле, поспешил удалиться, оставив хозяина несколько озадаченным.

Таким образом, первая попытка исполнить то, что вполне могло бы стать для меня совершенно новой формой служебных обязанностей, закончилась весьма обескураживающе; и даже настолько обескураживающе что, признаюсь, я больше не отваживался на попытки такого рода. Однако же меня гнетут опасения: вдруг мистер Фаррадей

sistence of late may even be my employer's way of urging me all the more to respond in a like-minded spirit. Be that as it may, since that first witticism concerning the gypsies, I have not been able to think of other such witticisms quickly enough.

Such difficulties as these tend to be all the more preoccupying nowadays because one does not have the means to discuss and corroborate views with one's fellow professionals in the way one once did. Not so long ago, if any such points of ambiguity arose regarding one's duties, one had the comfort of knowing that before long some fellow professional whose opinion one respected would be accompanying his employer to the house, and there would be ample opportunity to discuss the matter. And of course, in Lord Darlington's days, when ladies and gentlemen would often visit for many days on end, it was possible to develop a good understanding with visiting colleagues. Indeed, in those busy days, our servants' hall would often witness a gathering of some of the finest professionals in England talking late into the night by the warmth of the fire. And let me tell you, if you were to have come into our servants' hall on any of those evenings, you would not have heard mere gossip; more likely, you would have witnessed debates over the great affairs preoccupying our employers upstairs, or else over matters of import reported in the newspapers; and of course, as fellow professionals from all walks of life are wont to do when gathered together, we could be found

недоволен реакцией с моей стороны на его подтрунивания? А то, что в последнее время они участвовали, можно даже воспринимать как настойчивое его стремление вопреки всему добиться от меня подыгрывания в нужном духе. Как бы там ни было, но после той первой остроты касаясь цыганя ни разу не сумел быстро найтись с другой.

В наши дни такие затруднения тем более удручают, что нет возможности обсудить их и обменяться взглядами с коллегами по профессии, как бывало в свое время. Не так уж давно, если возникали похожие сомнения относительно своих обязанностей, можно было успокаивать себя мыслью о том, что вскорости кто-нибудь из уважаемых коллег обязательно прибудет в Дарлингтон-холл со своим хозяином и мы основательно обсудим это дело. Ну и конечно, во времена лорда Дарлингтона, когда дамы и господа гостевали у нас по многу дней кряду, было нетрудно достигнуть с прибывающими коллегами полного взаимопонимания. Воистину, в те хлопотные дни у нас в лакейской часто собирался самый цвет нашей профессии со всей Англии, и за беседами мы, бывало, просиживали у пылающего камина далеко за полночь. Уверяю вас — если б вы появились в лакейской в один из таких вечеров, вы бы услышали не просто сплетни, а, скорее всего, стали бы свидетелем споров о великих делах, которыми наверху были заняты наши хозяева, или о важных событиях, о которых писали газеты; и, разумеется, мы были бы поглощены, как то пристало коллегам по службе на всякой жизненной стезе, все-

discussing every aspect of our vocation. Sometimes, naturally, there would be strong disagreements, but more often than not, the atmosphere was dominated by a feeling of mutual respect.

Perhaps I will convey a better idea of the tone of those evenings if I say that regular visitors included the likes of Mr Harry Graham, valet-butler to Sir James Chambers, and Mr John Donalds, valet to Mr Sydney Dickenson. And there were others less distinguished, perhaps, but whose lively presence made any visit memorable; for instance, Mr Wilkinson, valet-butler to Mr John Campbell, with his well-known repertoire of impersonations of prominent gentlemen; Mr Davidson from Easterly House, whose passion in debating a point could at times be as alarming to a stranger as his simple kindness at all other times was endearing; Mr Herman, valet to Mr John Henry Peters, whose extreme views no one could listen to passively, but whose distinctive belly-laugh and Yorkshire charm made him impossible to dislike. I could go on. There existed in those days a true camaraderie in our profession, whatever the small differences in our approach. We were all essentially cut from the same cloth, so to speak. Not the way it is today, when on the rare occasion an employee accompanies a guest here, he is likely to be some newcomer who has little to say about anything other than Association Football, and who prefers to pass the evening not by the fire of the servants' hall, but drinking at the Ploughman's Arms — or indeed, as seems increasingly likely nowadays, at the Star Inn.

сторонним обсуждением чисто профессиональных проблем. Порой, естественно, мнения резко расходились, но большей частью среди нас царил дух глубокого взаимного уважения.

Чтобы вы лучше представили себе атмосферу таких собраний, упомяну, скажем, о том, что среди их постоянных участников были мистер Гарри Грэм, дворецкий-камердинер сэра Джеймса Чемберса, мистер Джон Доналдс, камердинер мистера Сиднея Дикенсона, и им подобные. Бывали и другие лица, вероятно не столь видные, однако они вносили в компанию оживление, что и делало их приезд событием достопамятным. К примеру, мистер Уилкинсон, дворецкий-камердинер мистера Джона Кемпбелла, известный тем, что блестяще изображал выдающихся джентльменов; мистер Дэвидсон из Истерли-хауса — он, бывало, отставлял свою точку зрения с таким пылом, что человек посторонний мог даже испугаться, но во всех прочих отношениях располагал к себе простотой и благожелательностью; мистер Герман, камердинер мистера Джона Генри Питерса, — его крайние взгляды всегда вызывали на спор, однако же нельзя было не полюбить его за характерный утробный смех и йоркширское обаяние. И это далеко не все. В те дни среди лиц нашей профессии, при всех незначительных расхождениях в подходах, царило доброе товарищество. В основе своей все мы, образно говоря, были слеплены из одного теста. Теперь совсем не то: если редкий гость и берет с собою слугу, последний, скорее всего, оказывается человеком приедем; с таким не о чем говорить,

I mentioned a moment ago Mr Graham, the valet-butler to Sir James Chambers. In fact, some two months ago, I was most happy to learn that Sir James was to visit Darlington Hall. I looked forward to the visit not only because visitors from Lord Darlington's days are most rare now — Mr Farraday's circle, naturally, being quite different from his lordship's — but also because I presumed Mr Graham would accompany Sir James as of old, and I would thus be able to get his opinion on this question of bantering. I was, then, both surprised and disappointed to discover a day before the visit that Sir James would be coming alone. Furthermore, during Sir James's subsequent stay, I gathered that Mr Graham was no longer in Sir James's employ; indeed that Sir James no longer employed any full-time staff at all. I would like to have discovered what had become of Mr Graham, for although we had not known each other well, I would say we had got on on those occasions we had met. As it was, however, no suitable opportunity arose for me to gain such information. I must say, I was rather disappointed, for I would like to have discussed the bantering question with him.

However, let me return to my original thread. I was obliged, as I was saying, to spend some un-

разве что о футболе, а вечера он предпочитает коротать не в лакейской у камина, а за выпивкой в «Гербе пахаря» или даже — что встречается нынче все чаще — в «Звездном подворье».

Я вот упомянул мистера Грэма, дворецкого-камердинера сэра Джеймса Чемберса. Могу сообщить, что месяца два назад меня порадовало известие о предстоящем приезде в Дарлингтон-холл сэра Джеймса. Я с нетерпением ждал этого не только потому, что гости лорда Дарлингтона крайне редко бывают гостями теперешнего хозяина — окружение мистера Фаррадея, понятно, совсем иное, чем окружение его светлости, — но еще и по той причине, что предполагал: мистер Грэм будет сопровождать сэра Джеймса, как в доброе старое время, и я смогу обсудить с ним проблему подыгрывания. Поэтому я был и удивлен, и огорчен, узнав накануне приезда сэра Джеймса, что тот прибывает один. Больше того, за время пребывания сэра Джеймса в доме я пришел к выводу, что мистер Грэм уже не находится в услужении у сэра Джеймса, каковой вообще не держит теперь постоянной прислуги. Мне хотелось узнать о судьбе мистера Грэма, ибо хотя мы и не были близко знакомы, однако, я бы сказал, прекрасно ладили при встречах. К сожалению, обстоятельства сложились так, что разузнать о нем мне не выпало подходящего случая. Должен признаться, я несколько огорчился, ибо надеялся потолковать с ним о проблеме подыгрывания.

Однако возвратимся к нашему повествованию. Как я уже говорил, вчера мне пришлось пережить

comfortable minutes standing in the drawing room yesterday afternoon while Mr Farraday went about his bantering. I responded as usual by smiling slightly — sufficient at least to indicate that I was participating in some way with the good-humouredness with which he was carrying on — and waited to see if my employer's permission regarding the trip would be forthcoming. As I had anticipated, he gave his kind permission after not too great a delay, and furthermore, Mr Farraday was good enough to remember and reiterate his generous offer to 'foot the bill for the gas'.

So then, there seems little reason why I should not undertake my motoring trip to the West Country. I would of course have to write to Miss Kenton to tell her I might be passing by; I would also need to see to the matter of the costumes. Various other questions concerning arrangements here in the house during my absence will need to be settled. But all in all, I can see no genuine reason why I should not undertake this trip.

в гостиной несколько неприятных минут, пока мистер Фаррадей надо мной подтрунивал. В ответ я, как обычно, улыбался — не широко, но ровно настолько, чтобы показать, что на свой лад принимаю участие в шутке и отношусь к ней так же добродушно, как и сам хозяин; в то же время я ждал, даст ли мистер Фаррадей разрешение на поездку. Как я и предполагал, разрешение было милостиво дано, и довольно быстро; больше того, мистер Фаррадей был настолько любезен, что вспомнил и подтвердил свое щедрое предложение «оплатить бензин».

Итак, сейчас я не вижу разумных оснований к тому, чтобы отказаться от автопоездки в западные графства. Разумеется, надо будет написать мисс Кентон и уведомить, что по пути я мог бы к ней завернуть; предстоит также решить вопрос о костюмах. Понадобится утрясти и еще кое-что в связи с надзором за домом на время моего отсутствия. При всем том я не вижу, однако, серьезных причин отказываться от этой поездки.

Day one • evening

SALISBURY

Tonight, I find myself here in a guest house in the city of Salisbury. The first day of my trip is now completed, and all in all, I must say I am quite satisfied. This expedition began this morning almost an hour later than I had planned, despite my having completed my packing and loaded the Ford with all necessary items well before eight o'clock. What with Mrs Clements and the girls also gone for the week, I suppose I was very conscious of the fact that once I departed, Darlington Hall would stand empty for probably the first time this century — perhaps for the first time since the day it was built. It was an odd feeling and perhaps accounts for why I delayed my departure so long, wandering around the house many times over, checking one last time that all was in order.

It is hard to explain my feelings once I did finally set off. For the first twenty minutes or so of motoring, I cannot say I was seized by any excitement or anticipation at all. This was due, no doubt, to the fact that though I motored further and further from

День первый — вечер СОЛСБЕРИ

Итак, нынче вечером я уже в Солсбери. Остановился в пансионе. Первый день поездки подошел к концу, и, должен сказать, в общем и целом я им вполне доволен. Я выехал утром почти на час позже задуманного, хотя покончил со сборами и загрузил в «форд» все необходимое задолго до восьми часов. Миссис Клементс и девушки тоже разъехались на неделю, и я отдавал себе полный отчет в том, что с моим отбытием Дарлингтон-холл опустеет, вероятно, впервые за нынешнее столетие, а быть может, впервые со дня своего основания. Странное то было ощущение; им-то, возможно, и объясняется, почему я долго тянул с отъездом и несколько раз обошел весь дом, в последний раз убеждаясь, что все в полном порядке.

Трудно передать мои чувства, когда я наконец тронулся в путь. Не скажу, чтобы в первые двадцать минут поездки я испытал какое-то там волнение или радость. Объясняется это, несомненно, тем, что, хоть я с каждой секундой и отдалялся

the house, I continued to find myself in surroundings with which I had at least a passing acquaintance. Now I had always supposed I had travelled very little, restricted as I am by my responsibilities in the house, but of course, over time, one does make various excursions for one professional reason or another, and it would seem I have become much more acquainted with those neighbouring districts than I had realized. For as I say, as I motored on in the sunshine towards the Berkshire border, I continued to be surprised by the familiarity of the country around me.

But then eventually the surroundings grew unrecognizable and I knew I had gone beyond all previous boundaries. I have heard people describe the moment, when setting sail in a ship, when one finally loses sight of the land. I imagine the experience of unease mixed with exhilaration often described in connection with this moment is very similar to what I felt in the Ford as the surroundings grew strange around me. This occurred just after I took a turning and found myself on a road curving around the edge of a hill. I could sense the steep drop to my left, though I could not see it due to the trees and thick foliage that lined the roadside. The feeling swept over me that I had truly left Darlington Hall behind, and I must confess I did feel a slight sense of alarm — a sense aggravated by the feeling that I was perhaps not on the correct road at all, but speeding off in totally the wrong direction into a wilderness. It was only the feeling of a moment, but it caused me to slow down. And even when I had assured myself

от дома, местность, по крайней мере, оставалась знакомой. Я всегда считал, что очень мало поездил, ибо обязанности по дому ограничивали мое передвижение, но, разумеется, за долгие годы мне доводилось совершать разные вылазки по той или иной служебной надобности, и я, как выяснилось, знал окрестности много лучше, чем мог предполагать. Итак, я ехал под ясным небом в сторону беркширской границы и, как уже было сказано, не переставал удивляться, насколько все вокруг мне знакомо.

В конце концов, однако, я перестал узнавать местность и понял, что так далеко еще никогда не забирался. Я слышал рассказы людей, кто плавал под парусом, о той минуте, когда берег пропадает из виду. Думаю, та смесь легкой тревоги и возбуждения, о которой говорят применительно к этой минуте, весьма напоминает мои ощущения за рулем, когда пошли незнакомые места. Это случилось после того, как я свернул на развилке и выехал на дорогу, огибающую выступ холма. Я почувствовал, что слева от обочины склон круто обрывается вниз, хотя из-за деревьев и густого кустарника этого не было видно. До меня внезапно дошло, что Дарлингтон-холл и вправду остался позади. Должен признаться, я таки ощутил легкую панику, которую еще усугубило опасение, что я, чего доброго, свернул не там и забираюсь куда-то в глушь. То было всего лишь мимолетное чувство, однако я сбавил скорость. И даже уверившись, что дорога та самая, я тем не менее не-

I was on the right road, I felt compelled to stop the car a moment to take stock, as it were.

I decided to step out and stretch my legs a little and when I did so, I received a stronger impression than ever of being perched on the side of a hill. On one side of the road, thickets and small trees rose steeply, while on the other I could now glimpse through the foliage the distant countryside.

I believe I had walked a little way along the roadside, peering through the foliage hoping to get a better view, when I heard a voice behind me. Until this point, of course, I had believed myself quite alone and I turned in some surprise. A little way further up the road on the opposite side, I could see the start of a footpath, which disappeared steeply up into the thickets. Sitting on the large stone that marked this spot was a thin, white-haired man in a cloth cap, smoking his pipe. He called to me again and though I could not quite make out his words, I could see him gesturing for me to join him. For a moment, I took him for a vagrant, but then I saw he was just some local fellow enjoying the fresh air and summer sunshine, and saw no reason not to comply.

‘Just wondering, sir,’ he said, as I approached, ‘how fit your legs were.’

‘I beg your pardon?’

The fellow gestured up the footpath.

‘You got to have a good pair of legs and a good pair of lungs to go up there. Me, I haven’t got neither, so I stay down here. But if I was in better shape, I’d be sitting up there. There’s a nice little spot up there,

вольно остановился, чтобы осмотреться и понять, куда я попал.

Я решил вылезти из машины и немного размяться. Ступив на землю, я еще сильнее почувствовал, что нахожусь высоко на склоне холма. Справа от дороги кустарник и маленькие деревья лезли все выше и выше, а слева сквозь просветы в листве я увидел далеко внизу поля и луга.

Если не ошибаюсь, я еще немного прошел вдоль обочины, высматривая просвет пошире, чтобы полюбоваться видом, когда сзади раздался голос. До этого я, конечно, считал, что тут никого нет, поэтому удивленно обернулся. Чуть впереди от дороги справа отходила тропинка, круто забиравшая вверх и исчезающая в зарослях. На большом валуне, от которого она начиналась, сидел худющий седой старик в суконной кепке и курил трубку. Он снова меня окликнул; слов я не разобрал, но по его жестам понял, что он меня подзывает. Поначалу я принял его за бродягу, но потом сообразил, что это кто-то из местных — вышел подышать свежим воздухом и погреться на летнем солнышке. Отчего было не подойти?

— Я тут прикидывал, сэр, — произнес он, когда я приблизился, — крепки ли вы на ноги.

— Виноват?

Местный махнул рукой в сторону тропинки:

— Чтоб туда подняться, нужны сильные легкие и сильные ноги. У меня ни того ни другого, вот и сижу себе тут внизу. Будь я покрепче, сидел бы наверху. Отличное там местечко, есть скамей-

a bench and everything. And you won't get a better view anywhere in the whole of England.'

'If what you say is true,' I said, 'I think I'd rather stay here. I happen to be embarking on a motoring trip during the course of which I hope to see many splendid views. To see the best before I have properly begun would be somewhat premature.'

The fellow did not seem to understand me, for he simply said again:

'You won't see a better view in the whole of England. But I tell you, you need a good pair of legs and a good pair of lungs.' Then he added: 'I can see you're in good shape for your age, sir. I'd say you could make your way up there, no trouble. I mean, even I can manage on a good day.'

I glanced up the path, which did look steep and rather rough.

'I'm telling you, sir, you'll be sorry if you don't take a walk up there. And you never know. A couple more years and it might be too late' — he gave a rather vulgar laugh — 'Better go on up while you still can.'

It occurs to me now that the man might just possibly have meant this in a humorous sort of way; that is to say, he intended it as a bantering remark. But this morning, I must say, I found it quite offensive and it may well have been the urge to demonstrate just how foolish his insinuation had been that caused me to set off up the footpath.

In any case, I am very glad I did so. Certainly, it was quite a strenuous walk — though I can say

ка и вообще. А другого такого вида, как оттуда, не найти во всей Англии.

— Если это действительно так, — сказал я, — то, пожалуй, не стоит подниматься. Я еду в автомобиле и по ходу поездки рассчитываю полюбоваться многими отличнейшими видами. Едва ли разумно обозреть самый лучший из них, когда я только-только отъехал от дома.

Видимо, местный не понял, потому что повторил:

— Другого такого вида во всей Англии не найти. Но тут, учтите, требуются сильные ноги и сильные легкие. — Подумал и добавил: — Вижу, сэр, что для ваших лет вы хорошо сохранились. Помоему, вам не будет большого труда взобраться наверх. Я и то умудряюсь в хорошую погоду.

Я посмотрел на тропинку, которая и в самом деле выглядела крутой и неровной.

— Послушайте меня, сэр, взберитесь туда, а то сами потом пожалеете. Ведь кто его знает, глядишь, годика через два уже поздно будет. — И он грубовато хихикнул. — Лучше взобраться, пока еще сил достанет.

Теперь-то мне кажется, что мужчина мог просто шутить; то есть он всего лишь надо мной подтрунивал. Но тогда, утром, его слова, не скрою, показались мне очень обидными, и, возможно, одно только желание доказать, сколь беспочвенны эти его намеки, заставило меня подняться по тропинке.

Как бы там ни было, я очень рад, что решился. Подъем, конечно, оказался весьма утомительным,

it failed to cause me any real difficulty — the path rising in zigzags up the hillside for a hundred yards or so. I then reached a small clearing, undoubtedly the spot the man had referred to. Here one was met by a bench — and indeed, by a most marvellous view over miles of the surrounding countryside.

What I saw was principally field upon field rolling off into the far distance. The land rose and fell gently, and the fields were bordered by hedges and trees. There were dots in some of the distant fields which I assumed to be sheep. To my right, almost on the horizon, I thought I could see the square tower of a church.

It was a fine feeling indeed to be standing up there like that, with the sound of summer all around one and a light breeze on one's face. And I believe it was then, looking on that view, that I began for the first time to adopt a frame of mind appropriate for the journey before me. For it was then that I felt the first healthy flush of anticipation for the many interesting experiences I know these days ahead hold in store for me. And indeed, it was then that I felt a new resolve not to be daunted in respect to the one professional task I have entrusted myself with on this trip; that is to say, regarding Miss Kenton and our present staffing problems.

But that was this morning. This evening I find myself settled here in this comfortable guest house in a street not far from the centre of Salisbury. It is, I suppose, a relatively modest establishment, but

хотя, должен заметить, серьезной трудности для меня не представил. Тропинка длиною примерно в сто ярдов поднималась, петляя, по склону и вывела меня на маленькую поляну, несомненно ту самую, которую имел в виду местный. Здесь путника поджидали скамейка и поистине чудесный вид на много миль вокруг.

Моему взору открылись поля, убежавшие одно за другим до самого горизонта. Пологие всхолмья перемежались долинами, границы между полями были отмечены живыми изгородями и рядами деревьев. На дальних полях виднелись темные точки — насколько я понял, овцы. Справа, почти на линии горизонта, я вроде бы различил квадратную башенку колокольни.

Стоять вот так наверху и вправду было приятно; воздух наполнился звуками лета, легкий ветерок овеивал лицо. Думаю, именно там и тогда я впервые пришел в расположение духа, соответствующее предстоящему путешествию, ибо именно там ощутил дрожь здорового любопытства и предвкушения тех волнующих переживаний, что наверняка выпадут мне в ближайшие дни. Тогда же я испытал новый прилив решимости бестрепетно выполнить единственную служебную задачу, какую поставил себе на эту поездку, — я имею в виду мисс Кентон и вопрос пополнения штата прислуги.

Но то было утром. А вечер застал меня здесь, в уютном пансионе неподалеку от центра Солсбери. Заведение, как мне представляется, сравнительно скромное, но очень чистенькое и полностью отве-

very clean and perfectly adequate for my needs. The landlady, a woman of around forty or so, appears to regard me as a rather grand visitor on account of Mr Farraday's Ford and the high quality of my suit. This afternoon — I arrived in Salisbury at around three thirty — when I entered my address in her register as 'Darlington Hall', I could see her look at me with some trepidation, assuming no doubt that I was some gentleman used to such places as the Ritz or the Dorchester and that I would storm out of her guest house on being shown my room. She informed me that a double room at the front was available, though I was welcome to it for the price of a single.

I was then brought up to this room, in which, at that point of the day, the sun was lighting up the floral patterns of the wallpaper quite agreeably. There were twin beds and a pair of good-sized windows overlooking the street. On inquiring where the bathroom was, the woman told me in a timid voice that although it was the door facing mine, there would be no hot water available until after supper. I asked her to bring me up a pot of tea, and when she had gone, inspected the room further. The beds were perfectly clean and had been well made. The basin in the corner was also very clean. On looking out of the windows, one saw on the opposite side of the street a bakery displaying a variety of pastries, a chemist's shop and a barber's. Further along, one could see where the street passed over a round-backed bridge and on into more rural surroundings. I refreshed my face and hands with cold water at the basin, then

чает моим нуждам. Хозяйка, дама лет сорока или около того, видимо, считает меня довольно важной фигурой — из-за «форда» мистера Фаррадея и дорогого костюма. Я прибыл в Солсбери около половины четвертого, и когда указал в регистрационной книге адрес — «Дарлингтон-холл», хозяйка, как я заметил, посмотрела на меня с некоторым беспокойством: наверняка подумала, что я привык останавливаться в таких отелях, как «Ритц» или «Дорчестер», и выскочу поэтому, чертыхаясь, из пансиона, едва взглянув на отведенную мне комнату. Она сообщила, что я могу занять свободный двухместный номер с видом на улицу, заплатив за него как за одноместный.

Меня провели вверх в номер; на солнце цветочный узор на обоях выглядел очень мило. В комнате были два широких окна и две одинаковые кровати. На вопрос, где находится ванная, добрая женщина ответила дрожащим голосом, что прямо напротив, однако горячую воду дадут только после ужина. Я попросил принести в номер чаю и, когда она удалилась, внимательно осмотрел комнату. Постели идеально чистые и аккуратно застелены. Раковина в углу тоже сияет чистотой. Из окна видна противоположная сторона улицы, а на ней пекарня с разным хлебом и печеньем в витрине, аптека и парикмахерская. Дальше улица переходит в горбатый мостик, а за ним приобретает уже сельский вид. Я ополоснул в раковине лицо и руки холодной водой, уселся в стоящее у окна кресло с жесткой спинкой и принялся ждать чай.

seated myself on a hard-backed chair left near one of the windows to await my tea.

I would suppose it was shortly after four o'clock that I left the guest house and ventured out into the streets of Salisbury. The wide, airy nature of the streets here give the city a marvellously spacious feel, so that I found it most easy to spend some hours just strolling in the gently warm sunshine. Moreover, I discovered the city to be one of many charms; time and again, I found myself wandering past delightful rows of old timber-fronted houses, or crossing some little stone footbridge over one of the many streams that flow through the city. And of course, I did not fail to visit the fine cathedral, much praised by Mrs Symons in her volume. This august building was hardly difficult for me to locate, its looming spire being ever-visible wherever one goes in Salisbury. Indeed, as I was making my way back to this guest house this evening, I glanced back over my shoulder on a number of occasions and was met each time by a view of the sun setting behind that great spire.

And yet tonight, in the quiet of this room, I find that what really remains with me from this first day's travel is not Salisbury Cathedral, nor any of the other charming sights of this city, but rather that marvellous view encountered this morning of the rolling English countryside. Now I am quite prepared to believe that other countries can offer more obviously spectacular scenery. Indeed, I have seen in encyclopedias and the National Geographic Magazine breathtaking photographs of sights from

Приблизительно в начале пятого я вышел из пансиона погулять по Солсбери. Ширина и открытость здешних улиц сообщают городу ощущение удивительного простора, так что я и не заметил, как прогулял несколько часов под ласковым теплым солнышком. Более того, я обнаружил в городе много дивных мест; не раз и не два проходил я очаровательными кварталами, где стоят старые дома с деревянными фасадами, и пересекал каменные пешеходные мостики, переброшенные через многочисленные речушки, каковыми изобилует этот город. Не преминул я, разумеется, осмотреть и прекрасный собор, который миссис Симонс так превозносит в своей книге. Найти это царственное строение было совсем нетрудно, благо его вознесшийся шпиль виден в Солсбери отовсюду. И верно, когда вечером на обратном пути в пансион я несколько раз по разным причинам оглядывался, знаменитый шпиль неизменно предстал взору на фоне заходящего солнца.

И все же, сидя сейчас в этой тихой комнате, я нахожу, что самым сильным моим впечатлением от первого дня путешествия останется не Солсберийский собор и не какая-нибудь иная достопримечательность этого города, но, пожалуй, чудесная панорама всхолмленной английской земли, открывшаяся мне нынче утром. Нет, я охотно допускаю, что в других странах найдутся ландшафты много эффектнее. Я сам встречал в энциклопедиях и «Национальном географическом журнале»

various corners of the globe; magnificent canyons and waterfalls, raggedly beautiful mountains. It has never, of course, been my privilege to have seen such things at first hand, but I will nevertheless hazard this with some confidence: the English landscape at its finest — such as I saw it this morning — possesses a quality that the landscapes of other nations, however more superficially dramatic, inevitably fail to possess. It is, I believe, a quality that will mark out the English landscape to any objective observer as the most deeply satisfying in the world, and this quality is probably best summed up by the term ‘greatness’. For it is true, when I stood on that high ledge this morning and viewed the land before me, I distinctly felt that rare, yet unmistakable feeling — the feeling that one is in the presence of greatness. We call this land of ours Great Britain, and there may be those who believe this a somewhat immodest practice. Yet I would venture that the landscape of our country alone would justify the use of this lofty adjective.

And yet what precisely is this ‘greatness’? Just where, or in what, does it lie? I am quite aware it would take a far wiser head than mine to answer such a question, but if I were forced to hazard a guess, I would say that it is the very lack of obvious drama or spectacle that sets the beauty of our land apart. What is pertinent is the calmness of that beauty, its

потрясающие снимки разных уголков земного шара — великолепные каньоны и водопады, восхитительные зубчатые утесы. Мне, конечно, не привелось воочию полюбоваться на эти дива, но тем не менее я не без основания рискну утверждать: английский ландшафт в своем совершенстве — каким я видел его нынче утром — обладает качеством, которым никоим образом не могут похвалиться ландшафты других краев, сколь бы захватывающими ни казались они на поверхностный взгляд. По глубокому моему убеждению, это качество бросится в глаза любому непредвзятому наблюдателю, поскольку оно отличает английский ландшафт от всех прочих на свете как дарующий самое полное душевное удовлетворение. Вероятно, точнее всего это качество можно определить словом «величие». Поистине, когда я утром стоял на том высоком уступе и обозревал раскинувшиеся передо мной земли, я отчетливо испытал редкое чувство, которое не спутаешь ни с каким другим, — чувство человека перед лицом величия. Свою родину мы называем Великобританией, и кое-кто может посчитать это нескромным. Однако я осмелюсь утверждать, что один наш ландшафт уже оправдывает это высокое определение.

Но что именно представляет собой это «величие»? Где или в чем оно обретается? Я прекрасно понимаю, что за ответом на подобный вопрос следует обращаться к человеку помудрее, но если б меня заставили предложить мои собственные соображения, я бы сказал: как раз очевидное отсутствие эффектности и театральности и отличает

sense of restraint. It is as though the land knows of its own beauty, of its own greatness, and feels no need to shout it. In comparison, the sorts of sights offered in such places as Africa and America, though undoubtedly very exciting, would, I am sure, strike the objective viewer as inferior on account of their unseemly demonstrativeness.

This whole question is very akin to the question that has caused much debate in our profession over the years: what is a 'great' butler? I can recall many hours of enjoyable discussion on this topic around the fire of the servants' hall at the end of a day. You will notice I say 'what' rather than 'who' is a great butler; for there was actually no serious dispute as to the identity of the men who set the standards amongst our generation. That is to say, I am talking of the likes of Mr Marshall of Charleville House, or Mr Lane of Bridewood. If you have ever had the privilege of meeting such men, you will no doubt know of the quality they possess to which I refer. But you will no doubt also understand what I mean when I say it is not at all easy to define just what this quality is.

Incidentally, now that I come to think further about it, it is not quite true to say there was no dispute as to who were the great butlers. What I should have said was that there was no serious

красу нашей земли перед всеми другими. Существенна тут безмятежность этой красоты, ее сдержанность. словно сама земля знает о своей красоте, о своем величии и не считает нужным громко о них заявлять. Напротив, виды, которыми может похвастаться Африка или, скажем, Америка, хотя, вне сомнения, впечатляют, однако, уверен, в глазах непредубежденного наблюдателя уступят нашим по причине своей откровенной картинности.

Вся эта проблема сродни одному вопросу, который люди моей профессии с жаром обсуждают вот уже долгие годы: что такое «великий» дворецкий? Вспоминаю увлекательные споры на эту тему, которые часами велись в лакейской у огня в конце трудового дня. Прошу обратить внимание — я говорю «что», а не «кто» есть великий дворецкий, поскольку не наблюдалось серьезного расхождения во мнениях о том, кто именно олицетворяет собой профессиональный эталон среди представителей нашего поколения. То есть я имею в виду такие фигуры, как мистер Маршалл из Чарлевилл-хауса или мистер Лейн из Брайдвуда. Если вам выпала честь водить знакомство с такими людьми, вы, конечно, понимаете, о каком присущем им качестве я говорю. Но вы, разумеется, понимаете и другое — что я имею в виду, замечая, что совсем не легко определить, в чем именно заключается это качество.

Если подумать как следует, то утверждение, будто о том, кто суть великие дворецкие, совсем не было споров, не вполне соответствует истине. Следовало бы сказать, что серьезных споров

dispute among professionals of quality who had any discernment in such matters. Of course, the servants' hall at Darlington Hall, like any servants' hall anywhere, was obliged to receive employees of varying degrees of intellect and perception, and I recall many a time having to bite my lip while some employee — and at times, I regret to say, members of my own staff — excitedly eulogized the likes of, say, Mr Jack Neighbours.

I have nothing against Mr Jack Neighbours, who sadly, I understand, was killed in the war. I mention him simply because his was a typical case. For two or three years in the mid-thirties, Mr Neighbours's name seemed to dominate conversations in every servants' hall in the land. As I say, at Darlington Hall too, many a visiting employee would bring the latest tales of Mr Neighbours's achievements, so that I and the likes of Mr Graham would have to share the frustrating experience of hearing anecdote after anecdote relating to him. And most frustrating of all would be having to witness at the conclusion of each such anecdote otherwise decent employees shaking their heads in wonder and uttering phrases like: 'That Mr Neighbours, he really is the best.'

Now I do not doubt that Mr Neighbours had good organizational skills; he did, I understand, mastermind a number of large occasions with conspicuous style. But at no stage did he ever approach the sta-

не велось между достойнейшими представителями нашей профессии, теми, кто разбирался в подобных вещах. В лакейской Дарлингтон-холла, как и во всякой лакейской, естественно, случалось принимать слуг разного интеллектуального уровня и проницательности, и, помнится, мне не раз приходилось сдерживаться, когда кто-нибудь из гостей, а то, к сожалению, и из моих подчиненных рассыпался в славословиях по адресу, скажем, мистера Джека Нейборса и ему подобных.

Я ничего не имею против мистера Джека Нейборса, который, насколько мне известно, был убит на войне, что весьма прискорбно. И упомянул я о нем лишь как о типичном примере. В середине тридцатых годов чуть ли не в каждой лакейской по всей стране на протяжении двух или трех лет, кажется, только о нем и говорили. Как я сказал, Дарлингтон-холл не был тут исключением — многие приезжие слуги привозили рассказы о новейших свершениях мистера Нейборса, так что мне и таким, как мистер Грэм, постоянно приходилось с горечью выслушивать о нем бесконечные истории. Но горше всего было видеть, как после каждой такой истории слуги, во всех прочих отношениях весьма достойные, изумленно качали головой и произносили что-нибудь вроде: «Ох уж этот мистер Нейборс, второго такого и впрямь не сыщешь».

Учтите, я не ставлю под сомнение способности мистера Нейборса; насколько я понимаю, он блестяще справился с немалым числом грандиозных приемов и тому подобных мероприятий. Но ни

tus of a great butler. I could have told you this at the height of his reputation, just as I could have predicted his downfall after a few short years in the limelight.

How often have you known it for the butler who is on everyone's lips one day as the greatest of his generation to be proved demonstrably within a few years to have been nothing of the sort? And yet those very same employees who once heaped praise on him will be too busy eulogizing some new figure to stop and examine their sense of judgement. The object of this sort of servants' hall talk is invariably some butler who has come to the fore quite suddenly through having been appointed by a prominent house, and who has perhaps managed to pull off two or three large occasions with some success. There will then be all sorts of rumours buzzing through servants' halls up and down the country to the effect that he has been approached by this or that personage or that several of the highest houses are competing for his services with wildly high wages. And what has happened before a few years have passed? This same invincible figure has been held responsible for some blunder, or has for some other reason fallen out of favour with his employers, leaves the house where he came to fame and is never heard of again. Meanwhile, those same gossipers will have found yet some other newcomer about whom to enthuse. Visiting valets, I have found, are often the worst offenders, aspiring as they usually do to the position of butler with some urgency. They it is who tend to be always

на единой ступени своей профессиональной карьеры он так и не стал великим дворецким. Я утверждал это, когда его карьера была в зените, и уже тогда предсказывал, что после нескольких лет популярности для него все кончится крахом.

Вам ведь доводилось слышать о дворецком, которого сегодня прославляют как самого великого во всем его поколении, а через несколько лет — извольте — наглядно доказывают, что никогда он им не был? И те самые слуги, что когда-то перевозили его до небес, теперь бросаются восхвалять какую-нибудь новую фигуру, да еще с таким рвением, что им просто недосуг остановиться и здраво оценить собственные суждения. Героем подобных разговоров в лакейской неизменно становится дворецкий, внезапно оказавшийся на виду, благо его взяли в какой-нибудь известнейший дом и он, быть может, сумел не без успеха провести два-три крупных мероприятия. Тут-то по лакейским от Шотландии до Корнуолла начинают ползти разного рода слухи — что-де им заинтересовалось то или иное значительное лицо или что несколько лучших домов пытаются его переманить, суля неслыханное жалованье. Но проходит несколько лет — и что? Сей неуязвимый герой оказывается повинным в грубой ошибке или по другой причине впадает в немилость у хозяев, уходит из дома, на службе в котором прославился, и все о нем забывают. А те же самые досужие языки находят себе новую фигуру для восхваления. Приезжающие с хозяевами камердинеры, установил я, зачастую ведут себя хуже всех, ибо, как правило, спят

insisting this or that figure is the one to emulate, or repeating what some particular hero is said to have pronounced upon professional matters.

But then, of course, I hasten to add, there are many valets who would never dream of indulging in this sort of folly — who are, in fact, professionals of the highest discernment. When two or three such persons were gathered together at our servants' hall — I mean of the calibre of, say, Mr Graham, with whom now, sadly, I seem to have lost touch — we would have some of the most stimulating and intelligent debates on every aspect of our vocation. Indeed, today, those evenings rank amongst my fondest memories from those times.

But let me return to the question that is of genuine interest, this question we so enjoyed debating when our evenings were not spoilt by chatter from those who lacked any fundamental understanding of the profession; that is to say, the question 'what is a great butler?'

To the best of my knowledge, for all the talk this question has engendered over the years, there have been very few attempts within the profession to formulate an official answer. The only instance that comes to mind is the attempt of the Hayes Society to devise criteria for membership. You may not be aware of the Hayes Society, for few talk of it these days. But in the twenties and the early thirties, it exerted a considerable influence over much of Lon-

и видят себя на месте дворецкого. Они-то обычно и склонны выдавать то или иное лицо за образец для подражания или слепо повторять известные им с чужих слов высказывания своего кумира по профессиональным вопросам.

Впрочем, спешу добавить, существует, разумеется, множество камердинеров, кому и в голову не придет заниматься подобными глупостями и кто действительно является профессионалом самой высокой пробы. Когда у нас в лакейской собирались два-три таких человека — то есть масштаб, допустим, мистера Грэма, с которым я ныне, к сожалению, скорее всего, утратил связь, — мы весьма увлеченно, компетентно и всесторонне обсуждали нашу профессию. Эти вечера и теперь остаются в числе самых дорогих моих воспоминаний о тех днях.

Но позвольте вернуться к вопросу, представляющему подлинный интерес; к вопросу, который мы с таким удовольствием обсуждали, когда наши вечера не омрачала болтовня тех, кому отказано в глубоком понимании нашей профессии, а именно к вопросу о том, «что такое великий дворецкий?».

Если не ошибаюсь, во всех спорах, которые на протяжении ряда лет порождал этот вопрос, со стороны моих коллег было сделано всего несколько попыток дать на него профессиональный ответ. Единственное, что приходит на память, — попытка общества Хейса разработать требования ко вступающим в его ряды. Вы, возможно, не слышали о таком обществе — в наши дни о нем помнят немногие. Но в двадцатые годы и в начале

don and the Home Counties. In fact, many felt its power had become too great and thought it no bad thing when it was forced to close, I believe in 1932 or 1933.

The Hayes Society claimed to admit butlers of 'only the very first rank'. Much of the power and prestige it went on to gain derived from the fact that unlike other such organizations which have come and gone, it managed to keep its numbers extremely low, thus giving this claim some credibility. Membership, it was said, never at any point rose above thirty and much of the time remained closer to nine or ten. This, and the fact that the Hayes Society tended to be a rather secretive body, lent it much mystique for a time, ensuring that the pronouncements it occasionally issued on professional matters were received as though hewn on tablets of stone.

But one matter the Society resisted pronouncing on for some time was the question of its own criteria for membership. Pressure to have these announced steadily mounted, and in response to a series of letters published in *A Quarterly for the Gentleman's Gentleman*, the Society admitted that a prerequisite for membership was that 'an applicant be attached to a distinguished household'. 'Though of course,' the Society went on, 'this by itself is far from sufficient to satisfy requirements.' It was made clear,

тридцатых оно пользовалось значительным влиянием в большинстве районов Лондона и в шести окрестных графствах. Больше того, многие считали это влияние чрезмерным и приветствовали вынужденное закрытие общества году, по-моему, в 1932-м или 1933-м.

Общество Хейса заявляло, что допускает в свои ряды дворецких «исключительно высшего класса». Власть и престиж, которых оно в дальнейшем добилось, во многом объясняются тем, что, в отличие от других подобных организаций со свободным членством, оно ухитрилось оставаться крайне малочисленным и тем самым как бы подтверждало упомянутое притязание. В нем, по слухам, ни разу не состояло свыше трех десятков членов, большей же частью их насчитывалось человек девять-десять. Это, а также тот факт, что Общество Хейса предпочитало окружать свою деятельность завесой тайны, превращало его по тем временам в нечто загадочное и придавало изредка исходившим из его недр заявлениям по профессиональным вопросам непреложность десяти заповедей.

Но по одному вопросу общество долгое время воздерживалось от заявлений — о собственных требованиях ко вступающим в его ряды. Призывы к обществу выступить с таким заявлением становились все настоятельней, и в ответ на подборку писем, помещенную в «Ежеквартальнике для джентльменов при джентльменах», общество признало, что необходимым условием членства является «служба соискателя в выдающемся доме». «Хотя понятно, — уточняло общество, — самого по себе этого факта

furthermore, that the Society did not regard the houses of businessmen or the ‘newly rich’ as ‘distinguished’, and in my opinion this piece of out-dated thinking crucially undermined any serious authority the Society may have achieved to arbitrate on standards in our profession. In response to further letters in *A Quarterly*, the Society justified its stance by saying that while it accepted some correspondents’ views that certain butlers of excellent quality were to be found in the houses of businessmen, ‘the assumption had to be that the houses of true ladies and gentlemen would not refrain long from acquiring the services of any such persons’. One had to be guided by the judgement of ‘the true ladies and gentlemen’, argued the Society, or else ‘we may as well adopt the proprieties of Bolshevik Russia’.

This provoked further controversy, and the pressure of letters continued to build up urging the Society to declare more fully its membership criteria. In the end, it was revealed in a brief letter to *A Quarterly* that in the view of the Society —and I will try and quote accurately from memory — ‘the most crucial criterion is that the applicant be possessed of a dignity in keeping with his position. No applicant will satisfy requirements, whatever his level of accomplishments otherwise, if seen to fall short in this respect.’

еще недостаточно, чтобы удовлетворять всем требованиям». Более того, далее разъяснялось, что дома дельцов, или «нуворишей», общество не рассматривает как «выдающиеся»; убежден, что именно этот устарелый подход в корне подорвал саму возможность завоевания обществом должного авторитета, который позволил бы ему выступать третьей стороной в спорах о критериях нашей профессии. Отвечая на возражения, «Ежеквартальник» опубликовал новые письма; обществу пришлось на них ответить. Оно оправдывало свою установку, утверждая, что, хотя и разделяет высказанную авторами некоторых писем мысль о том, что в домах отдельных дельцов можно встретить образцового дворецкого, «надлежит все же исходить из того, что истинные леди и джентльмены не преминули бы в таком случае пригласить этих лиц к себе на службу». Следует руководствоваться концепцией «истинных леди и джентльменов», доказывало общество, в противном случае «нам грозит скатывание до уровня большевистской России».

Это выступление усугубило полемику, посыпались новые письма, понуждающие общество более полно сформулировать требования к своим членам. В конце концов в коротком письме, опубликованном на страницах «Ежеквартальника», общество заявило, что с его точки зрения — попытаюсь привести дословно по памяти — «основополагающее требование — соискатель должен отличаться достоинством, отвечающим занимаемому им положению. Каковы бы ни были все прочие совершенства соискателя, он будет сочтен

For all my lack of enthusiasm for the Hayes Society, it is my belief that this particular pronouncement at least was founded on a significant truth. If one looks at these persons we agree are 'great' butlers, if one looks at, say, Mr Marshall or Mr Lane, it does seem to me that the factor which distinguishes them from those butlers who are merely extremely competent is most closely captured by this word 'dignity'.

Of course, this merely begs the further question: of what is 'dignity' comprised? And it was on this point that the likes of Mr Graham and I had some of our most interesting debates. Mr Graham would always take the view that this 'dignity' was something like a woman's beauty and it was thus pointless to attempt to analyse it. I, on the other hand, held the opinion that to draw such a parallel tended to demean the 'dignity' of the likes of Mr Marshall. Moreover, my main objection to Mr Graham's analogy was the implication that this 'dignity' was something one possessed or did not by a fluke of nature; and if one did not self-evidently have it, to strive after it would be as futile as an ugly woman trying to make herself beautiful. Now while I would accept that the majority of butlers may well discover ultimately that they do not have the capacity for it, I believe strongly that this 'dignity' is something one can meaningfully strive for throughout one's career. Those 'great' butlers like Mr Marshall who have it, I am sure, acquired it over many years of self-train-

не удовлетворяющим требованиям, если обнаружит частичное несоответствие в этом отношении».

При всем моем критическом отношении к Обществу Хейса я убежден, что это их суждение, по крайней мере, опирается на важную истину. Возьмем тех, кого все считают «великими» дворецкими, возьмем, к примеру, мистера Маршалла или мистера Лейна; так вот, я и вправду считаю, что свойство, отличающее их от других дворецких, не более чем прекрасных знатоков своего дела, точнее всего можно выразить словом «достоинство».

Тут, естественно, возникает новый вопрос: что включает в себя понятие «достоинство»? На эту тему мы с мистером Грэмом и другими такими, как он, вели увлекательнейшие споры. Мистер Грэм неизменно исходил из посылки, что достоинство в дворецком — то же, что в женщине красота, поэтому бессмысленно пытаться в нем разобраться. Я со своей стороны держался мнения, что подобные параллели принижают достоинство коллег типа мистера Маршалла, и не только. Главное мое возражение против сравнения, предложенного мистером Грэмом, заключалось в том, что оно как бы предполагает: достоинство — качество, каковым человек либо наделен, либо не наделен от природы, а стало быть, если оно не проявилось в человеке со всей очевидностью, стремиться к нему так же тщетно, как дурнушке пытаться выбиться в красавицы. Я готов согласиться с тем, что для большинства дворецких «достоинство» в конечном счете оказывается недостижимым, однако же твердо верю: к достоинству можно осознанно стремиться

ing and the careful absorbing of experience. In my view, then, it was rather defeatist from a vocational standpoint to adopt a stance like Mr Graham's.

In any case, for all Mr Graham's scepticism, I can remember he and I spending many evenings trying to put our fingers on the constitution of this 'dignity'. We never came to any agreement, but I can say for my part that I developed fairly firm ideas of my own on the matter during the course of such discussions, and they are by and large the beliefs I still hold today. I would like, if I may, to try and say here what I think this 'dignity' to be.

You will not dispute, I presume, that Mr Marshall of Charleville House and Mr Lane of Bridewood have been the two great butlers of recent times. Perhaps you might be persuaded that Mr Henderson of Branbury Castle also falls into this rare category. But you may think me merely biased if I say that my own father could in many ways be considered to rank with such men, and that his career is the one I have always scrutinized for a definition of 'dignity'. Yet it is my firm conviction that at the peak of his career at Loughborough House, my father was indeed the embodiment of 'dignity'.

на протяжении всей карьеры. Те «великие» дворецкие вроде мистера Маршалла, у кого оно есть, обрели его, не сомневаюсь, путем многолетнего самовоспитания и глубокого осмысления профессионального опыта. Вот почему, на мой взгляд, от установок вроде той, которую отстаивал мистер Грэм, в чисто профессиональном плане отдает пораженчеством.

Во всяком случае, я помню, как мы с мистером Грэмом, невзирая на весь его скептицизм, не один вечер убили на то, чтобы ухватить за хвост самое существо «достоинства». К согласию мы так и не пришли, но со своей стороны могу сказать, что в этих спорах я развил свои собственные довольно твердые представления, каковых в общем придерживаюсь и по сей день. С вашего позволения, мне бы хотелось попытаться здесь изложить, как я понимаю это «достоинство».

Полагаю, вы не станете оспаривать, что мистер Маршалл из Чарлевилл-хауса и мистер Лейн из Брайдвуда в недавние времена являли собой двух великих дворецких. Может быть, вас удастся убедить, что к этим немногим относится и мистер Гендерсон из Брэнбери-касла. Но вы просто-напросто сочтете меня лицом заинтересованным, если я скажу, что по многим причинам в один ряд с ними можно поставить моего родного отца и что я неизменно изучал его послужной список в поисках определения «достоинства». Однако же я твердо верю, что на вершине своей карьеры в Лафборо-хаусе отец доподлинно выступал олицетворением «достоинства».

I realize that if one looks at the matter objectively, one has to concede my father lacked various attributes one may normally expect in a great butler. But those same absent attributes, I would argue, are every time those of a superficial and decorative order, attributes that are attractive, no doubt, as icing on the cake, but are not pertaining to what is really essential. I refer to things such as good accent and command of language, general knowledge on wide-ranging topics such as falconing or newt-mating — attributes none of which my father could have boasted. Furthermore, it must be remembered that my father was a butler of an earlier generation who began his career at a time when such attributes were not considered proper, let alone desirable in a butler. The obsessions with eloquence and general knowledge would appear to be ones that emerged with our generation, probably in the wake of Mr Marshall, when lesser men trying to emulate his greatness mistook the superficial for the essence. It is my view that our generation has been much too preoccupied with the ‘trimmings’; goodness knows how much time and energy has gone into the practising of accent and command of language, how many hours spent studying encyclopedias and volumes of ‘Test Your Knowledge’, when the time should have been spent mastering the basic fundamentals.

Though we must be careful not to attempt to deny the responsibility which ultimately lies with our-

Понимаю, если подойти со всей объективностью, то придется признать: отец был лишен некоторых отличительных качеств, которые принято находить в великом дворецком. Но каждое из этих недостающих качеств, посмею я возразить, носит поверхностный и прикладной характер; качества, несомненно, привлекательные, как глазурь на торте, но не относящиеся к числу существенно важных. Я имею в виду хорошее произношение и безукоризненное словоупотребление или общее представление о широком круге явлений, скажем, о соколиной охоте или разведении тритонов; нет, ни одним из таких качеств отец не мог бы похвастаться. Больше того, не следует упускать из виду, что отец был дворецким старой школы и начинал карьеру в те времена, когда подобные качества не считались приличествующими, тем паче желательными для человека в его должности. Увлечение красноречием и нахватанностью пришло, по всей видимости, уже с нашим поколением, вероятно, по пятам за мистером Маршаллом, когда дворецкие рангом помельче, пытаясь подражать его величию, перепутали главное со второстепенным. Я считаю, что наше поколение слишком много значения начало придавать «отделке»; одному Господу ведомо, сколько времени и сил ушло у него на постановку произношения и языковую практику, сколько часов потеряно за изучением энциклопедий и справочника «Проверьте ваши знания», тогда как время следовало тратить на овладение первоосновами.

Отнюдь не стремясь перекладывать на других ответственность, которая в конечном счете ло-

selves, it has to be said that certain employers have done much to encourage these sorts of trends. I am sorry to say this, but there would appear to have been a number of houses in recent times, some of the highest pedigree, which have tended to take a competitive attitude towards each other and have not been above 'showing off' to guests a butler's mastery of such trivial accomplishments. I have heard of various instances of a butler being displayed as a kind of performing monkey at a house party. In one regrettable case, which I myself witnessed, it had become an established sport in the house for guests to ring for the butler and put to him random questions of the order of, say, who had won the Derby in such and such a year, rather as one might to a Memory Man at the music hall.

My father, as I say, came of a generation mercifully free of such confusions of our professional values. And I would maintain that for all his limited command of English and his limited general knowledge, he not only knew all there was to know about how to run a house, he did in his prime come to acquire that 'dignity in keeping with his position', as the Hayes Society puts it. If I try, then, to describe to you what I believe made my father thus distinguished, I may in this way convey my idea of what 'dignity' is.

жится на нас самих, нужно, однако, заметить, что отдельные хозяева немало споспешествовали распространению этих влияний. Как ни горько об этом говорить, но в последнее время, похоже, появилось много домов, в том числе и высокородных, которые, вступив друг с другом в своего рода соревнование, дошли до того, что «похваляются» перед гостями наличием у своих дворецких этих пустых совершенств. Я могу привести ряд примеров, когда во время приемов дворецкого заставляли выступать в роли дрессированной мартышки, что крайне прискорбно. В одном таком случае — я сам был тому свидетель — у гостей дома вошло в обычай вызывать дворецкого и забрасывать беспорядочными вопросами типа «Кто победил на скачках в Эпсоме в таком-то и таком-то году?» — словно он не дворецкий, а Человек-Всезнайка из мюзик-холла.

Отцовское поколение, как я говорил, по счастью, не ведало подобного искажения наших профессиональных ценностей. Я буду настаивать на том, что отец, при всей ограниченности его словаря и отсутствии широкой эрудиции, не только знал все, что можно и нужно, о содержании дома в образцовом порядке, но и приобрел в расцвете лет «достоинство, отвечающее занимаемому им положению», как то сформулировало Общество Хейса. Так вот, если я попробую вам объяснить, что именно делало отца в моих глазах столь выдающейся личностью, я, возможно, сумею раскрыть и свое представление о «достоинстве».

There was a certain story my father was fond of repeating over the years. I recall listening to him tell it to visitors when I was a child, and then later, when I was starting out as a footman under his supervision. I remember him relating it again the first time I returned to see him after gaining my first post as butler — to a Mr and Mrs Muggeridge in their relatively modest house in Allshot, Oxfordshire. Clearly the story meant much to him. My father's generation was not one accustomed to discussing and analysing in the way ours is and I believe the telling and retelling of this story was as close as my father ever came to reflecting critically on the profession he practised. As such, it gives a vital clue to his thinking.

The story was an apparently true one concerning a certain butler who had travelled with his employer to India and served there for many years maintaining amongst the native staff the same high standards he had commanded in England. One afternoon, evidently, this butler had entered the dining room to make sure all was well for dinner, when he noticed a tiger languishing beneath the dining table. The butler had left the dining room quietly, taking care to close the doors behind him, and proceeded calmly to the drawing room where his employer was taking tea with a number of visitors. There he attracted his employer's attention with a polite cough, then whispered in the latter's ear:

Есть одна история, которую отец из года в год не уставал пересказывать. Помнится, я еще мальчиком слышал, как он рассказывал ее приезжим коллегам; слышал и позже, когда под его наблюдением начал службу лакеем. Ее же, вспоминается мне, он повторял и в тот раз, как я впервые приехал его проведать, уже заступив на должность дворецкого у неких мистера и миссис Маггеридж, имевших сравнительно скромный дом в Олшоте, графство Оксфордшир. Ясно, что для отца эта история многое значила. Люди его поколения, в отличие от нашего, не имели привычки все обсуждать и анализировать; так что, рассказывая и повторяя эту историю, отец тем самым как бы критически оценивал для себя избранную профессию, и с этой точки зрения история дает важный «ключ» к его образу мыслей.

История, судя по всему, взята из жизни и повествует о некоем дворецком, который отправился со своим хозяином в Индию и много лет прослужил там, предъявляя к местной прислуге те же высокие требования, которые предъявлял в Англии. Как-то раз этот дворецкий зашел в столовую, вероятно, проверить, все ли накрыто к обеду, и увидел тигра, который вальяжно разлегся под столом. Дворецкий на цыпочках вышел из комнаты, не забыв закрыть дверь, и невозмутимо проследовал в гостиную, где хозяин и гости пили чай. Вежливо кашлянув, он привлек к себе внимание хозяина и прошептал тому на ухо:

‘I’m very sorry, sir, but there appears to be a tiger in the dining room. Perhaps you will permit the twelve-bores to be used?’

And according to legend, a few minutes later, the employer and his guests heard three gun shots. When the butler reappeared in the drawing room some time afterwards to refresh the teapots, the employer had inquired if all was well.

‘Perfectly fine, thank you, sir,’ had come the reply. ‘Dinner will be served at the usual time and I am pleased to say there will be no discernible traces left of the recent occurrence by that time.’

This last phrase — ‘no discernible traces left of the recent occurrence by that time’ — my father would repeat with a laugh and shake his head admiringly. He neither claimed to know the butler’s name, nor anyone who had known him, but he would always insist the event occurred just as he told it. In any case, it is of little importance whether or not this story is true; the significant thing is, of course, what it reveals concerning my father’s ideals. For when I look back over his career, I can see with hindsight that he must have striven throughout his years somehow to become that butler of his story. And in my view, at the peak of his career, my father achieved his ambition. For although I am sure he never had the chance to encounter a tiger beneath the dining table, when I think over all that I know or have heard concerning him, I can think of at least

— Весьма сожалею, сэра, но в столовой, кажется, появился тигр. Разрешите применить двенадцатимиллиметровое?

Как гласит легенда, через несколько минут хозяин и гости услышали три ружейных выстрела. Когда по прошествии некоторого времени дворецкий снова появился в гостиной — обновить в чайниках заварку, — хозяин осведомился, все ли в порядке.

— В полнейшем, благодарю вас, сэра, — последовал ответ. — Обед будет подан в обычный час, и я рад сообщить, что к этому времени от недавнего происшествия не останется никаких заметных следов.

Последнюю фразу — «к этому времени от недавнего происшествия не останется никаких заметных следов» — отец обычно повторял со смехом и восхищенно тряс головой. Он никогда не говорил, будто знает имя того дворецкого либо кого-нибудь из его знакомых, но неизменно утверждал, что все происходило именно так, как он рассказывает. Во всяком случае, правда это или нет, существенного значения не имеет; важно, конечно, другое — свет, который эта история проливает на идеалы отца. Ибо, мысленно обозревая его жизненный путь, я задним числом понимаю, что на протяжении отпущенных ему лет он стремился непостижимым образом воплотиться в дворецкого из этой истории, и в зените своей карьеры, считаю я, отец реализовал эту честолюбивую мечту. Хотя ему, понятно, не выпало случая заметить под

several instances of his displaying in abundance that very quality he so admired in the butter of his story.

One such instance was related to me by Mr David Charles, of the Charles and Redding Company, who visited Darlington Hall from time to time during Lord Darlington's days. It was one evening when I happened to be valeting him, Mr Charles told me he had come across my father some years earlier while a guest at Loughborough House —the home of Mr John Silvers, the industrialist, where my father served for fifteen years at the height of his career. He had never been quite able to forget my father, Mr Charles told me, owing to an incident that occurred during that visit.

One afternoon, Mr Charles to his shame and regret had allowed himself to become inebriated in the company of two fellow guests — gentlemen I shall merely call Mr Smith and Mr Jones since they are likely to be still remembered in certain circles. After an hour or so of drinking, these two gentlemen decided they wished to go for an afternoon drive around the local villages — a motor car around this time still being something of a novelty. They persuaded Mr Charles to accompany them, and since the chauffeur was on leave at that point, enlisted my father to drive the car.

Once they had set off, Mr Smith and Mr Jones, for all their being well into their middle years, proceed-

обеденным столом тигра, но, припоминая все, что сам о нем знаю и слышал от других, я могу привести по меньшей мере десяток примеров, когда он с избытком выказывал то самое качество, каким так восхищался в дворцеком из своей любимой истории.

Об одном эпизоде такого рода мне рассказал мистер Дэвид Чарльз («Компания Чарльза и Реддинга»), который при лорде Дарлингтоне время от времени навещался в Дарлингтон-холл. Как-то вечером мне довелось прислуживать мистеру Чарльзу, и тот сообщил, что несколько лет назад видел отца, когда гостил в Лафборо-хаусе, поместье промышленного магната мистера Джона Сильверса, где отец провел в услужении пятнадцать самых плодотворных лет жизни. С тех пор, сказал мистер Чарльз, он так и не смог забыть отца благодаря одному происшествию, случившемуся в ту пору.

Как-то раз мистер Чарльз, к своему стыду и сожалению, позволил себе выпить лишнего в компании с двумя другими гостями — назову этих джентльменов мистером Смитом и мистером Джонсом, поскольку в определенных кругах о них еще могут помнить. Посидев за бутылкой с час или около того, они решили, что желают проехаться по окрестным деревушкам — в те годы автомобиль все еще был в новинку. Они уговорили мистера Чарльза присоединиться, а поскольку шофер был в отпуске, посадили за руль отца.

Не успели они тронуться, как мистер Смит и мистер Джонс, даром что каждому было уже

ed to behave like schoolboys, singing coarse songs and making even coarser comments on all they saw from the window. Furthermore, these gentlemen had noticed on the local map three villages in the vicinity called Morphy, Saltash and Brigoon. Now I am not entirely sure these were the exact names, but the point was they reminded Mr Smith and Mr Jones of the music hall act, Murphy, Saltman and Brigid the Cat, of which you may have heard. Upon noticing this curious coincidence, the gentlemen then gained an ambition to visit the three villages in question —in honour, as it were, of the music hall artistes. According to Mr Charles, my father had duly driven to one village and was on the point of entering a second when either Mr Smith or Mr Jones noticed the village was Brigoon — that is to say the third, not the second, name of the sequence. They demanded angrily that my father turn the car immediately so that the villages could be visited ‘in the correct order’. It so happened that this entailed doubling back a considerable way of the route, but, so Mr Charles assures me, my father accepted the request as though it were a perfectly reasonable one, and in general, continued to behave with immaculate courtesy.

But Mr Smith’s and Mr Jones’s attention had now been drawn to my father and no doubt rather bored with what the view outside had to offer, they proceeded to amuse themselves by shouting out unflattering remarks concerning my father’s ‘mistake’. Mr Charles remembered marvelling at how my father showed not one hint of discomfort or anger,

за сорок, начали вести себя как мальчишки — распевать грубые песни и отпускать еще более грубые замечания обо всем, что видели из окон машины. Больше того, эти джентльмены углядели на местной карте три деревни с названиями Морфи, Солташ и Бригун. Не ручаюсь за точность, но важно другое — мистеру Смигу и мистеру Джонсу эти названия напомнили о мюзик-холльном номере «Мэрфи, Солтман и Бригид, Женщина-Кошка», про который вы, может быть, слышали. Отметив это курьезное совпадение, джентльмены вознамерились посетить три указанные деревеньки, чтобы почтить тем самым артистов эстрады. По словам мистера Чарльза, отец исправно довез их до одной деревни и почти доехал до следующей, когда то ли мистер Смит, то ли мистер Джонс обратил внимание, что это Бригун, то есть третья по счету, а не вторая, если идти по фамилиям. Они осерчали и потребовали от отца немедленно развернуться, чтобы объехать деревни «в должной последовательности». Вышло так, что пришлось возвращаться чуть не до Морфи, но, как заверил меня мистер Чарльз, отец исполнил их требование, словно оно и впрямь было разумным, и вообще продолжал держаться с безукоризненной вежливостью.

Но теперь внимание мистера Смита и мистера Джонса сосредоточилось на отце. Им, вероятно, надоело созерцать окрестные виды, и они принялись развлекаться, во весь голос отпуская нелестные замечания по поводу отцовской «ошибки». Как вспоминал мистер Чарльз, его привело в восхищение, что отец ни малейшим намеком не дал

but continued to drive with an expression balanced perfectly between personal dignity and readiness to oblige. My father's equanimity was not, however, allowed to last. For when they had wearied of hurling insults at my father's back, the two gentlemen began to discuss their host — that is to say, my father's employer, Mr John Silvers. The remarks grew ever more debased and treacherous so that Mr Charles — at least so he claimed — was obliged to intervene with the suggestion that such talk was bad form. This view was contradicted with such energy that Mr Charles, quite aside from worrying whether he would become the next focus of the gentlemen's attention, actually thought himself in danger of physical assault. But then suddenly, following a particularly heinous insinuation against his employer, my father brought the car to an abrupt halt. It was what happened next that had made such an indelible impression upon Mr Charles.

The rear door of the car opened and my father was observed to be standing there, a few steps back from the vehicle, gazing steadily into the interior. As Mr Charles described it, all three passengers seemed to be overcome as one by the realization of what an imposing physical force my father was. Indeed, he was a man of some six feet three inches, and his countenance, though reassuring while one knew he was intent on obliging, could seem extremely forbidding viewed in certain other contexts. According

почувствовать, что обижен или сердит, но продолжал вести машину, сохраняя на лице выражение, в котором личное достоинство гармонично сочеталось с готовностью услужить. Однако невозмутимости отца скоро был положен конец. Устав поливать отца оскорблениями с заднего сиденья, два джентльмена начали перемывать кости тому, кто их пригласил, то есть отцовскому хозяину, мистеру Джону Сильверсу. Выпады делались все грязнее и оскорбительней, так что мистер Чарльз — по крайней мере, он так утверждал, — вынужден был вмешаться и указать, что от подобных разговоров отдает дурным тоном. Его слова были встречены столь решительным несогласием, что мистер Чарльз не только испугался, как бы джентльмены не избрали очередной мишенью его самого, но начал подумывать, уж не грозит ли ему прямая физическая расправа. Но тут, вслед за особенно гнусным оскорблением по адресу хозяина, отец рывком остановил машину. А дальше случилось то самое, что произвело на мистера Чарльза совершенно неизгладимое впечатление.

Задняя дверца салона распахнулась, и перед ними предстал отец. Он стоял, немного отступив от машины и сверля взглядом сидящих. Как описывал мистер Чарльз, до трех пассажиров словно разом дошло, какой недюжинной физической силой наделен отец. В нем и вправду было целых шесть футов три дюйма, а лицо, вселяющее уверенность, если знаешь, что он стремится вам услужить, при иных обстоятельствах могло выглядеть в высшей степени грозно. По словам мистера

to Mr Charles, my father did not display any obvious anger. He had, it seemed, merely opened the door. And yet there was something so powerfully rebuking and at the same time so unassailable about his figure looming over them that Mr Charles's two drunken companions seemed to cower back like small boys caught by the farmer in the act of stealing apples.

My father had proceeded to stand there for some moments, saying nothing, merely holding open the door. Eventually, either Mr Smith or Mr Jones had remarked:

‘Are we not going on with the journey?’

My father did not reply, but continued to stand there silently, neither demanding disembarkation nor offering any clue as to his desires or intentions. I can well imagine how he must have looked that day, framed by the doorway of the vehicle, his dark, severe presence quite blotting out the effect of the gentle Hertfordshire scenery behind him. Those were, Mr Charles recalls, strangely unnerving moments during which he too, despite not having participated in the preceding behaviour, felt engulfed with guilt. The silence seemed to go on interminably, before either Mr Smith or Mr Jones found it in him to mutter:

‘I suppose we were talking a little out of turn there. It won't happen again.’

A moment to consider this, then my father had closed the door gently, returned to the wheel and had proceeded to continue the tour of the three villages — a tour, Mr Charles assured me, that was completed thereafter in near-silence.

Чарльза, отец не выказывал внешних признаков гнева. Он, похоже, всего лишь открыл дверцу. Однако от нависшей над ними фигуры исходило столь мощное осуждение и в то же время ощущение такой неприступности, что пьяные спутники мистера Чарльза съежились на глазах, как мальчишки, пойманные на краже яблок.

Отец простоял несколько секунд — в полном молчании, только придерживая рукой открытую дверцу. Наконец то ли мистер Смит, то ли мистер Джонс робко спросил:

— Мы что, дальше не поедем?

Отец не ответил, он продолжал молча стоять, не требуя, чтобы те вышли, но и не выказывая каких-либо иных желаний или намерений. Представляю, как он тогда выглядел: заполняя собой проем дверцы, его суровая, мрачная фигура заставляла напрочь забыть о мягком хертфордширском ландшафте, что был у него за спиной. В эту минуту, как вспоминал мистер Чарльз, все непонятно чего испугались, и даже его, не принимавшего участия в безобразии, охватило чувство вины. Молчание, казалось, затягивалось до бесконечности, и наконец не то мистер Смит, не то мистер Джонс набрался мужества и выдал:

— Похоже, мы тут лишнего наболтали. Больше не повторится.

Отец подумал, осторожно закрыл дверцу, сел за руль, и поездка по трем деревням была продолжена — и завершена, как уверял мистер Чарльз, при почти полном молчании.

Now that I have recalled this episode, another event from around that time in my father's career comes to mind which demonstrates perhaps even more impressively this special quality he came to possess. I should explain here that I am one of two brothers — and that my elder brother, Leonard, was killed during the Southern African War while I was still a boy. Naturally, my father would have felt this loss keenly; but to make matters worse, the usual comfort a father has in these situations — that is, the notion that his son gave his life gloriously for king and country — was sullied by the fact that my brother had perished in a particularly infamous manoeuvre. Not only was it alleged that the manoeuvre had been a most un-British attack on civilian Boer settlements, overwhelming evidence emerged that it had been irresponsibly commanded with several floutings of elementary military precautions, so that the men who had died — my brother among them — had died quite needlessly. In view of what I am about to relate, it would not be proper of me to identify the manoeuvre any more precisely, though you may well guess which one I am alluding to if I say that it caused something of an uproar at the time, adding significantly to the controversy the conflict as a whole was attracting. There had been calls for the removal, even the court-martialling, of the general concerned, but the army had defended the latter and he had been allowed to complete the campaign. What is less known is that at the close of the Southern African conflict, this same general had been discreetly retired, and he had then entered

Рассказав об этом эпизоде, я вспоминаю о другом событии — оно случилось примерно в ту же пору и, возможно, еще наглядней и ярче раскрывает особое качество, которое отец в себе выработал. Тут следует пояснить, что нас в семье было два брата и старшего, Леонарда, убили в бурскую войну, когда я был еще мальчишкой. Отец, естественно, страшно переживал потерю, тяжесть которой усугублялась еще и тем, что обычное утешение родителей в таких случаях — уверенность, что сын с честью отдал жизнь за короля и отечество, было испорчено: брат погиб в особо бесславной операции. Стало известно, что это было нападение на мирный бурский поселок — дело, в высшей степени недостойное истинного британца. Хуже того, со всей очевидностью было доказано, что операцию провели безответственно, с несоблюдением ряда элементарных мер военной безопасности, так что павшие солдаты, и брат в том числе, погибли, как выяснилось, бессмысленно. В свете того, о чем мне предстоит рассказать, с моей стороны было бы неподобающим уточнять, о какой операции пойдет речь, хотя вы легко об этом догадаетесь, когда я скажу, что в свое время она вызвала волну негодования и тем самым изрядно приумножила споры, которые шли по поводу военного конфликта в целом. Раздавались призывы отправить в отставку, а то и предать суду руководившего операцией генерала, но армия взяла его под защиту, и ему позволили завершить кампанию. Менее известно другое — к концу конфликта в Южной Африке этого самого генерала без лишнего шу-

business, dealing in shipments from Southern Africa. I relate this because some ten years after the conflict, that is to say when the wounds of bereavement had only superficially healed, my father was called into Mr John Silvers's study to be told that this very same personage — I will call him simply 'the General' — was due to visit for a number of days to attend a house party, during which my father's employer hoped to lay the foundations of a lucrative business transaction. Mr Silvers, however, had remembered the significance the visit would have for my father, and had thus called him in to offer him the option of taking several days' leave for the duration of the General's stay.

My father's feelings towards the General were, naturally, those of utmost loathing; but he realized too that his employer's present business aspirations hung on the smooth running of the house party — which with some eighteen or so people expected would be no trifling affair. My father thus replied to the effect that while he was most grateful that his feelings had been taken into account, Mr Silvers could be assured that service would be provided to the usual standards.

As things turned out, my father's ordeal proved even worse than might have been predicted. For one thing, any hopes my father may have had that to meet the General in person would arouse a sense of respect or sympathy to leaven his feelings against him proved without foundation. The General was

ма проводили в отставку, после чего он поступил в фирму, занимавшуюся торговыми перевозками из Южной Африки. Я потому обо всем этом рассказываю, что лет через десять после бурской войны, то есть когда рана утраты только-только успела затянуться, мистер Джон Сильверс вызвал отца к себе в кабинет и сообщил, что то самое лицо — я буду называть его просто Генералом — должно прибыть в гости на несколько дней и участвовать в большом приеме, на котором отцовский хозяин рассчитывал договориться об одной выгодной коммерческой сделке. Мистер Сильверс, однако, подумал о том, каково отцу будет встретиться с Генералом, поэтому специально вызвал его, чтобы предложить пойти в отпуск на те несколько дней, что Генерал пробудет в доме.

Генерала отец, естественно, ненавидел всеми фибрами души, но понимал он и то, что хозяин мог рассчитывать на успех в своих тогдашних деловых начинаниях, только если прием пройдет без сучка и задоринки, а это было не так-то просто, учитывая, что гостей ожидалось человек восемнадцать. Поэтому отец поблагодарил за то, что с его чувствами посчитались, однако заверил мистера Сильверса: обслуживание, как всегда, будет обеспечено на самом высоком уровне.

Как показало дальнейшее, отец подвергся еще большему испытанию, чем можно было предполагать. Прежде всего надежды на то, что, встретив Генерала во плоти, он почувствует к нему уважение и симпатию, каковые могли бы смягчить предубеждение против этого человека, оказались

a portly, ugly man, his manners were not refined, and his talk was conspicuous for an eagerness to apply military similes to a very wide variety of matters. Worse was to come with the news that the gentleman had brought no valet, his usual man having fallen ill. This presented a delicate problem, another of the house guests being also without his valet, raising the question as to which guest should be allocated the butler as valet and who the footman. My father, appreciating his employer's position, volunteered immediately to take the General, and thus was obliged to suffer intimate proximity for four days with the man he detested. Meanwhile, the General, having no idea of my father's feelings, took full opportunity to relate anecdotes of his military accomplishments — as of course many military gentlemen are wont to do to their valets in the privacy of their rooms. Yet so well did my father hide his feelings, so professionally did he carry out his duties, that on his departure the General had actually complimented Mr John Silvers on the excellence of his butler and had left an unusually large tip in appreciation — which my father without hesitation asked his employer to donate to a charity.

I hope you will agree that in these two instances I have cited from his career — both of which I have had corroborated and believe to be accurate — my father not only manifests, but comes close to being the personification itself, of what the Hayes Society terms 'dignity in keeping with his position'. If one

беспочвенными. Генерал был тучный, уродливый мужчина; манеры его не отличались утонченностью, а разговаривая, он все стремился перевести на военный язык. Хуже того, этот господин, как выяснилось, прибыл без камердинера, поскольку тот заболел. А так как еще один гость тоже явился без слуги, возник щекотливый вопрос: кому из гостей предложить в качестве камердинера дворецкого, а кому — простого лакея? Оценив положение, в каком очутился хозяин, отец сразу же вызвался обслуживать Генерала; таким образом, отцу целых четыре дня пришлось состоять при ненавистном ему человеке. Генерал же, отнюдь не догадываясь о чувствах отца, воспользовался случаем и при всякой возможности пускался в рассказы о своих воинских подвигах — занятие, которому, как известно, склонны предаваться многие джентльмены из военных, оставаясь в своих спальнях наедине с камердинером. И тем не менее отец так умело скрывал свои чувства, с таким профессиональным блеском исполнял положенные обязанности, что Генерал, отбывая, поздравил мистера Джона Сильверса с завидным дворецким и в благодарность оставил необычно крупные чаевые. Отец не задумываясь попросил хозяина передать их на благотворительные цели.

Вы, полагаю, согласитесь, что в каждом из этих двух эпизодов — я оба проверил и подтверждаю их соответствие истине — отец не только демонстрирует, но, можно сказать, воплощает собой то, что Общество Хейса именует «достоинством, отвечающим занимаемому положению». Если подумать,

considers the difference between my father at such moments and a figure such as Mr Jack Neighbours even with the best of his technical flourishes, I believe one may begin to distinguish what it is that separates a 'great' butler from a merely competent one. We may now understand better, too, why my father was so fond of the story of the butler who failed to panic on discovering a tiger under the dining table; it was because he knew instinctively that somewhere in this story lay the kernel of what true 'dignity' is. And let me now posit this: 'dignity' has to do crucially with a butler's ability not to abandon the professional being he inhabits. Lesser butlers will abandon their professional being for the private one at the least provocation. For such persons, being a butler is like playing some pantomime role; a small push, a slight stumble, and the façade will drop off to reveal the actor underneath. The great butlers are great by virtue of their ability to inhabit their professional role and inhabit it to the utmost; they will not be shaken out by external events, however surprising, alarming or vexing. They wear their professionalism as a decent gentleman will wear his suit: he will not let ruffians or circumstance tear it off him in the public gaze; he will discard it when, and only when, he wills to do so, and this will invariably be when he is entirely alone. It is, as I say, a matter of 'dignity'.

каков был отец в описанных обстоятельствах, и сравнить его, допустим, с мистером Джеком Нейборсом, когда тот выступал во всеоружии профессионального мастерства, то, полагаю, можно приблизиться к пониманию, чем именно «великий» дворецкий отличается от всего лишь компетентного. Теперь мы лучше поймем и то, почему отец так любил историю про дворецкого, который не испугался, обнаружив в столовой под столом тигра: интуиция подсказывала отцу, что где-то в этой истории скрыт ответ на вопрос, что такое истинное достоинство. А теперь разрешите выдвинуть такой постулат: решающим компонентом достоинства является способность дворецкого никогда не расставаться со своим профессиональным лицом. Дворецкие меньшего калибра по самому ничтожному поводу сменяют свой профессиональный облик на индивидуальный. Для них быть дворецким все равно что выступать в пантомиме: легкий толчок, ничтожная зацепка — и маска спадает, обнажая подлинное лицо актера. Великие дворецкие тем и велики, что способны сживаться со своим профессиональным лицом, срастаться с ним намертво; их не могут потрясти никакие внешние обстоятельства, сколь бы внезапными, тревожными и досадными ни были эти последние. Для великих дворецких профессиональный облик — то же, что для порядочного джентльмена костюм: он не даст ни бандитам, ни стихиям сорвать его с себя на людях, а разоблачится тогда и только тогда, когда сам того пожелает, и непременно без свидетелей. В этом, как я говорю, и состоит «достоинство».

It is sometimes said that butlers only truly exist in England. Other countries, whatever title is actually used, have only manservants. I tend to believe this is true. Continentals are unable to be butlers because they are as a breed incapable of the emotional restraint which only the English race are capable of. Continentals — and by and large the Celts, as you will no doubt agree — are as a rule unable to control themselves in moments of strong emotion, and are thus unable to maintain a professional demeanour other than in the least challenging of situations. If I may return to my earlier metaphor — you will excuse my putting it so coarsely — they are like a man who will, at the slightest provocation, tear off his suit and his shirt and run about screaming. In a word, ‘dignity’ is beyond such persons. We English have an important advantage over foreigners in this respect and it is for this reason that when you think of a great butler, he is bound, almost by definition, to be an Englishman.

Of course, you may retort, as did Mr Graham whenever I expounded such a line during those enjoyable discussions by the fire, that if I am correct in what I am saying, one could recognize a great butler as such only after one had seen him perform under some severe test. And yet the truth is, we accept persons such as Mr Marshall or Mr Lane to be great, though most of us cannot claim to have ever scrutinized them under such conditions. I have to admit Mr Graham has a point here, but all I can

Порой высказывается мнение, что настоящие дворецкие встречаются только в Англии. В других странах существует лишь мужская прислуга, каким именем ее там ни называй. Европейцы не могут быть дворецкими, ибо, в отличие от англичан, по самому своему складу не способны обуздывать душевные переживания. Европейцы, а в большинстве своем и кельты, с чем вы, конечно, не станете спорить, как правило, не способны к самоконтролю в минуты сильного возбуждения и поэтому сохраняют профессиональную невозмутимость лишь в самых спокойных ситуациях. Если вернуться к ранее предложенной метафоре — она грубовата, прошу уж меня извинить, — то я уподоблю их человеку, который по ничтожному поводу готов сорвать с себя костюм и рубашку и носиться, вопя во все горло. Одним словом, «достоинство» таким людям недоступно. В этом отношении у нас, англичан, большое преимущество перед иностранцами, вот почему великий дворецкий, как мы его представляем, чуть ли не по определению обязан быть англичанином.

Вы, разумеется, можете возразить, как возражал мистер Грэм всякий раз, стоило мне во время наших приятных споров у камина развить эту точку зрения: если я прав в своих утверждениях, великого дворецкого можно признать таковым, лишь понаблюдав его в каких-нибудь чрезвычайных обстоятельствах. В действительности же такие люди, как мистер Маршалл или мистер Лейн, хотя мы в большинстве своем никогда не видели их в указанных обстоятельствах, все равно стано-

say is that after one has been in the profession as long as one has, one is able to judge intuitively the depth of a man's professionalism without having to see it under pressure. Indeed, on the occasion one is fortunate enough to meet a great butler, far from experiencing any sceptical urge to demand a 'test', one is at a loss to imagine any situation which could ever dislodge a professionalism borne with such authority. In fact, I am sure it was an apprehension of this sort, penetrating even the thick haze created by alcohol, which reduced my father's passengers into a shamed silence that Sunday afternoon many years ago. It is with such men as it is with the English landscape seen at its best as I did this morning: when one encounters them, one simply knows one is in the presence of greatness.

There will always be, I realize, those who would claim that any attempt to analyse greatness as I have been doing is quite futile.

'You know when somebody's got it and you know when somebody hasn't,' Mr Graham's argument would always be. 'Beyond that there's nothing much you can say.'

But I believe we have a duty not to be so defeatist in this matter. It is surely a professional responsibility for all of us to think deeply about these things so that each of us may better strive towards attaining 'dignity' for ourselves.

вятся великими в наших глазах. Тут я вынужден согласиться с мистером Грэмом, однако замечу: прослужив в дворецких с мое, обретаешь способность интуитивно судить о профессиональных достоинствах другого дворецкого, даже не видя того в экстремальных условиях. Больше того, если выпадает счастье встретиться с великим дворецким, тут не только не испытываешь маловерного позыва потребовать для него «испытания», но, напротив, не можешь даже вообразить обстоятельства, способные поколебать профессиональное достоинство, столь властно заявленное. Я и в самом деле уверен, что именно такого рода прозрение, пробившись сквозь густой туман опьянения, заставило в тот давний воскресный день джентльменов в машине пристыженно замолчать. С такими дворецкими — то же самое, что с английским ландшафтом, если поглядеть на него с лучшей точки, как мне довелось нынче утром: раз увидел — становится ясно, что находишься пред лицом великого.

Я понимаю, всегда найдутся желающие возразить, будто любая попытка разобраться в величии, в том числе и моя, обречена на неудачу.

— Сразу ясно, у кого оно есть, а у кого нет, — таков неизменный довод мистера Грэма. — Так-то вот, и нечего ломать голову.

Я, однако, считаю, что здесь наш долг — не соглашаться заранее с поражением. Сама профессия, конечно же, требует от всех нас глубоких размышлений по этому поводу, с тем чтобы каждый мог успешней стремиться к обретению «достоинства».

Day two • morning

SALISBURY

Strange beds have rarely agreed with me, and after only a short spell of somewhat troubled slumber, I awoke an hour or so ago. It was then still dark, and knowing I had a full day's motoring ahead of me, I made an attempt to return to sleep. This proved futile, and when I decided eventually to rise, it was still so dark that I was obliged to turn on the electric light in order to shave at the sink in the corner. But when having finished I switched it off again, I could see early daylight at the edges of the curtains.

When I parted them just a moment ago, the light outside was still very pale and something of a mist was affecting my view of the baker's shop and chemist's shop opposite. Indeed, following the street further along to where it runs over the little round-backed bridge, I could see the mist rising from the river, obscuring almost entirely one of the bridge-posts. There was not a soul to be seen, and apart from a hammering noise echoing from somewhere distant, and an occasional coughing in a room to the back of the house, there is still no sound to be heard. The landlady is clearly not yet up and about, suggesting there is little chance of her serving breakfast earlier than her declared time of seven thirty.

Now, in these quiet moments as I wait for the world about to awake, I find myself going over in my mind again passages from Miss Kenton's letter. Incidentally, I should before now have explained

День второй — утро СОЛСБЕРИ

На новом месте мне почти всегда плохо спится, и с час назад я проснулся после непродолжительной и довольно беспокойной дремоты. Было еще темно, я знал, что мне целый день сидеть за рулем, и попытался снова заснуть. Ничего не вышло, я наконец решил встать; все еще не развиднелось, и мне пришлось включить электричество, чтобы побриться над раковиной в углу. Когда же после бритья я его выключил, из-под краев занавесок просочился серый рассвет.

Я только что их раздвинул — на улице по-прежнему сумеречно, туман застит вид на пекарню и аптеку. Да и пробежав взглядом вдоль улицы до горбатого мостика, я увидел, как от реки поднимается дымка, почти полностью окутавшая одну из свай. На улице ни души, повсюду полная тишина, если не считать долетающего откуда-то издали эха тяжелых ударов да кашля, что изредка раздается в одной из задних комнат. Хозяйка еще явно не вставала и не бралась за дело, поэтому мало надежды на то, что завтрак подадут раньше обещанной половины восьмого.

В этот тихий рассветный час, когда мир еще не проснулся, перед моим мысленным взором возникают строки из письма мисс Кентон. Кстати, давно следовало объяснить, почему я именую

myself as regards my referring to 'Miss Kenton'. 'Miss Kenton' is properly speaking 'Mrs Benn' and has been for twenty years. However, because I knew her at close quarters only during her maiden years and have not seen her once since she went to the West Country to become 'Mrs Benn', you will perhaps excuse my impropriety in referring to her as I knew her, and in my mind have continued to call her throughout these years. Of course, her letter has given me extra cause to continue thinking of her as 'Miss Kenton', since it would seem, sadly, that her marriage is finally to come to an end. The letter does not make specific the details of the matter, as one would hardly expect it to do, but Miss Kenton states unambiguously that she has now, in fact, taken the step of moving out of Mr Benn's house in Helston and is presently lodging with an acquaintance in the nearby village of Little Compton.

It is of course tragic that her marriage is now ending in failure. At this very moment, no doubt, she is pondering with regret decisions made in the far-off past that have now left her, deep in middle age, so alone and desolate. And it is easy to see how in such a frame of mind, the thought of returning to Darlington Hall would be a great comfort to her. Admittedly, she does not at any point in her letter state explicitly her desire to return; but that is the unmistakable message conveyed by the general nuance of many of the passages, imbued as they are with a deep nostalgia for her days at Darlington Hall. Of course, Miss Kenton cannot hope by returning at this stage ever to retrieve those lost years, and it

ее «мисс Кентон». Строго говоря, мисс Кентон вот уже двадцать лет как миссис Бенн. Поскольку, однако, мы с нею работали бок о бок лишь до ее замужества и не виделись с тех пор, как она переехала в западные графства, чтобы превратиться в миссис Бенн, вы, надеюсь, разрешите мне называть ее по-старому, как я называл ее про себя все эти годы. Да и письмо дает лишние основания думать о ней как о мисс Кентон, ибо из него явствует, что на своей семейной жизни она, увы, поставила крест. В письме она не приводит подробностей, да такое было бы на нее не похоже, однако недвусмысленно заявляет, что окончательно выехала из дома мистера Бенна в Хелстоне и в настоящее время проживает у знакомой в близлежащей деревне Литтл-Комптон.

Разумеется, очень грустно, что ее брак завершается разрывом. Не сомневаюсь, что в эту самую минуту она с горечью размышляет о принятом в ту далекую пору решении, из-за которого теперь, в отнюдь не молодые годы, обречена на одиночество и тоску. Легко представить, что в подобном состоянии духа мысль о возвращении в Дарлингтонхолл дарует ей утешение. Правда, мисс Кентон ни разу не пишет открыто о желании вернуться, но оно, это желание, определенно сквозит в общей интонации многих строк, исполненных глубокой ностальгии по дням, проведенным в Дарлингтонхолле. Разумеется, мисс Кентон не приходится рассчитывать, что запоздалое возвращение вер-

will be my first duty to impress this upon her when we meet. I will have to point out how different things are now — that the days of working with a grand staff at one's beck and call will probably never return within our lifetime. But then Miss Kenton is an intelligent woman and she will have already realized these things. Indeed, all in all, I cannot see why the option of her returning to Darlington Hall and seeing out her working years there should not offer a very genuine consolation to a life that has come to be so dominated by a sense of waste.

And of course, from my own professional viewpoint, it is clear that even after a break of so many years, Miss Kenton would prove the perfect solution to the problem at present besetting us at Darlington Hall. In fact, by terming it a 'problem', I perhaps overstate the matter. I am referring, after all, to a series of very minor errors on my part and the course I am now pursuing is merely a means of preempting any 'problems' before one arises. It is true, these same trivial errors did cause me some anxiety at first, but once I had had time to diagnose them correctly as symptoms of nothing more than a straightforward staff shortage, I have refrained from giving them much thought. Miss Kenton's arrival, as I say, will put a permanent end to them.

But to return to her letter. It does at times reveal a certain despair over her present situation — a fact that is rather concerning. She begins one sentence: 'Although I have no idea how I shall usefully fill the

нет ей потерянные годы, и при встрече я первым долгом обязан ей это внушить. Придется ей объяснить, как все переменялось и что времена, когда под началом у нас была многочисленная прислуга, вероятно, навсегда отошли в прошлое. Но мисс Кентон — женщина умная и должна бы уже все это понять. В общем и целом я и вправду не вижу, почему бы ей не вернуться в Дарлингтон-холл и не прослужить там до старости, такое решение дарует душе, изнемогающей под бременем впустую прожитых лет, самое драгоценное утешение.

Ну и разумеется, с чисто профессиональной точки зрения появление в Дарлингтон-холле мисс Кентон даже после столь долгого перерыва, несомненно, станет идеальным решением проблемы, беспокоящей нас в настоящее время. Вообще говоря, я, пожалуй, преувеличиваю, называя это «проблемой». В конце-то концов, речь идет о цепочке допущенных мной небольших погрешностей, и нынешние мои действия — всего-навсего способ упредить любые «проблемы» до того, как они успели возникнуть. Правда, эти небольшие погрешности поначалу меня тревожили, но потом я на досуге подумал и правильно их оценил — как проявления элементарной нехватки обслуживающего персонала. С тех пор я перестал из-за них беспокоиться. Как я сказал, с прибытием мисс Кентон им придет конец раз и навсегда.

Но вернемся к письму. Местами в нем и впрямь проступает отчаяние по поводу ее нынешнего положения, что вызывает у меня известную озабоченность. Вот начало одной фразы: «Хотя

remainder of my life ...’ And again, elsewhere, she writes: ‘The rest of my life stretches out as an emptiness before me.’ For the most part, though, as I have said, the tone is one of nostalgia. At one point, for instance, she writes:

‘This whole incident put me in mind of Alice White. Do you remember her? In fact, I hardly imagine you could forget her. For myself, I am still haunted by those vowel sounds and those uniquely ungrammatical sentences only she could dream up! Have you any idea what became of her?’

I have not, as a matter of fact, though I must say it rather amused me to remember that exasperating housemaid —who in the end turned out to be one of our most devoted.

At another point in her letter, Miss Kenton writes:

‘I was so fond of that view from the second-floor bedrooms overlooking the lawn with the downs visible in the distance. Is it still like that? On summer evenings there was a sort of magical quality to that view and I will confess to you now I used to waste many precious minutes standing at one of those windows just enchanted by it.’

Then she goes on to add:

‘If this is a painful memory, forgive me. But I will never forget that time we both watched your father walking back and forth in front of the summerhouse, looking down at the ground as though he hoped to find some precious jewel he had dropped there.’

я не представляю, как с пользой употребить остаток жизни...» В другом месте она опять же пишет: «Оставшиеся годы лежат передо мной как пустыня...» Однако большей частью в письме преобладают ностальгические тона, о чем я уже говорил. Например, в одном месте она пишет:

«Этот случай привел мне на память Алису Уайт. Вы ее помните? Конечно помните, вы едва ли могли ее позабыть. У меня до сих пор стоят в ушах чудовищно растянутые гласные и невероятно корявые фразы, придумать которые могла лишь она одна! Вы не знаете, что с нею стало?»

Сказать по правде, не знаю, хотя, готов признаться, было забавно вспомнить об этой невозможной горничной, которая в конечном счете оказалась у нас одной из самых работающих.

В другом месте мисс Кентон замечает:

«Я так любила вид из окон спален третьего этажа — на лужайку и дальнюю гряду известняковых холмов. Он не изменился? Летними вечерами в нем было какое-то волшебное очарование, и я, так и быть, признаюсь, что отрывала от работы много драгоценных минут, чтобы как замороженная постоять у какого-нибудь из окон».

И добавляет:

«Простите, если это воспоминание окажется для вас неприятным, но я никогда не забуду, как мы вдвоем наблюдали за вашим батюшкой, который прохаживался взад-вперед у беседки, уставясь себе под ноги, словно обронил драгоценный камень и теперь надеется его отыскать».

It is something of a revelation that this memory from over thirty years ago should have remained with Miss Kenton as it has done with me. Indeed, it must have occurred on just one of those summer evenings she mentions, for I can recall distinctly climbing to the second landing and seeing before me a series of orange shafts from the sunset breaking the gloom of the corridor where each bedroom door stood ajar. And as I made my way past those bedrooms, I had seen through a doorway Miss Kenton's figure, silhouetted against a window, turn and call softly:

‘Mr Stevens, if you have a moment.’

As I entered, Miss Kenton had turned back to the window. Down below, the shadows of the poplars were falling across the lawn. To the right of our view, the lawn sloped up a gentle embankment to where the summerhouse stood, and it was there my father's figure could be seen, pacing slowly with an air of preoccupation — indeed, as Miss Kenton puts it so well, ‘as though he hoped to find some precious jewel he had dropped there’.

There are some very pertinent reasons why this memory has remained with me, as I wish to explain. Moreover, now that I come to think of it, it is perhaps not so surprising that it should also have made a deep impression on Miss Kenton given certain aspects of her relationship with my father during her early days at Darlington Hall.

Miss Kenton and my father had arrived at the house at more or less the same time — that is to

Для меня стало откровением, что мисс Кентон тридцать с лишним лет не забывала об этом, как не забыл я сам. Должно быть, это случилось как раз в один из летних вечеров, о каких она пишет, ибо я отчетливо помню, что поднялся на площадку третьего этажа и увидел, что двери всех спален стоят нараспашку, а из них, рассекая сумрак коридора, рвутся полосы оранжевого закатного света. Проходя коридором, я заметил в одной из спален четкий силуэт мисс Кентон на фоне окна. Она обернулась и вполголоса позвала:

— Мистер Стивенс, можно вас на минутку?

Я вошел, а мисс Кентон снова повернулась к окну. Внизу под нами длинные тени тополей легли на газон. Немного правее газон поднимался к невысокой насыпи, где стояла беседка; перед ней и маячила фигура отца, который медленно расхаживал с озабоченным видом, словно, как прекрасно описала мисс Кентон, «обронил драгоценный камень и теперь надеется его отыскать».

Тому, что этот эпизод не выветрился у меня из памяти, есть немаловажные причины, которые я бы хотел объяснить. Больше того, сейчас, задним числом, мне представляется не столь уж и удивительным, что этот случай произвел глубокое впечатление также и на мисс Кентон, принимая во внимание некоторые аспекты ее взаимоотношений с моим родителем, когда она только начала служить в Дарлингтон-холле.

Мисс Кентон и отец поступили к нам на службу почти одновременно — а было это весной 1922 го-

say, the spring of 1922 — as a consequence of my losing at one stroke the previous housekeeper and under-butler. This had occurred due to these latter two persons deciding to marry one another and leave the profession. I have always found such liaisons a serious threat to the order in a house. Since that time, I have lost numerous more employees in such circumstances. Of course, one has to expect such things to occur amongst maids and footmen, and a good butler should always take this into account in his planning; but such marrying amongst more senior employees can have an extremely disruptive effect on work. Of course, if two members of staff happen to fall in love and decide to marry, it would be churlish to be apportioning blame; but what I find a major irritation are those persons — and housekeepers are particularly guilty here — who have no genuine commitment to their profession and who are essentially going from post to post looking for romance. This sort of person is a blight on good professionalism.

But let me say immediately I do not have Miss Kenton in mind at all when I say this. Of course, she too eventually left my staff to get married, but I can vouch that during the time she worked as housekeeper under me, she was nothing less than dedicated and never allowed her professional priorities to be distracted.

But I am digressing. I was explaining that we had fallen in need of a housekeeper and an under-butler at one and the same time and Miss Kenton had arrived — with unusually good references, I recall —

да, — когда мы разом лишились и экономки, и помощника дворецкого. Дело в том, что двое последних надумали вступить в брак и оставить службу. Я всегда видел в таких вот любовных связях большую угрозу для заведенного в доме порядка. С того времени я в аналогичных обстоятельствах лишился еще многих слуг. Конечно, этого следует ожидать от лакеев и горничных, и хороший дворецкий обязан предусмотреть такие случаи в своих расчетах, но браки подобного рода между слугами более высокого ранга способны повлечь за собой крайне нежелательные для службы последствия. Разумеется, двое штатных слуг могут влюбиться друг в друга и решить вступить в брак, и выяснять, кто из них виноват в большей степени, а кто в меньшей, — занятие неблагодарное; меня, однако, безмерно раздражают лица — и чаще всего это экономки, — не преданные службе всей душой и, по существу, кочующие с места на место в погоне за любовными приключениями. Такие люди порочат доброе имя профессионалов своего дела.

Позвольте сразу оговориться, что все сказанное отнюдь не распространяется на мисс Кентон. Правда, в конце концов и она ушла от нас, чтобы выйти замуж, но я могу подтвердить, что за время службы экономкой в моем подчинении она всю себя отдавала служебным обязанностям, от исполнения коих ее ничто не было в силах отвлечь.

Впрочем, я уклоняюсь от темы. Я остановился на том, что нам одновременно понадобились экономка и помощник дворецкого, и мисс Кентон, прибывшая, как помнится, с исключительно хо-

to take up the former post. As it happened, my father had around this time come to the end of his distinguished service at Loughborough House with the death of his employer, Mr John Silvers, and had been at something of a loss for work and accommodation. Although he was still, of course, a professional of the highest class, he was now in his seventies and much ravaged by arthritis and other ailments. It was not at all certain, then, how he would fare against the younger breed of highly professionalized butlers looking for posts. In view of this, it seemed a reasonable solution to ask my father to bring his great experience and distinction to Darlington Hall.

As I remember, it was one morning a little while after my father and Miss Kenton had joined the staff, I had been in my pantry, sitting at the table going through my paperwork, when I heard a knock on my door. I recall I was a little taken aback when Miss Kenton opened the door and entered before I had bidden her to do so. She came in holding a large vase of flowers and said with a smile:

‘Mr Stevens, I thought these would brighten your parlour a little.’

‘I beg your pardon, Miss Kenton?’

‘It seemed such a pity your room should be so dark and cold, Mr Stevens, when it’s such bright sunshine outside. I thought these would enliven things a little.’

‘That’s very kind of you, Miss Kenton.’

рошими рекомендациями, поступила на вакантное место. По стечению обстоятельств примерно в эту же пору из-за кончины хозяина, мистера Джона Сильверса, отец завершил свою безупречную службу в Лафборо-хаусе и не совсем ясно представлял, где искать работу и крышу над головой. Хотя он, понятно, оставался слугой наивысшего класса, ему тогда было уже за семьдесят, и его здоровье было основательно подорвано артритом и прочими недугами. Поэтому возникали опасения, что он не выстоит в борьбе за место против представителей более молодого поколения отлично подготовленных дворецких. В свете всего этого самым разумным выходом представлялось пригласить отца в Дарлингтон-холл, где бы его огромный опыт и авторитет весьма пригодились.

Если не ошибаюсь, как-то утром вскоре после того, как отец и мисс Кентон пополнили собой штат нашего персонала, я сидел за столом у себя в буфетной, просматривая бумаги. Раздался стук. Помнится, меня тогда немного шокировало, что мисс Кентон открыла дверь и вошла, не дожидаясь приглашения. Она внесла огромную вазу с цветами и с улыбкой сказала:

— Мистер Стивенс, я подумала, что цветы оживят ваши покои.

— Простите, мисс Кентон, не понял.

— Ну как же, мистер Стивенс, у вас в комнате темно и уныло, а на улице такое яркое солнышко. Вот я и подумала, что с цветами будет повеселее.

— Очень любезно с вашей стороны, мисс Кентон.

‘It’s a shame more sun doesn’t get in here. The walls are even a little damp, are they not, Mr Stevens?’

I turned back to my accounts, saying:

‘Merely condensation, I believe, Miss Kenton.’

She put her vase down on the table in front of me, then glancing around my pantry again said:

‘If you wish, Mr Stevens, I might bring in some more cuttings for you.’

‘Miss Kenton, I appreciate your kindness. But this is not a room of entertainment. I am happy to have distractions kept to a minimum.’

‘But surely, Mr Stevens, there is no need to keep your room so stark and bereft of colour.’

‘It has served me perfectly well thus far as it is, Miss Kenton, though I appreciate your thoughts. In fact, since you are here, there was a certain matter I wished to raise with you.’

‘Oh, really, Mr Stevens.’

‘Yes, Miss Kenton, just a small matter. I happened to be walking past the kitchen yesterday when I heard you calling to someone named William.’

‘Is that so, Mr Stevens?’

‘Indeed, Miss Kenton. I did hear you call several times for “William”. May I ask who it was you were addressing by that name?’

‘Why, Mr Stevens, I should think I was addressing your father. There are no other Williams in this house, I take it.’

— Так обидно, что солнце сюда почти не заглядывает. Даже стены чуточку отсырели, правда, мистер Стивенс?

Я вернулся к счетам, заметив:

— Я бы сказал, элементарная конденсация влаги, мисс Кентон.

Она поставила вазу передо мною на стол, снова обвела взглядом буфетную и предложила:

— Хотите, мистер Стивенс, я принесу еще?

— Благодарю за любезность, мисс Кентон, но эта комната — служебное помещение, и меня вполне устраивает, что тут мне ничто не мешает.

— Но, мистер Стивенс, разве из-за этого комната обязательно должна быть голой и унылой?

— До сих пор она прекрасно служила мне и такой, но все равно спасибо за внимание, мисс Кентон. И раз уж вы здесь, я хотел бы обсудить с вами один вопрос.

— Слушаю, мистер Стивенс.

— Да, мисс Кентон, один маленький вопрос. Вчера мне случилось проходить мимо кухни, и я услышал, как вы обратились к кому-то, назвав его Уильямом.

— Неужто, мистер Стивенс?

— Вот именно, мисс Кентон. Я слышал, как вы несколько раз позвали «Уильям». Могу я поинтересоваться, к кому именно вы обращались таким образом?

— Господи, мистер Стивенс, да к кому же еще, как не к вашему батюшке! По-моему, у нас других Уильямов нет.

‘It’s an easy enough error to have made,’ I said with a small smile. ‘May I ask you in future, Miss Kenton, to address my father as “Mr Stevens”? If you are speaking of him to a third party, then you may wish to call him “Mr Stevens senior” to distinguish him from myself. I’m most grateful, Miss Kenton.’

With that I turned back to my papers. But to my surprise, Miss Kenton did not take her leave.

‘Excuse me, Mr Stevens,’ she said after a moment.

‘Yes, Miss Kenton.’

‘I am afraid I am not quite clear what you are saying. I have in the past been accustomed to addressing under-servants by their Christian names and saw no reason to do otherwise in this house.’

‘A most understandable error. Miss Kenton, However, if you will consider the situation for a moment, you may come to see the inappropriateness of someone such as yourself talking “down” to one such as my father.’

‘I am still not clear what you are getting at, Mr Stevens. You say someone such as myself, but I am as far as I understand the housekeeper of this house, while your father is the under-butler.’

‘He is of course in title the under-butler, as you say. But I am surprised your powers of observation have not already made it clear to you that he is in reality more than that. A great deal more.’

— Тут легко было ошибиться, — сказал я, слегка улыбнувшись. — Мисс Кентон, могу я просить вас впредь обращаться к отцу как к мистеру Стивенсу? Если же вы заговорите о нем с третьим лицом, будьте добры называть его мистером Стивенсом-старшим, чтобы не путали со мною. Буду вам крайне обязан, мисс Кентон.

С этими словами я снова взялся за бумаги. Но, к моему удивлению, мисс Кентон и не подумала удалиться.

— Прошу прощения, мистер Стивенс, — произнесла она, чуть замаявшись.

— Да, мисс Кентон?

— Боюсь, я не совсем поняла, что вы имели в виду. Я давно привыкла обращаться к младшему персоналу по имени и не вижу причин отступать от этого правила.

— Весьма понятное заблуждение, мисс Кентон. Стоит вам, однако, трезво оценить положение, и вы увидите всю неуместность снисходительного обращения со стороны вам подобных к таким, как мой отец.

— Я по-прежнему не понимаю, что вы хотите сказать, мистер Стивенс. Вы говорите о «мне подобных», но я, по-моему, служу здесь экономкой, тогда как ваш отец всего лишь помощник дворецкого.

— Разумеется, по штату он помощник дворецкого, как вы изволили выразиться. Но меня удивляет, как вы, при всей вашей наблюдательности, до сих пор не осознали, что на самом деле он представляет собой нечто большее. И в значительной степени.

‘No doubt I have been extremely unobservant, Mr Stevens. I had only observed that your father was an able under-butler and addressed him accordingly. It must indeed have been most galling for him to be so addressed by one such as I.’

‘Miss Kenton, it is clear from your tone you simply have not observed my father. If you had done so, the inappropriateness of someone of your age and standing addressing him as “William” should have been self-evident to you.’

‘Mr Stevens, I may not have been a housekeeper for long, but I would say that in the time I have been, my abilities have attracted some very generous remarks.’

‘I do not doubt your competence for one moment, Miss Kenton. But a hundred things should have indicated to you that my father is a figure of unusual distinction from whom you may learn a wealth of things were you prepared to be more observant.’

‘I am most indebted to you for your advice, Mr Stevens. So do please tell me, just what marvellous things might I learn from observing your father?’

‘I would have thought it obvious to anyone with eyes, Miss Kenton.’

‘But we have already established, have we not, that I am particularly deficient in that respect.’

‘Miss Kenton, if you are under the impression you have already at your age perfected yourself, you will never rise to the heights you are no doubt capa-

— Вероятно, мистер Стивенс, наблюдательность мне и впрямь изменила. Я всего лишь заметила, что ваш отец — умелый помощник дворецкого, и соответственно к нему обращалась. Ему, верно, и вправду неприятно было выслушивать подобное обращение от такой, как я.

— Мисс Кентон, по вашему тону ясно, что вы просто не пригляделись к моему отцу. В противном случае неуместность обращения к нему по имени со стороны лица ваших лет и вашего положения была бы для вас самоочевидной.

— Мистер Стивенс, я, может, и недолго хожу в экономах, но за это время, смею сказать, мои способности удостоились весьма лестных отзывов.

— Я нимало не сомневаюсь в вашей компетентности, мисс Кентон. Но добрая сотня мелочей должна была бы вам подсказать, что мой отец — человек особо выдающийся, у которого вы могли бы многому научиться, когда б готовы были приглядеться внимательнее.

— Премного обязана за совет, мистер Стивенс. Вы уж будьте добры, растолкуйте, каким таким чудесам я могла бы научиться, приглядываясь к вашему батюшке.

— По-моему, не увидеть этого может только слепой, мисс Кентон.

— Но мы ведь выяснили, что как раз наблюдательности мне и не хватает.

— Мисс Кентон, если у вас создалось впечатление, будто в свои годы вы уже добились совершенства, вам никогда не подняться на ту высоту,

ble of. I might point out, for instance, you are still often unsure of what goes where and which item is which.'

This seemed to take the wind out of Miss Kenton's sails somewhat. Indeed, for a moment, she looked a little upset. Then she said:

'I had a little difficulty on first arriving, but that is surely only normal.'

'Ah, there you are, Miss Kenton. If you had observed my father who arrived in this house a week after you did, you will have seen that his house knowledge is perfect and was so almost from the time he set foot in Darlington Hall.'

Miss Kenton seemed to think about this before saying a little sulkily:

'I am sure Mr Stevens senior is very good at his job, but I assure you, Mr Stevens, I am very good at mine. I will remember to address your father by his full title in future. Now, if you would please excuse me.'

After this encounter, Miss Kenton did not attempt to introduce further flowers into my pantry, and in general, I was pleased to observe, she went about settling in impressively. It was clear, furthermore, she was a housekeeper who took her work very seriously, and in spite of her youth she seemed to have no difficulty gaining the respect of her staff.

которой вы, несомненно, способны достигнуть. Я мог бы, к примеру, указать на то, что вы не всегда еще точно знаете, где какой вещи место и что есть что.

Это, похоже, слегка охладило пыл мисс Кентон. Во всяком случае, на какое-то мгновение она, судя по всему, несколько растерялась, но затем сказала:

— У меня были кое-какие трудности, когда я только приступила к работе, но ведь это же в порядке вещей.

— Ага, вот видите, мисс Кентон. Если б вы присмотрелись к моему отцу, а он появился здесь неделей позже вашего, то могли бы заметить: про Дарлингтон-холл он знает решительно все — и знал чуть ли не с первой минуты, как переступил порог этого дома.

Мисс Кентон задумалась, а потом, чуть надувшись, произнесла:

— Не сомневаюсь, что мистер Стивенс-старший прекрасно знает свое дело, но уверяю вас, мистер Стивенс, я тоже прекрасно знаю мое. Впредь же постараюсь следить за собой и обращаться к вашему отцу по фамилии. А сейчас, с вашего позволения, мне нужно идти.

После этой стычки мисс Кентон больше не приносила цветов в буфетную и в целом, как я с удовольствием отметил, весьма успешно обживалась на новом месте. Больше того, стало ясно, что она из тех экономок, кто очень ответственно подходит к своим обязанностям; несмотря на молодость, она, видимо, без труда завоевала уважение у подчиненных ей слуг.

I noticed too that she was indeed proceeding to address my father as 'Mr Stevens'. However, one afternoon perhaps two weeks after our conversation in my pantry, I was doing something in the library when Miss Kenton came in and said:

'Excuse me, Mr Stevens. But if you are searching for your dust-pan, it is out in the hall.'

'I beg your pardon, Miss Kenton?'

'Your dust-pan, Mr Stevens. You've left it out here. Shall I bring it in for you?'

'Miss Kenton, I have not been using a dust-pan.'

'Ah, well, then forgive me, Mr Stevens. I naturally assumed you were using your dust-pan and had left it out in the hall. I am sorry to have disturbed you.'

She started to leave, but then turned at the doorway and said:

'Oh, Mr Stevens. I would return it myself but I have to go upstairs just now. I wonder if you will remember it?'

'Of course, Miss Kenton. Thank you for drawing attention to it.'

'It is quite all right, Mr Stevens.'

I listened to her footsteps cross the hall and start up the great staircase, then proceeded to the doorway myself. From the library doors, one has an unbroken view right across the entrance hall to the main doors of the Most conspicuously, in virtually the central spot otherwise empty and highly polished floor, lay the a pan Miss Kenton had alluded to.

Я также заметил, что она и вправду стала называть отца мистером Стивенсом. Но однажды, недели через две после разговора в буфетной, когда я был чем-то занят в библиотеке, туда вошла мисс Кентон со словами:

— Прошу прощения, мистер Стивенс, но если вы ищете совок для мусора, то он в холле.

— Не понял, мисс Кентон?

— Совок для мусора, мистер Стивенс. Вы его там оставили. Сходить принести?

— Мисс Кентон, я сегодня не пользовался совком.

— Тогда прошу прощения, мистер Стивенс. Я, конечно, подумала, что вы работали с совком и его там оставили. Напрасно я вас потревожила.

Она направилась к двери, но на пороге обернулась и сказала:

— Ох, мистер Стивенс, я бы сама отнесла его на место, только мне срочно нужно наверх. Может, вы позаботитесь?

— Разумеется, мисс Кентон. Спасибо, что обратили мое внимание на этот непорядок.

— Ну что вы, мистер Стивенс.

Я прислушался, как она пересекла холл и стала подниматься по парадной лестнице, а потом и сам вышел. Из дверей библиотеки великолепно просматриваются до блеска натертый пол и парадные двери дома. На самом видном месте, можно сказать, в самой середине пустого холла лежал совок, о котором говорила мисс Кентон.

It struck me as a trivial, but irritating error; the dust-pan would have been conspicuous not only from the five ground-floor doorways opening on to the hall, but also from the staircase and the first-floor balconies. I crossed the hall and had actually picked up the offending item before realizing its full implication; my father, I recalled, had been brushing the entrance hall a half-hour or so earlier. At first, I found it hard to credit such an error to my father. But I soon reminded myself that such trivial slips are liable to befall anyone from time to time, and my irritation soon turned to Miss Kenton for attempting to create such unwarranted fuss over the incident.

Then, not more than a week later, I was coming down the back corridor from the kitchen when Miss Kenton came out of her parlour and uttered a statement she had clearly been rehearsing; this was something to the effect that although she felt most uncomfortable drawing my attention to errors made by my staff, she and I had to work as a team, and she hoped I would not feel inhibited to do similarly should I notice errors made by female staff. She then went on to point out that several pieces of silver had been laid out for the dining room which bore clear remains of polish. The end of one fork had been practically black. I thanked her and she withdrew back into her parlour. It had been unnecessary, of course, for her to mention that the silver was one of my father's main responsibilities and one he took great pride in.

It is very possible there were a number of other instances of this sort which I have now forgotten.

В этом я усмотрел хоть и мелкое, однако досадное упущение. Совок нельзя было не заметить не только из выходящих в холл всех пяти дверей первого этажа, но и с лестницы, а также с галереи второго этажа. Я подошел и нагнулся за этим неуместным в холле предметом, и тут до меня дошел истинный смысл случившегося: отец, вспомнил я, с полчаса назад убирался в холле со шваброй. Поначалу я даже не поверил, чтобы отец мог так оплошать, но напомнил себе, что мелкие упущения вроде этого время от времени случаются с каждым, и раздражение мое быстро обратилось на мисс Кентон — незачем было поднимать шум из-за такой мелочи.

С того случая прошло не больше недели, и вот, когда я возвращался из кухни коридором для слуг, мисс Кентон появилась из своей гостиной и обрушилась на меня с наизусть затверженной речью. Ей крайне неудобно указывать на упущения подначальных мне слуг, сказала она, но нам с ней вместе работать, и она надеется, что я не премину поступить точно так же, обнаружив упущения со стороны женского персонала. После этого вступления она сообщила, что на нескольких выложенных к обеду серебряных приборах оказались явные следы порошка для чистки. У одной вилки зубья были так просто черные. Я поблагодарил, и мисс Кентон ретировалась в гостиную. Ей, разумеется, не нужно было напоминать мне о том, что чистка столового серебра — одна из главных обязанностей отца и тот этим очень гордится.

Весьма вероятно, что были и другие подобные случаи, о которых я просто забыл. Вспоминаю,

In any case, I recall things reaching something of a climax one grey and drizzly afternoon when I was in the billiard room attending to Lord Darlington's sporting trophies. Miss Kenton had entered and said from the door:

'Mr Stevens, I have just noticed something outside which puzzles me.'

'What is that, Miss Kenton?'

'Was it his lordship's wish that the Chinaman on the upstairs landing should be exchanged with the one outside this door?'

'The Chinaman, Miss Kenton?'

'Yes, Mr Stevens. The Chinaman normally on the landing you will now find outside this door.'

'I fear, Miss Kenton, that you are a little confused.'

'I do not believe I am confused at all, Mr Stevens. I make it my business to acquaint myself with where objects properly belong in a house. The Chinamen, I would suppose, were polished by someone then replaced incorrectly. If you are sceptical, Mr Stevens, perhaps you will care to step out here and observe for yourself.'

'Miss Kenton, I am occupied at present.'

'But, Mr Stevens, you do not appear to believe what I am saying. I am thus asking you to step outside this door and see for yourself.'

'Miss Kenton, I am busy just now and will attend to the matter shortly. It is hardly one of urgency.'

однако, как все это дошло до своего рода кульминации. День был серый, моросило. Я в бильярдной приводил в порядок спортивные призы лорда Дарлингтона, когда вошла мисс Кентон и с порога заявила:

— Мистер Стивенс, я только что заметила перед этой дверью нечто непонятное.

— Что именно, мисс Кентон?

— Это его светлость распорядился, чтобы фарфорового китайца с верхней площадки поменяли местами с тем, что стоял перед бильярдной?

— Фарфорового китайца, мисс Кентон?

— Да, мистер Стивенс. Того, который стоял на верхней площадке, вы найдете теперь перед этой дверью.

— Боюсь, мисс Кентон, вы несколько заблуждаетесь.

— А я, мистер Стивенс, уверена, что несколько не заблуждаюсь. Моя обязанность — знать, какое место в этом доме положено каждой вещи. Китайцев, осмелюсь предположить, взяли, протерли, а затем неверно расставили. Если сомневаетесь, мистер Стивенс, благоволите выйти в коридор и самолично убедиться.

— Мисс Кентон, я сейчас занят.

— Но вы, мистер Стивенс, мне, кажется, не верите. Поэтому я прошу вас выйти за дверь и самому посмотреть.

— Мисс Кентон, в настоящий момент я занят и займусь этим позже. Не вижу тут никакой срочности.

You accept then, Mr Stevens, that I am not in error on this point.'

'I will accept nothing of the sort, Miss Kenton, until I have had a chance to deal with the matter. However, I am occupied at present.'

I turned back to my business, but Miss Kenton remained in the doorway observing me. Eventually, she said:

I can see you will be finished very shortly, Mr Stevens. I will await you outside so that this matter may be finalized when you come out.'

'Miss Kenton, I believe you are according this matter an urgency it hardly merits.'

But Miss Kenton had departed, and sure enough, as I continued with my work, an occasional footstep or some other sound would serve to remind me she was still there outside the door. I decided therefore to occupy myself with some further tasks in the billiard room, assuming she would after a while see the ludicrousness of her position and leave. However, after some time had passed, and I had exhausted the tasks which could usefully be achieved with the implements I happened to have at hand, Miss Kenton was evidently still outside. Resolved not to waste further time on account of this childish affair, I contemplated departure via the french windows. A drawback to this plan was the weather — that is to say, several large puddles and patches of mud were in evidence — and the fact that one would need to return to the billiard room again at some point to bolt the french windows from the inside.

— Стало быть, мистер Стивенс, вы признаете, что я не ошиблась?

— Я не признаю ничего подобного, мисс Кентон, пока сам в это не вникну. Однако сейчас я занят.

Я вернулся к тому, чем занимался, но мисс Кентон продолжала стоять в дверях, не сводя с меня взгляда. Наконец она сказала:

— Я вижу, вы скоро освободитесь, мистер Стивенс. Я подожду вас в коридоре, вы выйдете, и мы наконец разберемся с этим делом.

— Мисс Кентон, по-моему, вы придаете этому вопросу такое значение, которого он едва ли заслуживает.

Но мисс Кентон уже ушла, и, разумеется, когда я вернулся к призам, скрип половицы у нее под ногой или другие звуки то и дело напоминали мне, что она все еще там, в коридоре. Поэтому я надумал заняться в бильярдной кое-какими другими делами, рассудив, что по прошествии известного времени она поймет всю нелепость своего поведения и удалится. Однако время прошло, я завершил все дела, с какими мог управиться при помощи подручных средств, а мисс Кентон, как я понимал, еще стояла под дверями. Решив больше не ждать из-за ее детских капризов, я уже было собрался выйти через одно из доходящих до пола двустворчатых окон. Осуществлению этого плана помешала погода, то есть имевшиеся в наличии несколько больших луж и участков грязи, а также и то, что потом все равно пришлось бы возвращаться в бильярдную — запереть окно. Итак, в конце

Eventually, then, I decided the best strategy would be simply to stride out of the room very suddenly at a furious pace. I thus made my way as quietly as possible to a position from which I could execute such a march, and clutching my implements firmly about me, succeeded in propelling myself through the doorway and several paces down the corridor before a somewhat astonished Miss Kenton could recover her wits. This she did, however, rather rapidly and the next moment I found she had overtaken me and was standing before me, effectively barring my way.

‘Mr Stevens, that is the incorrect Chinaman, would you not agree?’

‘Miss Kenton, I am very busy. I am surprised you have nothing better to do than stand in corridors all day.’

‘Mr Stevens, is that the correct Chinaman or is it not?’

‘Miss Kenton, I would ask you to keep your voice down.’

‘And I would ask you, Mr Stevens, to turn around and look at that Chinaman.’

‘Miss Kenton, please keep your voice down. What would employees below think to hear us shouting at the top of our voices about what is and what is not the correct Chinaman?’

‘The fact is, Mr Stevens, all the Chinamen in this house have been dirty for some time! And now, they are in incorrect positions!’

‘Miss Kenton, you are being quite ridiculous. Now if you will be so good as to let me pass.’

концов я решил, что лучше всего внезапно выйти из бильярдной и удалиться быстрым шагом. Поэтому я по возможности тихо занял исходную позицию для броска и, прижав к груди бархатку, коробку с порошком и метелочку, благополучно проскочил в дверь и удалился от нее на несколько ярдов, прежде чем ошарашенная мисс Кентон успела сообразить, что к чему. Однако же сообразила она довольно быстро, мгновенно меня нагнала и выросла у меня на пути, загородив дорогу.

— Мистер Стивенс, вы согласны, что это не тот китаец?

— Мисс Кентон, я очень занят. Удивляюсь, что вы не нашли ничего лучшего, как весь день торчать в коридоре.

— Мистер Стивенс, тот китаец или не тот?

— Мисс Кентон, я просил бы вас не повышать голоса.

— А я бы просила вас, мистер Стивенс, обернуться и взглянуть на китайца.

— Мисс Кентон, будьте любезны не повышать голоса. Что подумают слуги внизу, услышав, как мы во всю глотку спорим, тот это китаец или не тот?

— Дело в том, мистер Стивенс, что в этом доме все китайцы давно стоят непротертые. А теперь еще и не на своих местах!

— Мисс Кентон, не делайте из себя посмешище. А теперь, будьте добры, разрешите пройти.

‘Mr Stevens, will you kindly look at the Chinaman behind you?’

‘If it is so important to you, Miss Kenton, I will allow that the Chinaman behind me may well be incorrectly situated. But I must say I am at some loss as to why you should be so concerned with these most trivial of errors.’

‘These errors may be trivial in themselves, Mr Stevens, but you must yourself realize their larger significance.’

‘Miss Kenton, I do not understand you. Now if you would kindly allow me to pass.’

The fact is, Mr Stevens, your father is entrusted with far more than a man of his age can cope with.’

‘Miss Kenton, you clearly have little idea of what you are suggesting.’

‘Whatever your father was once, Mr Stevens, his powers are now greatly diminished. This is what these “trivial errors” as you call them really signify and if you do not heed them, it will not be long before your father commits an error of major proportions.’

‘Miss Kenton, you are merely making yourself look foolish.’

‘I am sorry, Mr Stevens, but I must go on. I believe there are many duties your father should now be relieved of. He should not, for one, be asked to go on carrying heavily laden trays. The way his hands tremble as he carries them into dinner is nothing short of alarming. It is surely only a matter of time before a tray falls from his hands on to a lady or

— Мистер Стивенс, окажите любезность — взгляните на китайца у себя за спиной.

— Если вам, мисс Кентон, это так важно, я готов допустить, что китаец у меня за спиной может оказаться не на своем месте. Но должен сказать, мне не совсем ясно, почему вас так волнует это ничтожнейшее из упущений.

— Сами по себе эти упущения, может быть, и ничтожны, но говорят о многом, и кому, как не вам, мистер Стивенс, об этом задуматься.

— Мисс Кентон, я вас не понимаю. А теперь будьте любезны, позвольте пройти.

— Дело в том, мистер Стивенс, что вашему отцу поручают куда больше того, с чем человек в его годы способен управиться.

— Мисс Кентон, вы явно не отдаете себе отчета в собственных словах.

— Кем бы ни был ваш отец в свое время, мистер Стивенс, силы и возможности у него теперь совсем не те. Вот что стоит за этими, как вы их называете, «ничтожными упущениями», и если вы будете закрывать на это глаза, недолго ждать, чтобы ваш отец допустил упущение покрупнее.

— Такими разговорами, мисс Кентон, вы только выставляете себя в глупом свете.

— Простите, мистер Стивенс, но я должна закончить. Я считаю, что вашего отца следует освободить от исполнения многих обязанностей. Прежде всего нельзя поручать ему носить тяжелые подносы. Поглядеть, как у него руки трясутся, когда он входит с подносом в столовую, так прямо ужас берет. Не сегодня завтра он опрокинет под-

gentleman's lap. And furthermore, Mr Stevens, and I am very sorry to say this, I have noticed your father's nose.'

'Have you indeed, Miss Kenton?'

'I regret to say I have, Mr Stevens. The evening before last I watched your father proceeding very slowly towards the dining room with his tray, and I am afraid I observed clearly a large drop on the end of his nose dangling over the soup bowls. I would not have thought such a style of waiting a great stimulant to appetite.'

But now that I think further about it, I am not sure Miss Kenton spoke quite so boldly that day. We did, of course, over the years of working closely together come to have some very frank exchanges, but the afternoon I am recalling was still early in our relationship and I cannot see even Miss Kenton having been so forward. I am not sure she could actually have gone so far as to say things like: 'these errors may be trivial in themselves, but you must yourself realize their larger significance'. In fact, now that I come to think of it, I have a feeling it may have been Lord Darlington himself who made that particular remark to me that time he called me into his study some two months after that exchange with Miss Kenton outside the billiard room. By that time, the situation as regards my father had changed significantly following his fall.

нос на колени какой-нибудь даме или джентльмену. Я вам больше скажу, мистер Стивенс, хоть и не хочется, — я обратила внимание на нос вашего батюшки.

— Вот как, мисс Кентон?

— К сожалению, да, мистер Стивенс. Позавчера вечером я проследила, как ваш отец медленно-медленно движется с подносом в столовую, и ясно увидела, что с самого кончика носа у него свисает огромная капля, да прямо над супницей. Не сказала бы, что такое зрелище благоприятствует хорошему аппетиту.

Размышляя об этом сегодня, я не рискну утверждать, что мисс Кентон в тот день говорила со мной так смело. Разумеется, за долгие годы работы бок о бок нам случалось вступать в весьма резкие перепалки, но разговор, который я тут привел, имел место все же на раннем этапе нашего знакомства, и мне представляется маловероятным, чтобы даже мисс Кентон могла тогда столь далеко зайти. Да, я не рискну утверждать, что она и вправду могла позволить себе высказывания типа: «Сами по себе эти упущения, может быть, и ничтожны, но говорят о многом, и кому, как не вам, об этом задуматься». Больше того, теперь, по здравом размышлении, у меня возникает чувство, что эти слова, возможно, произнес сам лорд Дарлингтон, когда вызвал меня к себе в кабинет месяца через два после пикировки с мисс Кентон у дверей бильярдной. К тому времени дела с отцом значительно осложнились: произошло его падение у беседки.

The study doors are those that face one as one comes down the great staircase. There is outside the study today a glass cabinet displaying various of Mr Faraday's ornaments, but throughout Lord Darlington's days, there stood at that spot a bookshelf containing many volumes of encyclopedia, including a complete set of the Britannica. It was a ploy of Lord Darlington's to stand at this shelf studying the spines of the encyclopedias as I came down the staircase, and sometimes, to increase the effect of an accidental meeting, he would actually pull out a volume and pretend to be engrossed as I completed my descent. Then, as I passed him, he would say:

'Oh, Stevens, there was something I meant to say to you.'

And with that, he would wander back into his study, to all appearances still thoroughly engrossed in the volume held open in his hands. It was invariably embarrassment at what he was about to impart which made Lord Darlington adopt such an approach, and even once the study door was closed behind us, he would often stand by the window and make a show of consulting the encyclopedia throughout our conversation.

What I am now describing, incidentally, is one of many instances I could relate to you to underline Lord Darlington's essentially shy and modest nature. A great deal of nonsense has been spoken and written in recent years concerning his lordship and the prominent role he came to play in great af-

Двери кабинета расположены прямо напротив парадной лестницы. Сейчас у кабинета стоит стеклянная горка с различными наградами и значками мистера Фаррадея, но при лорде Дарлингтоне на этом месте находился стеллаж с многотомными энциклопедиями, включая полный комплект «Британники». Лорд Дарлингтон обычно прибегал к маленькой хитрости. Когда я спускался по лестнице, он поджидал, стоя у стеллажа и разглядывая корешки; иной раз, чтобы встреча выглядела совсем уж случайной, вытягивал какой-нибудь том и притворялся, будто с головой погрузился в чтение. Тем временем я оказывался внизу и должен был так или иначе пройти мимо; тут он и произносил:

— А, Стивенс, весьма кстати, я как раз собирался с вами поговорить.

С этими словами он входил в кабинет, для виду по-прежнему погруженный в изучение тома, который держал открытым в руках. Лорд Дарлингтон неизменно прибегал к этой уловке, когда предстоящий разговор вызывал у него чувство неловкости, и даже после того, как двери кабинета закрывались за нами, он часто подходил к окну и, беседуя, делал вид, будто о чем-то справляется в энциклопедии.

Между прочим, этот пример — лишь один из многих, какие я мог бы вам привести, дабы подчеркнуть, сколь стеснителен и скромнен был по натуре лорд Дарлингтон. За последние годы наболтали и напечатали много глупостей касательно его светлости и выдающейся роли, которую ему

fairs, and some utterly ignorant reports have had it that he was motivated by egotism or else arrogance. Let me say here that nothing could be further from the truth. It was completely contrary to Lord Darlington's natural tendencies to take such public stances as he came to do and I can say with conviction that his lordship was persuaded to overcome his more retiring side only through a deep sense of moral duty. Whatever may be said about his lordship these days — and the great majority of it is, as I say, utter nonsense — I can declare that he was a truly good man at heart, a gentleman through and through, and one I am today proud to have given my best years of service to.

On the particular afternoon to which I am referring, his lordship would still have been in his mid-fifties; but as I recall, his hair had greyed entirely and his tall slender figure already bore signs of the stoop that was to become so pronounced in his last years. He barely glanced up from his volume as he asked.

‘Your father feeling better now, Stevens?’

‘I'm glad to say he has made a full recovery, sir.

,

‘Jolly pleased to hear that. Jolly pleased.’

‘Thank you, sir.’

‘Look here, Stevens, have there been any — well — signs at all? I mean signs to tell us your fa-

довелось сыграть в великих делах, а отдельные совершенно неосведомленные лица распускают слухи, будто его побуждало к этому самомнение, если не самонадеянность. Позволю себе в связи с этим заметить, что во всех подобных утверждениях нет и крупинки истины. Шаги, которые лорд Дарлингтон предпринял на общественном поприще, претили самому его естеству, и если он все-таки их предпринял, то — свидетельствую со всей убежденностью — переступить через собственную застенчивость его светлость побудило исключительно глубокое чувство морального долга. Что бы ни говорили сегодня о его светлости — а в подавляющем большинстве случаев, как я сказал, о нем болтают несусветную чушь, — я могу заявить, что в глубине души он был истинно добрым человеком и джентльменом до кончиков ногтей, и сегодня я горд, что прослужил у него лучшие годы жизни.

В тот день, о котором я повествую, его светлости было никак не более пятидесяти пяти, но, помнится, он уже совсем поседел, а в его высокой худой фигуре наметились первые признаки сутулости, которая резко обозначилась в последние годы жизни. Не отрывая глаз от энциклопедии, он спросил:

— Отцу лучше, Стивенс?

— Счастлив сообщить, что он полностью выздоровел, сэр.

— Весьма этому рад. Весьма рад.

— Благодарствую, сэр.

— Да, послушайте, Стивенс, а нет ли каких-то... гм... признаков? То есть признаков того, что

ther may be wishing his burden lightened somewhat? Apart from this business of him falling, I mean.'

'As I say, sir, my father appears to have made a full recovery and I believe he is still a person of considerable dependability. It is true one or two errors have been noticeable recently in the discharging of his duties, but these are in every case very trivial in nature.'

'But none of us wish to see anything of that sort happen ever again, do we? I mean, your father collapsing and all that.'

'Indeed not, sir.'

'And of course, if it can happen out on the lawn, it could happen anywhere. And at any time.'

'Yes, sir.'

'It could happen, say, during dinner while your father was waiting at table.'

'It is possible, sir.'

'Look here, Stevens, the first of the delegates will be arriving here in less than a fortnight.'

'We are well prepared, sir.'

'What happens within this house after that may have considerable repercussions.'

'Yes, sir.'

'I mean considerable repercussions. On the whole course Europe is taking. In view of the persons who will be present, I do not think I exaggerate.'

ваш отец не против расстаться с частью обременительных для него обязанностей? Помимо этого его падения, хочу я сказать.

— Осмелюсь повторить, сэр, что отец, по всей видимости, полностью выздоровел и, как мне кажется, на него все еще можно в немалой степени полагаться. Правда, за последнее время в отпращивании им своих обязанностей было отмечено одно-два упущения, но во всех случаях речь идет о вещах, по существу, ничтожных.

— Но никому из нас не хочется, чтобы подобное повторилось, верно? Я имею в виду, чтобы ваш отец еще раз свалился и все прочее.

— Ни в коем случае, сэр.

— И конечно, раз это случилось с ним на лужайке, то могло бы случиться где угодно. И в любое время.

— Да, сэр.

— Скажем, во время обеда, когда ваш отец прислуживал за столом.

— Не исключено, сэр.

— Послушайте, Стивенс, до приезда первых представителей остается меньше двух недель.

— Все подготовлено, сэр.

— То, что произойдет в стенах этого дома, когда все соберутся, может иметь весьма серьезные последствия.

— Да, сэр.

— Я хочу сказать — весьма серьезные. Для всего будущего политического курса Европы. С учетом того, кто будет присутствовать, не думаю, чтобы я сильно преувеличивал.

‘No, sir.’

‘Hardly the time for taking on avoidable hazards.’

‘Indeed not, sir.’

‘Look here, Stevens, there’s no question of your father leaving us. You’re simply being asked to reconsider his duties.’

And it was then, I believe, that his lordship said as he looked down again into his volume and awkwardly fingered an entry:

‘These errors may be trivial in themselves, Stevens, but you must yourself realize their larger significance. Your father’s days of dependability are now passing. He must not be asked to perform tasks in any area where an error might jeopardize the success of our forthcoming conference.’

‘Indeed not, sir. I fully understand.’

‘Good. I’ll leave you to think about it then, Stevens.’

Lord Darlington, I should say, had actually witnessed my father’s fall of a week or so earlier. His lordship had been entertaining two guests, a young lady and gentleman, in the summerhouse, and had watched my father’s approach across the lawn bearing a much welcome tray of refreshments. The lawn climbs a slope several yards in front of the summerhouse, and in those days, as today, four flagstones embedded into the grass served as steps by which to negotiate this climb. It was in the vicinity of these steps that my father fell, scattering the load on his tray — teapot, cups, saucers, sandwiches, cakes —

— Ни в коем случае, сэр.

— Не самое подходящее время идти на риск, которого легко избежать.

— Полностью с вами согласен, сэр.

— Послушайте, Стивенс, нет и речи о том, чтобы расстаться с вашим отцом. Однако же вам придется пересмотреть круг его обязанностей.

Вот тогда-то, мне кажется, его светлость и произнес, снова заглянув при этом в энциклопедию и неловко ткнув пальцем в какую-то статью:

— Сами по себе эти упущения, Стивенс, может быть, и ничтожны, но говорят о многом, и кому, как не вам, об этом задуматься. Прошло время, когда на вашего отца можно было во всем полагаться. Не нужно направлять его туда, где ошибка может подпортить успех нашей предстоящей конференции.

— Разумеется, сэр. Полностью с вами согласен.

— Вот и прекрасно. Стало быть, Стивенс, вы об этом подумаете.

Следует заметить, что отец упал — случилось это примерно неделей раньше — прямо на глазах у лорда Дарлингтона. Его светлость принимал в летней беседке двух гостей — молодую даму и джентльмена — и видел, как отец идет к ним по лужайке с подносом долгожданных закусок. Перед беседкой лужайка поднимается в гору, и в те дни, как, впрочем, и ныне, утопленные в земле плиты, числом четыре, помогали одолеть подъем. Между этими плитами отец и упал, опрокинув поднос со всем, что было на нем, — чайником, чашками, блюдами, сэндвичами и кекса-

across the area of grass at the top of the steps. By the time I had received the alarm and gone out, his lordship and his guests had laid my father on his side, a cushion and a rug from the summerhouse serving as pillow and blanket. My father was unconscious and his face looked an oddly grey colour. Dr Meredith had already been sent for, but his lordship was of the view that my father should be moved out of the sun before the doctor's arrival; consequently, a bath-chair arrived and with not a little difficulty, my father was transported into the house. By the time Dr Meredith arrived, he had revived considerably and the doctor soon left again, making only vague statements to the effect that my father had perhaps been 'Over-working'.

The whole episode was clearly a great embarrassment to my father, and by the time of that conversation in Lord Darlington's study, he had long since returned to busying himself as much as ever. The question of how one could broach the topic of reducing his responsibilities was not, then, an easy one. My difficulty was further compounded by the fact that for some years my father and I had tended — for some reason I have never really fathomed — to converse less and less. So much so that after his arrival at Darlington Hall, even the brief exchanges necessary to communicate information relating to work took place in an atmosphere of mutual embarrassment.

In the end, I judged the best option to be to talk in the privacy of his room, thus giving him the opportunity to ponder his new situation in solitude once

ми — на траву у верхней плиты. К тому времени как до меня дошла страшная весть и я выбежал из дому, его светлость и гости уложили отца на бок, подсунув под голову подушечку из беседки и накрыв пледом. Отец был без сознания, лицо у него стало непонятного серого цвета. За доктором Мередитом уже было послано, но его светлость посчитал, что отца следует перенести в тень, не дожидаясь доктора. Распорядились доставить и кресло на колесах, и отца с немалым трудом перевезли в дом. К приезду доктора Мередита отцу значительно полегчало, и доктор вскоре уехал, неопределенно высказавшись в том смысле, что отец, вероятно, «перенапрягался».

Этот случай, понятно, основательно выбил отца из колеи, но ко времени описанного разговора с его светлостью отец давно уже встал на ноги и вернулся к исполнению своих обычных обязанностей. Каким образом объявить ему о сокращении круга обязанностей? — этот вопрос оказался теперь довольно сложным. Мне было вдвойне трудно начинать такой разговор, потому что за последние годы мы с отцом постепенно отвыкли — по какой причине, не пойму до сих пор, — друг с другом беседовать. То есть так отвыкли, что после его переезда в Дарлингтон-холл необходимость обратиться к нему с несколькими словами по работе и то повергала нас в обоюдное смущение.

В конце концов я решил, что лучше всего поговорить с ним с глазу на глаз у него в комнате, чтобы после моего ухода он смог в одиночестве

I took my leave. The only times my father could be found in his room were first thing in the morning and last thing at night. Choosing the former, I climbed up to his small attic room at the top of the servants' wing early one morning and knocked gently.

I had rarely had reason to enter my father's room prior to this occasion and I was newly struck by the smallness and starkness of it. Indeed, I recall my impression at the time was of having stepped into a prison cell, but then this might have had as much to do with the pale early light as with the size of the room or the bareness of its walls. For my father had opened his curtains and was sitting, shaved and in full uniform, on the edge of his bed from where evidently he had been watching the sky turn to dawn. At least one assumed he had been watching the sky, there being little else to view from his small window other than roof-tiles and guttering. The oil lamp beside his bed had been extinguished, and when I saw my father glance disapprovingly at the lamp I had brought to guide me up the rickety staircase, I quickly lowered the wick. Having done this, I noticed all the more the effect of the pale light coming into the room and the way it lit up the edges of my father's craggy, lined, still awesome features.

'Ah,' I said, and gave a short laugh, 'I might have known Father would be up and ready for the day.'

обдумать свое новое положение. Застать отца у себя можно было два раза в сутки — рано утром либо поздно вечером. Выбрав первое, я однажды ни свет ни заря поднялся в его комнатенку на чердаке служебной половины дома и тихо постучался.

Раньше у меня редко возникала необходимость входить к отцу в комнату, и меня снова поразило, до чего она маленькая и голая. В тот раз, помнится, мне даже показалось, что я попал в тюремную камеру; впрочем, такое впечатление могло в равной степени быть вызвано как серыми утренними сумерками, так и размерами комнаты и голыми стенами. Отец успел раздвинуть занавески и сидел, чисто выбритый и в полной служебной форме, на краю койки, глядя, судя по всему, на предрассветное небо. По крайней мере, легко было предположить, что он смотрит именно на небо, поскольку из подслеповатого окошка были видны только небо, черепичная кровля да водосточные желоба. Керосиновая лампа на столике у кровати была задута; заметив, что отец неодобрительно покосился на лампу, которой я освещал дорогу на шаткой лестнице, я тоже поспешил прикрутить фитиль. В наступившем полумраке серый свет, сочившийся из окна, делал комнату еще более унылой; я видел, как в этом призрачном свете проступают контуры отцовского лица — бугристого, изрезанного морщинами и все еще внушающего почтение.

— Ну вот, — произнес я с коротким смешком, — я так и знал, что папенька уже встал и готов начать новый день.

‘I’ve been up for the past three hours,’ he said, looking me up and down rather coldly.

‘I hope Father is not being kept awake by his arthritic troubles.’

‘I get all the sleep I need.’

My father reached forward to the only chair in the room, a small wooden one, and placing both hands on its back, brought himself to his feet. When I saw him stood upright before me, I could not be sure to what extent he was hunched over due to infirmity and what extent due to the habit of accommodating the steeply sloped ceilings of the room.

‘I have come here to relate something to you, Father.’

Then relate it briefly and concisely. I haven’t all morning to listen to you chatter.’

‘In that case. Father, I will come straight to the point.’

‘Come to the point then and be done with it. Some of us have work to be getting on with.’

Very well. Since you wish me to be brief, I will do my best to comply. The fact is, Father has become increasingly infirm. So much so that even the duties of an under-butler are now beyond his capabilities. His lordship is of the view, as indeed I am myself, that while Father is allowed to continue with his present round of duties, he represents an ever-present threat to the smooth running of this household, and in particular to next week’s important international gathering.’

My father’s face, in the half-light, betrayed no emotion whatsoever.

— Я уже три часа как встал, — сказал он, сме-
рив меня довольно прохладным взглядом.

— Надеюсь, артрит не перебивает папеньке сон?

— Сколько нужно, столько и сплю.

Отец потянулся к единственному в комнате ма-
ленькому деревянному стулу и, опершись руками
на спинку, тяжело поднялся. Когда он выпрямил-
ся, я подумал: почему он так горбится — от сла-
бости или привык ходить у себя согнувшись из-за
крутых потолочных скатов?

— Я пришел, папенька, кое-что сообщить.

— Ну так сообщай поскорее и покороче, неког-
да мне все утро выслушивать твою болтовню.

— В таком случае, папенька, перейду к делу.

— Вот и переходи, да поживее, а то меня ждет
работа.

— Хорошо. Раз уж просили покороче, постара-
юсь исполнить. Дело в том, что папенька с каждым
днем слабеет, и это зашло так далеко, что теперь
даже обязанности помощника дворецкого ему не по
силам. Его светлость считает, да и сам я того же мне-
ния, что исполнение папенькой и впредь нынешне-
го круга обязанностей станет постоянной угрозой
для образцового порядка, в каковом содержится
этот дом, и прежде всего — для намеченной на сле-
дующую неделю важной международной встречи.

В полумраке лицо отца оставалось совершенно
бесстрастным.

‘Principally,’ I continued, ‘it has been felt that Father should no longer be asked to wait at table, whether or not guests are present.’

‘I have waited at table every day for the last fifty-four years,’ my father remarked, his voice perfectly unhurried.

‘Furthermore, it has been decided that Father should not carry laden trays of any sort for even the shortest distances. In view of these limitations, and knowing Father’s esteem for conciseness, I have listed here the revised round of duties he will from now on be expected to perform.’

I felt disinclined actually to hand to him the piece of paper I was holding, and so put it down on the end of his bed. My father glanced at it then returned his gaze to me. There was still no trace of emotion discernible in his expression, and his hands on the back of the chair appeared perfectly relaxed. Hunched over or not, it was impossible not to be reminded of the sheer impact of his physical presence — the very same that had once reduced two drunken gentlemen to sobriety in the back of a car. Eventually, he said:

‘I only fell that time because of those steps. They’re crooked. Seamus should be told to put those right before someone else does the same thing.’

‘Indeed. In any case, may I be assured Father will study that sheet?’

— В принципе, — продолжал я, — было сочтено, что папеньке не следует более прислуживать за столом как при гостях, так и без оных.

— За последние пятьдесят четыре года не было дня, чтобы я не прислуживал за столом, — заметил отец недрогнувшим голосом.

— Больше того, решено, что папеньке не следует разносить нагруженные подносы — неважно с чем и даже из комнаты в комнату. Принимая во внимание указанные ограничения и зная о любви папеньки к краткости, я письменно изложил пересмотренный круг обязанностей, исполнение каковых отныне на него возлагается.

Я держал листок наготове, но мне как-то не хотелось передавать его отцу из рук в руки, поэтому я положил листок в изножье постели. Отец бросил взгляд на бумажку, потом посмотрел на меня. На лице его по-прежнему не было ни малейшего проблеска чувств, руки все так же неподвижно покоились на спинке стула. Даже сторбленный, он давил на окружающих уже одним своим телесным присутствием, и это давление — то самое, от которого однажды протрезвели на заднем сиденье два пьяных джентльмена, — ощущалось все время. Наконец он сказал:

— В тот раз я упал только из-за плит. Их перекосило. Нужно сказать Шеймасу, пусть их выровняет, а то еще кто-нибудь грохнется.

— Несомненно. Во всяком случае, я могу быть уверен, что папенька внимательно прочитает этот листок?

‘Seamus should be told to put those steps right. Certainly before these gentlemen start arriving from Europe.’

‘Indeed. Well, Father, good morning.’

That summer evening referred to by Miss Kenton in her letter came very soon after that encounter — indeed, it may have been the evening of that same day. I cannot remember just what purpose had taken me up on to the top floor of the house to where the row of guest bedrooms line the corridor. But as I think I have said already, I can recall vividly the way the last of the daylight was coming through each open doorway and falling across the corridor in orange shafts. And as I walked on past those unused bedrooms, Miss Kenton’s figure, a silhouette against a window within one of them, had called to me.

When one thinks about it, when one remembers the way Miss Kenton had repeatedly spoken to me of my father during those early days of her time at Darlington Hall, it is little wonder that the memory of that evening should have stayed with her all of these years. No doubt, she was feeling a certain sense of guilt as the two of us watched from our window my father’s figure down below. The shadows of the poplar trees had fallen across much of the lawn, but the sun was still lighting up the far corner where the grass sloped up to the summerhouse. My father could be seen standing by those four stone steps, deep in thought. A breeze was slightly disturbing his hair. Then, as we watched, he walked very slowly up the steps. At the top, he turned and came back down, a little faster. Turning once more,

— Нужно сказать Шеймасу, пусть выровняет плиты. И уж конечно, до того, как господа начнут прибывать из Европы.

— Несомненно. Итак, папенька, всего хорошего.

Летний вечер, о котором мисс Кентон вспоминает в письме, случился вскоре после этого разговора — да что там, может быть, в тот самый день. Не помню, что привело меня тогда на верхний этаж, где вдоль коридора рядом идут спальни для гостей. Но, кажется, я уже говорил, что отчетливо запомнил, как лучи заходящего солнца вырывались из открытых дверей и рассекали полумрак коридора полосами оранжевого света. Я проходил вдоль пустующих комнат, и тут меня окликнула мисс Кентон, чей силуэт четко вырисовывался на фоне окна одной из спален.

Когда думаешь об этом, когда вспоминаешь, с каким рвением мисс Кентон жаловалась мне на отца в первые месяцы своей службы в Дарлингтон-холле, то понимаешь, почему она пронесла через все эти годы память о том вечере. Конечно же, ее гнодала совесть, когда мы стояли там у окна и наблюдали за отцом. На траву легли длинные тени от тополей, но солнце еще высвечивало далекий уголок, где лужайка поднималась к беседке. Мы видели, что отец застыл у тех самых четырех плит, погруженный в свои мысли. Ветерок слегка трепал ему волосы. Потом отец медленно взшел по плитам — а мы всё стояли у окна. На последней он повернулся и чуть быстрее спустился вниз. Опять повернулся, помедлил, внимательно посмотрел на плиты и наконец решительно под-

my father became still again for several seconds, contemplating the steps before him. Eventually, he climbed them a second time, very deliberately. This time he continued on across the grass until he had almost reached the summerhouse, then turned and came walking slowly back, his eyes never leaving the ground. In fact, I can describe his manner at that moment no better than the way Miss Kenton puts it in her letter; it was indeed ‘as though he hoped to find some precious jewel he had dropped there’.

But I see I am becoming preoccupied with these memories and this is perhaps a little foolish. This present trip represents, after all, a rare opportunity for me to savour to the full the many splendours of the English countryside, and I know I shall greatly regret it later if I allow myself to become unduly diverted. In fact, I notice I have yet to record here anything of my journey to this city — aside from mentioning briefly that halt on the hillside road at the very start of it. This is an omission indeed, given how much I enjoyed yesterday’s motoring.

I had planned the journey here to Salisbury with considerable care, avoiding almost entirely the major roads; the route might have seemed unnecessarily circuitous to some, but then it was one that enabled me to take in a fair number of the sights recommended by Mrs J. Symons in her excellent volumes, and I must say I was well pleased with it. For much of the time it took me through farmland, amidst the pleasant aroma of meadows, and often I found myself slowing the Ford to a crawl to better

нялся во второй раз. Теперь он прошел чуть не до самой беседки, повернулся и медленно побрел назад, упершись взглядом в землю. Нет, мне решительно не описать его вида в ту минуту лучше, чем это сделала в своем письме мисс Кентон; действительно — «словно обронил драгоценный камень и теперь надеется его отыскать».

Однако, смотрю, я слишком увлекся воспоминаниями, что, вероятно, не совсем разумно с моей стороны. В конце-то концов, эта поездка дает мне возможность сполна насладиться многими красотами сельской Англии; знаю — сам буду потом горько жалеть, если позволю неподобающим мыслям отвлечь себя от этих красот. Действительно, я ведь еще не описал, как доехал до Солсбери, если не считать беглого упоминания об остановке на горной дороге в самом начале моего путешествия. Это серьезное упущение, а ведь вчерашний день доставил мне столько радости.

Я тщательно продумал маршрут до Солсбери, с тем чтобы по возможности избегать главных магистралей; кому-то маршрут может показаться излишне окольным, зато мне он позволил охватить значительное число ландшафтов, рекомендованных миссис Дж. Симонс в ее замечательном труде, и, должен сказать, я получил от этого немалое удовольствие. Большею частью я ехал среди лугов и пашен, где воздух напоен нежным запахом полевых цветов, и нередко снижал скорость «фор-

appreciate a stream or a valley I was passing. But as I recall, I did not actually disembark again until I was quite near Salisbury.

On that occasion, I was moving down a long, straight road with wide meadows on either side of me. In fact, the land had become very open and flat at that point, enabling one to see a considerable distance in all directions, and the spire of Salisbury Cathedral had become visible on the skyline up ahead. A tranquil mood had come over me, and for this reason I believe I was again motoring very slowly — probably at no more than fifteen miles per hour. This was just as well, for I saw only just in time a hen crossing my path in the most leisurely manner. I brought the Ford to a halt only a foot or two from the fowl, which in turn ceased its journey, pausing there in the road in front of me. When after a moment it had not moved, I resorted to the car horn, but this had no effect other than to make the creature commence pecking at something on the ground. Rather exasperated, I began to get out and had one foot still on the running board when I heard a woman's voice calclass="underline"

‘Oh, I do beg your pardon, sir.’

Glancing round, I saw I had just passed on the roadside a farm cottage — from which a young woman in an apron, her attention no doubt aroused by the horn, had come running. Passing me, she swooped up the hen in her arms and proceeded to cradle it as she apologized to me again. When I assured her no harm had been done, she said:

да» до черепашьеЙ, чтобы по достоинству оценить прелесть какой-нибудь речки или долины. Однако, насколько мне помнится, второй раз я вышел из машины только у самого Солсбери.

Я проезжал тогда по длинной прямой дороге, справа и слева расстиались широкие луга. Местность и вправду пошла ровная и плоская, так что во всех направлениях открывался далекий обзор, а впереди уже маячил на горизонте шпиль Солсберийского собора. На меня снизошла какая-то умиротворенность, и по этой причине, как мне кажется, я снова сбавил скорость миль, вероятно, до пятнадцати в час. Оно оказалось и к лучшему — в самый последний момент я успел заметить курицу, которая неспешно переходила дорогу прямо перед машиной. Я затормозил, и «форд» остановился всего в каком-то футе или двух от птицы; та, в свою очередь, тоже остановилась и замерла посреди дороги. Когда по прошествии минуты она так и не двинулась, я нажал на клаксон, но в ответ упрямая тварь принялась долбить клювом землю. Теряя терпение, я начал выбираться из автомобиля и уже ступил одной ногой на дорогу, когда услышал женский голос:

— Ох, сэр, простите, как можете.

Оглянувшись, я увидел придорожную ферму, которую только что миновал; оттуда выскочила молодая женщина в фартуке — несомненно, на звук клаксона. Она пробежала мимо меня, подхватила курицу на руки и стала ее оглаживать, продолжая сыпать извинениями. Когда я заверил ее, что курица не пострадала, она сказала:

‘I do thank you for stopping and not running poor Nellie over. She’s a good girl, provides us with the largest eggs you’ve ever seen. It’s so good of you to stop. And you were probably in a hurry too.’

‘Oh, I’m not in a hurry at all,’ I said with a smile. ‘For the first time in many a year, I’m able to take my time and I must say, it’s rather an enjoyable experience. I’m just motoring for the pleasure of it, you see.’

‘Oh, that’s nice, sir. And you’re on your way to Salisbury, I expect.’

‘I am indeed. In fact, that’s the cathedral we can see over there, isn’t it? I’m told it’s a splendid building.’

‘Oh, it is, sir, it’s very nice. Well, to tell you the truth, I hardly go into Salisbury myself, so I couldn’t really say what it’s like at close quarters. But I tell you, sir, day in day out we have a view of the steeple from here. Some days, it’s too misty and it’s like it’s vanished altogether. But you can see for yourself, on a fine day like this, it’s a nice sight.’

‘Delightful.’

‘I’m so grateful you didn’t run over our Nellie, sir. Three years ago a tortoise of ours got killed like that and on just about this very spot. We were all very upset over that.’

‘How very tragic,’ I said, sombrely.

‘Oh, it was, sir. Some people say we farm people get used to animals being hurt or killed, but that’s just not true. My little boy cried for days. It’s so good you stopped for Nellie, sir. If you’d care to

— Огромное вам спасибо, что остановились и не задавили бедняжку Нелли. Она у нас умница, несет такие яйца, каких вы не видывали. Какой вы хороший, что остановились. А ведь вы, верно, тоже спешите.

— Нет, отнюдь не спешу, — возразил я с улыбкой. — Впервые за многие годы я располагаю временем, и, должен признаться, мне это очень нравится. Я, видите ли, разъезжаю просто для удовольствия.

— Как это мило, сэр. А сейчас, я так думаю, вы держите путь в Солсбери?

— Именно. Кстати, это там не собор вдалеке? Прекрасное, я слышал, здание.

— Еще бы, сэр, очень красивое. Сама-то я, чтоб не соврать, в Солсбери, почитай, не бываю, так что какой он там вблизи — сказать не скажу. А скажу я вам, сэр, что шпиль отсюда каждый божий день видно. В иной день наползает туману, и он вроде как совсем пропадает, но в ясный день, как сегодня, он глядится красиво, правда?

— Очаровательно.

— Уж как я вам благодарна, сэр, что вы не переехали нашу Нелли. Три года назад нашу черепаху вот так же задавило и на этом же самом месте. Мы так все переживали.

— Какая трагедия, — посочувствовал я.

— Еще бы, сэр. Другие вот говорят, что мы, фермерские, привычные, когда животных калечат или убивают, так это неправда. Мой малыш много дней плакал. Как вы добры, сэр, что не переехали

come in for a cup of tea, now that you've got out and everything, you'd be most welcome. It would set you on your way.'

'That's most kind, but really, I feel I should continue. I'd like to reach Salisbury in good time to take a look at the city's many charms.'

'Indeed, sir. Well, thank you again.'

I set off again, maintaining for some reason — perhaps because I expected further farm creatures to wander across my path — my slow speed of before. I must say, something about this small encounter had put me in very good spirits; the simple kindness I had been thanked for, and the simple kindness I had been offered in return, caused me somehow to feel exceedingly uplifted about the whole enterprise facing me over these coming days. It was in such a mood, then, that I proceeded here to Salisbury.

But I feel I should return just a moment to the matter of my father; for it strikes me I may have given the impression earlier that I treated him rather bluntly over his declining abilities. The fact is, there was little choice but to approach the matter as I did — as I am sure you will agree once I have explained the full context of those days. That is to say, the important international conference to take place at Darlington Hall was by then looming ahead of us, leaving little room for indulgence or 'beating about the bush'. It is important to be reminded, moreover, that although Darlington Hall was to witness many

Нелли. Может, выпьете чашечку чая, раз вы все равно вышли, мы будем рады. После чая и в дороге полегче.

— Вы очень любезны, но, честное слово, я, пожалуй, не смогу. Хочу добраться до Солсбери пораньше, чтобы до темноты осмотреть достопримечательности.

— И то верно, сэр. Что ж, еще раз большое спасибо.

Я снова пустился в путь, однако почему-то — вероятно, из опасения, как бы другие домашние животные не забрели на дорогу, — ехал с той же малой скоростью. Должен признаться, что-то в этой мимолетной встрече привело меня в прекрасное расположение духа; простая любезность, за которую мне сказали спасибо, и простая любезность, предложенная в ответ, непонятным образом вселили в меня большие надежды на успех всего, что мне предстояло в ближайшие дни. С таким настроением я и въехал в Солсбери.

Но сперва мне хочется еще на минутку вернуться к отцу, ибо, как мне показалось, из сказанного может сложиться впечатление, будто я несколько в лоб повел разговор о том, что силы его убывают. Но так уж вышло, что выбора у меня тогда, можно сказать, не было, и вы наверняка согласитесь с моим подходом, когда я открою вам всю подоплеку событий тех дней. А именно: важная международная конференция, имевшая вот-вот состояться в Дарлингтон-холле, не давала нам возможности смотреть на происходящее сквозь пальцы или ходить вокруг да около. Кроме того, не следует упу-

more events of equal gravity over the fifteen or so years that followed, that conference of March 1923 was the first of them; one was, one supposes, relatively inexperienced, and inclined to leave little to chance. In fact, I often look back to that conference and, for more than one reason, regard it as a turning point in my life. For one thing, I suppose I do regard it as the moment in my career when I truly came of age as a butler. That is not to say I consider I became, necessarily, a 'great' butler; it is hardly for me, in any case, to make judgements of this sort. But should it be that anyone ever wished to posit that I have attained at least a little of that crucial quality of 'dignity' in the course of my career, such a person may wish to be directed towards that conference of March 1923 as representing the moment when I first demonstrated I might have a capacity for such a quality. It was one of those events which at a crucial stage in one's development arrive to challenge and stretch one to the limit of one's ability and beyond, so that thereafter one has new standards by which to judge oneself. That conference was also memorable, of course, for other quite separate reasons, as I would like now to explain.

The conference of 1923 was the culmination of long planning on the part of Lord Darlington; in-

сказать из виду, что хотя в последующие пятнадцать с лишним лет стены Дарлингтон-холла были свидетелями многих других столь же значительных событий, однако первым в их чреде явилась именно конференция в марте 1923 года; можно, таким образом, заключить, что отсутствие солидного опыта по этой части не позволяло полагаться на волю случая. Я и в самом деле часто вспоминаю эту конференцию и по целому ряду причин рассматриваю ее как поворотный пункт в моей жизни. Во-первых, я, пожалуй, считаю, что именно тогда я по-настоящему состоялся как дворецкий. Это не следует понимать в том смысле, будто я утверждаю, что стал непременно «великим» дворецким; во всяком случае, не мне об этом судить. Но если кто-нибудь когда-нибудь захочет сказать, что за долгие годы службы я по меньшей мере обрел хотя бы крупицу основополагающего качества, именуемого достоинством, то этому лицу желательно обратиться к конференции 1923 года, ибо именно тогда я впервые проявил потенциальные способности к обретению такого качества. Это было одно из тех событий, какие происходят на решающем этапе нашего профессионального и духовного роста, бросают нам вызов, требуют предельного напряжения — и перенапряжения — сил, так что после таких событий начинаешь оценивать самого себя уже иначе. Разумеется, конференция памятна мне и по другим, не связанным с упомянутой, причинам, что и хотелось бы здесь пояснить.

Конференция 1923 года увенчала собой период долгой подготовительной работы со стороны лорда

deed, in retrospect, one can see clearly how his lordship had been moving towards this point from some three years or so before. As I recall, he had not been initially so preoccupied with the peace treaty when it was drawn up at the end of the Great War, and I think it is fair to say that his interest was prompted not so much by an analysis of the treaty, but by his friendship with Herr Karl-Heinz Bremann.

Herr Bremann first visited Darlington Hall very shortly after the war while still in his officer's uniform, and it was evident to any observer that he and Lord Darlington had struck up a close friendship. This did not surprise me, since one could see at a glance that Herr Bremann was a gentleman of great decency. He returned again, having left the German army, at fairly regular intervals during the following two years, and one could not help noticing with some alarm the deterioration he underwent from one visit to the next. His clothes became increasingly impoverished, his frame thinner; a hunted look appeared in his eyes, and on his last visits, he would spend long periods staring into space, oblivious of his lordship's presence or, sometimes, even of having been addressed. I would have concluded Herr Bremann was suffering from some serious illness, but for certain remarks his lordship made at that time assuring me this was not so.

It must have been towards the end of 1920 that Lord Darlington made the first of a number of trips to Berlin himself, and I can remember the profound effect it had on him. A heavy air of preoccupation

Дарлингтона; оглядываясь назад, видишь, как его светлость шел к ней добрых три года. Вспоминаю, что поначалу он не был столь озабочен мирным договором, подписанным в конце Великой войны, и, думаю, справедливо будет сказать, что его светлость побудило к действиям не столько изучение условий договора, сколько дружба с герром Карл-Хайнцем Бремманом.

Когда герр Бремман впервые посетил Дарлингтонхолл вскоре после войны, он еще носил форму немецкого офицера, и всякому, кто видел его вместе с лордом Дарлингтоном, становилось понятно, что между ними возникла тесная дружба. Меня это не удивляло, поскольку с первого взгляда было ясно: герр Бремман — джентльмен из весьма благородных. Уволившись из армии, он в течение двух лет более или менее регулярно наезжал в Дарлингтонхолл; от приезда к приезду он опускался все больше и больше, что невольно бросалось в глаза и вызывало тревогу. Одевался он с каждым разом все хуже и хуже, заметно похудел, взгляд у него сделался какой-то затравленный, а в последний свой приезд он подолгу сидел, уставившись в пустоту, забывая о том, что находится в компании его светлости, и порой даже не слышал, когда к нему обращаются. Я было подумал, что у герра Бреммана тяжелый недуг, но меня разубедили некоторые высказывания его светлости.

Примерно в конце 1920 года лорд Дарлингтон предпринял первую из своих многочисленных поездок в Берлин, которая, помнится, его просто потрясла. Вернувшись из Германии, он на много

hung over him for days after his return, and I recall once, in reply to my inquiring how he had enjoyed his trip, his remarking:

‘Disturbing, Stevens. Deeply disturbing. It does us great discredit to treat a defeated foe like this. A complete break with the traditions of this country.’

But there is another memory that has remained with me very vividly in relation to this matter. Today, the old banqueting hall no longer contains a table and that spacious room, with its high and magnificent ceiling, serves Mr Farraday well as a sort of gallery. But in his lordship’s day, that room was regularly required, as was the long table that occupied it, to seat thirty or more guests for dinner; in fact, the banqueting hall is so spacious that when necessity demanded it, further tables were added to the existing one to enable almost fifty to be seated. On normal days, of course, Lord Darlington took his meals, as does Mr Farraday today, in the more intimate atmosphere of the dining room, which is ideal for accommodating up to a dozen. But on that particular winter’s night I am recollecting the dining room was for some reason out of use, and Lord Darlington was dining with a solitary guest — I believe it was Sir Richard Fox, a colleague from his lordship’s Foreign Office days — in the vastness of the banqueting hall. You will no doubt agree that the hardest of situations as regards dinner-waiting is when there are just two diners present. I would myself much prefer to wait on just one diner, even if he were a total stranger. It is when there are two

дней погрузился в тяжелые думы; вспоминаю, как однажды в ответ на мой вопрос, хорошо ли прошла поездка, он заметил:

— Неприятно, Стивенс. Крайне неприятно. Подобное обращение с поверженным противником навлекает на нас позор. Полный разрыв с традициями нашей страны.

В связи с этим мне живо вспоминается еще один случай. Теперь в старой банкетной зале нет уже стола, мистер Фаррадей удачно приспособил это просторное помещение с великолепным потолком под своеобразную галерею. Но во времена его светлости залу регулярно использовали, как и длинный стол, в ней стоявший, за которым умещалось тридцать с лишним персон; банкетная зала вообще настолько просторна, что при необходимости к имевшемуся столу приставляли еще несколько и рассаживали без малого пятьдесят человек. В обычные дни лорд Дарлингтон, разумеется, изволил кушать, как сейчас мистер Фаррадей, в более уютной столовой, где идеально размещается до дюжины обедающих. Но в тот зимний вечер, что так мне запомнился, столовую по какой-то причине было невозможно использовать, и лорд Дарлингтон обедал со своим единственным гостем — если не ошибаюсь, сэром Ричардом Фоксом, коллегой его светлости по работе в Министерстве иностранных дел в прежние времена, — под высокими сводами банкетной залы. Вы, конечно, согласитесь, что нет ничего хуже, чем прислуживать за столом, когда обедают двое. По мне, так лучше уж прислуживать одному чело-

diners present, even when one of them is one's own employer, that one finds it most difficult to achieve that balance between attentiveness and the illusion of absence that is essential to good waiting; it is in this situation that one is rarely free of the suspicion that one's presence is inhibiting the conversation.

On that occasion, much of the room was in darkness, and the two gentlemen were sitting side by side midway down the table — it being much too broad to allow them to sit facing one another — within the pool of light cast by the candles on the table and the crackling hearth opposite. I decided to minimize my presence by standing in the shadows much further away from table than I might usually have done. Of course, this strategy had a distinct disadvantage in that each time I moved towards the light to serve the gentlemen, my advancing footsteps would echo long and loud before I reached the table, drawing attention to my impending arrival in the most ostentatious manner; but it did have the great merit of making my person only partially visible while I remained stationary. And it was as I was standing like that, in the shadows some distance from where the two gentlemen sat amidst those rows of empty chairs, that I heard Lord Darlington talk about Herr Bremann, his voice as calm and gentle as usual, somehow resounding with intensity around those great walls.

‘He was my enemy,’ he was saying, ‘but he always behaved like a gentleman. We treated each other decently over six months of shelling each other. He

веку, пусть даже его первый раз видишь в глаза. Когда же за столом двое, будь даже один из них ваш хозяин, безумно тяжело добиться равновесия между расторопностью и незаметностью, которое так важно для хорошего обслуживания: все время кажется, что своим присутствием не даешь обедающим свободно поговорить.

В тот раз большая часть залы была погружена в темноту; два джентльмена сидели рядом по длинную сторону стола примерно посередине — ширина столешницы не позволила занять места друг против друга, — в круге света, который отбрасывали стоящие на столе канделябры и пылающий перед ними камин. Чтобы не бросаться в глаза, я решил отступить в тень много дальше от стола, чем обычно. Явный недостаток подобной стратегии заключался, понятно, в том, что всякий раз, как я выходил на свет обслужить джентльменов, долгое глухое эхо моих приближающихся шагов опережало само мое появление, привлекая к нему внимание весьма нарочитым образом; великим же ее преимуществом было то, что меня почти не было видно, когда я оставался на месте. Именно там, стоя в тени на некотором расстоянии от двух джентльменов, сидевших в окружении пустующих стульев, я услышал, как лорд Дарлингтон рассуждает о герре Бремане; он изъяснялся, как всегда, спокойно и тихо, но в этих могучих стенах голос хозяина звучал с какой-то особенной глубиной.

— Он был моим противником, — говорил его светлость, — но всегда поступал как джентльмен. Мы относились друг к другу как приличные люди,

was a gentleman doing his job and I bore him no malice. I said to him: "Look here, we're enemies now and I'll fight you with all I've got. But when this wretched business is over, we shan't have to be enemies any more and we'll have a drink together." Wretched thing is, this treaty is making a liar out of me. I mean to say, I told him we wouldn't be enemies once it was all over. But how can I look him in the face and tell him that's turned out to be true?"

And it was a little later that same night that his lordship said with some gravity, shaking his head:

'I fought that war to preserve justice in this world. As far as I understood, I wasn't taking part in a vendetta against the German race.'

And when today one hears talk about his lordship, when one hears the sort of foolish speculations concerning his motives as one does all too frequently these days, I am pleased to recall the memory of that moment as he spoke those heartfelt words in the near-empty banqueting hall. Whatever complications arose in his lordship's course over subsequent years, I for one will never doubt that a desire to see 'justice in this world' lay at the heart of all his actions.

It was not long after that evening there came the sad news that Herr Bremann had shot himself in a train between Hamburg and Berlin. Naturally, his lordship was greatly distressed and immediately made plans to dispatch funds and commiserations

хотя шесть месяцев друг друга обстреливали. Он поджентльменски исполнял свой долг, и я не питал к нему зла. Я ему заявил: «Послушайте, сейчас мы враги, и я буду сражаться с вами всем наличным оружием. Но когда закончится эта мерзкая заваруха, мы больше не будем врагами и вместе посидим за бутылкой». Хуже всего, что сейчас этот договор выставляет меня лжецом. Я хочу сказать, что заверил его, будто мы прекратим враждовать, когда все это кончится. Имею ли я теперь право смотреть ему в глаза и утверждать, что так оно и есть?

В тот вечер, но несколько позже его светлость произнес, озабоченно покачав головой:

— Я сражался в этой войне ради справедливости в нашем мире. Насколько я тогда понимал, речь вообще не шла о кровной мести германской нации.

И когда слышишь сегодня сплетни о его светлости, слышишь все эти глупые домыслы о побуждениях, какими он руководствовался, а слышать такое приходится слишком часто, я с радостью призываю воспоминание о той минуте, когда он произнес эти прочувствованные слова в почти пустой банкетной зале. Каким бы сложным ни был путь его светлости в последующие годы, я лично никогда не усомнюсь, что в основе всех его действий лежало желание видеть «справедливость в нашем мире».

А немного спустя пришла печальная весть: герр Бремман застрелился в поезде между Гамбургом и Берлином. Его светлость, естественно, был очень расстроен и немедленно принял решение направить фрау Бремман деньги и соболезнования.

to Frau Bremann. However, after several days of endeavour, in which I myself did my best to assist, his lordship was not able to discover the whereabouts of any of Herr Bremann's family. He had, it seemed, been homeless for some time and his family dispersed.

It is my belief that even without this tragic news, Lord Darlington would have set upon the course he took; his desire to see an end to injustice and suffering was too deeply ingrained in his nature for him to have done otherwise. As it was, in the weeks that followed Herr Bremann's death, his lordship began to devote more and more hours to the matter of the crisis in Germany. Powerful and famous gentlemen became regular visitors to the house — including, I remember, figures such as Lord Daniels, Professor Maynard Keynes, and Mr H. G. Wells, the renowned author, as well as others who, because they came 'off the record', I should not name here — and they and his lordship were often to be found locked in discussion for hours on end.

Some of the visitors were, in fact, so 'off the record' that I was instructed to make sure the staff did not learn their identities, or in some cases, even glimpse them. However — and I say this with some pride and gratitude — Lord Darlington never made any efforts to conceal things from my own eyes and ears; I can recall on numerous occasions, some personage breaking off in mid-sentence to glance warily towards my person, only for his lordship to say:

Однако после многодневных усилий, в которых я тоже принимал посильное участие, его светлость так и не смог установить местожительство никого из родных герра Бремана. Судя по всему, тот в последнее время не имел крыши над головой, а семья его рассеялась.

Я считаю, что и без этой трагедии лорд Дарлингтон все равно избрал бы тот же самый образ действий; желание положить конец несправедливости и страданию пустило в его душе слишком глубокие корни, чтобы он мог вести себя по-другому. Во всяком случае, непосредственно после смерти герра Бремана его светлость уделял все больше и больше времени проблемам германского кризиса. В доме стали регулярно бывать могущественные и знаменитые джентльмены, в их числе, помнится, такие видные фигуры, как лорд Дэниэлс, профессор Мейнард Кейнс и мистер Г. Дж. Уэллс, прославленный литератор, а также ряд других лиц, каковых — поскольку прибывали они «неофициально» — я не хочу называть. Они часто вели с его светлостью бесконечные дебаты при закрытых дверях.

Некоторые гости и вправду прибывали настолько конфиденциально, что я получал указания позаботиться, чтобы никто из слуг не узнал их имен, а порой и не увидел в лицо. Однако лорд Дарлингтон — об этом я говорю с благодарностью и не без гордости — ни разу не пытался ничего скрыть от моих глаз и ушей. Могу привести много случаев, когда кто-нибудь из гостей, оборвав себя на полуслове, бросал на меня настороженный взгляд и в ответ слышал от его светлости неизменное:

‘Oh, that’s all right. You can say anything in front of Stevens, I can assure you.’

Steadily, then, over the two years or so following Herr Bremann’s death, his lordship, together with Sir David Cardinal, who became his closest ally during that time, succeeded in gathering together a broad alliance of figures who shared the conviction that the situation in Germany should not be allowed to persist. These were not only Britons and Germans, but also Belgians, French, Italians, Swiss; they were diplomats and political persons of high rank; distinguished clergymen; retired military gentlemen; writers and thinkers. Some were gentlemen who felt strongly, like his lordship himself, that fair play had not been done at Versailles and that it was immoral to go on punishing a nation for a war that was now over. Others, evidently, showed less concern for Germany or her inhabitants, but were of the opinion that the economic chaos of that country, if not halted, might spread with alarming rapidity to the world at large.

By the turn of 1922, his lordship was working with a clear goal in mind. This was to gather under the very roof of Darlington Hall the most influential of the gentlemen whose support had been won with a view to conducting an ‘unofficial’ international conference — a conference that would discuss the means by which the harshest terms of the Versailles treaty could be revised. To be worthwhile, any such conference would have to be of sufficient weight so that it could have a *décisive* effect on the ‘offi-

— Не беспокойтесь. Уверяю вас, при Стивенсе можно говорить откровенно.

Итак, в течение двух лет, следовавших за смертью герра Бремана, его светлость вместе с сэром Дэвидом Кардиналом, ставшим в то время его самым верным союзником, методично создавали широкое объединение единомышленников, убежденных в том, что нетерпимому положению в Германии должен быть положен конец. В этот союз входили не одни лишь британцы и немцы, но также бельгийцы, французы, итальянцы, швейцарцы; среди них были дипломаты и политические деятели высокого ранга, видные священнослужители, отставные военные, писатели и философы. Одни, как и его светлость, твердо верили, что в Версале была допущена несправедливость и безнравственно продолжать наказывать народ за войну, которая уже кончилась. Другие, видимо, не столько пеклись о Германии и ее населении, сколько опасались, что экономический хаос в этой стране, если его не остановить, может с чудовищной быстротой перекинуться на весь мир.

К началу 1922 года его светлость ясно определил для себя, чего он хочет добиться, — собрать, и не где-нибудь, а в стенах самого Дарлингтон-холла наиболее влиятельных джентльменов из числа тех, чьей поддержкой он заручился, и устроить «неофициальную» международную конференцию для обсуждения путей и средств пересмотра наиболее суровых положений Версальского договора. Дабы подобные мероприятия не проходили впустую, им следовало быть авторитетными, причем

cial' international conferences — several of which had already taken place with the express purpose of reviewing the treaty, but which had succeeded in producing only confusion and bitterness. Our Prime Minister of that time, Mr Lloyd George, had called for another great conference to be held in Italy in the spring of 1922, and initially his lordship's aim was to organize a gathering at Darlington Hall with a view to ensuring a satisfactory outcome to this event. For all the hard work on his and Sir David's part, however, this proved too harsh a deadline; but then with Mr George's conference ending yet again in indecision, his lordship set his sights on a further great conference scheduled to take place in Switzerland the following year.

I can remember one morning around this time bringing Lord Darlington coffee in the breakfast room, and his saying to me as he folded *The Times* with some disgust:

'Frenchmen. Really, I mean to say, Stevens. Frenchmen.'

'Yes, sir.'

'And to think we have to be seen by the world to be arm in arm with them. One wishes for a good bath at the mere reminder.'

'Yes, sir.'

'Last time I was in Berlin, Stevens, Baron Overath, old friend of my father, came up and said: "Why do you do this to us? Don't you see we can't go on

в такой степени, чтобы оказывать решающее воздействие на официальные международные конференции (несколько последних уже имели место, и хотя целью их был объявлен пересмотр договора, породили они лишь неразбериху и чувство горечи). Наш тогдашний премьер-министр мистер Ллойд Джордж призвал провести в Италии весной 1922 года еще одну большую конференцию, и поначалу его светлость хотел собрать совещание в Дарлингтон-холле как раз для того, чтобы обеспечить принятие на этой конференции решений, которые бы его удовлетворили. Они с сэром Дэвидом сделали все возможное, но сроки оказались слишком жесткие. После того как конференция мистера Джорджа снова не дала результатов, его светлость взял на прицел очередную большую конференцию, которую планировалось на следующий год созвать в Швейцарии.

Вспоминаю, как в это примерно время я принес лорду Дарлингтону в малую столовую утренний кофе и он, складывая «Таймс», безглаголиво заметил:

— Французы. Ну в самом деле, Стивенс, что тут скажешь! Французы.

— Да, сэр.

— А ведь мы обнимались с ними на глазах у всего мира. Как вспомнишь — впору в ванну лезть отмываться.

— Да, сэр.

— Когда я последний раз был в Берлине, Стивенс, ко мне подошел старый приятель еще моего отца барон Оверат и сказал: «Почему вы с нами

like this?" I was jolly well tempted to tell him it's those wretched Frenchmen. It's not the English way of carrying on, I wanted to say. But I suppose one can't do things like that. Mustn't speak ill of our dear allies.'

But the very fact that the French were the most intransigent as regards releasing Germany from the cruelties of the Versailles treaty made all the more imperative the need to bring to the gathering at Darlington Hall at least one French gentleman with unambiguous influence over his country's foreign policy. Indeed, I heard several times his lordship express the view that without the participation of such a personage, any discussion on the topic of Germany would be little more than an indulgence. He and Sir David accordingly set upon this final crucial lap of their preparations and to witness the unswerving determination with which they persevered in the face of repeated frustrations was a humbling experience; countless letters and telegrams were dispatched and his lordship himself made three separate trips to Paris within the space of two months. Finally, having secured the agreement of a certain extremely illustrious Frenchman — I will merely call him 'M. Dupont' — to attend the gathering on a very strict 'off the record' basis, the date for the conference was set. That is to say, for that memorable March of 1923.

As this date grew ever nearer, the pressures on myself, though of an altogether more humble nature than those mounting on his lordship, were neverthe-

так поступаете? Вы что, не видите, что мы больше не можем?» Так и подмывало заявить ему, что это все мерзавцы французы. То есть я хотел сказать — совершенно не похоже на англичан. Но, вероятно, нельзя такого себе позволить. Негоже ругать наших милых союзничков.

Но уже тот факт, что самую непримиримую позицию в вопросе освобождения Германии от суровостей Версальского договора занимали французы, настоятельно требовал участия в совещании в Дарлингтон-холле хотя бы одного французского джентльмена, обладающего безусловным влиянием на внешнюю политику своей страны. Больше того, я несколько раз слышал, как его светлость высказывал мнение, что без участия такого лица любое обсуждение германской проблемы выльется в пустопорожнюю болтовню. Таким образом, в подготовке этого мероприятия они с сэром Дэвидом перешли к последней, решающей партии. Видеть, какое неколебимое упорство они проявляли перед лицом повторяющихся неудач, значило учиться смирению. Рассылались бесчисленные письма и телеграммы, его светлость за два месяца три раза лично побывал в Париже. Наконец, заручившись согласием одного в высшей степени известного француза — я буду именовать его просто мсье Дюпон — участвовать в совещании на сугубо неофициальной основе, согласовали время проведения конференции: тот памятный март 1923 года.

С приближением назначенной даты мои заботы, хотя куда более скромные по сравнению с теми, какие одолевали его светлость, тем не менее соответ-

less not inconsequential. I was only too aware of the possibility that if any guest were to find his stay at Darlington Hall less than comfortable, this might have repercussions of unimaginable largeness. Moreover, my planning for the event was complicated by the uncertainty as to the numbers involved. The conference being of a very high level, the participants had been limited to just eighteen very distinguished gentlemen and two ladies — a German countess and the formidable Mrs Eleanor Austin, at that time still resident in Berlin; but each of these might reasonably bring secretaries, valets and interpreters, and there proved no way of ascertaining the precise number of such persons to expect. Furthermore, it became clear that a number of the parties would be arriving some time before the three days set aside for the conference, thus giving themselves time to prepare their ground and gauge the mood of fellow guests, though their exact arrival dates were, again, uncertain. It was clear then that the staff would not only have to work extremely hard, and be at their most alert, they would also have to be, unusually flexible. In fact, I was for some time of the opinion that this huge challenge ahead of us could not be surmounted without my bringing in additional staff from outside. However, this option, quite aside from the misgivings his lordship was bound to have as regards gossip travelling, entailed my having to rely on unknown quantities just when a mistake could prove most costly. I thus set about preparing for the days ahead as, I imagine, a general might prepare for a battle: I devised

ственно возрастали. Я прекрасно понимал, что, если кто-нибудь из гостей останется не вполне доволен условиями пребывания в Дарлингтон-холле, последствия могут быть самые непредсказуемые. К тому же я не знал точно, сколько народу прибудет, и это осложняло подготовку к предстоящему событию. Поскольку конференция предполагалась на очень высоком уровне, число участников было ограничено всего восемнадцатью весьма видными джентльменами и двумя дамами — одной немецкой графиней и грозной миссис Элеонорой Остин, тогда еще проживавшей в Берлине. Но следовало исходить из того, что все они прибудут с секретарями, слугами и переводчиками, и не было никакой возможности уточнить число этих лиц. Более того, стало ясно, что кое-кто прибудет не накануне открытия конференции, которая должна была продлиться три дня, а заблаговременно, чтобы успеть подготовить почву и прощупать настроение коллег, но и тут даты прибытия опять же оставались неизвестными. Было ясно, что в этих условиях слугам предстоит основательно поработать и проявить не только чудеса проворства, но и выказать необыкновенную гибкость. Говоря по правде, я какое-то время думал, что нам не справиться с этим грандиозным испытанием без дополнительного персонала со стороны. Однако такой вариант мог вызвать у его светлости опасения, как бы не пошли лишние разговоры. К тому же это означало, что мне придется полагаться на неизвестных людей, и тут любая ошибка могла обойтись очень дорого. Поэтому я занялся приготовлениями, как,

with utmost care a special staff plan anticipating all sorts of eventualities; I analysed where our weakest points lay and set about making contingency plans to fall back upon in the event of these points giving way; I even gave the staff a military-style ‘pep-talk’, impressing upon them that, for all their having to work at an exhausting rate, they could feel great pride in discharging their duties over the days that lay ahead. ‘History could well be made under this roof,’ I told them. And they, knowing me to be one not prone to exaggerated statements, well understood that something of an extraordinary nature was impending.

You will understand then something of the climate prevailing around Darlington Hall by the time of my father’s fall in front of the summerhouse — this occurring as it did just two weeks before the first of the conference guests were likely to arrive — and what I mean when I say there was little room for any ‘beating about the bush’. My father did, in any case, rapidly discover a way to circumvent the limitations on his effectiveness implied by the stricture that he should carry no laden trays. The sight of his figure pushing a trolley loaded with cleaning utensils, mops, brushes arranged incongruously, though always tidily, around teapots, cups and saucers, so that it at times resembled a street-hawker’s barrow, became a familiar one around the house. Obviously he still could not avoid relinquishing his waiting du-

вероятно, генерал готовится к предстоящему сражению: с исключительной тщательностью разработал специальную схему распределения обязанностей, рассчитанную на всевозможные непредвиденные обстоятельства; определил, где у нас наиболее уязвимые места, и занялся составлением аварийных программ для ликвидации последствий возможных срывов; я даже провел со слугами нечто вроде боевого инструктажа, внушив, что хотя им и предстоит работать на износ, зато потом они будут гордиться тем, что исполняли свои обязанности в эти исторические дни. «В этих стенах, — сказал я им, — могут быть приняты исторические решения». И они, зная меня как человека, не склонного к преувеличениям, прониклись мыслью, что надвигается нечто чрезвычайное.

Теперь, надеюсь, вы получили известное представление об общей атмосфере, царившей в Дарлингтон-холле, когда отец свалился у беседки, а случилось это за две недели до ожидаемого прибытия первых участников конференции. Можете вы понять и то, что я имел в виду, говоря, что у нас не было возможности ходить вокруг да около. Отец, во всяком случае, быстро нашел способ, как сохранить за собой некоторые из прежних обязанностей, обходя запрет носить нагруженные подносы. Он завел тележку. Принадлежности для уборки, швабры, щетки и прочее непривычно, хотя всегда аккуратно, соседствовали на ней с чайниками, чашками и блюдечками; он ходил, толкая тележку перед собой, как уличный торговец, и в доме привыкли к этому зрелищу. Понятно,

ties in the dining room, but otherwise the trolley enabled him to accomplish a surprising amount. In fact, as the great challenge of the conference drew nearer, an astonishing change seemed to come over my father. It was almost as though some supernatural force possessed him, causing him to shed twenty years; his face lost much of the sunken look of recent times, and he went about his work with such youthful vigour that a stranger might have believed there were not one but several such figures pushing trolleys about the corridors of Darlington Hall.

As for Miss Kenton, I seem to remember the mounting tension of those days having a noticeable effect upon her. I recall, for instance, the occasion around that time I happened to encounter her in the back corridor. The back corridor, which serves as a sort of backbone to the staff's quarters of Darlington Hall, was always a rather cheerless affair due to the lack of daylight penetrating its considerable length. Even on a fine day, the corridor could be so dark that the effect was like walking through a tunnel. On that particular occasion, had I not recognized Miss Kenton's footsteps on the boards as she came towards me, I would have been able to identify her only from her outline. I paused at one of the few spots where a bright streak of light fell across the boards and, as she approached, said:

'Ah, Miss Kenton.'

'Yes, Mr Stevens?'

что с обязанностями по обслуживанию обедающих ему все же пришлось расстаться, но в остальном тележка позволяла ему делать на удивление много. Да что там, с приближением конференции, этого грандиозного испытания, отец поразительным образом изменился. В него будто вселилась некая сверхъестественная сила, заставив сбросить с плеч лет двадцать; осунувшееся за последнее время лицо выглядело уже не столь изможденным, а в работе он проявлял такое поистине юношеское рвение, что посторонний вполне мог бы подумать — не один, а несколько похожих друг на друга слуг толкают тележки по коридорам Дарлингтон-холла.

Что до мисс Кентон, то, боюсь, возрастающее напряжение тех дней заметно сказалось на ней. Помнится, я как-то столкнулся с ней в служебном коридоре. Служебный коридор, этот в известном смысле спинной хребет той части Дарлингтон-холла, что отдана слугам, — место довольно унылое: дневной свет проникает туда лишь кое-где, при том что сам коридор изрядной длины. Даже при ярком солнце в нем так темно, что кажется, будто идешь по тоннелю. В тот день я узнал мисс Кентон по звуку шагов — она спешила навстречу, — а то бы пришлось вглядываться в силуэт, чтобы понять, что это она. Я остановился в одном из немногих мест, где на дощатый пол падал яркий луч света, и, когда она приблизилась, произнес:

— А, мисс Кентон.

— Да, мистер Стивенс?

‘Miss Kenton, I wonder if I may draw your attention to the fact that the bed linen for the upper floor will need to be ready by the day after tomorrow.’

‘The matter is perfectly under control, Mr Stevens.’

‘Ah, I’m very glad to hear it. It just struck me as a thought, that’s all.’

I was about to continue on my way, but Miss Kenton did not move. Then she took one step more towards me so that a bar of light fell across her face and I could see the angry expression on it.

‘Unfortunately, Mr Stevens, I am extremely busy now and I am finding I have barely a single moment to spare. If only I had as much spare time as you evidently do, then I would happily reciprocate by wandering about this house reminding you of tasks you have perfectly well in hand.’

‘Now, Miss Kenton, there is no need to become so bad-tempered. I merely felt the need to satisfy myself that it had not escaped your attention ...’

‘Mr Stevens, this is the fourth or fifth time in the past two days you have felt such a need. It is most curious to see that you have so much time on your hands that you are able to simply wander about this house bothering others with gratuitous comments.’

‘Miss Kenton, if you for one moment believe I have time on my hands, that displays more clearly than ever your great inexperience. I trust that in years to come, you will gain a clearer picture of what occurs in a house like this.’

— Мисс Кентон, могу ли я обратить ваше внимание на то, что постельное белье для верхнего этажа непременно должно быть готово к послезавтра?

— С бельем все в полном порядке, мистер Стивенс.

— Что ж, рад слышать. Я просто вспомнил об этом, только и всего.

Я собрался идти дальше, но мисс Кентон осталась на месте, а когда шагнула ко мне, полоска света упала ей на лицо, и я увидел, что она злится.

— К сожалению, мистер Стивенс, сейчас я страшно занята и за хлопотами не найду ни единой свободной минутки. Будь у меня столько свободного времени, сколько, очевидно, есть у вас, я с удовольствием отплатила бы вам той же монетой — пустилась разгуливать по дому, напоминая вам о делах, с которыми вы и так прекрасно справляетесь.

— Ну что вы, мисс Кентон, не надо так раздражаться. Мне всего лишь захотелось удостовериться, что от вашего внимания не ускользнуло...

— Мистер Стивенс, за последние два дня такое желание появляется у вас в четвертый или в пятый раз. Очень странно, что у вас полно свободного времени и вы можете просто так разгуливать по дому, приставая к другим с необоснованными замечаниями.

— Мисс Кентон, если вам хоть на миг показалось, будто у меня полно свободного времени, это яснее ясного свидетельствует о вашей великой неопытности. Надеюсь, впоследствии вы составите более четкое представление о том, что происходит в таких домах, как этот.

‘You are perpetually talking of my “great inexperience,” Mr Stevens, and yet you appear quite unable to point out any defect in my work. Otherwise I have no doubt you would have done so long ago and at some length. Now, I have much to be getting on with and would appreciate your not following me about and interrupting me like this. If you have so much time to spare, I suggest it might be more profitably spent taking some fresh air.’

She stamped past me and on down the corridor. Deciding it best to let the matter go no further, I continued on my way. I had almost reached the kitchen doorway when I heard the furious sounds of her footsteps coming back towards me again.

‘In fact, Mr Stevens,’ she called, ‘I would ask you from now on not to speak to me directly at all.’

‘Miss Kenton, whatever are you talking about?’

‘If it is necessary to convey a message, I would ask you to do so through a messenger. Or else you may like to write a note and have it sent to me. Our working relationship, I am sure, would be made a great deal easier.’

‘Miss Kenton ...’

‘I am extremely busy, Mr Stevens. A written note if the message is at all complicated. Otherwise you may like to speak to Martha or Dorothy, or any members of the male staff you deem sufficiently trustworthy. Now I must return to my work and leave you to your wanderings.’

— Вы постоянно твердите о моей «великой неопытности», мистер Стивенс, а между тем, видимо, не в состоянии найти в моей работе никаких упущений. В противном случае, не сомневаюсь, уже давно бы указали мне на них и долго об этом распространялись. А сейчас у меня полным-полно дел, и я бы попросила вас не ходить за мной по пятам и не приставать с подобными указаниями. Если у вас столько свободного времени, лучше бы пошли погуляли на свежем воздухе — это куда полезнее.

Она обошла меня и устремилась по коридору, стуча каблуками. Сочтя за благо не углублять конфликта, я отправился своим путем и почти дошел до кухонной двери, когда услышал за спиной бешеную дробь нагоняющих меня шагов.

— И вообще, мистер Стивенс, — крикнула она, — я бы попросила вас отныне не обращаться ко мне непосредственно!

— То есть как, мисс Кентон?

— Если вам понадобится что-нибудь мне передать, извольте делать это через третьих лиц. Или соблаговолите написать записку и мне отослать. Уверена, это значительно упростит наши рабочие взаимоотношения.

— Мисс Кентон...

— Я страшно занята, мистер Стивенс. Записка, если в двух словах о деле не скажешь. Остальное соблаговолите передавать через Марту, или Дороти, или кого-нибудь из лакеев, которого сочтете надежным. А теперь я должна вернуться к работе, а вы гуляйте себе дальше по дому.

Irritating as Miss Kenton's behaviour was, I could not afford to give it much thought, for by then the first of the guests had arrived. The representatives from abroad were not expected for a further two or three days, but the three gentlemen referred to by his lordship as his 'home team' — two Foreign Office ministers attending very much Off the record' and Sir David Cardinal — had come early to prepare the ground as thoroughly as possible. As ever, little was done to conceal anything from me as I went in and out of the various rooms in which these gentlemen sat deep in discussion, and I thus could not avoid gaining a certain impression of the general mood at this stage of the proceedings. Of course, his lordship and his colleagues were concerned to brief each other as accurately as possible on each one of the expected participants; but overwhelmingly, their concerns centred on a single figure — that of M. Dupont, the French gentleman — and on his likely sympathies and antipathies. Indeed, at one point, I believe I came into the smoking room and heard one of the gentlemen saying:

'The fate of Europe could actually hang on our ability to bring Dupont round on this point.'

It was in the midst of these preliminary discussions that his lordship entrusted me with a mission sufficiently unusual for it to have remained in my memory to this day, alongside those other more obviously unforgettable occurrences that were to take place during that remarkable week. Lord Darlington

Как ни раздражало меня поведение мисс Кентон, я тогда не мог позволить себе много думать о ней: уже прибыли первые гости. Зарубежных участников ожидали через два-три дня, но джентльмены, которых его светлость именовал «нашей командой», — два советника Министерства иностранных дел, действовавших сугубо «неофициально», и сэр Дэвид Кардинал — приехали пораньше, чтобы наилучшим образом «подготовить почву». Как всегда, от меня почти ничего не скрывали, я свободно входил в комнаты, где упомянутые джентльмены вели увлеченные дебаты, и потому, сам того не желая, получил представление об общей атмосфере, определявшей данный этап работы. Его светлость и коллеги, понятно, стремились как можно обстоятельней обменяться мнениями о каждом из предполагаемых участников; в основном, однако, всех их тревожила одна личность — мсье Дюпон, джентльмен из Франции, и его вероятные симпатии и антипатии. Как-то раз я вошел, кажется, в курительную и услышал слова одного из джентльменов:

— Поймите, судьба Европы и в самом деле может зависеть от того, сумеем ли мы переубедить Дюпона по данному вопросу.

В самый разгар этих предварительных обсуждений его светлость поручил мне одно дело, настолько необычное, что я и по сей день храню его в памяти наряду с другими действительно незабываемыми происшествиями, случившимися в ту выдающуюся неделю. Лорд Дарлингтон вы-

called me into his study, and I could see at once that he was in a state of some agitation. He seated himself at his desk and, as usual, resorted to holding open a book — this time it was *Who's Who* — turning a page to and fro.

‘Oh, Stevens,’ he began with a false air of nonchalance, but then seemed at a loss how to continue.

I remained standing there ready to relieve his discomfort at the first opportunity. His lordship went on fingering his page for a moment, leaned forward to scrutinize an entry, then said:

‘Stevens, I realize this is a somewhat irregular thing to ask you to do.’

‘Sir?’

‘It’s just that one has so much of importance on one’s mind just now.’

‘I would be very glad to be of assistance, sir.’

‘I’m sorry to bring up a thing like this, Stevens. I know you must be awfully busy yourself. But I can’t see how on earth to make it go away.’

I waited a moment while Lord Darlington returned his attention to *Who's Who*. Then he said, without looking up:

‘You are familiar, I take it, with the facts of life.’

‘Sir?’

The facts of life, Stevens. Birds, bees. You are familiar, aren’t you?’

‘I’m afraid I don’t quite follow you, sir.’

‘Let me put my cards on the table, Stevens. Sir David is a very old friend. And he’s been invaluable

звал меня к себе в кабинет, и я сразу увидел, что он волнуется. Он сидел за письменным столом и, как обычно, обратившись за помощью к книге — на сей раз к справочнику «Кто есть кто», — бесцельно перелистывал страницы.

— А, Стивенс, — начал он с напускным безразличием, но тут же, похоже, растерялся и замолк.

Я стоял, поджидая удобного случая вывести его из затруднения. Его светлость немного потыкал пальцем в страницу и произнес:

— Стивенс, я понимаю, что это несколько необычная просьба.

— Сэр?

— Просто сейчас столько важных дел навалилось, что до всего руки не доходят.

— Буду рад оказаться полезным, сэр.

— Не хотелось бы мне говорить на эту тему, Стивенс. Я понимаю, у вас самого дел сейчас невпроворот. Но просто не представляю, как выпутаться.

Я промолчал, а лорд Дарлингтон снова погрузился в «Кто есть кто». Потом он сказал, не подымая глаз:

— Полагаю, вам знакомы... реальности жизни.

— Сэр?

— Реальности жизни, Стивенс. Отношения полов. Ну, птички там всякие, пчелки. Знакомы, не правда ли?

— Боюсь, я не понял, сэр.

— Ладно, Стивенс, раскрою карты. Сэр Дэвид — мой старый друг. Сыграл неопределимую роль

in organizing the present conference. Without him, I dare say, we'd not have secured M. Dupont's agreement to come.'

'Indeed, sir.'

'However, Stevens, Sir David has his funny side. You may have noticed it yourself. He's brought his son, Reginald, with him. To act as secretary. The point is, he's engaged to be married. Young Reginald, I mean.'

'Yes, sir.'

'Sir David has been attempting to tell his son the facts of life for the last five years. The young man is now twenty-three.'

'Indeed, sir.'

'I'll get to the point, Stevens. I happen to be the young man's godfather. Accordingly, Sir David has requested that I convey to young Reginald the facts of life.'

'Indeed, sir.'

'Sir David himself finds the task rather daunting and suspects he will not accomplish it before Reginald's wedding day.'

'Indeed, sir.'

'The point is, Stevens, I'm terribly busy. Sir David should know that, but he's asked me none the less.'

His lordship paused and went on studying his page.

'Do I understand, sir,' I said, 'that you wish me to convey the information to the young gentleman?'

в организации нынешней конференции. Без него, смею сказать, мы бы не уговорили мсье Дюпона приехать.

— Несомненно, сэр.

— Однако же, Стивенс, сэр Дэвид — человек не без странностей. Да вы и сами могли заметить. Он привез с собой сына, Реджинальда. В качестве секретаря. Закавыка в том, что он обручен и скоро женится. Я говорю о юном Реджинальде.

— Да, сэр.

— Сэр Дэвид вот уже пять лет порывается объяснить сыну реальности жизни. Молодому человеку уже двадцать три.

— Да, сэр.

— Перехожу к делу, Стивенс. Мне довелось стать крестным отцом этого юнца. Вот сэр Дэвид и попросил — меня — объяснить юному Реджинальду, что к чему.

— Да, сэр.

— Сам сэр Дэвид пасует перед этой задачей, боится, что так и не справится с ней до свадьбы Реджинальда.

— Да, сэр.

— А я, Стивенс, чертовски занят. Уж кому об этом и знать, как не сэру Дэвиду, но он таки все равно попросил меня.

Его светлость замолк и уставился в справочник.

— Правильно ли я понял, сэр, — спросил я, — что вы желаете, чтобы я проинструктировал молодого джентльмена?

‘If you don’t mind, Stevens. Be an awful lot off my mind. Sir David continues to ask me every couple of hours if I’ve done it yet.’

‘I see, sir. It must be most trying under the present pressures.’

‘Of course, this is far beyond the call of duty, Stevens.’

‘I will do my best, sir. I may, however, have difficulty finding the appropriate moment to convey such information.’

‘I’d be very grateful if you’d even try, Stevens. Awfully decent of you. Look here, there’s no need to make a song and dance of it. Just convey the basic facts and be done with it. Simple approach is the best, that’s my advice, Stevens.’

‘Yes, sir. I shall do my best.’

‘Jolly grateful to you, Stevens. Let me know how you get on.’

I was, as you might imagine, a little taken aback by this request and ordinarily the matter might have been one I would have spent some time pondering. Coming upon me as it did, however, in the midst of such a busy period, I could not afford to let it preoccupy me unduly, and I thus decided I should resolve it at the earliest opportunity. As I recall, then, it was only an hour or so after being first entrusted with the mission that I noticed the young Mr Cardinal alone in the library, sitting at one of the writing tables, absorbed in some documents. On studying the young gentleman closely, one could, as it were,

— Если вы не против, Стивенс. У меня груз с души свалится. Сэр Дэвид пристаёт ко мне буквально каждую минуту, спрашивает, сделал я это или нет.

— Понимаю, сэр. В нынешних обстоятельствах это, должно быть, очень вам докучает.

— Разумеется, Стивенс, это совсем не входит в ваши обязанности.

— Постараюсь исполнить, сэр. Правда, подобрать подходящее время для соответствующей беседы может оказаться довольно сложно.

— Буду весьма благодарен, Стивенс, если вы хотя бы попытаетесь. С вашей стороны это очень мило. И послушайте, не стоит с ним разводить турусы на колесах. Объясните ему, что и как, — и дело с концом. Чем проще, тем лучше, вот вам мой совет, Стивенс.

— Да, сэр. Не пожалею усилий.

— Огромнейшее спасибо, Стивенс. И держите меня в курсе.

Легко догадаться, что этой просьбой я был несколько ошарашен и в нормальных условиях не спеша бы ее обдумал. Но поскольку сие поручение свалилось на меня в самый разгар напряженной работы, я не мог себе позволить чрезмерно отвлекаться, а потому решил с ним покончить при первом удобном случае. Припоминаю, что всего через час после того, как мне поручили это дело, я увидел в библиотеке молодого мистера Кардинала. Он был один, сидел за столиком и изучал какие-то бумаги. Приглядевшись к юному джентльмену, можно было понять, как понял и я,

appreciate the difficulty experienced by his lordship — and indeed, by the young gentleman's father. My employer's godson looked an earnest, scholarly young man, and one could see many fine qualities in his features; yet given the topic one wished to raise, one would have certainly preferred a lighter-hearted, even a more frivolous sort of young gentleman. In any case, resolved to bring the whole matter to a satisfactory conclusion as quickly as possible, I proceeded further into the library, and stopping a little way from Mr Cardinal's writing desk, gave a cough.

'Excuse me, sir, but I have a message to convey to you.'

'Oh, really?' Mr Cardinal said eagerly, looking up from his papers. 'From Father?'

'Yes, sir. That is, effectively.'

'Just a minute.'

The young gentleman reached down into the attaché case at his feet and brought out a notebook and pencil.

'Tire away, Stevens.'

I coughed again and set my voice into as impersonal a tone as I could manage.

'Sir David wishes you to know, sir, that ladies and gentlemen differ in several key respects.'

I must have paused a little to form my next phrase, for Mr Cardinal gave a sigh and said:

'I'm only too aware of that, Stevens. Would you mind coming to the point?'

всю сложность ситуации, в которой пребывал его светлость, не говоря о родителе юного джентльмена. Крестник хозяина производил впечатление серьезного ученого юноши, на лице его читалось много достоинств; принимая, однако, во внимание тему предстоящей беседы, предпочтительней, конечно, было бы иметь дело с более беспечным, даже легкомысленным молодым человеком. Тем не менее настроенный довести дело до победного конца как можно скорее, я вошел в библиотеку и, остановившись в двух шагах от столика, за которым работал мистер Кардинал, кашлянул.

— Прошу прощения, сэр, но я к вам с поручением.

— Вот как? — живо откликнулся мистер Кардинал, поднимая глаза от бумаг. — От отца?

— Да, сэр. То есть фактически.

— Минуточку.

Молодой человек наклонился к стоявшему на полу портфелю и извлек оттуда карандаш и блокнот.

— Выкладывайте, Стивенс.

Я снова кашлянул и заговорил самым бесстрастным голосом, на какой был способен:

— Сэр Дэвид хочет, чтобы вы знали, сэр, что дамы и господа имеют различия в нескольких важнейших отношениях.

Я, видимо, сделал паузу, чтобы сформулировать про себя следующую фразу, потому что мистер Кардинал вздохнул и сказал:

— Это-то мне известно, Стивенс, и еще как. Давайте-ка к делу.

‘You are aware, sir?’

‘Father is perpetually underestimating me. I’ve done extensive reading and background work on this whole area.’

‘Is that so, sir?’

‘I’ve thought about virtually nothing else for the past month.’

‘Really, sir. In that case, perhaps my message is rather redundant.’

‘You can assure Father I’m very well briefed indeed. This attaché case’ — he nudged it with his foot — ‘is chock-full of notes on every possible angle one can imagine.’

‘Is that so, sir?’

‘I really think I’ve thought through every permutation the human mind is capable of. I wish you’d reassure Father of that.’

‘I will, sir.’

Mr Cardinal seemed to relax a little. He prodded once more his attaché case — which I felt inclined to keep my eyes averted from — and said:

‘I suppose you’ve been wondering why I never let go of this case. Well, now you know. Imagine if the wrong person opened it.’

‘That would be most awkward, sir.’

‘That is, of course,’ he said, sitting up again suddenly, ‘unless Father has come up with an entirely new factor he wants me to think about.’

— Известно, сэр?

— Отец меня постоянно недооценивает. Я много читал и изучил проблему в целом и в частностях.

— В самом деле, сэр?

— Последний месяц я, можно сказать, только об этом и думаю.

— Понимаю, сэр. В таком случае в данном мне поручении, вероятно, не было особенной надобности.

— Можете успокоить отца, что я прекрасно осведомлен. Этот вот портфель, — он ткнул в него носком ботинка, — битком набит заметками обо всех сторонах проблемы, какие можно себе представить.

— В самом деле, сэр?

— Да, по-моему, я проиграл все возможные варианты. Так что ступайте успокойте отца.

— Не премину, сэр.

Напряжение, видимо, слегка отпустило мистера Кардинала. Он еще раз лягнул портфель, от которого я все время отводил взгляд, и произнес:

— Вы, наверно, задавались вопросом, почему я всегда держу его при себе. Теперь будете знать. Вдруг бы он попал в чужие руки — представляете?

— Возникло бы весьма щекотливое положение, сэр.

— Впрочем, — сказал он, внезапно выпрямляясь в кресле, — разве что отцу пришел в голову какой-то совершенно новый фактор, который, по его мнению, я должен осмыслить.

‘I cannot imagine he has, sir.’

‘No? Nothing more on this Dupont fellow?’

‘I fear not, sir.’

I did my best not to give away anything of my exasperation on discovering that a task I had thought all but behind me was in fact still there unassaulted before me. I believe I was collecting my thoughts for a renewed effort when the young gentleman suddenly rose to his feet, and clutching his attaché case to his person, said:

‘Well, I think I’ll go and take a little fresh air. Thanks for your help, Stevens.’

It had been my intention to seek out a further interview with Mr Cardinal with minimum delay, but this proved to be impossible, owing largely to the arrival that same afternoon — some two days earlier than expected — of Mr Lewis, the American senator. I had been down in my pantry working through the supplies sheets, when I had heard somewhere above my head the unmistakable sounds of motor cars pulling up in the courtyard. As I hastened to go upstairs, I happened to encounter Miss Kenton in the back corridor — the scene, of course, of our last disagreement — and it was perhaps this unhappy coincidence that encouraged her to maintain the childish behaviour she had adopted on that previous occasion. For when I inquired who it was that had arrived, Miss Kenton continued past me, stating simply:

‘A message if it is urgent, Mr Stevens.’

— Не думаю, сэр.

— Нет? Дополнительных сведений об этом Дюпоне не поступало?

— Боюсь, что нет, сэр.

Я с огромным трудом скрыл овладевшее мной отчаяние, обнаружив, что задача, которую я считал почти что решенной, на самом деле стоит передо мной во всей своей неприступности. Кажется, я как раз собирался с мыслями для нового приступа, но тут молодой человек вдруг вскочил и сказал, прижимая портфель к груди:

— Ну ладно, пойду-ка я подышу свежим воздухом. Спасибо за помощь, Стивенс.

Я намеревался безотлагательно провести с мистером Кардиналом новое собеседование, но к этому не представилось случая главным образом потому, что в тот же день к нам пожаловал американский сенатор мистер Льюис, которого мы ожидали только через двое суток. Я находился внизу в буфетной и составлял заказ на продукты, когда над головой у меня послышался шум, который не спутаешь ни с каким другим, — во двор въехали автомобили. Я поспешил наверх и — надо же такому случиться! — столкнулся с мисс Кентон в служебном коридоре, разумеется, том самом, где произошла наша последняя размолвка. Это неудачное совпадение, возможно, и побудило ее с детским упрямством настаивать на том, о чем она заявила в прошлый раз. Ибо, когда я поинтересовался, кто приехал, мисс Кентон бросила на ходу:

— Через третьих лиц или запиской, мистер Стивенс, если дело не терпит.

This was extremely annoying, but, of course, I had no choice but to hurry on upstairs.

My recollection of Mr Lewis is that of a gentleman of generous dimensions with a genial smile that rarely left his face. His early arrival was clearly something of an inconvenience to his lordship and his colleagues who had reckoned on a day or two more of privacy for their preparations. However, Mr Lewis's engagingly informal manner, and his statement at dinner that the United States 'would always stand on the side of justice and didn't mind admitting mistakes had been made at Versailles' seemed to do much to win the confidence of his lordship's 'home team'; as dinner progressed, the conversation had slowly but surely turned from topics such as the merits of Mr Lewis's native Pennsylvania back to the conference ahead, and by the time the gentlemen were lighting their cigars, some of the speculations being offered appeared to be as intimate as those exchanged prior to Mr Lewis's arrival. At one point, Mr Lewis said to the company:

'I agree with you, gentlemen, our M. Dupont can be very unpredictable. But let me tell you, there's one thing you can bet on about him. One thing you can bet on for sure.' He leaned forward and waved his cigar for emphasis. 'Dupont hates Germans. He hated them before the war and he hates them now with a depth you gentlemen here would find hard to understand.' With that, Mr Lewis sat back in his

Очень, очень досадно, но выбора у меня, разумеется, не оставалось — я должен был спешить наверх.

Мистер Льюис вспоминается мне как весьма дородный джентльмен, с лица которого почти не исчезала добродушная улыбка. Преждевременное его появление причинило очевидные неудобства его светлости и коллегам — они рассчитывали побыть одни еще день-другой, чтобы все подготовить. Однако же обаятельная непринужденность мистера Льюиса и произнесенная им за обедом фраза о том, что Соединенные Штаты «неизменно стоят на стороне справедливости и готовы признать, что в Версале были допущены ошибки», в немалой, видимо, степени помогли ему снискать доверие у «нашей команды». За обедом разговор о достоинствах Пенсильвании, родного штата мистера Льюиса, медленно, но верно возвращался к предстоящей конференции. Когда же джентльмены достали сигары, то пошли высказывания, так же мало предназначенные для чужих ушей, как и соображения, звучавшие за столом до приезда мистера Льюиса. Тут-то мистер Льюис и произнес:

— Да, господа, наш мсье Дюпон человек непредсказуемый. Но позвольте заметить, что в одном отношении можно держать пари, не рискуя остаться внакладе. — Тут американец подался вперед и махнул сигарой, чтобы привлечь внимание. — Дюпон ненавидит немцев. Ненавидел еще до войны и ненавидит теперь, да так, что вам, господа, этого просто не понять. — С этими словами

chair again, the genial smile returning fully to his face. 'But tell me, gentlemen,' he continued, 'you can hardly blame a Frenchman for hating the Germans, can you? After all, a Frenchman has good cause to do so, hasn't he?'

There was a moment of slight awkwardness as Mr Lewis glanced around the table. Then Lord Darlington said:

'Naturally, some bitterness is inevitable. But then, of course, we English also fought the Germans long and hard.'

'But the difference with you Englishmen,' Mr Lewis said, 'seems to be that you don't really hate the Germans any more. But the way the French see it, the Germans destroyed civilization here in Europe and no punishment is too bad for them. Of course, that looks an impractical kind of position to us in the United States, but what's always puzzled me is how you English don't seem to share the view of the French. After all, like you say, Britain lost a lot in that war too.'

There was another awkward pause before Sir David said, rather uncertainly:

'We English have often had a different way of looking at such things from the French, Mr Lewis.'

'Ah. A kind of temperamental difference, you might say.'

Mr Lewis's smile seemed to broaden slightly as he said this. He nodded to himself, as though many

мистер Льюис снова откинулся на спинку кресла, и на лице у него заиграла привычная добродушная улыбка. — Но согласитесь, — продолжал он, — трудно винить француза за ненависть к немцам. В конце концов, у француза на это хватает причин.

И мистер Льюис обвел взглядом стол, за которым воцарилось легкое замешательство. Потом лорд Дарлингтон заметил:

— Известная горечь тут, естественно, неизбежна. Но ведь и мы, англичане, мы тоже упорно и долго воевали с Германией.

— Но вы, англичане, кажетесь мне другими в том смысле, — сказал мистер Льюис, — что, в сущности, больше не питаете к немцам ненависти. Однако французы считают, что немцы уничтожили вашу европейскую цивилизацию и поэтому заслужили любую самую страшную кару. Конечно, нам в Соединенных Штатах такой подход представляется непрактичным, но чему я не перестаю удивляться, так это отчего вы, англичане, не заодно с французами. В конце концов, как вы сами сказали, Британия тоже понесла в войне большие потери.

Снова последовало неловкое молчание, после чего сэр Дэвид довольно неуверенно возразил:

— Мы, англичане, нередко расходимся с французами во взглядах на такие вопросы, мистер Льюис.

— Понятно. Так сказать, различие в национальных темпераментах.

При этих словах улыбка мистера Льюиса сделалась еще шире. Он молча кивнул, словно подтверж-

things had now become clear to him, and drew on his cigar. It is possible this is a case of hindsight colouring my memory, but I have a distinct feeling that it was at that moment I first sensed something odd, something duplicitous perhaps, about this apparently charming American gentleman. But if my own suspicions were aroused at that moment, Lord Darlington evidently did not share them. For after another second or two of awkward silence, his lordship seemed to come to a decision.

‘Mr Lewis,’ he said, ‘let me put it frankly. Most of us in England find the present French attitude despicable. You may indeed call it a temperamental difference, but I venture we are talking about something rather more. It is unbecoming to go on hating an enemy like this once a conflict is over. Once you’ve got a man on the canvas, that ought to be the end of it. You don’t then proceed to kick him. To us, the French behaviour has become increasingly barbarous.’

This utterance seemed to give Mr Lewis some satisfaction. He muttered something in sympathy and smiled with contentment at his fellow diners through the clouds of tobacco smoke by now hanging thickly across the table.

The next morning brought more early arrivals; namely, the two ladies from Germany — who had travelled together despite what one would have imagined to have been the great contrast in their backgrounds — bringing with them a large team of ladies-in-waiting and footmen, as well as a great

дая, что теперь ему многое стало ясно, и затянулся сигарой. Задним числом, вероятно, кое-что вспоминается теперь по-другому, но у меня твердое ощущение, что именно в ту минуту я уловил в обаятельном американском джентльмене некую странность, может быть, двулличие. Если у меня, однако, в ту минуту и родились подозрения, лорд Дарлингтон, судя по всему, их не разделял, ибо после очередной неловкой паузы его светлость, похоже, пришел к определенному решению.

— Мистер Льюис, — произнес он, — позвольте высказаться начистоту. Тут, в Англии, у большинства из нас нынешняя французская позиция вызывает презрение. Можете называть это различием в национальных темпераментах, но я рискну утверждать, что речь идет о вещах посерьезней. Негоже злобствовать на противника после того, как конфликт исчерпан. Уложили его на обе лопатки — и схватке конец. Поверженного врага не бьют ногами. С нашей точки зрения французы ведут себя все более варварски.

Мистер Льюис, видимо, не без удовлетворения выслушал эту тираду. Пробормотав что-то одобрителное, он одарил всех сидящих довольной улыбкой сквозь густое облако табачного дыма, висевшее над столом.

Наутро прибыли две дамы из Германии — тоже раньше, чем их ожидали. Они ехали вместе, не смотря на бросающуюся в глаза разницу в происхождении и общественном положении, и привезли с собой внушительную команду горничных и лакеев, не считая горы чемоданов. Во второй поло-

many trunks. Then in the afternoon, an Italian gentleman arrived accompanied by a valet, a secretary, an 'expert' and two bodyguards. I cannot imagine what sort of place this gentleman imagined he was coming to in bringing the latter, but I must say it struck something of an odd note to see in Darlington Hall these two large silent men staring suspiciously in all directions a few yards from wherever the Italian gentleman happened to be. Incidentally, the working pattern of these bodyguards, so it transpired over the following days, entailed one or the other of them going up to sleep at unusual hours so as to ensure at least one was on duty throughout the night. But when on first hearing of this arrangement I tried to inform Miss Kenton of it, she once again refused to converse with me, and in order to accomplish matters as quickly as possible I was actually obliged to write a note and put it under the door of her parlour.

The following day brought several more guests and with two days yet to go to the start of the conference, Darlington Hall was filled with people of all nationalities, talking in rooms, or else standing around, apparently aimlessly, in the hall, in corridors and on landings, examining pictures or objects. The guests were never less than courteous to one another, but for all that, a rather tense atmosphere, characterized largely by distrust, seemed to prevail at this stage. And reflecting this unease, the visiting valets and footmen appeared to regard one another with marked coldness and my own staff were rather glad to be too busy to spend much time with them.

вине дня пожаловал джентльмен из Италии в сопровождении камердинера, секретаря, «эксперта» и двух телохранителей. Не представляю, что этот джентльмен мог думать о нашей стране, раз прихватил этих последних, но, должен сказать, довольно дико было видеть в Дарлингтон-холле двух молчаливых громил, которые всегда околачивались в нескольких ярдах от того места, где в данный момент находился итальянский джентльмен, и подозрительно косились по сторонам. Как потом, кстати, выяснилось, телохранители работали посменно: кто-то из них днем спал в самое неурочное время, с тем чтобы ночью у хозяина оставался хотя бы один бодрствующий страж. Едва узнав про эти меры предосторожности, я попытался сообщить о них мисс Кентон, но она снова отказалась вступать в разговор, и мне, дабы довести дело до конца, пришлось-таки написать ей записку и подсунуть под дверь гостиной.

На другой день приехали новые гости, и хотя до открытия конференции оставалось целых двое суток, Дарлингтон-холл оказался набит людьми разных национальностей; они разбредались по комнатам и беседовали или бесцельно бродили по холлу, коридорам и лестничным площадкам, разглядывая картины и предметы старины. Друг с другом гости были неизменно предупредительны, однако на этой стадии воздух в доме как бы пропитался напряженностью, порожденной большей частью взаимным недоверием. Заразившись беспокойством хозяев, приезжие слуги и камердинеры поглядывали друг на друга явно не привет-

It was around this point, in the midst of dealing with the many demands being made on my attention, that I happened to glance out of a window and spotted the figure of the young Mr Cardinal taking some fresh air around the grounds. He was clutching his attaché case as usual and I could see he was strolling slowly along the path that runs the outer perimeter of the lawn, deeply absorbed in thought. I was of course reminded of my mission regarding the young gentleman and it occurred to me that an outdoor setting, with the general proximity of nature, and in particular the example of the geese close at hand, would not be an unsuitable setting at all in which to convey the sort of message I was bearing. I could see, moreover, that if I were quickly to go outside and conceal my person behind the large rhododendron bush beside the path, it would not be long before Mr Cardinal came by. I would then be able to emerge and convey my message to him. It was not, admittedly, the most subtle of strategies, but you will appreciate that this particular task, though no doubt important in its way, hardly took the highest priority at that moment.

There was a light frost covering the ground and much of the foliage, but it was a mild day for that time of the year. I crossed the grass quickly, placed my person behind the bush, and before long heard Mr Cardinal's footsteps approaching. Unfortunately, I misjudged slightly the timing of my emergence.

ливо, и мои подчиненные были, пожалуй, только рады, что работа не оставляет им времени на общение с чужаками.

В один из таких дней, когда меня рвали на части со всякими делами и просьбами, я случайно глянул в окно и заметил юного мистера Кардинала — тот прогуливался на свежем воздухе, как всегда, при портфеле. Молодой человек медленно шел по дорожке вокруг лужайки, погруженный в глубокое раздумье. Одинокая эта фигура, конечно, напомнила мне о поручении его светлости, и я прикинул, что открытый воздух, непосредственная близость к природе и, в частности, пасущиеся неподалеку гуси, которые годятся в качестве примера, — неплохая обстановка для того, чтобы провести порученный разговор. Я даже сообразил, что если, не теряя времени, выскочить из дома и укрыться за пышным кустом рододендрона у дорожки, то мистер Кардинал как раз пройдет мимо. Тогда я смогу выступить из-за укрытия и исполнить порученное. Допускаю, что мой стратегический план не отличался особой тонкостью, но прошу принять во внимание, что и стоявшая передо мной задача, хотя, конечно, важная, в то время едва ли могла считаться первоочередной.

Почву и листву на кустах и деревьях прихватило легким инеем, но для этой поры день выдался мягкий. Я быстро пересек лужайку, схоронился за кустом и вскоре услышал шаги мистера Кардинала. К несчастью, я немного ошибся в расчетах. Я собирался выйти из-за куста, когда мистер Кар-

I had intended to emerge while Mr Cardinal was still a reasonable distance away, so that he would see me in good time and suppose I was on my way to the summerhouse, or perhaps to the gardener's lodge. I could then have pretended to notice him for the first time and have engaged him in conversation in an impromptu manner. As it happened, I emerged a little late and I fear I rather startled the young gentleman, who immediately pulled his attaché case away from me and clutched it to his chest with both arms.

‘I'm very sorry, sir.’

‘My goodness, Stevens. You gave me a shock. I thought things were hotting up a bit there.’

‘I'm very sorry, sir. But as it happens, I have something to convey to you.’

‘My goodness, yes, you gave me quite a fright.’

‘If I may come straight to the point, sir. You will notice the geese not far from us.’

‘Geese?’ He looked around a little bewildered. ‘Oh yes. That's what they are.’

‘And likewise the flowers and shrubs. This is not, in fact, the best time of year to see them in their full glory, but you will appreciate, sir, that with the arrival of spring, we will see a change — a very special sort of change — in these surroundings.’

‘Yes, I'm sure the grounds are not at their best just now. But to be perfectly frank, Stevens, I wasn't paying much attention to the glories of nature. It's all rather worrying. That M. Dupont's arrived in the foulest mood imaginable. Last thing we wanted really.’

динал будет еще на подходе, с тем чтобы он меня заблаговременно увидел и решил, что я направляюсь к беседке, а может, и к домику садовника. Я бы в свою очередь сделал вид, будто только что его заметил, и затеял непринужденный разговор. Получилось, однако, так, что я затянул с выходом и, боюсь, несколько испугал юного джентльмена, который отпрянул и обеими руками прижал к груди портфель.

— Виноват, сэр.

— О господи, Стивенс! Как вы меня напугали! Я было подумал, что обстановка у нас накаляется.

— Виноват, сэр. Но дело в том, что мне нужно вам кое-что передать.

— О господи, ну и напугали же вы меня.

— С вашего позволения, сэр, я сразу перейду к существу дела. Извольте обратить внимание вон на тех гусей.

— Гусей? — Он удивленно огляделся. — Да, вижу. Действительно гуси.

— А также на цветы и кустарник. Сейчас, понятно, не самое подходящее время года, чтобы любоваться их красотой, но вы понимаете, сэр, что с наступлением весны повсюду вокруг мы сможем наблюдать перемены — перемены особого свойства.

— Да, разумеется, у поместья сейчас не лучший вид. Но если начистоту, Стивенс, я не очень-то обращал внимание на красоты природы. Тут у нас неприятности. Этот мсье Дюпон прибыл в самом гнусном настроении. Этого нам только не хватало!

‘M. Dupont has arrived here at this house, sir?’

‘About half an hour ago. He’s in the most foul temper.’

‘Excuse me, sir. I must attend to him straight away.’

‘Of course, Stevens. Well, kind of you to have come out to talk to me.’

‘Please excuse me, sir. As it happened, I had a word or two more to say on the topic of — as you put it yourself — the glories of nature. If you will indulge me by listening, I would be most grateful. But I am afraid this will have to wait for another occasion.’

‘Well, I shall look forward to it, Stevens. Though I’m more of a fish man myself. I know all about fish, fresh water and salt.’

‘All living creatures will be relevant to our forthcoming discussion, sir. However, you must now please excuse me. I had no idea M. Dupont had arrived.’

I hurried back to the house to be met immediately by the first footman saying:

‘We’ve been looking all over for you, sir. The French gentleman’s arrived.’

M. Dupont was a tall, elegant gentleman with a grey beard and a monocle. He had arrived in the sort of clothes one often sees continental gentlemen wearing on their holidays, and indeed, throughout his stay, he was to maintain diligently the appearance of having come to Darlington Hall entirely for pleasure and friendship. As Mr Cardinal had indicated, M. Dupont had not arrived in a good temper;

— Мсье Дюпон прибыл, сэръ?

— С полчаса назад. И в прескверном расположении духа.

— Простите, сэръ, но мне нужно немедленно им заняться.

— Разумеется, Стивенс. Что ж, с вашей стороны было очень любезно выйти со мной поболтать.

— Великодушно простите, сэръ. Дело в том, что я бы сказал вам еще пару слов на тему, как вы изволили выразиться, красот природы. Если бы вы сооблаговолили меня послушать, я был бы вам очень признателен. Но боюсь, что с этим придется повременить до другого подходящего случая.

— Что ж, буду с нетерпением ждать этого разговора, Стивенс. Хотя сам я скорее по рыбной части. О рыбе я знаю все, и о морской, и о пресноводной.

— Для нашей предстоящей беседы, сэръ, все живые твари годятся. Однако прошу меня великодушно простить. Я и не знал, что мсье Дюпон уже прибыл.

Я заторопился в дом, где меня сразу перехватил старший лакей, сообщивший:

— Мы вас обыскались, сэръ. Приехал французский джентльмен.

Мсье Дюпон оказался высоким изящным джентльменом с седой бородкой и при монокле. Он прибыл в платье того типа, какое часто видишь на джентльменах с континента, когда они отдыхают, а он и в самом деле все время, что у нас прогостил, старательно делал вид, будто приехал в Дарлингтон-холл исключительно с одной целью — отдохнуть и пообщаться с приятелями. Как

I cannot recall now all the various things that had upset him since his arrival in England a few days previously, but in particular he had obtained some painful sores on his feet while sightseeing around London and these, he feared, were growing septic. I referred his valet to Miss Kenton, but this did not prevent M. Dupont snapping his fingers at me every few hours to say:

‘Butler! I am in need of more bandages.’

His mood seemed much lifted on seeing Mr Lewis. He and the American senator greeted each other as old colleagues and they were to be seen together for much of the remainder of that day, laughing over reminiscences. In fact, one could see that Mr Lewis’s almost constant proximity to M. Dupont was proving a serious inconvenience to Lord Darlington, who was naturally keen to make close personal contact with this distinguished gentleman before the discussions began. On several occasions I witnessed his lordship make attempts to draw M. Dupont aside for some private conversation, only for Mr Lewis smilingly to impose himself upon them with some remark like: ‘Pardon me, gentlemen, but there’s something that’s been greatly puzzling me,’ so that his lordship soon found himself having to listen to some more of Mr Lewis’s jovial anecdotes. Mr Lewis apart, however, the other guests, perhaps through awe, perhaps through a sense of antagonism, kept a wary distance from M. Dupont, a fact that was

справедливо отметил мистер Кардинал, мсье Дюпон прибыл не в лучшем расположении духа. Теперь уж и не припомню всего, что раздражало его с той самой минуты, как он ступил на английскую землю несколькими днями раньше; там было много чего, но главное — он стер ноги, гуляя по Лондону, и теперь опасался, что на потертости попала инфекция. Я адресовал его камердинера к мисс Кентон, но это не помешало мсье Дюпону через каждые два-три часа вызывать меня как простого лакея и требовать:

— Дворецкий! Еще бинтов.

Настроение у него, по-видимому, значительно улучшилось, когда он встретился с мистером Льюисом. Они с американским сенатором поздоровались как старые приятели и до конца дня были неразлучны, смеялись, вспоминали случаи из прошлого. Было заметно, что почти непрерывная опека мистера Льюиса над мсье Дюпоном причиняет серьезные неудобства лорду Дарлингтону, который по понятным соображениям стремился установить с этим важным джентльменом тесные личные контакты еще до начала дебатов. Я своими глазами видел, как его светлость несколько раз предпринимал попытки отвести мсье Дюпона в сторонку, чтобы поговорить без свидетелей, но тут же появлялся мистер Льюис со своей неизменной улыбкой, произносил что-нибудь вроде: «Прошу прощения, господа, но я никак не могу понять...» — и его светлость обнаруживал, что ему приходится выслушивать очередную порцию забавных историй из репертуара мистера Льюи-

conspicuous even in that generally guarded atmosphere, and which seemed to underline all the more the feeling that it was M. Dupont who somehow held the key to the outcome of the following days.

The conference began on a rainy morning during the last week of March 1923 in the somewhat unlikely setting of the drawing room — a venue chosen to accommodate the ‘off the record’ nature of many of the attendances. In fact, to my eyes, the appearance of informality had been taken to a faintly ludicrous degree. It was odd enough to see that rather feminine room crammed full with so many stern, dark-jacketed gentlemen, sometimes sitting three or four abreast upon a sofa; but such was the determination on the part of some persons to maintain the appearance that this was nothing more than a social event that they had actually gone to the lengths of having journals and newspapers open on their knees.

I was obliged during the course of that first morning to go constantly in and out of the room, and so was unable to follow the proceedings at all fully. But I recall Lord Darlington opening the discussions by formally welcoming the guests, before going on to outline the strong moral case for a relaxing of various aspects of the Versailles treaty, emphasizing the great suffering he had himself witnessed in Germany. Of course, I had heard these same sentiments expressed by his lordship on many occasions before, but such was the depth of conviction with which he spoke in this august setting that I could not help

са. Однако, не считая мистера Льюиса, все прочие гости, то ли из страха, то ли от неприязни, сторонились мсье Дюпона; это бросалось в глаза даже в общей атмосфере настороженности и только усиливало ощущение, что от мсье Дюпона одного и зависит исход предстоящих переговоров.

Конференция открылась дождливым утром в последнюю неделю марта 1923 года; местом ее проведения выбрали не совсем подходящую для этих целей гостиную, приноравливаясь к «неофициальному» статусу многих участников. Надо сказать, что, на мой взгляд, от этой игры в неофициальность начало уже отдавать нелепицей. Как-то странно было видеть в сугубо дамской гостиной такое множество суровых джентльменов в темных пиджаках; им зачастую приходилось сидеть втроем или вчетвером на одном диване; но некоторые из присутствующих так усердно изображали обычный светский прием, что даже умудрились разложить на коленях раскрытые журналы и газеты.

В то первое утро мне по долгу службы приходилось все время входить и выходить из гостиной, так что я не имел возможности следить за происходящим от начала до конца. Но я помню, как лорд Дарлингтон открыл конференцию, приветствовал гостей, а после этого обрисовал настоятельную нравственную необходимость смягчить различные статьи Версальского договора и сделал упор на огромных страданиях, которые сам наблюдал в Германии. Я, конечно, и раньше часто слышал от его светлости аналогичные высказывания, но перед этим высоким собранием он го-

but be moved afresh. Sir David Cardinal spoke next, and though I missed much of his speech, it seemed to be more technical in substance, and quite frankly, rather above my head. But his general gist seemed to be close to his lordship's, concluding with a call for a freezing of German reparation payments and the withdrawal of French troops from the Ruhr region. The German countess then began to speak, but I was at this point, for some reason I do not recollect, obliged to leave the drawing room for an extended period. By the time I reentered, the guests were in open debate, and the discussion — with much talk of commerce and interest rates — was quite beyond me.

M. Dupont, so far as I could observe, was not contributing to the discussions, and it was hard to tell from his sullen demeanour if he was attending carefully to what was being said or else deeply engrossed in other thoughts. At one stage, when I happened to depart the room in the midst of an address by one of the German gentlemen, M. Dupont suddenly rose and followed me out.

‘Butler,’ he said, once we were in the hall, ‘I wonder if I could have my feet changed. They are giving me so much discomfort now, I can hardly listen to these gentlemen.’

As I recall, I had conveyed a plea to Miss Kenton for assistance — via a messenger, naturally — and had left M. Dupont sitting in the billiard room awaiting his nurse, when the first footman had come

ворил со столь искренней верой в свою правоту, что его слова взволновали меня, словно я внимал им впервые. Затем выступил сэр Дэвид Кардинал; речь его, большую часть которой я пропустил, была посвящена в основном технической стороне вопроса и, честно признаться, оказалась выше моего разума. Однако общая ее суть, по-моему, сводилась к тому же, о чем говорил его светлость; сэр Дэвид закончил призывом к замораживанию германских репараций и выводу французских войск из Рура. Потом взяла слово немецкая графиня, но в эту минуту, не помню, в связи с чем, мне пришлось надолго уйти из гостиной. Когда я вернулся, начались уже прения; говорили преимущественно о торговле и процентных ставках, в которых я ничего не понимал.

Насколько я мог наблюдать, мсье Дюпон не принимал участия в прениях, а по его угрюмому виду трудно было сказать, слушает ли он выступающих или погружен в совсем другие мысли. Помнится, когда мне случилось покинуть гостиную посреди выступления одного из немецких джентльменов, мсье Дюпон вдруг поднялся и вышел следом.

— Дворецкий, — произнес он, едва мы оказались в холле, — нельзя ли устроить, чтобы мне перебинтовали ноги? Так больно, что я уже не воспринимаю, о чем говорят эти господа.

Вспоминаю, что я послал мисс Кентон призыв о помощи — естественно, с курьером — и оставил мсье Дюпона в бильярдной дожидаться сиделки, когда по лестнице торопливо спустился перепу-

hurrying down the staircase in some distress to inform me that my father had been taken ill upstairs.

I hurried up to the first floor and on turning at the landing was met by a strange sight. At the far end of the corridor, almost in front of the large window, at that moment filled with grey light and rain, my father's figure could be seen frozen in a posture that suggested he was taking part in some ceremonial ritual. He had dropped down on to one knee and with head bowed seemed to be pushing at the trolley before him, which for some reason had taken on an obstinate immobility. Two chambermaids were standing at a respectful distance, watching his efforts in some awe. I went to my father and releasing his hands from their grip on the edge of the trolley, eased him down on to the carpet. His eyes were closed, his face was an ashen colour, and there were beads of sweat on his forehead. Further assistance was called, a bath-chair arrived in due course, and my father was transported up to his room.

Once my father had been laid in his bed, I was a little uncertain as to how to proceed; for while it seemed undesirable that I leave my father in such a condition, I did not really have a moment more to spare. As I stood hesitating in the doorway, Miss Kenton appeared at my side and said:

‘Mr Stevens, I have a little more time than you at the moment. I shall, if you wish, attend to your father. I shall show Dr Meredith up and notify you if he has anything noteworthy to say.’

ганный старший лакей с сообщением, что отцу стало плохо на втором этаже.

Я поспешил наверх и, повернув с площадки, увидел необычную картину. В дальнем конце коридора перед большим окном, за которым стоял дождливый серый день, четко вырисовывалась фигура отца, замершего в странной позе и словно совершавшего некий церемониальный обряд. Он опустился на одно колено и склонил голову; казалось, он подталкивает стоящую перед ним тележку, которая почему-то упрямо не двигается. Две горничные стояли на почтительном удалении от него, с ужасом взирая на эти усилия. Я подошел к отцу, разжал пальцы, которыми он цеплялся за край тележки, и опустил его на ковер. Глаза у него были закрыты, лицо мертвенно-бледное, на лбу выступили капельки пота. Послали за слугами, прикатали инвалидное кресло, и отца доставили в его комнату.

После того как отца уложили в постель, я растерялся, не зная, как поступить. С одной стороны, мне не хотелось бы оставлять отца в таком положении, с другой — я больше не мог терять ни минуты. Пока я нерешительно топтался в дверях, появилась мисс Кентон. Она заявила:

— Мистер Стивенс, в данный момент у меня чуть больше времени, чем у вас. Если угодно, я посижу с вашим отцом. Я провожу к нему доктора Мередита и дам вам знать, если доктор найдет что-то серьезное.

‘Thank you, Miss Kenton,’ I said, and took my leave.

When I returned to the drawing room, a clergyman was talking about the hardships being suffered by children in Berlin. I immediately found myself more than occupied replenishing the guests with tea and coffee. A few of the gentlemen, I noticed, were drinking spirits, and one or two, despite the presence of the two ladies, had started to smoke. I was, I recall, leaving the drawing room with an empty teapot in my hand when Miss Kenton stopped me and said:

‘Mr Stevens, Dr Meredith is just leaving now.’

As she said this, I could see the doctor putting on his mackintosh and hat in the hall and so went to him, the teapot still in my hand. The doctor looked at me with a disgruntled expression.

‘Your father’s not so good,’ he said. ‘If he deteriorates, call me again immediately.’

‘Yes, sir. Thank you, sir.’

‘How old is your father, Stevens?’

‘Seventy-two, sir.’

Dr Meredith thought about this, then said again:

‘If he deteriorates, call me immediately.’

I thanked the doctor again and showed him out.

It was that evening, shortly before dinner, that I overheard the conversation between Mr Lewis and M Dupont. I had for some reason gone up to M. Dupont’s room and was about to knock, but before do-

— Спасибо, мисс Кентон, — ответил я и ушел.

Когда я вернулся в гостиную, какой-то священник рассказывал, как страдают бедные берлинские дети. Меня ждали: требовалось снова налить гостям чай или кофе, чем я незамедлительно и занялся. Некоторые джентльмены, как я заметил, пили спиртное, а один или двое закурили, несмотря на присутствие дам. Помнится, я как раз выходил из гостиной с пустым чайником, когда меня остановила мисс Кентон. Она сообщила:

— Мистер Стивенс, доктор Мередит сейчас уезжает.

Не успела она закончить, как я увидел в холле доктора, который надевал макинтош и шляпу, и подошел к нему все с тем же чайником в руке. Доктор сердито на меня посмотрел.

— Ваш отец не очень хорош, — сказал он. — Если станет хуже, немедленно вызывайте меня.

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

— Сколько лет отцу, Стивенс?

— Семьдесят два, сэр.

Доктор Мередит подумал и повторил:

— Если станет хуже, немедленно вызывайте меня.

Я еще раз поблагодарил и проводил доктора до дверей.

В тот же вечер, перед самым обедом, я нечаянно услышал разговор между мистером Льюисом и мсье Дюпоном. Мне зачем-то понадобилось подняться в комнату мсье Дюпона. Я хотел постучать,

ing so, as is my custom, I paused for a second to listen at the door. You may not yourself be in the habit of taking this small precaution to avoid knocking at some highly inappropriate moment, but I always have been and can vouch that it is common practice amongst many professionals. That is to say, there is no subterfuge implied in such an action, and I for one had no intention of overhearing to the extent I did that evening. However, as fortune would have it, when I put my ear to M. Dupont's door, I happened to hear Mr Lewis's voice, and though I cannot recall precisely the actual words I first heard, it was the tone of his voice that raised my suspicions. I was listening to the same genial, slow voice with which the American gentleman had charmed many since his arrival and yet it now contained something unmistakably covert. It was this realization, along with the fact that he was in M. Dupont's room, presumably addressing this most crucial personage, that caused me to stop my hand from knocking, and continue to listen instead.

The bedroom doors of Darlington Hall are of a certain thickness and I could by no means hear complete exchanges; consequently, it is hard for me now to recall precisely what I overheard, just as, indeed, it was for me later that same evening when I reported to his lordship on the matter. Nevertheless, this is not to say I did not gain a fairly clear impression of what was taking place within the room. In effect, the American gentleman was putting forward the

но сперва, по своему обыкновению, остановился и прислушался, чтобы, не дай бог, не явиться в самый неподходящий момент. Для вас эта маленькая предосторожность — дело, может, и непривычное, но я к ней всегда прибегаю и готов ручаться, что ею широко пользуются лица многих профессий. То есть это никакая не уловка, и лично я совсем не собирался подслушивать столько, сколько пришлось в тот вечер. Однако судьба распорядилась иначе. Приложив ухо к дверям мсье Дюпона, я услышал голос мистера Льюиса; не припомню, какие слова первыми до меня донеслись, но интонация, с какой их произнесли, заставила меня насторожиться. Я слышал все тот же неторопливый сердечный голос, которым американский джентльмен успел со дня приезда многих обворозить, однако на сей раз в интонациях этого голоса безошибочно угадывался некий тайный умысел. Это открытие наряду с тем фактом, что мистер Льюис находился в комнате у мсье Дюпона и, вероятно, обращался именно к этому столь жизненно важному для успеха конференции лицу, удержало мою руку и побудило прислушаться.

Двери у спален в Дарлингтон-холле довольно толстые, так что услышать разговор полностью я, разумеется, не мог; по этой причине мне трудно сейчас передать, что именно я услышал, как, впрочем, трудно было и тогда, когда вечером того же дня я докладывал об этом случае его светлости. Тем не менее это вовсе не значит, что я не получил достаточно ясного впечатления о происходившем за дверями комнаты мсье Дюпона. Американский

view that M. Dupont was being manipulated by his lordship and other participants at the conference; that M. Dupont had been deliberately invited late to enable the others to discuss important topics in his absence; that even after his arrival, it was to be observed that his lordship was conducting small private discussions with the most important delegates without inviting M. Dupont. Then Mr Lewis began to report certain remarks his lordship and others had made at dinner on that first evening after his arrival.

‘To be quite frank, sir,’ I heard Mr Lewis say, ‘I was appalled at their attitude towards your countrymen. They actually used words like “barbarous” and “despicable”. In fact, I noted them in my diary only a few hours afterwards.’

M. Dupont said something briefly which I did not catch, then Mr Lewis said again:

‘Let me tell you, sir, I was appalled. Are these words to use about an ally you stood shoulder to shoulder with only a few years back?’

I am not sure now if I ever proceeded to knock; it is quite possible, given the alarming nature of what I heard, that I judged it best to withdraw altogether. In any case, I did not linger long enough — as I was obliged to explain to his lordship shortly afterwards — to hear anything that would give

джентльмен фактически утверждал, что лорд Дарлингтон и другие участники конференции «обрабатывают» мсье Дюпона; что последнего специально просили приехать к самому началу, чтобы остальные успели до его приезда обсудить важные проблемы; что даже после его прибытия можно было наблюдать, как его светлость проводит краткие собеседования один на один с наиболее влиятельными делегатами за спиной у мсье Дюпона. После этого мистер Льюис пустился пересказывать отдельные замечания, которые слышал от его светлости и других гостей за обедом в первый же день по прибытии в Дарлингтон-холл.

— Если уж совсем откровенно, сэр, — говорил мистер Льюис, — меня ужаснуло их отношение к вашим соотечественникам. Они употребляли такие слова, как «презрение» и «все более варварски». Да, да, я их записал в дневнике всего несколько часов спустя.

Мсье Дюпон бросил в ответ короткую фразу, которую я не расслышал, и мистер Льюис продолжал:

— Позвольте сказать вам, сэр, что я был в ужасе. Разве можно так отзываться о союзнике, вместе с которым всего несколько лет назад сражался плечом к плечу?

Сейчас уже и не помню, постучался я в конце концов или нет; учитывая тревожный характер услышанного, я, вероятней всего, посчитал нужным удалиться. Во всяком случае, я ушел раньше — как мне вскоре пришлось объяснять его светлости, — чем услышал что-нибудь, что позво-

a clue as to M. Dupont's attitude to Mr Lewis's remarks.

The next day, the discussions in the drawing room appeared to reach a new level of intensity and by lunch-time, the exchanges were becoming rather heated. My impression was that utterances were being directed accusingly, and with increasing boldness, towards the armchair where M. Dupont sat fingering his beard, saying little. Whenever the conference adjourned, I noticed, as no doubt his lordship did with some concern, that Mr Lewis would quickly take M. Dupont away to some corner or other where they could confer quietly. Indeed, once, shortly after lunch, I recall I came upon the two gentlemen talking rather furtively just inside the library doorway, and it was my distinct impression they broke off their discussion upon my approach.

In the meantime, my father's condition had grown neither better nor worse. As I understood, he was asleep for much of the time, and indeed, I found him so on the few occasions I had a spare moment to ascend to that little attic room. I did not then have a chance actually to converse with him until that second evening after the return of his illness.

On that occasion, too, my father was sleeping when I entered. But the chambermaid Miss Kenton had left in attendance stood up upon seeing me and began to shake my father's shoulder.

'Foolish girl!' I exclaimed. 'What do you think you are doing?'

ляло судить об отношении мсье Дюпона к речам мистера Льюиса.

На другой день дискуссия в гостиной, судя по всему, разгорелась с новой силой, а перед ланчем острые реплики так и сыпались со всех сторон. У меня сложилось впечатление, что высказывания приобрели обвинительный характер и все решительнее и непосредственней адресовались креслу, где восседал мсье Дюпон, теребя бородку и отмалчиваясь. Всякий раз, как объявляли перерыв, я замечал — и его светлость, разумеется, тоже, и не без тревоги, — что мистер Льюис миглом уводил мсье Дюпона в какой-нибудь уголок и они начинали о чем-то вполголоса совещаться. Я хорошо помню, как однажды, сразу после завтрака, застал обоих джентльменов украдкой беседующими в дверях библиотеки, и мне определенно показалось, что, заметив меня, они тут же умолкли.

Тем временем отцу не было ни лучше, ни хуже. Насколько я понял, он большей частью спал; спящим я его и находил, когда, выкроив минутку, поднимался в его комнатку под крышей. Первая возможность с ним перемолвиться выпала мне только к вечеру на второй день после того, как он снова слег.

Отец и на этот раз спал, когда я вошел. Но горничная, которую мисс Кентон прислала сидеть с ним, завидев меня, встала и принялась трясти его за плечо.

— Вот глупая! — воскликнул я. — Немедленно перестань!

‘Mr Stevens said to wake him if you returned, sir.’

‘Let him sleep. It’s exhaustion that’s made him ill.’

‘He said I had to, sir,’ the girl said, and again shook my father’s shoulder.

My father opened his eyes, turned his head a little on the pillow, and looked at me.

‘I hope Father is feeling better now,’ I said.

He went on gazing at me for a moment, then asked:

‘Everything in hand downstairs?’

The situation is rather volatile. It is just after six o’clock, so Father can well imagine the atmosphere in the kitchen at this moment.’

An impatient look crossed my father’s face.

‘But is everything in hand?’ he said again.

‘Yes, I dare say you can rest assured on that. I’m very glad Father is feeling better.’

With some deliberation, he withdrew his arms from under the bedclothes and gazed tiredly at the backs of his hands. He continued to do this for some time.

‘I’m glad Father is feeling so much better,’ I said again eventually. ‘Now really, I’d best be getting back. As I say, the situation is rather volatile.’

He went on looking at his hands for a moment. Then he said slowly:

‘I hope I’ve been a good father to you.’

I laughed a little and said:

— Мистер Стивенс наказал его разбудить, сэр, если вы придете.

— Пусть спит. Переутомление — оно его и уложило.

— Он непременно велел, сэр, — ответила девушка и снова потрясла отца за плечо.

Отец открыл глаза, повернул голову на подушке и поглядел на меня.

— Надеюсь, папеньке уже полегчало, — сказал я.

Он помолчал, не сводя с меня взгляда, и спросил:

— Внизу все под присмотром?

— Положение довольно сложное. Сейчас самое начало седьмого, так что папенька вполне может представить, что творится на кухне.

По лицу отца пробежала досада.

— Но все под присмотром? — переспросил он.

— Да, об этом, смею сказать, можно не беспокоиться. Я счастлив, что папеньке полегчало.

Он медленно вытащил руки из-под одеяла и погасшим взглядом уставился на тыльные стороны кистей. Так продолжалось какое-то время.

— Я счастлив, что папеньке основательно полегчало, — наконец повторил я. — А теперь мне нужно спускаться. Как я сказал, положение довольно сложное.

Он еще поразглядывал руки, а потом произнес:

— Надеюсь, я был тебе хорошим отцом.

Я улыбнулся и сказал:

‘I’m so glad you’re feeling better now.’

‘I’m proud of you. A good son. I hope I’ve been a good father to you. I suppose I haven’t.’

‘I’m afraid we’re extremely busy now, but we can talk again in the morning.’

My father was still looking at his hands as though he were faintly irritated by them.

‘I’m so glad you’re feeling better now,’ I said again and took my leave.

On descending, I found the kitchen on the brink of pandemonium, and in general, an extremely tense atmosphere amongst all levels of staff. However, I am pleased to recall that by the time dinner was served an hour or so later, nothing but efficiency and professional calm was exhibited on the part of my team.

It is always something of a memorable sight to see that magnificent banqueting hall employed to its full capacity and that evening was no exception. Of course, the effect produced by unbroken lines of gentlemen in evening suits, so outnumbering representatives of the fairer sex, was a rather severe one; but then again, in those days, the two large chandeliers that hang over the table still ran on gas — resulting in a subtle, quite soft light pervading the room — and did not produce the dazzling brightness they have done ever since their electrification. On that second and final dinner of the conference — most guests were expected to disperse after lunch the following day — the company had lost much of the reserve that had been noticeable throughout the previous days. Not only was the conversation flowing

— Как я рад, что тебе уже полегчало.

— Я горжусь тобой. Хороший сын. Надеюсь, я был тебе хорошим отцом. Хотя навряд ли.

— К сожалению, сейчас у нас масса дел, но утром мы сможем поговорить.

Отец по-прежнему разглядывал руки, словно они чем-то ему досаждали.

— Как я рад, что тебе уже полегчало, — повторил я и ушел.

Спустившись, я застал на кухне форменный ад, а весь персонал — в состоянии крайнего напряжения. Однако я с удовольствием вспоминаю, что, когда через час с небольшим был подан обед, моя команда проявила чудеса расторопности и профессиональной невозмутимости.

Великолепная банкетная зала во всем ее блеске — зрелище всегда достопамятное, и тот вечер не был в этом отношении исключением. Правда, сплошные ряды облаченных в вечерние костюмы джентльменов, решительно подавляющих своим числом представительниц прекрасного пола, производили довольно мрачное впечатление; но с другой стороны, в двух огромных люстрах, висящих над столом, тогда еще горел газ, дававший приглушенное, очень мягкое освещение — не то что сейчас, когда провели электричество и люстры заливают помещение ярким, слепящим светом. За этим вторым, и последним, обедом участников конференции — большинство намеревалось разъезжаться после ланча на другой день — гости почти совсем избавились от скованности, которая

more freely and loudly, we found ourselves serving out wine at a conspicuously increased rate. At the close of dinner, which from a professional viewpoint had been executed without any significant difficulties, his lordship rose to address his guests.

He opened by expressing his gratitude to all present that the discussions during the previous two days, 'though at times exhilaratingly frank', had been conducted in a spirit of friendship and the desire to see good prevail. The unity witnessed over the two days had been greater than he could ever have hoped for, and the remaining morning's session of 'rounding up' would, he trusted, be rich in commitments on the part of participants concerning action each would be taking before the important international conference in Switzerland. It was around this point — and I have no idea if he had planned to do so beforehand — that his lordship began to reminisce about his late friend, Herr Karl-Heinz Bre-mann. This was a little unfortunate, the topic being one close to his lordship's heart and one he was inclined to explicate at some length. It should also be said, perhaps, that Lord Darlington was never what might be called a natural public speaker, and soon all those small sounds of restlessness that betray that an audience's attention has been lost grew steadily around the room. Indeed, by the time Lord Darlington had finally come round to bidding his guests rise and drink to 'peace and justice in Europe', the level of such noises — perhaps on account of the liberal

бросалась в глаза на протяжении всех предыдущих дней: застольный разговор стал оживленней и громче, да и наполнять бокалы нам приходилось все чаще и чаще. В завершение обеда, организовать который с профессиональной точки зрения было довольно несложно, его светлость встал и обратился к гостям.

Для начала он поблагодарил всех присутствующих в связи с тем, что на протяжении этих двух дней дискуссии, «хотя временами и отличались бодрящей откровенностью», велись в духе дружбы и стремления узреть торжество добра. В эти дни все присутствующие оказались свидетелями такого единения, на которое он не смел и надеяться; на предстоящем утром «подведении итогов», он уверен, каждый из участников конференции возьмет на себя обязательства предпринять определенные шаги в преддверии важной международной конференции в Женеве. После этого (не знаю, было ли так первоначально задумано) его светлость пустился в воспоминания о своем покойном друге герре Карл-Хайнце Бремане, что вышло не совсем кстати; его светлость был склонен подолгу распространяться на эту тему, ибо принимал ее близко к сердцу. Следует, видимо, упомянуть, что лорд Дарлингтон никогда не был, как говорится, врожденным оратором, и вскоре легкий шум нетерпения, верный признак того, что аудитория устала слушать, начал усиливаться, распространяясь по всей зале. Хуже того, когда лорд Дарлингтон наконец призвал гостей встать и выпить за «мир и справедливость в Европе», уровень этого шу-

amounts of wine that had been consumed — struck me as bordering on the ill-mannered.

The company had seated themselves again, and conversation was just beginning to resume, when there came an authoritative rapping of knuckles upon wood and M. Dupont had risen to his feet. At once, a hush fell over the room. The distinguished gentleman glanced around the table with a look almost of severity. Then he said:

‘I hope I am not trespassing over a duty ascribed to someone else present here, but then I had heard no proposals for anyone to give a toast in thanks to our host, the most honourable and kind Lord Darlington.’

There was a murmur of approval. M. Dupont went on:

‘Many things of interest have been said in this house over the past days. Many important things.’

He paused, and there was now utter stillness in the room.

‘There has been much,’ he continued, ‘which has implicitly or otherwise criticized — it is not so strong a word — criticized the foreign policy of my country.’ He paused again, looking rather stern. One might even have thought him to be angry. ‘We have heard in these two days several thorough and intelligent analyses of the present very complex situation in Europe. But none of them, may I say, has fully comprehended the reasons for the attitude France has adopted towards her neighbour. However’ — he

ма — возможно, по причине весьма щедрого принятия спиртных напитков, — едва не перешел, на мой взгляд, границы всякого приличия.

Гости снова уселись, и общий разговор возобновился, но тут раздался властный стук костяшками пальцев о столешницу, и мсье Дюпон встал во весь рост. Зала разом притихла. Достойный джентльмен окинул публику почти что суровым взглядом и произнес:

— Надеюсь, я не посягаю на право, предоставленное кому-нибудь из здесь присутствующих, но я пока что не слышал, чтобы кто-нибудь предложил поднять бокал за здоровье нашего хозяина, достопочтенного и любезного лорда Дарлингтона.

Послышался одобрителный шепот. Мсье Дюпон продолжал:

— За последние дни в этих стенах было сказано много интересного. И много важного.

Он сделал паузу, и в зале воцарилась гробовая тишина.

— Много было сказано и такого, — продолжал он, — что косвенно или иным образом есть критика — и это еще не самое сильное слово, — критика внешней политики моей страны. — Он снова сделал паузу с мрачным, можно даже сказать, рассерженным видом. — За два дня мы выслушали несколько глубоких и проницательных обзоров нынешней весьма сложной европейской ситуации. Но ни в одном из обзоров, позволю себе заметить, не было полного понимания причин, объясняю-

raised a finger — ‘this is not the time to enter into such debates.

In fact, I deliberately refrained from entering into such debates during these past days because I came principally to listen. And let me say now that I have been impressed by certain of the arguments I have heard here. But how impressed, you may be asking.’ M. Dupont took another pause during which his gaze travelled in an almost leisurely manner around all the faces fixed upon him. Then at last he said: ‘Gentlemen — and ladies, pardon me — I have given much thought to these matters and I wish to say here in confidence to you, that while there remain between myself and many of those present differences of interpretation as to what is really occurring in Europe at this moment, despite this, as to the main points that have been raised in this house, I am convinced, gentlemen, convinced both of their justice and their practicality.’

A murmur which seemed to contain both relief and triumph went around the table, but this time M. Dupont raised his voice slightly and pronounced over it:

‘I am happy to assure you all here that I will bring what modest influence I have to encourage certain changes of emphasis in French policy in accordance with much of what has been said here. And I will endeavour to do so in good time for the Swiss conference.’

There was a ripple of applause, and I saw his lordship exchange a look with Sir David. M. Dupont held

щих позицию, занятую Францией по отношению к соседнему государству. Однако, — он поднял палец, — теперь не время об этом спорить.

В сущности, я все эти дни сознательно не вступал в споры, потому что приехал сюда главным образом слушать. Поэтому разрешите сказать, что некоторые услышанные здесь доводы произвели на меня впечатление. Но какое? — можете вы спросить. — Мсье Дюпон сделал очередную паузу, почти лениво обвел взглядом обращенные к нему лица и наконец продолжал: — Господа — и дамы, прошу прощения, — я много думал об этой проблеме и хотел бы вам доверительно заявить, что, хотя между мной и многими из присутствующих остаются расхождения в понимании того, что в настоящее время происходит в Европе, да, несмотря на это, я убежден, господа, убежден в справедливости и осуществимости основных предложений, которые обсуждались в этих стенах.

Стол вздохнул, как мне показалось, одновременно и с облегчением, и с торжеством, но на сей раз мсье Дюпон чуть повысил голос и перекрыл шум:

— Я рад заверить присутствующих в том, что использую все мое скромное влияние, дабы содействовать определенным переменам во французской политике в согласии со многим здесь сказанным. И постараюсь сделать это заблаговременно, до начала Швейцарской конференции.

Последовали аплодисменты. Я заметил, как его светлость и сэр Дэвид обменялись взглядами.

up his hand, though whether to acknowledge the applause or to stem it was not clear.

‘But before I go on to thank our host, Lord Darlington, I have some small thing I would wish to remove from my chest. Some of you may say it is not good manners to be removing such things from one’s chest at the dinner table.’ This brought enthusiastic laughter. ‘However, I am for frankness in these matters. Just as there is an imperative to express gratitude formally and publicly to Lord Darlington, who has brought us here and made possible this present spirit of unity and goodwill, there is, I believe, an imperative to openly condemn any who come here to abuse the hospitality of the host, and to spend his energies solely in trying to sow discontent and suspicion. Such persons are not only socially repugnant, in the climate of our present day they are extremely dangerous.’

He paused again and once more there was utter stillness. M. Dupont went on in a calm, deliberate voice:

‘My only question concerning Mr Lewis is this. To what extent does his abominable behaviour exemplify the attitude of the present American administration? Ladies and gentlemen, let me myself hazard a guess as to the answer, for such a gentleman capable of the levels of deceit he has displayed over these past days should not be relied upon to provide a truthful reply. So, I will hazard my guess. Of course, America is concerned about our debt

Мсье Дюпон поднял руку, то ли благодаря за аплодисменты, то ли завершая их.

— Но прежде чем предложить тост за нашего хозяина, лорда Дарлингтона, мне бы хотелось снять с души небольшой груз. Кто-то, возможно, скажет, что снимать груз с души за обеденным столом несовместимо с хорошим тоном. — (Оживление и смех в зале.) — Я, однако, сторонник откровенности в таких делах. Как существует необходимость официально поблагодарить лорда Дарлингтона, который нас здесь собрал и без кого не возник бы нынешний дух согласия и доброй воли, так существует, я полагаю, и необходимость открыто осудить всякого, кто прибыл сюда злоупотреблять гостеприимством хозяина и тратить силы лишь на разжигание взаимного недовольства и подозрительности. Такие персоны не только вызывают отвращение в глазах общества, но и представляют исключительную опасность в нынешней обстановке.

Он опять замолчал, и воцарилась гробовая тишина. Потом заговорил спокойно и четко:

— В отношении мистера Льюиса у меня всего один вопрос. В какой мере его гнусное поведение отражает позицию нынешней американской администрации? Дамы и господа, позвольте мне самому попытаться ответить, ибо от господина, способного, как показали эти несколько дней, на столь черный обман, не приходится ждать правдивого ответа. Так что я рискну предложить собственную версию. Америка, разумеется, обеспокоена

payments to her in the event of a freeze in German reparations. But I have over the last six months had occasion to discuss this very matter with a number of very highly placed Americans, and it seems to me that thinking in that country is much more far-sighted than that represented by their countryman here. All those of us who care for the future well-being of Europe will take comfort from the fact that Mr Lewis is now — how shall we put it? — hardly the influence he once was. Perhaps you think me unduly harsh to express these things so openly. But the reality is, ladies and gentlemen, I am being merciful. You see, I refrain from outlining just what this gentleman has been saying to me — about you all. And with a most clumsy technique, the audacity and crudeness of which I could hardly believe. But enough of condemnations. It is time for us to thank. Join me then, please, ladies and gentlemen, in raising your glasses to Lord Darlington.’

M. Dupont had not once looked over in Mr Lewis’s direction during the course of this speech, and indeed, once the company had toasted his lordship and were seated again, all those present seemed to be studiously avoiding looking towards the American gentleman. An uneasy silence reigned for a moment, and then finally Mr Lewis rose to his feet. He was smiling pleasantly in his customary manner.

‘Well, since everyone’s giving speeches, I may as well take a turn,’ he said, and it was at once appar-

тем, как мы будем платить ей долги в случае замораживания германских репараций. Но за последние месяцы мне довелось обсуждать эту тему с несколькими весьма высокопоставленными американцами, и у меня сложилось впечатление, что в этой стране мыслят куда дальновидней, чем можно судить по присутствующему здесь ее представителю. Те из нас, кому дорого будущее процветание Европы, с удовлетворением воспримут тот факт, что в настоящее время мистер Льюис — как бы это лучше сказать? — уже не имеет того влияния, каким пользовался раньше. Вы, возможно, сочтете, что мне не подобает говорить об этом так резко и прямо. Но на самом деле, дамы и господа, я еще проявляю снисходительность. Как видите, я умалчиваю о том, что именно рассказывал мне этот господин — о каждом из вас. И делал это так примитивно, так нагло и грубо, что я просто не верил собственным ушам. Но хватит уличать. Пришло время благодарить. Дамы и господа, прошу вас последовать моему примеру и поднять бокалы за лорда Дарлингтона.

Мсье Дюпон за все свое выступление ни разу не посмотрел в сторону мистера Льюиса, да и гости, выпив за его светлость и снова усевшись, старательно отводили глаза от американского джентльмена. На минуту воцарилось неловкое молчание, но тут поднялся сам мистер Льюис. На лице у него играла привычная приятная улыбка.

— Раз уж все тут выступают с речами, я тоже позволю себе взять слово, — начал он, и по то-

ent from his voice that he had had a good deal to drink. 'I don't have anything to say to the nonsense our French friend has been uttering. I just dismiss that sort of talk. I've had people try to put one over on me many times, and let me tell you, gentlemen, few people succeed. Few people succeed.' Mr Lewis came to a halt and for a moment seemed at a loss as to how he should go on. Eventually he smiled again and said: 'As I say, I'm not going to waste my time on our French friend over there. But as it happens, I do have something to say. Now we're all being so frank, I'll be frank too. You gentlemen here, forgive me, but you are just a bunch of naïve dreamers. And if you didn't insist on meddling in large affairs that affect the globe, you would actually be charming. Let's take our good host here. What is he? He is a gentleman. No one here, I trust, would care to disagree. A classic English gentleman. Decent, honest, well-meaning. But his lordship here is an amateur.' He paused at the word and looked around the table. 'He is an amateur and international affairs today are no longer for gentlemen amateurs. The sooner you here in Europe realize that the better. All you decent, well-meaning gentlemen, let me ask you, have you any idea what sort of place the world is becoming all around you? The days when you could act out of your noble instincts are over. Except of course, you here in Europe don't yet seem to know it. Gentlemen like our good host still believe it's their business to meddle in matters they don't understand. So much hog-wash has been spoken here these past two days. Well-meaning, na-

му, как он это сказал, стало ясно, что он изрядно принял. — Наш французский друг тут нагородил чепухи, но я не стану с ним спорить. На подобную болтовню я просто не обращаю внимания. Мне многие пытались нос утереть, да только, скажу я вам, мало кому удавалось. — Мистер Льюис остановился и, казалось, на миг потерял нить рассуждений, но потом опять улыбнулся и продолжал: — Как я сказал, не собираюсь я тратить время на нашего французского друга, который тут сидит. Но вообще-то у меня есть что сказать. Раз уж мы все такие откровенные, я тоже не стану темнить. Все вы, джентльмены, всего лишь, прошу прощения, компания наивных мечтателей. И если б упорно не лезли в большие дела, от которых зависят судьбы нашего мира, так были бы просто прелесть. Взять хоть нашего радушного хозяина. Кто он? Он джентльмен, против этого, думаю, никто тут не рискнет возражать. Образцовый английский джентльмен. Порядочный, честный, исполненный лучших намерений. Но его светлость — любитель. — Тут он остановился и обвел взглядом стол. — Он любитель, а сегодня международная политика уже не для джентльменов-любителей, и чем скорее вы у себя в Европе это поймете, тем лучше. Вы все порядочные, исполненные лучших намерений джентльмены — а позвольте-ка вас спросить: вы хоть представляете себе, какие радикальные перемены идут сейчас по всему миру? Кончилось время, когда вы могли действовать из своих благородных побуждений. Только вы тут, в Европе, похоже, об этом и не до-

ive hog-wash. You here in Europe need professionals to run your affairs. If you don't realize that soon you're headed for disaster. A toast, gentlemen. Let me make a toast. To professionalism.'

There was a stunned silence and no one moved. Mr Lewis shrugged, raised his glass to all the company, drank and sat back down. Almost immediately, Lord Darlington stood up.

'I have no wish,' his lordship said, 'to enter into a quarrel on this our last evening together which we all deserve to enjoy as a happy and triumphant occasion. But it is out of respect for your views, Mr Lewis, that I feel one should not simply cast them to one side as though they were uttered by some soap-box eccentric. Let me say this. What you describe as "amateurism," sir, is what I think most of us here still prefer to call "honour".'

This brought a loud murmur of assent with several 'hear, hear's' and some applause.

'What is more, sir,' his lordship went on, 'I believe I have a good idea of what you mean by "professionalism." It appears to mean getting one's way by cheating and manipulating. It appears to mean serving the dictates of greed and advantage rather than those of goodness and the desire to see justice

гадывааетесь. Джентльмены вроде нашего доброго хозяина все еще уверены, что их прямая обязанность — лезть в то, в чем они не смыслят. За эти дни какой только чуши я здесь не наслушался! Благородной наивной чуши. Вам тут, в Европе, требуются профессионалы, чтобы за вас дело делали. Если до вас это быстренько не дойдет, ждите катастрофы. Тост, господа. Позвольте предложить тост. За профессионализм.

Наступила оглушительная тишина, все окаменели. Мистер Льюис пожал плечами, поднял бокал, выпил и опустил на место. Почти сразу же поднялся лорд Дарлингтон.

— Я отнюдь не желаю, — сказал его светлость, — затевать пререкания в наш заключительный вечер и омрачать это радостное и торжественное событие. Но из уважения к вашим взглядам, мистер Льюис, я не считаю возможным отмахнуться от них, как от рассуждений какого-нибудь чудака оратора в Гайд-парке. Позволю себе сказать: то, что вы, сэр, называете «любителеством», большинство из присутствующих, я думаю, по-прежнему предпочитают именовать «честью».

Эти слова вызвали одобрительное перешептывание, возгласы «правильно, правильно!» и аплодисменты.

— Более того, сэр, — продолжал его светлость, — надеюсь, я хорошо представляю себе, что вы разумеете под «профессионализмом». По всей видимости, это означает — добиваться своих целей путем обмана и «обработки» людей. Это означает — ставить на первое место корысть и вы-

prevail in the world. If that is the “professionalism” you refer to, sir, I don’t much care for it and have no wish to acquire it.’

This was met by the loudest burst of approval yet, followed by warm and sustained applause. I could see Mr Lewis smiling at his wine glass and shaking his head wearily. It was just around this stage that I became aware of the first footman beside me, who whispered:

‘Miss Kenton would like a word with you, sir. She’s just outside the door.’

I made my exit as discreetly as possible just as his lordship, still on his feet, was embarking on a further point.

Miss Kenton looked rather upset.

‘Your father has become very ill, Mr Stevens,’ she said. ‘I’ve called for Dr Meredith, but I understand he may be a little delayed.’

I must have looked a little confused, for Miss Kenton then said:

‘Mr Stevens, he really is in a poor state. You had better come and see him.’

‘I only have a moment. The gentlemen are liable to retire to the smoking room at any moment.’

‘Of course. But you must come now, Mr Stevens, or else you may deeply regret it later.’

Miss Kenton was already leading the way, and we hurried through the house up to my father’s small attic room. Mrs Mortimer, the cook, was standing over my father’s bed, still in her apron.

году, а не стремление увидеть в мире торжество справедливости и добра. Если именно таков этот ваш «профессионализм», то у меня он не вызывает ни особого интереса, ни желания его обрести.

Это заявление было встречено шумным ликованием и теплыми, продолжительными аплодисментами. Я увидел, как мистер Льюис улыбнулся себе в бокал и устало покачал головой. Но тут я заметил рядом старшего лакея, который шепнул мне на ухо:

— Сэр, мисс Кентон хочет с вами поговорить. Она ждет за дверью.

Я выскользнул как можно незаметней в ту минуту, когда его светлость, отнюдь не думая садиться, перешел к новому пункту своего выступления.

Вид у мисс Кентон был крайне встревоженный.

— Мистер Стивенс, вашему отцу очень плохо, — сказала она. — Я вызвала доктора Мередита, но он, как я понимаю, немного задержится.

Должно быть, лицо у меня вытянулось, потому что мисс Кентон поспешила добавить:

— Мистер Стивенс, ему и вправду очень худо. Вы бы к нему поднялись.

— Я вышел всего на секунду. Джентльмены вот-вот перейдут в курительную.

— Разумеется. Но вам, мистер Стивенс, лучше подняться, а то как бы не пришлось потом горько жалеть.

Мисс Кентон повернулась и пошла, я поспешил за ней. Мы прошли через весь дом и поднялись на чердак к отцу. У постели стояла в рабочем фартуке кухарка миссис Мортимер.

‘Oh, Mr Stevens,’ she said upon our entry, ‘he’s gone very poorly.’

Indeed, my father’s face had gone a dull reddish colour, like no colour I had seen on a living being. I heard Miss Kenton say softly behind me:

‘His pulse is very weak.’

I gazed at my father for a moment, touched his forehead slightly, then withdrew my hand.

‘In my opinion,’ Mrs Mortimer said, ‘he’s suffered a stroke. I’ve seen two in my time and I think he’s suffered a stroke.’

With that, she began to cry. I noticed she reeked powerfully of fat and roast cooking. I turned away and said to Miss Kenton:

‘This is most distressing. Nevertheless, I must now return downstairs.’

‘Of course, Mr Stevens. I will tell you when the doctor arrives. Or else when there are any changes.’

‘Thank you, Miss Kenton.’

I hurried down the stairs and was in time to see the gentlemen proceeding into the smoking room. The footmen looked relieved to see me, and I immediately signalled them to get to their positions.

Whatever had taken place in the banqueting hall after my departure, there was now a genuinely celebratory atmosphere amongst the guests. All around the smoking room, gentlemen seemed to be standing in clusters laughing and clapping each other on the shoulder. Mr Lewis, so far as I could ascertain, had already retired. I found myself making my way through the guests, a bottle of port upon my tray.

— Ох, мистер Стивенс, — сказала она, когда мы вошли, — очень уж ему худо.

И верно, лицо у отца стало какого-то тускло-красноватого цвета, я такого у живых людей не встречал. За спиной у меня мисс Кентон сказала:

— Пульс почти не прощупывается.

Я поглядел на отца, прикоснулся к его лбу и убрал руку.

— По-моему, — сказала миссис Мортимер, — его хватил удар. Мне доводилось два раза видеть такое, я вам точно говорю — это удар.

И она расплакалась. От нее жутко разлило жиром и кухонным чадом. Я обернулся и сказал мисс Кентон:

— Это большое несчастье. И все-таки мне надо идти вниз.

— Ну конечно, мистер Стивенс. Я сообщу, когда доктор приедет. Или если произойдут изменения.

— Спасибо, мисс Кентон.

Я поспешил вниз и поспел как раз к тому времени, когда джентльмены перебирались в курительную. Увидев меня, лакеи воспрянули духом, и я тут же сделал им знак разойтись по своим местам.

Не знаю, что произошло в банкетной зале после моего ухода, но сейчас гости пребывали в откровенно праздничном настроении. Джентльмены разбились на кучки по всей курительной, смеялись, хлопали друг друга по плечу. Мистер Льюис, вероятно, удалился к себе — я его не видел. Я поставил на поднос бутылку портвейна и принялся обносить гостей, протискиваясь сквозь толпу;

I had just finished serving a glass to a gentleman when a voice behind me said:

‘Ah, Stevens, you’re interested in fish, you say.’

I turned to find the young Mr Cardinal beaming happily at me. I smiled also and said:

‘Fish, sir?’

‘When I was young, I used to keep all sorts of tropical fish in a tank. Quite a little aquarium it was. I say, Stevens, are you all right?’

I smiled again.

‘Quite all right, thank you, sir.’

‘As you so rightly pointed out, I really should come back here in the spring. Darlington Hall must be rather lovely then. The last time I was here, I think it was winter then too. I say, Stevens, are you sure you’re all right there?’

Perfectly all right, thank you, sir.’

‘Not feeling unwell, are you?’

‘Not at all, sir. Please excuse me.’

I proceeded to serve port to some other of the guests. There was a loud burst of laughter behind me and I heard the Belgian clergyman exclaim:

‘That is really heretical! Positively heretical!’ then laugh loudly himself.

I felt something touch my elbow and turned to find Lord Darlington.

‘Stevens, are you all right?’

‘Yes, sir. Perfectly.’

я только что наполнил бокал какого-то джентльмена, когда сзади послышалось:

— А, Стивенс, так вы, кажется, интересуетесь рыбами?

Я обернулся и встретил лучезарную улыбку юного мистера Кардинала. Улыбнувшись в ответ, я осведомился:

— Рыбами, сэр?

— В детстве у меня был аквариум с тропическими рыбками разных пород. Прямо маленький комнатный бассейн. Послушайте, Стивенс, у вас все в порядке?

Я снова улыбнулся:

— В полном порядке, сэр, благодарю вас.

— Как вы верно заметили, мне надо бы приехать сюда весной. Весной в Дарлингтон-холле, должно быть, очень красиво. В прошлый раз я, помнится, тоже приезжал зимой. Нет, правда, Стивенс, у вас действительно все в порядке?

— В абсолютном порядке, сэр, благодарю вас.

— И чувствуете вы себя нормально?

— Совершенно нормально, сэр. Прошу прощения.

Я принялся наполнять бокал другому гостю. Сзади раздался взрыв громкого смеха, бельгийский священник воскликнул:

— Да это же настоящая ересь! Чистейшей воды! — и сам рассмеялся.

Я почувствовал, как меня тронули за локоть, и, обернувшись, увидел лорда Дарлингтона.

— Стивенс, у вас все в порядке?

— Да, сэр. В полном порядке.

‘You look as though you’re crying.’

I laughed and taking out a handkerchief, quickly wiped my face.

‘I’m very sorry, sir. The strains of a hard day.’

‘Yes, it’s been hard work.’

Someone addressed his lordship and he turned away to reply. I was about to continue further around the room when I caught sight of Miss Kenton through the open doorway, signalling to me. I began to make my way towards the doors, but before I could reach them, M. Dupont touched my arm.

‘Butler,’ he said, ‘I wonder if you would find me some fresh bandages. My feet are unbearable again.’

‘Yes, sir.’

As I proceeded towards the doors, I realized M. Dupont was following me. I turned and said:

‘I will come and find you, sir, just as soon as I have what is required.’

‘Please hurry, butler. I am in some pain.’

‘Yes, sir. I’m very sorry, sir.’

Miss Kenton was still standing out in the hall where I had first spotted her. As I emerged, she walked silently towards the staircase, a curious lack of urgency in her manner. Then she turned and said:

‘Mr Stevens, I’m very sorry. Your father passed away about four minutes ago.’

‘I see.’

— У вас такой вид, словно вы плачете.

Я рассмеялся, извлек носовой платок и поспешно вытер лицо.

— Прошу прощения, сэр. Сказывается тяжелый день.

— Да, крепко пришлось поработать.

Кто-то обратился к его светлости, тот повернулся ко мне спиной, чтобы ответить. Я собирался продолжить обход, но заметил мисс Кентон, которая из холла подавала мне знаки. Я начал продвигаться к выходу, но дойти до дверей не успел — мсье Дюпон поймал меня за руку.

— Дворецкий, — сказал он, — не могли бы вы достать свежих бинтов, а то ноги у меня опять разболелись.

— Слушаюсь, сэр.

Направившись к дверям, я понял, что мсье Дюпон идет следом. Я повернулся и сказал:

— Я вернусь и разыщу вас, сэр, как только достану бинты.

— Пожалуйста, побыстрее, дворецкий. Просто сил нет терпеть.

— Слушаюсь, сэр. Весьма сожалею, сэр.

Мисс Кентон стояла в холле на том же месте, где я заметил ее из курительной. Когда я вышел, она медленно направилась к лестнице, и непривычно было, что она никуда не торопится. Потом она обернулась и произнесла:

— Мне очень жаль, мистер Стивенс. Ваш отец скончался четыре минуты назад.

— Понятно.

She looked at her hands, then up at my face.

‘Mr Stevens, I’m very sorry,’ she said. Then she added: ‘I wish there was something I could say.’

‘There’s no need, Miss Kenton.’

‘Dr Meredith has not yet arrived.’

Then for a moment she bowed her head and a sob escaped her. But almost immediately, she resumed her composure and asked in a steady voice:

‘Will you come up and see him?’

‘I’m very busy just now, Miss Kenton. In a little while perhaps.’

‘In that case, Mr Stevens, will you permit me to close his eyes?’

‘I would be most grateful if you would, Miss Kenton.’

She began to climb the staircase, but I stopped her, saying:

‘Miss Kenton, please don’t think me unduly improper in not ascending to see my father in his deceased condition just at this moment. You see, I know my father would have wished me to carry on just now.’

Of course, Mr Stevens.’

‘To do otherwise, I feel, would be to let him down.’

‘Of course, Mr Stevens.’

I turned away, the bottle of port still on my tray, and reentered the smoking room. That relatively small room appeared to be a forest of black dinner jackets, grey hair and cigar smoke. I wended my way

Она поглядела сперва на свои руки, потом на меня.

— Мне очень жаль, мистер Стивенс, — повторила она и добавила: — Не знаю, что и сказать вам в утешение.

— Не нужно ничего говорить, мисс Кентон.

— Доктор Мередит пока так и не приехал.

Она опустила голову, всхлипнула, но сразу взяла себя в руки и спросила твердым голосом:

— Вы подниметесь на него поглядеть?

— Как раз сейчас у меня дел по горло, мисс Кентон. Может, немного попозже.

— В таком случае, мистер Стивенс, разрешите, я закрою ему глаза?

— Буду вам очень признателен, мисс Кентон.

Она стала подниматься по лестнице, но я ее задержал, окликнув:

— Мисс Кентон, пожалуйста, не считайте меня таким уж бесчувственным, раз сейчас я не пошел попрощаться с отцом на смертном одре. Понимаете, я знаю, что, будь отец жив, он не захотел бы отрывать меня сейчас от исполнения обязанностей.

— Конечно, мистер Стивенс.

— Мне кажется, сделай я по-другому, я бы его подвел.

— Конечно, мистер Стивенс.

Я повернулся и все с тем же подносом, на котором стояла бутылка портвейна, возвратился в курительную — сравнительно небольшую комнату, где в сигарном дыму перемешались черные смо-

past the gentlemen, searching for glasses to replenish. M. Dupont tapped my shoulder and said:

‘Butler, have you seen to my arrangements?’

‘I am very sorry, sir, but assistance is not immediately available at this precise moment.’

‘What do you mean, butler? You’ve run out of basic medical supplies?’

‘As it happens, sir, a doctor is on his way.’

‘Ah, very good! You called a doctor.’

‘Yes, sir.’

‘Good, good.’

M. Dupont resumed his conversation and I continued my way around the room for some moments. At one point, the German countess emerged from the midst of the gentlemen and before I had had a chance to serve her, began helping herself to some port from my tray.

‘You will compliment the cook for me, Stevens,’ she said.

‘Of course, madam. Thank you, madam.’

‘And you and your staff did well also.’

‘Thank you most kindly, madam.’

‘At one point during dinner, Stevens, I would have sworn you were at least three people,’ she said and laughed.

I laughed quickly and said:

‘I’m delighted to be of service, madam.’

A moment later, I spotted the young Mr Cardinal not far away, still standing on his own, and it struck

кинги и седые головы. Я медленно обходил гостей, поглядывая, у кого опустели бокалы. Мсье Дюпон похлопал меня по плечу и спросил:

— Дворецкий, вы распорядились, о чем я просил?

— Весьма сожалею, сэра, но на данный момент помощь еще не подоспела.

— Что вы хотите сказать, дворецкий? У вас что, иссякли запасы простейших перевязочных средств?

— Дело в том, сэра, что ожидается прибытие доктора.

— Ага, очень хорошо. Значит, вызвали врача?

— Да, сэра.

— Прекрасно, прекрасно.

Мсье Дюпон вернулся к прерванному разговору, и я продолжал обход. Помню, как расступилась группа джентльменов и передо мной вдруг возникла немецкая графиня; я даже не успел предложить ей портвейна — она схватила с подноса бутылку и сама себе налила.

— Похвалите повара от моего имени, Стивенс, — сказала она.

— Непременно, мадам. Благодарю вас, мадам.

— Вы со своими ребятами тоже хорошо поработали.

— Благодарю вас, мадам.

— Один раз во время обеда я готова была поклясться, что здесь не один, а по меньшей мере три Стивенса, — сказала она и рассмеялась.

Я тоже поспешил рассмеяться и ответил:

— Рад быть к услугам, мадам.

Через секунду я заметил юного мистера Кардинала; он по-прежнему стоял в одиночестве, и мне

me the young gentleman might be feeling somewhat overawed in the present company. His glass, in any case, was empty and so I started towards him. He seemed greatly cheered at the prospect of my arrival and held out his glass.

‘I think it’s admirable that you’re a nature-lover, Stevens,’ he said, as I served him. ‘And I dare say it’s a great advantage to Lord Darlington to have someone to keep an expert eye on the activities of the gardener.’

‘I’m sorry, sir?’

‘Nature, Stevens. We were talking the other day about the wonders of the natural world. And I quite agree with you, we are all much too complacent about the great wonders that surround us.’

‘Yes, sir.’

‘I mean, all this we’ve been talking about. Treaties and boundaries and reparations and occupations. But Mother Nature just carries on her own sweet way. Funny to think of it like that, don’t you think?’

‘Yes, indeed it is, sir.’

‘I wonder if it wouldn’t have been better if the Almighty had created us all as — well — as sort of plants. You know, firmly embedded in the soil. Then none of this rot about wars and boundaries would have come up in the first place.’

The young gentleman seemed to find this an amusing thought. He gave a laugh, then on further thought laughed some more. I joined him in his laughter. Then he nudged me and said:

подумалось, что собрание столь высоких гостей, возможно, внушает молодому джентльмену нечто вроде благоговейного ужаса. Во всяком случае, бокал у него был пуст, так что я направился в его сторону. Мое появление, видимо, очень его воодушевило, и он протянул мне бокал.

— По-моему, это просто замечательно, Стивенс, что вы любите природу, — сказал он, пока я ему наливал. — Ей-богу, лорду Дарлингтону здорово повезло, что у него есть кому со знанием дела приглядеть за садовником.

— Простите, сэр?

— Природа, Стивенс. Вчера мы с вами говорили о чудесах мира и природы. Полностью с вами согласен, все мы слишком самодовольны и не ценим великих чудес, которые нас окружают.

— Совершенно верно, сэр.

— Мы ведь об этом и говорили. Договоры и границы, репарации и оккупации. А матушка-природа знай занимается себе своим милым делом. Как-то странно вот так о ней думать, правда?

— Истинная правда, сэр.

— Я вот думаю, а не лучше ли было бы, если б Всемогущий сотворил нас всех в виде... ну... как бы растений? Понимаете, крепко укорененных в земле. Тогда бы с самого начала не было всего этого вздора с войнами и границами.

Молодой человек, видимо, счел эту мысль очень забавной. Он рассмеялся, немного подумал и опять рассмеялся. Я к нему присоединился. Тут он подтолкнул меня в бок, сказал:

‘Can you imagine it, Stevens?’ and laughed again.

‘Yes, sir,’ I said, laughing also, ‘it would have been a most curious alternative.’

‘But we could still have chaps like you taking messages back and forth, bringing tea, that sort of thing. Otherwise, how would we ever get anything done? Can you imagine it, Stevens? All of us rooted in the soil? Just imagine it!’

Just then a footman emerged behind me.

‘Miss Kenton is wishing to have a word with you, sir,’ he said.

I excused myself from Mr Cardinal and moved towards the doors.

I noticed M. Dupont apparently guarding them and as I approached, he said:

‘Butler, is the doctor here?’

‘I am just going to find out, sir. I won’t be a moment.’

‘I am in some pain.’

‘I’m very sorry, sir. The doctor should not be long now.’

On this occasion, M. Dupont followed me out of the door. Miss Kenton was once more standing out in the hall.

‘Mr Stevens,’ she said, ‘Dr Meredith has arrived and gone upstairs.’

She had spoken in a low voice, but M. Dupont behind me exclaimed immediately:

‘Ah, good!’

I turned to him and said:

‘If you will perhaps follow me, sir.’

— Представляете, Стивенс? — и еще раз рассмеялся.

— Да уж, сэр, — ответил я со смехом, — весьма любопытная получилась бы картина.

— Но молодцы вроде вас все так же сновали бы между нами с поручениями, приносили чай и все такое прочее. В противном случае мы бы оказались совсем беспомощными. Представляете, Стивенс? Все мы — укорененные в земле. Каково, а?

В эту минуту сзади подошел лакей и сказал:

— Мисс Кентон хотела бы вас на два слова, сэр.

Я извинился перед мистером Кардиналом и пошел к дверям.

Мсье Дюпон решил, видимо, их охранять — стоило мне подойти, он спросил:

— Дворецкий, доктор приехал?

— Именно это я и собираюсь выяснить, сэр. Это не займет и минуты.

— У меня болит.

— Весьма сожалею, сэр. Доктор должен сейчас приехать.

На этот раз мсье Дюпон вышел за мной в холл. Мисс Кентон стояла на том же самом месте.

— Мистер Стивенс, — сказала она, — доктор Мередит прибыл и прошел наверх.

Она говорила очень тихо, но стоявший у меня за спиной мсье Дюпон сразу воскликнул:

— Ну, прекрасно!

Я повернулся к нему и предложил:

— Благоволите следовать за мной, сэр.

I led him into the billiard room where I stoked the fire while he sat down in one of the leather chairs and began to remove his shoes.

‘I’m sorry it is rather cold in here, sir. The doctor will not be long now.’

‘Thank you, butler. You’ve done well.’

Miss Kenton was still waiting for me in the hallway and we ascended through the house in silence. Up in my father’s room, Dr Meredith was making some notes and Mrs Mortimer weeping bitterly. She was still wearing her apron which, evidently, she had been using to wipe away her tears; as a result there were grease marks all over her face, giving her the appearance of a participant in a minstrel show. I had expected the room to smell of death, but on account of Mrs Mortimer — or else her apron — the room was dominated by the smell of roasting.

Dr Meredith rose and said:

‘My condolences, Stevens. He suffered a severe stroke. If it’s any comfort to you, he wouldn’t have suffered much pain. There was nothing in the world you could have done to save him.’

‘Thank you, sir.’

‘I’ll be on my way now. You’ll see to arrangements?’

‘Yes, sir. However, if I may, there is a most distinguished gentleman downstairs in need of your attention.’

‘Urgent?’

‘He expressed a keen desire to see you, sir.’

I led Dr Meredith downstairs, showed him into the billiard room, then returned quickly to the smoking

Я провел его в бильярдную и зажег в камине огонь; тем временем он устроился в одном из кожаных кресел и принялся стаскивать ботинки.

— Сожалею, что здесь немного прохладно, сэр. Доктор сейчас придет.

— Спасибо, дворецкий, я вами доволен.

Мисс Кентон все так же ждала меня в холле, мы молча поднялись наверх. В отцовской комнате доктор Мередит что-то записывал, а миссис Мортимер горько рыдала. На ней по-прежнему был фартук, которым она, видимо, утирала слезы; из-за этого по всему лицу у нее пошли жирные разводы, что делало ее похожей на хористку, загримированную под негритянку. Я ожидал, что в комнате будет стоять запах смерти, но из-за миссис Мортимер — или ее фартука — в комнате пахло кухонным чадом.

Доктор Мередит поднялся и произнес:

— Примите мои соболезнования, Стивенс. У него было обширное кровоизлияние. Если вам от этого будет легче, скажу, что особой боли он не должен был испытать. Спасти его не могло ничто на свете.

— Благодарю вас, сэр.

— А сейчас мне пора. Вы тут сами распорядитесь?

— Да, сэр. Однако, с вашего позволения, один очень важный джентльмен дожидается внизу вашей помощи.

— Это срочно?

— Он выразил настоятельное желание с вами встретиться.

Я спустился с доктором Мередитом, провел его в бильярдную, а сам поторопился вернуться в ку-

room where the atmosphere, if anything, had grown even more convivial.

Of course, it is not for me to suggest that I am worthy of ever being placed alongside the likes of the ‘great’ butlers of our generation, such as Mr Marshall or Mr Lane — though it should be said there are those who, perhaps out of misguided generosity, tend to do just this. Let me make clear that when I say the conference of 1923, and that night in particular, constituted a turning point in my professional development, I am speaking very much in terms of my own more humble standards. Even so, if you consider the pressures contingent on me that night, you may not think I delude myself unduly if I go so far as to suggest that I did perhaps display, in the face of everything, at least in some modest degree a ‘dignity’ worthy of someone like Mr Marshall — or come to that, my father. Indeed, why should I deny it? For all its sad associations, whenever I recall that evening today, I find I do so with a large sense of triumph.

Day two • afternoon

MORTIMER’S POND, DORSET

It would seem there is a whole dimension to the question ‘what is a “great” butler?’ I have hitherto not properly considered. It is, I must say, a rather

рительную, где все было без перемен, разве что стало еще веселее.

Не мне, понятно, намекать на то, что я достоин стать в один ряд с «великими» дворецкими нашего поколения, такими как мистер Маршалл или мистер Лейн, хотя, должен заметить, есть люди, которые, возможно из ложно понятого великодушия, склонны считать именно так. Позвольте разъяснить: когда я говорю, что конференция 1923 года и в особенности описанный вечер явились поворотным пунктом в моем профессиональном развитии, то исхожу в основном из собственных, более скромных требований. Но и в этом случае, принимая во внимание груз непредвиденных обстоятельств, обрушившихся на меня в тот вечер, вы, может быть, согласитесь — не так уж я сильно и обольщаюсь, позволяя себе предположить, что перед лицом всего этого продемонстрировал, пусть в скромной степени, достоинство, которое пристало бы и самому мистеру Маршаллу или, если на то пошло, моему отцу. В самом деле, почему я должен это отрицать? При всех прискорбных для меня событиях того вечера я обнаруживаю, что теперь вспоминаю его с чувством законной гордости.

День второй — после полудня

МОРТИМЕРОВ ПРУД, ДОРСЕТ

Кажется, у вопроса «Что такое “великий” дворецкий?» имеется еще одно обширное измерение, которому я до сих пор не уделял должного вни-

unsettling experience to realize this about a matter so close to my heart, particularly one I have given much thought to over the years. But it strikes me I may have been a little hasty before in dismissing certain aspects of the Hayes Society's criteria for membership. I have no wish, let me make clear, to retract any of my ideas on 'dignity' and its crucial link with 'greatness'. But I have been thinking a little more about that other pronouncement made by the Hayes Society — namely the admission that it was a prerequisite for membership of the Society that 'an applicant be attached to a distinguished household.' My feeling remains, no less than before, that this represents a piece of unthinking snobbery on the part of the Society. However, it occurs to me that perhaps what one takes objection to is, specifically, the outmoded understanding of what a 'distinguished household' is, rather than to the general principle being expressed. Indeed, now that I think further on the matter, I believe it may well be true to say it is a prerequisite of greatness that one 'be attached to a distinguished household' — so long as one takes 'distinguished' here to have a meaning deeper than that understood by the Hayes Society.

In fact, a comparison of how I might interpret 'a distinguished household' with what the Hayes Society understood by that term illuminates sharply,

мания. Последнее, признаюсь, мне довольно досадно, поскольку речь идет о проблеме, которую я принимаю так близко к сердцу и над которой к тому же столько размышлял на протяжении многих лет. Но мне приходит в голову, что я, возможно, несколько поторопился закончить обсуждение требований, предъявляемых Обществом Хейса ко вступающим в его ряды, и опустил некоторые существенные стороны этих требований. Прошу понять меня правильно, я вовсе не собираюсь пересматривать свои соображения касательно «достоинства» как неотъемлемой предпосылки «величия». Но я еще немного поразмышлял о другом заявлении, сделанном Обществом Хейса, а именно о том, что необходимое предварительное условие членства — «служба соискателя в выдающемся доме». Я считал и продолжаю считать, что со стороны Общества это было проявлением бездумного снобизма. Мне, однако же, представляется, что возражения тут вызывает не столько сам общий принцип, сколько, в частности, устаревшее понимание того, что такое «выдающийся дом». Сейчас, когда я возвращаюсь к этому заявлению, мне кажется, что в нем есть своя правда: «служба в выдающемся доме» и в самом деле необходимое предварительное условие величия дворецкого — но только если в данном контексте наделить термин «выдающийся» более глубоким смыслом, чем вкладывало в него Общество Хейса.

Действительно, сравнение моей интерпретации понятия «выдающийся дом» с тем, что подразумевало под ним Общество Хейса, наглядно, как мне

I believe, the fundamental difference between the values of our generation of butlers and those of the previous generation. When I say this, I am not merely drawing attention to the fact that our generation had a less snobbish attitude as regards which employers were landed gentry and which were ‘business.’ What I am trying to say — and I do not think this an unfair comment — is that we were a much more idealistic generation. Where our elders might have been concerned with whether or not an employer was titled, or otherwise from one of the ‘old’ families, we tended to concern ourselves much more with the moral status of an employer. I do not mean by this that we were preoccupied with our employers’ private behaviour. What I mean is that we were ambitious, in a way that would have been unusual a generation before, to serve gentlemen who were, so to speak, furthering the progress of humanity. It would have been seen as a far worthier calling, for instance, to serve a gentleman such as Mr George Ketteridge, who, however humble his beginnings, has made an undeniable contribution to the future well-being of the empire, than any gentleman however aristocratic his origin, who idled away his time in clubs or on golf courses.

In practice, of course, many gentlemen from the noblest families have tended to devote themselves to alleviating the great problems of the day, and so, at a glance, it may have appeared that the ambitions of our generation differed little from those of our pre-

кажется, демонстрирует коренное различие между ценностями, исповедуемыми дворецкими нынешнего и предшествующего поколений. Утверждая это, я не просто обращаю ваше внимание на тот факт, что мое поколение с меньшим снобизмом воспринимает статус хозяев, не вникая, у кого они из потомственного земельного, а у кого из «промышленного» дворянства. Я пытаюсь сказать другое — и, думаю, в моем толковании нет ничего несправедливого, — а именно: мы были куда большими идеалистами. Там, где наших отцов заботило, есть ли у хозяина титул и ведет ли он род от одной из «старых» фамилий, мы куда больше склонны были интересоваться нравственным обликом нанимателя. Я отнюдь не имею в виду, будто нас интересовала их личная жизнь. Я хочу подчеркнуть, что у нас было честолюбивое желание, не свойственное предыдущему поколению, служить джентльменам, которые, если можно так выразиться, способствуют прогрессу человечества. Для нас, например, было бы куда заманчивее служить такому джентльмену, как мистер Джордж Кеттеридж, который хоть и вышел из низов, но внес неоспоримый вклад в будущее процветание Империи, чем какому-нибудь джентльмену, пусть самого родовитого происхождения, который попусту тратит время в клубах или на площадках для гольфа.

На самом деле, конечно, многие джентльмены из самых благородных семейств имеют склонность отдавать свои силы решению важнейших проблем современности, так что на поверхностный взгляд может показаться, будто честолюбивые помыслы

decessors. But I can vouch there was a crucial distinction in attitude, reflected not only in the sorts of things you would hear fellow professionals express to each other, but in the way many of the most able persons of our generation chose to leave one position for another. Such decisions were no longer a matter simply of wages, the size of staff at one's disposal or the splendour of a family name; for our generation, I think it fair to say, professional prestige lay most significantly in the moral worth of one's employer.

I believe I can best highlight the difference between the generations by expressing myself figuratively. Butlers of my father's generation, I would say, tended to see the world in terms of a ladder — the houses of royalty, dukes and the lords from the oldest families placed at the top, those of 'new money' lower down and so on, until one reached a point below which the hierarchy was determined simply by wealth — or the lack of it. Any butler with ambition simply did his best to climb as high up this ladder as possible, and by and large, the higher he went, the greater was his professional prestige. Such are, of course, precisely the values embodied in the Hayes Society's idea of a 'distinguished household', and the fact that it was confidently making such pronouncements as late as 1929 shows clearly why the demise of that society was inevitable, if not long overdue. For by that time, such thinking was quite

нашего поколения мало чем отличаются от помыслов предшественников. Но я готов поручиться, что коренное различие в жизненных установках было и находило отражение не только в суждениях, которыми обменивались собратья по профессии, но и в том, как и почему многие из способнейших представителей нашего поколения меняли хозяев. Такие решения диктовались уже не одними соображениями жалованья, числом подчиненных слуг или блеском родового имени; для нашего поколения профессиональный престиж, считаю я нужным заметить в интересах справедливости, был прежде всего связан с моральными достоинствами хозяина.

Мне, пожалуй, удастся наилучшим образом высветить разницу между поколениями, прибегнув к сравнению. Дворецкие из отцовского поколения, сказал бы я, взирали на мир как на лестницу, где на верхних ступенях располагались особы королевской крови, герцоги и лорды из древнейших родов, пониже — дворяне из «новоденежных» и так далее, пока не доходило до уровня, на котором иерархия определяется всего лишь богатством или отсутствием такового. Любой честолюбивый дворецкий просто-напросто карабкался по этой лестнице вверх, насколько хватало сил, и в общем и целом чем выше он забирался, тем выше становился и его профессиональный престиж. Именно эти ценности и воплощались в представлениях Общества Хейса о «выдающемся доме», и тот факт, что оно даже в 1929 году выступало с подобными самонадеянными заявлениями, ясно показывает,

out of step with that of the finest men emerging to the forefront of our profession. For our generation, I believe it is accurate to say, viewed the world not as a ladder, but more as a wheel. Perhaps I might explain this further.

It is my impression that our generation was the first to recognize something which had passed the notice of all earlier generations: namely that the great decisions of the world are not, in fact, arrived at simply in the public chambers, or else during a handful of days given over to an international conference under the full gaze of the public and the press. Rather, debates are conducted, and crucial decisions arrived at, in the privacy and calm of the great houses of this country. What occurs under the public gaze with so much pomp and ceremony is often the conclusion, or mere ratification, of what has taken place over weeks or months within the walls of such houses. To us, then, the world was a wheel, revolving with these great houses at the hub, their mighty decisions emanating out to all else, rich and poor, who revolved around them. It was the aspiration of all those of us with professional ambition to work our way as close to this hub as we were each of us capable. For we were, as I say, an idealistic generation for whom the question was not simply one of how well one practised one's skills, but to what end one did so; each of us harboured the desire to make our own small contribution to the creation of

почему конец общества был неминуем, а то и должен был наступить много раньше. Ибо к тому времени этот образ мыслей шел вразрез с настроениями достойнейших мужей, выдвинувшихся в нашей профессии на передний план. Ибо не будет натяжкой сказать, что наше поколение воспринимало мир не как лестницу, а скорее как колесо. Я, пожалуй, разверну эту метафору.

Мне кажется, наше поколение впервые осознало то, что ускользнуло от внимания всех предшествующих, а именно: великие решения, затрагивающие судьбы мира, в действительности принимаются отнюдь не в залах народных собраний и не за те несколько дней, какие международная конференция работает на глазах у публики и прессы. Скорее настоящие споры ведутся, а жизненно важные решения принимаются за закрытыми дверями в тишине великих домов этой страны. То, что устраивают публично с такой помпой и церемониями, зачастую венчает собой или всего лишь ратифицирует договоренности, к которым неделями, если не месяцами, приближались за стенами этих домов. Для нас, таким образом, мир был подобен вращающемуся колесу, а великие дома — его ступице, и их непререкаемые решения, исходя из центра, распространялись на всех, равно на богатых и бедных, что вокруг них вращались. Те из нас, кто не был лишен профессионального честолюбия, стремились по мере сил пробиться к этой ступице. Ибо наше поколение, как я уже говорил, было поколением идеалистов, для которых вопрос заключался не только в том, с каким блеском,

a better world, and saw that, as professionals, the surest means of doing so would be to serve the great gentlemen of our times in whose hands civilization had been entrusted.

Of course, I am now speaking in broad generalizations and I would readily admit there were all too many persons of our generation who had no patience for such finer considerations. Conversely, I am sure there were many of my father's generation who recognized instinctively this 'moral' dimension to their work. But by and large, I believe these generalizations to be accurate, and indeed, such 'idealistic' motivations as I have described have played a large part in my own career. I myself moved quite rapidly from employer to employer during my early career — being aware that these situations were incapable of bringing me lasting satisfaction — before being rewarded at last with the opportunity to serve Lord Darlington.

It is curious that I have never until today thought of the matter in these terms; indeed, that through all those many hours we spent discussing the nature of 'greatness' by the fire of our servants' hall, the likes of Mr Graham and I never considered this whole dimension to the question. And while I would not retract anything I have previously stated regarding the quality of 'dignity', I must admit there is something to the argument that whatever the de-

но и ради чего использовать свое мастерство. Каждый из нас в глубине души мечтал внести и свою скромную лепту в созидание лучшего мира и понимал, что с профессиональной точки зрения самый надежный способ добиться этого — служить великим людям современности, тем, кому вверена судьба цивилизации.

Все это, разумеется, — широкие обобщения, и я охотно допускаю, что в нашем поколении встречалось слишком много таких, у кого не хватало терпения разбираться в этих тонких материях. С другой стороны, я уверен, что многие из отцовского поколения подсознательно исходили в своей деятельности из этого «нравственного» измерения. Но в общем и целом, я полагаю, эти обобщения правильны, да и в моей собственной профессиональной судьбе вышеописанные «идеалистические» побуждения сыграли немалую роль. В первые годы службы я довольно часто менял хозяев, когда начинал понимать, что то или иное место не способно меня надолго удовлетворить, пока наконец судьба не послала мне награду — возможность поступить в услужение к лорду Дарлингтону.

Странно, что до сего дня я никогда не подходил к предмету с этой точки зрения. В самом деле, на протяжении многих часов, которые мы с мистером Грэмом и нам подобными провели у камина в лакейской, обсуждая природу «величия», эта сторона дела ни разу не была затронута. И хотя мне бы не хотелось пересматривать сказанное ранее о признаках «достоинства», я должен признать: в рассуждении о том, что дворецкий, независимо

gree to which a butler has attained such a quality, if he has failed to find an appropriate outlet for his accomplishments he can hardly expect his fellows to consider him 'great'. Certainly, it is observable that figures like Mr Marshall and Mr Lane have served only gentlemen of indisputable moral stature — Lord Wakeling, Lord Camberley, Sir Leonard Gray — and one cannot help get the impression that they simply would not have offered their talents to gentlemen of lesser calibre. Indeed, the more one considers it, the more obvious it seems: association with a truly distinguished household is a prerequisite of 'greatness'.

A 'great' butler can only be, surely, one who can point to his years of service and say that he has applied his talents to serving a great gentleman — and through the latter, to serving humanity.

As I say, I have never in all these years thought of the matter in quite this way; but then it is perhaps in the nature of coming away on a trip such as this that one is prompted towards such surprising new perspectives on topics one imagined one had long ago thought through thoroughly. I have also, no doubt, been prompted to think along such lines by the small event that occurred an hour or so ago — which has, I admit, unsettled me somewhat.

Having enjoyed a good morning's motoring in splendid weather, and having lunched well at a country inn, I had just crossed the border into Dorset. It

от степени, в какой он обрел эти признаки, едва ли может надеяться стать «великим» в глазах коллег, если все его совершенства так и не найдут должного применения, — в этом рассуждении есть зерно истины. Безусловно, привлекает внимание, что такие личности, как мистер Маршалл и мистер Лейн, находились в услужении исключительно у джентльменов неоспоримых моральных достоинств — лорда Уэйклинга, лорда Кемберли, сэра Леонарда Грея, и невольно напрашивается вывод, что этим дворецким никогда бы не пришло в голову предлагать свои услуги менее достойным джентльменам. И верно, чем больше об этом думаешь, тем очевидней: служба в истинно великих домах — подлинно необходимое предварительное условие «величия».

«Великим», конечно же, может быть лишь такой дворецкий, который, сославшись на долгие годы службы, имеет право сказать, что поставил свои способности на службу великому человеку, а тем самым — и человечеству.

Как уже говорилось, я ни разу не задумывался над проблемой именно в этом плане; но, может быть, и впрямь надо отправиться в такое вот путешествие, чтобы натолкнуться на поразительные новые подходы к предметам, о которых, казалось бы, все давно думано-передумано. На подобные мысли меня, несомненно, навело и пустячное происшествие, случившееся с час тому назад и, должен признаться, несколько меня огорчившее.

Утро выдалось великолепное, проехался я с удовольствием, вкусно поел в сельском трактирчике и вот уже пересек границу между графства-

was then I had become aware of a heated smell emanating from the car engine. The thought that I had done some damage to my employer's Ford was, of course, most alarming and I had quickly brought the vehicle to a halt.

I found myself in a narrow lane, hemmed in on either side by foliage so that I could gain little idea of what was around me. Neither could I see far ahead, the lane winding quite sharply twenty yards or so in front. It occurred to me that I could not remain where I was for long without incurring the risk of an oncoming vehicle coming round that same bend and colliding into my employer's Ford. I thus started the engine again and was partially reassured to find that the smell seemed not as powerful as before.

My best course, I could see, was to look for a garage, or else a large house of a gentleman where there would be a good chance I might find a chauffeur who could see what the matter was. But the lane continued to wind for some distance, and the high hedges on either side of me also persisted, obscuring my vision so that though I passed several gates, some of which clearly yielded on to driveways, I was unable to glimpse the houses themselves. I continued for another half-mile or so, the disturbing smell now growing stronger by the moment, until at last I came out on to a stretch of open road. I could now see some distance before me, and indeed, ahead to my left there loomed a tall Victorian house with a substantial front lawn and what was clearly a driveway converted from an old carriage track. As I drew up

ми и оказался в Дорсете. Тут я ощутил, что от двигателя пахнет перегревом. Я, конечно, пришел в ужас, подумав, что ненароком испортил хозяйский «форд», и сразу остановился.

Выяснилось, что я нахожусь на узкой дороге, окаймленной по обеим сторонам зеленью, сквозь которую трудно что-нибудь разглядеть. Впереди обзор был тоже закрыт, так как ярдах в двадцати дорога круто сворачивала. Я сообразил, что здесь опасно надолго задерживаться — встречная машина вполне может выскочить из-за этого самого поворота и врезаться в хозяйский «форд». Так что я снова включил двигатель и с некоторым облегчением обнаружил, что пахнет, кажется, не так сильно, как раньше.

Я понимал, что мне лучше всего поискать гараж или какое-нибудь большое частное поместье, где, скорее всего, найдется шофер, который сумеет разобраться, в чем дело. Однако дорога все вилась и вилась, живые изгороди по сторонам тянулись все той же плотной стеной, закрывая обзор, и я, миновав несколько ворот — за некоторыми из них явно начинались подъездные дорожки, — так и не смог разглядеть самих домов. Это продолжалось еще примерно с полмили, причем настораживающий запах усиливался с каждой минутой, и тут я наконец выехал на прямой участок дороги. Теперь передо мной открывался довольно приличный обзор и, главное, впереди слева виднелся высокий викторианский дом, а перед ним — внушительных размеров лужайка и, несомненно,

to it, I was encouraged further to glimpse a Bentley through the open doors of a garage attached to the main house.

The gate too had been left open and so I steered the Ford a little way up the drive, got out and made my way to the back door of the house. This was opened by a man dressed in his shirt sleeves, wearing no tie, but who, upon my asking for the chauffeur of the house, replied cheerfully that I had 'hit the jackpot first time'. On hearing of my problem, the man without hesitation came out to the Ford, opened the bonnet and informed me after barely a few seconds' inspection:

'Water, guv. You need some water in your radiator.'

He seemed to be rather amused by the whole situation, but was obliging enough; he returned inside the house and after a few moments emerged again with a jug of water and a funnel. As he filled the radiator, his head bent over the engine, he began to chat amiably, and on ascertaining that I was undertaking a motoring tour of the area, recommended I visit a local beauty spot, a certain pond not half a mile away.

I had had in the meantime more opportunity to observe the house; it was taller than it was broad, comprising four floors, with ivy covering much of the front right up to the gables. I could see from its windows, however, that at least half of it was dust-sheeted. I remarked on this to the man once he had finished with the radiator and closed the bonnet.

подъездная дорожка, проложенная по старому проселку. Поравнявшись с домом, я через открытые двери пристроенного к нему гаража углядел «бентли», и это вселило в меня надежду.

Ворота тоже стояли открытыми, поэтому я свернул на дорожку, подъехал поближе к дому, остановился, вылез и пошел к задней двери. Мне открыл мужчина в одной рубашке и без галстука, который, когда я спросил о шофере, жизнерадостно ответил, что я «сорвал банк с первой попытки». Узнав о моих затруднениях, он немедленно направился к «форду», поднял капот, за несколько секунд осмотрел двигатель и сказал:

— Вода, шеф. Нужно залить радиатор.

Случившееся его, видимо, позабавило, но малый он оказался любезный — сам сходил в дом и вернулся с кувшином воды и воронкой. Склонившись над радиатором, он стал заливать воду и одновременно затеял со мной дружескую болтовню. Узнав, что я предпринимаю поездку по этим местам, он посоветовал мне взглянуть на местную достопримечательность — некий пруд меньше чем в полумиле от дома.

Тем временем я воспользовался случаем и взглядел дом: в высоту он был больше, чем в ширину, — целых четыре этажа, разросшийся плющ закрывал основную часть фасада и вился до самой крыши. Но по окнам можно было понять, что по крайней мере половина помещений на замке, а мебель стоит в чехлах. Я поделился этим наблю-

‘A shame really,’ he said. ‘It’s a lovely old house. Truth is, the Colonel’s trying to sell the place off. He ain’t got much use for a house this size now.’

I could not help inquiring then how many staff were employed there, and I suppose I was hardly surprised to be told there was only himself and a cook who came in each evening. He was, it seemed, butler, valet chauffeur and general cleaner. He had been the Colonel’s batman in the war, he explained; they had been in Belgium together when the Germans had invaded and they had been together again for the Allied landing. Then he regarded me carefully and said:

‘Now I got it. I couldn’t make you out for a while, but now I got it. You’re one of them top-notch butlers. From one of them big posh houses.’

When I told him he was not so far off the mark, he continued:

‘Now I got it. Couldn’t make you out for a while, see, ‘cause you talk almost like a gentleman. And what with you driving an old beauty like this’ — he gestured to the Ford — ‘I thought at first, here’s a really posh geezer. And so you are, guv. Really posh, I mean. I never learnt any of that myself, you see. I’m just a plain old batman gone civvy.’

He then asked me where it was I was employed, and when I told him he leant his head to one side with a quizzical look.

дением с шофером, после того как тот залил радиатор и опустил капот.

— И правда обидно, — ответил он. — Замечательный старый дом. Честно говоря, полковник пытается сбыть его с рук. Такая громадина ему теперь без надобности.

Я не удержался — спросил, сколько в доме прислуги, и, пожалуй, совсем не удивился, услышав в ответ, что только он сам да приходящая по вечерам кухарка. Сам он, судя по всему, совмещал в одном лице дворецкого, камердинера, шофера и уборщика. Он объяснил, что в войну был у полковника ординарцем; они вместе служили в Бельгии, когда туда вторглись немцы, и вместе же участвовали в высадке союзных войск во Франции. Потом он внимательно ко мне пригляделся и заметил:

— Теперь допёр. Все никак не мог понять, кто вы будете, а теперь допёр. Вы из больших дворецких, из тех, что служат в огромных шикарных домах.

Я ответил, что он почти угадал, а он продолжал:

— Вот только теперь допёр. А то все, знаете, никак не мог понять, разговор-то у вас джентльменский. Ну, почти. Да еще прикатили на этой старой красотке, — он указал на машину, — так я сперва и подумал: вот это шикарный старикан. Оно и верно, начальник. То есть что вправду шикарный. Сам-то я, понимаете, ничему такому не обучен. Простой старый ординарец на гражданке.

Потом он спросил, где я служу, и, услышав ответ, озадаченно помотал головой.

‘Darlington Hall,’ he said to himself. ‘Darlington Hall. Must be a really posh place, it rings a bell even to an idiot like yours truly. Darlington Hall. Hang on, you don’t mean Darlington Hall, Lord Darlington’s place?’

‘It was Lord Darlington’s residence until his death three years ago,’ I informed him. ‘The house is now the residence of Mr John Farraday, an American gentleman.’

‘You really must be top-notch working in a place like that. Can’t be many like you left, eh?’ Then his voice changed noticeably as he inquired: ‘You mean you actually used to work for that Lord Darlington?’

He was eyeing me carefully again. I said:

‘Oh no, I am employed by Mr John Farraday, the American gentleman who bought the house from the Darlington family.’

‘Oh, so you wouldn’t have known that Lord Darlington. Just that I wondered what he was like. What sort of bloke he was.’

I told the man that I would have to be on my way and thanked him emphatically for his assistance. He was, after all, an amiable fellow, taking the trouble to guide me in reversing out through the gateway, and before I parted, he bent down and recommended again that I visit the local pond, repeating his instructions on how I would find it.

‘It’s a beautiful little spot,’ he added. ‘You’ll kick yourself for missing it. In fact, the Colonel’s doing a bit of fishing there this minute.’

— Дарлингтон-холл, — пробормотал он, — Дарлингтон-холл. Должно быть, и вправду шикарный дом, если даже такой кретин, как ваш покорный, что-то когда-то слышал про него. Дарлингтон-холл. Постойте-ка, постойте-ка, уж не тот ли это Дарлингтон-холл, где живет лорд Дарлингтон?

— Лорд Дарлингтон пребывал в нем до своей смерти, случившейся три года назад, — сообщил я. — А сейчас там пребывает мистер Джон Фаррадей, джентльмен из Америки.

— Вы и впрямь из самых больших, раз служите в таком доме. Вас, должно быть, уже мало на свете осталось, а? — заметил он и спросил уже совсем другим тоном: — Вы что, и вправду служили у этого самого лорда Дарлингтона?

И снова на меня уставился. Я ответил:

— Нет, меня нанял мистер Джон Фаррадей, американский джентльмен, купивший поместье у наследников лорда Дарлингтона.

— Значит, самого этого лорда Дарлингтона не знали. А то меня просто интерес разбирает, какой он был. Что за тип.

Я сказал, что мне пора трогаться, и тепло поблагодарил за помощь. Малый он оказался добрый, помог мне выползти задним ходом за ворота, а на прощание наклонился к окошку и еще раз посоветовал съездить поглядеть на местный пруд, повторив, как туда проехать.

— Красивое местечко, — добавил он, — потом будете локти кусать, что не завернули. Кстати, полковник как раз сидит там сейчас с удочкой.

The Ford seemed to be in fine form again, and since the pond in question was but a small detour off my route, I decided to take up the batman's suggestion. His directions had seemed clear enough, but once I had turned off the main road in an attempt to follow them, I found myself getting lost down narrow, twisting lanes much like the one in which I had first noticed the alarming smell. At times, the foliage on either side became so thick as practically to blot out the sun altogether, and one found one's eyes struggling to cope with the sudden contrasts of bright sunlight and deep shade. Eventually, however, after some searching, I found a signpost to 'Mortimer's Pond', and so it was that I arrived here at this spot a little over half an hour ago.

I now find myself much indebted to the batman, for quite aside from assisting with the Ford, he has allowed me to discover a most charming spot which it is most improbable I would ever have found otherwise. The pond is not a large one — a quarter of a mile around its perimeter perhaps — so that by stepping out to any promontory, one can command a view of its entirety. An atmosphere of great calm pervades here. Trees have been planted all around the water just closely enough to give a pleasant shade to the banks, while here and there clusters of tall reeds and bulrushes break the water's surface and its still reflection of the sky. My footwear is not such as to permit me easily to walk around the perimeter — I can see even from where I now sit the path disappearing into areas of deep mud — but

«Форд» как будто снова был в полном порядке, и, поскольку до указанного пруда было легко добраться, сделав совсем маленький крюк, я решил послушаться совета бывшего ординарца. Его указания казались достаточно ясными, но стоило мне им последовать и свернуть с главной дороги, как я заблудился среди узких извилистых проселков вроде того, где впервые уловил тревожный запах. Местами заросли по обе стороны становились такими густыми, что полностью застили солнце, и приходилось отчаянно напрягать зрение, чтобы разобраться в мешанине ярких просветов и глубоких теней. Однако, поплутав немного, я в конце концов выехал к столбу с дощечкой «Мортимеров пруд». Вот так я приехал сюда, на это самое место, немногим более получаса назад.

Теперь я думаю, что оказался у ординарца в большом долгу, ибо, не говоря уж о том, как он выручил меня с «фордом», он открыл мне совершенно очаровательное местечко, которого сам бы я наверняка не нашел. Пруд невелик, может быть, с четверть мили по окружности, так что с любого пригорка на берегу его можно охватить одним взглядом. Здесь царит атмосфера удивительно-го покоя. Пруд весь обсажен деревьями как раз на таком расстоянии, чтобы берега находились в приятной тени, а из воды тут и там поднимаются островки тростника и камыша, раскалывая ясное зеркало с отраженным в нем небом. Обувь не позволяет мне обойти пруд по окружности — даже с того места, где я сейчас сижу, на тропинке видны участки непролазной грязи, — но, должен сказать,

I will say that such is the charm of this spot that on first arriving, I was sorely tempted to do just that. Only the thought of the possible catastrophes that might befall such an expedition, and of sustaining damage to my travelling suit, persuaded me to content myself with sitting here on this bench. And so I have done for the past half-hour, contemplating the progress of the various figures seated quietly with their fishing rods at various points around the water. At this point, I can see a dozen or so such figures, but the strong lights and shades created by the low-hanging branches prevent me from making any of them out clearly and I have had to forgo the small game I had been anticipating of guessing which of these fishermen is the Colonel at whose house I have just received such useful assistance.

It is no doubt the quiet of these surroundings that has enabled me to ponder all the more thoroughly these thoughts which have entered my mind over this past half-hour or so. Indeed, but for the tranquillity of the present setting, it is possible I would not have thought a great deal further about my behaviour during my encounter with the batman. That is to say, I may not have thought further why it was that I had given the distinct impression I had never been in the employ of Lord Darlington. For surely, there is no real doubt that is what occurred. He had asked: 'You mean you actually used to work for that Lord Darlington?' and I had given an answer which could mean little other than that I had not. It could simply be that a meaningless whim had suddenly overtaken me at that moment — but that is hardly

прелесть этого уголка столь велика, что поначалу меня так и подмывало обойти весь пруд целиком. Только мысль о возможных бедах, какими чревата подобная вылазка, и о сопутствующем ей ущербе для моего дорожного костюма заставила меня всего лишь присесть на скамейку. На ней я и сижу вот уже полчаса, созерцая фигуры с удочками в руках, тут и там замершие у самой воды. С моего места видно около дюжины рыбаков, но чередование яркого света и тени из-за свисающих почти до земли ветвей не дает никого основательно разглядеть, и мне пришлось отказаться от небольшой игры, которую я так предвкушал, — угадать, кто из них тот самый полковник, в чьем доме мне оказали сегодня столь нужную помощь.

Обступившая меня со всех сторон тишина, несомненно, позволила мне особенно глубоко погрузиться в мысли, которые пришли мне на ум полчаса тому назад. Действительно, когда б не безмятежность этого места, я бы, возможно, не стал так уж углубляться в причины, определившие мое поведение при общении с ординарцем. То есть не стал бы обдумывать, почему я недвусмысленно дал ему понять, что никогда не был в услужении у лорда Дарлингтона. А что я поступил именно так, сомневаться не приходится. Он спросил: «Вы что, и вправду служили у этого самого лорда Дарлингтона?» — и я дал ответ, из которого однозначно следовало, что не служил. Может, это просто был какой-то внезапный бессмысленный каприз, но такое объяснение моего, безусловно, странного

a convincing way to account for such distinctly odd behaviour. In any case, I have now come to accept that the incident with the batman is not the first of its kind; there is little doubt it has some connection — though I am not quite clear of the nature of it — with what occurred a few months ago during the visit of the Wakefields.

Mr and Mrs Wakefield are an American couple who have been settled in England — somewhere in Kent, I understand — for some twenty years. Having a number of acquaintances in common with Mr Farraday amidst Boston society, they paid a short visit one day to Darlington Hall, staying for lunch and leaving before tea. I now refer to a time only a few weeks after Mr Farraday had himself arrived at the house, a time when his enthusiasm for his acquisition was at a height; consequently, much of the Wakefields' visit was taken up with my employer leading them on what might have seemed to some an unnecessarily extensive tour of the premises, including all the dust-sheeted areas. Mr and Mrs Wakefield, however, appeared to be as keen on the inspection as Mr Farraday, and as I went about my business, I would often catch various American exclamations of delight coming from whichever part of the house they had arrived at. Mr Farraday had commenced the tour at the top of the house, and by the time he had brought his guests down to inspect the magnificence of the ground-floor rooms, he seemed to be on an elevated plane, pointing out details on cornicings and window frames, and describing with some flourish 'what the English lords used to do' in

поведения едва ли прозвучит убедительно. Во всяком случае, я уже смирился с мыслью о том, что случай с ординарцем не первый такого рода; маловероятно, чтобы не было какой-то связи — какой именно, это мне и самому неясно, — между ним и тем, что имело место несколькими месяцами раньше, когда приезжали Уэйкфилды.

Мистер и миссис Уэйкфилд — американцы, обосновавшиеся в Англии, если не ошибаюсь, в Кенте, и живущие здесь вот уже около двадцати лет. Поскольку у них с мистером Фаррадеем много общих знакомых в бостонском свете, они как-то нанесли в Дарлингтон-холл короткий визит: остались на ланч, но отбыли до чая. Сейчас я говорю о том времени, когда мистер Фаррадей всего несколько недель как въехал в дом и его восторги по поводу нового приобретения не знали границ. По этой причине хозяин не пожалел времени и устроил Уэйкфилдам излишне, как может кое-кому показаться, подробную экскурсию по дому, в том числе и по зачехленным помещениям. Однако мистер и миссис Уэйкфилд, видимо, были увлечены осмотром не меньше мистера Фаррадея; до меня — а я занимался своими делами — время от времени долетали из тех частей дома, где в ту минуту находились хозяин и гости, чисто американские изъявления восторга. Мистер Фаррадей начал экскурсию с верхнего этажа; к тому времени, когда компания сошла вниз и перед гостями во всем своем великолепии предстали помещения первого этажа, хозяин, как видно, окончательно воспарил. Он не уставал обращать внимание Уэйк-

each room. Although of course I made no deliberate attempt to overhear, I could not help but get the gist of what was being said, and was surprised by the extent of my employer's knowledge, which, despite the occasional infelicity, betrayed a deep enthusiasm for English ways. It was noticeable, moreover, that the Wakefields — Mrs Wakefield in particular — were themselves by no means ignorant of the traditions of our country, and one gathered from the many remarks they made that they too were owners of an English house of some splendour.

It was at a certain stage during this tour of the premises — I was crossing the hall under the impression that the party had gone out to explore the grounds — when I saw that Mrs Wakefield had remained behind and was closely examining the stone arch that frames the doorway into the dining room. As I went past, muttering a quiet 'excuse me, madam,' she turned and said:

'Oh, Stevens, perhaps you're the one to tell me. This arch here looks seventeenth century, but isn't it the case that it was built quite recently? Perhaps during Lord Darlington's time?'

'It is possible, madam.'

'It's very beautiful. But it is probably a kind of mock period piece done only a few years ago. Isn't that right?'

'I'm not sure, madam, but that is certainly possible.'

филдов на детали карнизов и оконных переплетов и увлеченно описывал, «чем занимались английские лорды» в каждой из комнат. Я, разумеется, специально не прислушивался, однако непроизвольно улавливал суть пояснений и поразился обширным познаниям хозяина, которые, несмотря на отдельные погрешности, свидетельствовали о глубоком его восхищении английскими обычаями и образом жизни. Больше того, было очевидно, что Уэйкфилды, особенно мистер Уэйкфилд, и сами прекрасно разбираются в традициях нашей страны, а по их многочисленным репликам можно было понять, что они тоже владеют английским домом, причем отнюдь не из второразрядных.

И вот на каком-то этапе осмотра — я как раз проходил через холл, полагая, что все вышли поглядеть на поместье, — я увидел, что миссис Уэйкфилд осталась в доме и внимательно изучает каменную арку, которая обрамляет двери в столовую. Пробормотав вполголоса: «Прошу прощения, мадам», я хотел было пройти мимо, но она обернулась и обратилась ко мне:

— А, Стивенс, может быть, именно вы мне и скажете. Эта арка напоминает семнадцатый век, но соорудили-то ее совсем недавно? Возможно, уже при лорде Дарлингтоне?

— Вполне возможно, мадам.

— Она очень красивая. Но, вероятно, умелая подделка под старину, выполненная всего несколько лет тому назад. А, Стивенс?

— Не уверен, мадам, но вполне возможно.

Then, lowering her voice, Mrs Wakefield had said:
‘But tell me, Stevens, what was this Lord Darlington like? Presumably you must have worked for him.’

‘I didn’t, madam, no.’

‘Oh, I thought you did. I wonder why I thought that.’

Mrs Wakefield turned back to the arch and putting her hand to it, said:

‘So we don’t know for certain then. Still, it looks to me like it’s mock. Very skilful, but mock.’

It is possible I might have quickly forgotten this exchange; however, following the Wakefields’ departure, I took in afternoon tea to Mr Farraday in the drawing room and noticed he was in a rather preoccupied mood. After an initial silence, he said:

‘You know, Stevens, Mrs Wakefield wasn’t as impressed with this house as I believe she ought to have been.’

‘Is that so, sir?’

‘In fact, she seemed to think I was exaggerating the pedigree of this place. That I was making it up about all these features going back centuries.’

‘Indeed, sir?’

‘She kept asserting everything was “mock” this and “mock” that. She even thought you were “mock,” Stevens.’

‘Indeed, sir?’

‘Indeed, Stevens. I’d told her you were the real thing. A real old English butler. That you’d been in

Тогда миссис Уэйкфилд спросила, понизив голос:

— А скажите, Стивенс, что за человек был этот лорд Дарлингтон? Как я понимаю, вы у него служили?

— Нет, мадам, не служил.

— О, а я-то думала, что служили. Интересно, почему мне так показалось.

Миссис Уэйкфилд повернулась к арке и, погладив камень, заметила:

— Стало быть, точно мы этого не знаем. И все-таки, на мой взгляд, подделка. Очень искусная, но подделка.

Вероятно, этот разговор быстро выветрился бы у меня из памяти. Но когда я сразу по отбытии Уэйкфилдов принес мистеру Фаррадею в гостиную чай, то заметил, что он несколько озабочен. Помолчав, он произнес:

— А знаете, Стивенс, на миссис Уэйкфилд дом не произвел того впечатления, на которое я рассчитывал.

— В самом деле, сэр?

— Она, видимо, и вправду решила, что я преувеличиваю древность поместья. Что я просто выдумал, будто всем этим архитектурным деталям по несколько веков.

— Вот как, сэр?

— Она то и дело твердила, что это вот «подделка» под то-то, а это — под то-то. Она даже решила, Стивенс, что и вы сами тоже «подделка».

— Вот как, сэр?

— Вот так, Стивенс. Я ей сказал, что вы не «подделка», а самый настоящий английский дворец-

this house for over thirty years, serving a real English lord. But Mrs Wakefield contradicted me on this point. In fact, she contradicted me with great confidence.'

'Is that so, sir?'

'Mrs Wakefield, Stevens, was convinced you never worked here until I hired you. In fact, she seemed to be under the impression she'd had that from your own lips. Made me look pretty much a fool, as you can imagine.'

'It's most regrettable, sir.'

'I mean to say, Stevens, this is a genuine grand old English house, isn't it? That's what I paid for. And you're a genuine old-fashioned English butler, not just some waiter pretending to be one. You're the real thing, aren't you? That's what I wanted, isn't that what I have?'

'I venture to say you do, sir.'

'Then can you explain to me what Mrs Wakefield is saying? It's a big mystery to me.'

'It is possible I may well have given the lady a slightly misleading picture concerning my career, sir. I do apologize if this caused embarrassment.'

'I'll say it caused embarrassment. Those people have now got me down for a braggart and a liar. Anyway, what do you mean, you may have given her a "slightly misleading picture"?''

'I'm very sorry, sir. I had no idea I might cause you such embarrassment.'

кий старой школы. Что вы тридцать с хвостиком лет прослужили в этих стенах у самого настоящего лорда. Но миссис Уэйкфилд мне возразила, да еще так уверенно.

— В самом деле, сэр?

— Миссис Уэйкфилд убеждена, Стивенс, что до меня вы здесь не служили. Больше того, у нее, похоже, сложилось впечатление, что вы сами ей так сказали. Можете себе представить, в каком дурацком положении я оказался.

— Крайне прискорбно, сэр.

— Я что имею в виду, Стивенс, — это действительно настоящий благородный старый английский дом? За это я деньги платил. И вы настоящий английский дворецкий старой школы, а не какой-то там официант, который им только притворяется? Вы ведь всамделишный, правда? Я получил именно то, что хотел?

— Осмелюсь сказать, да, сэр.

— В таком случае вы можете мне объяснить слова миссис Уэйкфилд? Потому что сам я решительно ничего не понимаю.

— Вероятно, я и вправду создал у этой дамы несколько превратное представление о моем послужном списке, сэр. Приношу глубокие извинения, если поставил вас этим в неловкое положение.

— Поставили, да еще в какое! Теперь я прослыл у них хвастуном и вралем. И вообще, как можете понимать, что вы создали у нее «несколько превратное представление»?

— Мне очень жаль, сэр. Я не предполагал, что могу поставить вас в столь неловкое положение.

‘But dammit, Stevens, why did you tell her such a tale?’

I considered the situation for a moment, then said:

‘I’m very sorry, sir. But it is to do with the ways of this country.’

‘What are you talking about, man?’

‘I mean to say, sir, that it is not customary in England for an employee to discuss his past employers.’

‘OK, Stevens, so you don’t wish to divulge past confidences. But does that extend to you actually denying having worked for anyone other than me?’

‘It does seem a little extreme when you put it that way, sir. But it has often been considered desirable for employees to give such an impression. If I may put it this way, sir, it is a little akin to the custom as regards marriages. If a divorced lady were present in the company of her second husband, it is often thought desirable not to allude to the original marriage at all. There is a similar custom as regards our profession, sir.’

‘Well, I only wish I’d known about your custom before, Stevens,’ my employer said, leaning back in his chair. ‘It certainly made me look like a chump.’

I believe I realized even at the time that my explanation to Mr Farraday — though, of course, not entirely devoid of truth — was woefully inadequate. But when one has so much else to think about, it is easy not to give such matters a great deal of atten-

— Но, черт возьми, Стивенс, зачем вы все это ей наплели?

Я немного подумал и ответил:

— Мне очень жаль, сэр. Но это связано с английскими обычаями.

— О чем вы, приятель?

— Я хочу сказать, сэр, что в Англии не принято, чтобы слуга обсуждал своих прежних хозяев.

— О'кей, Стивенс, не желаете разглашать старые тайны — и не надо. Но не до такой же степени, чтобы утверждать, будто, кроме меня, вы ни у кого не служили!

— В вашем изложении, сэр, это и вправду похоже на крайность. Но от наших слуг нередко требуется, чтобы они высказывались именно в таком духе. С вашего позволения, сэр, это несколько сродни обычаям в области браков. Если разведенная дама появляется в обществе с новым мужем, большей частью бывает желательно воздерживаться от любых намеков на ее первый брак. Аналогичным образом, сэр, принято поступать и в нашей среде.

— Ну что ж, жаль только, что я раньше не слышал об этом вашем обычае, Стивенс, — сказал хозяин, откидываясь на спинку кресла. — Хорошим же болваном я себя выставил.

По-моему, я уже тогда понимал, что объяснение, представленное мистеру Фаррадею, хотя и не совсем лживое, чудовищно расходится с действительностью. Но когда постоянно думаешь о многом другом, таким вещам просто не уделяешь слиш-

tion, and so I did, indeed, put the whole episode out of my mind for some time. But now, recalling it here in the calm that surrounds this pond, there seems little doubt that my conduct towards Mrs Wakefield that day has an obvious relation to what has just taken place this afternoon.

Of course, there are many people these days who have a lot of foolish things to say about Lord Darlington, and it may be that you are under the impression I am somehow embarrassed or ashamed of my association with his lordship, and it is this that lies behind such conduct. Then let me make it clear that nothing could be further from the truth. The great majority of what one hears said about his lordship today is, in any case, utter nonsense, based on an almost complete ignorance of the facts. Indeed, it seems to me that my odd conduct can be very plausibly explained in terms of my wish to avoid any possibility of hearing any further such nonsense concerning his lordship; that is to say, I have chosen to tell white lies in both instances as the simplest means of avoiding unpleasantness. This does seem a very plausible explanation the more I think about it; for it is true, nothing vexes me more these days than to hear this sort of nonsense being repeated. Let me say that Lord Darlington was a gentleman of great moral stature — a stature to dwarf most of these persons you will find talking this sort of nonsense about him — and I will readily vouch that he remained that to the last. Nothing could be less accurate than to suggest that I regret my association with such a gentleman. Indeed, you will appreciate

ком большого внимания, так что я и в самом деле на какое-то время выбросил из головы этот случай. Но сейчас, возвратившись к нему здесь, в покое и тишине, окружающих этот пруд, я не могу усомниться, что тогдашний разговор с миссис Уэйкфилд имеет прямое отношение к сегодняшнему случаю.

Разумеется, в наши дни развелось немало охотников болтать о лорде Дарлингтоне всякие глупости, и у вас может сложиться впечатление, будто меня смущает или я стыжусь, что служил у его светлости, а потому и вел себя описанным образом. Так позвольте заверить, что это не имеет ровным счетом никакого отношения к истине. Подавляющая часть того, что приходится нынче слышать о его светлости, как ни верти, абсолютная чушь, порожденная полным незнанием фактов. Мне и вправду сдается, что странное мое поведение можно весьма убедительно объяснить нежеланием выслушивать о его светлости подобную чушь; иными словами, тем, что я в обоих случаях предпочел невинную ложь как простейший способ пощадить свои нервы. И чем больше я думаю о таком объяснении, тем убедительнее оно мне кажется. В наши дни меня действительно ничто так не раздражает, как то, что приходится снова и снова осквернять свой слух этой чушью. Позвольте сказать: лорд Дарлингтон был джентльменом столь великих моральных достоинств, что по сравнению с ним почти все, кто болтает о нем эту чушь, выглядят лилипутами, и я готов присягнуть, что его светлость оставался таким до конца. Ничто так не расходится с истиной, как предположение, будто я сожалею о служ-

that to have served his lordship at Darlington Hall during those years was to come as close to the hub of this world's wheel as one such as I could ever have dreamt. I gave thirty-five years' service to Lord Darlington; one would surely not be unjustified in claiming that during those years, one was, in the truest terms, 'attached to a distinguished household'. In looking back over my career thus far, my chief satisfaction derives from what I achieved during those years, and I am today nothing but proud and grateful to have been given such a privilege.

Day three • morning

TAUNTON, SOMERSET

I lodged last night in an inn named the Coach and Horses a little way outside the town of Taunton, Somerset. This being a thatch-roofed cottage by the roadside, it had looked a conspicuously attractive prospect from the Ford as I had approached in the last of the daylight. The landlord led me up a timber stairway to a small room, rather bare, but perfectly decent. When he inquired whether I had dined, I asked him to serve me with a sandwich in my room, which proved a perfectly satisfactory option as far as supper was concerned. But then as the evening drew on, I began to feel a little restless in my room, and in the end decided to descend to the bar below to try a little of the local cider.

бе у такого джентльмена. Более того, вы, конечно, поймете, что служить у его светлости в Дарлингтон-холле в те годы значило оказаться у самой ступицы колеса, приводящего в движение мир, о чем такой, как я, мог только мечтать. Службе у лорда Дарлингтона я отдал тридцать пять лет жизни и поэтому, конечно же, имею право утверждать, что все эти годы воистину и безусловно «служил в выдающемся доме». До сих пор, окидывая мысленным взглядом пройденный путь, самое полное удовлетворение я получаю от достигнутого мною в те годы; я этим горжусь и благодарю судьбу за то, что мне было дано сподобиться такой милости.

День третий — утро ТОНТОН, СОМЕРСЕТ

Ночь я провел в гостинице «Карета и кони», что недалеко от городка Тонтон в Сомерсете. Этот крытый соломой коттедж у самого края дороги выглядел весьма многообещающе, когда я подъехал к нему при последнем свете дня. Хозяин провел меня по деревянной лестнице в маленькую комнату, довольно скудно обставленную, однако вполне приличную, и осведомился, успел ли я пообедать. Я попросил принести в номер сэндвич и оказался прав: он вполне успешно заменил мне ужин. Но с наступлением вечера стало как-то неуютно одному сидеть в комнате, и в конце концов я решил спуститься в бар на первый этаж отведать местного сидра.

There were five or six customers all gathered in a group around the bar — one guessed from their appearance they were agricultural people of one sort or another — but otherwise the room was empty. Acquiring a tankard of cider from the landlord, I seated myself at a table a little way away, intending to relax a little and collect my thoughts concerning the day. It soon became clear, however, that these local people were perturbed by my presence, feeling something of a need to show hospitality. Whenever there was a break in their conversation, one or the other of them would steal a glance in my direction as though trying to find it in himself to approach me. Eventually one raised his voice and said to me:

‘It seems you’ve let yourself in for a night upstairs here, sir.’

When I told him this was so, the speaker shook his head doubtfully and remarked:

‘You won’t get much of a sleep up there, sir. Not unless you’re fond of the sound of old Bob’ — he indicated the landlord — ‘banging away down here right the way into the night. And then you’ll get woken by his missus shouting at him right from the crack of dawn.’

Despite the landlord’s protests, this caused loud laughter all round.

‘Is that indeed so?’ I said. And as I spoke, I was struck by the thought — the same thought as had struck me on numerous occasions of late in Mr Faraday’s presence — that some sort of witty retort was required of me. Indeed, the local people were now observing a polite silence, awaiting my next re-

Пять или шесть посетителей — судя по их внешнему виду, все так или иначе занятые в сельском хозяйстве, — сбились в кучу у стойки; кроме них, в баре никого не было. Я принял из рук хозяина большую кружку сидра и уселся за столик в стороне от стойки, дабы немного расслабиться и подвести итоги впечатлениям этого дня. Вскоре, однако, стало ясно, что мое появление взбудоражило местных и у них появилась потребность выказать гостеприимство. Всякий раз, как беседа их прерывалась, то один, то другой украдкой косился в мою сторону, словно не решаясь ко мне обратиться. Наконец один из них громко спросил:

— Вы вроде ночуете здесь в верхней комнате, сэр?

Когда я подтвердил, что так и есть, говоривший с сомнением покачал головой и заметил:

— Не больно вы выспитесь там, наверху, сэр. Разве что вам по нраву придется, как старина Боб, — и он кивнул на хозяина, — будет за полночь возиться да греметь кружками. А не то хозяйка как начнет орать на него, еще солнце не встанет, так вас и разбудит.

Не слушая протестов хозяина, все громко захотали.

— В самом деле? — откликнулся я, и тут мне пришло в голову — как неоднократно приходило в последнее время, когда мистер Фаррадей со мной заговаривал, — что от меня ждут находчивого ответа. Местные и вправду хранили вежливое мол-

mark. I thus searched my imagination and eventually declared:

‘A local variation on the cock crow, no doubt.’

At first the silence continued, as though the local persons thought I intended to elaborate further. But then noticing the mirthful expression on my face, they broke into a laugh, though in a somewhat bemused fashion. With this, they returned to their previous conversation, and I exchanged no further words with them until exchanging good nights a little while later.

I had been rather pleased with my witticism when it had first come into my head, and I must confess I was slightly disappointed it had not been better received than it was. I was particularly disappointed, I suppose, because I have been devoting some time and effort over recent months to improving my skill in this very area. That is to say, I have been endeavouring to add this skill to my professional armoury so as to fulfil with confidence all Mr Farraday’s expectations with respect to bantering.

For instance, I have of late taken to listening to the wireless in my room whenever I find myself with a few spare moments — on those occasions, say, when Mr Farraday is out for the evening. One programme I listen to is called *Twice a Week or More*, which is in fact broadcast three times each week, and basically comprises two persons making humorous comments on a variety of topics raised by readers’ letters. I have been studying this programme because

чание, ожидая, что я еще добавлю. Я напряг воображение и наконец заявил:

— Как я понимаю, местная разновидность петушиного крика.

Местные немного помолчали, видимо думая, что я намерен развить эту мысль. Но, увидев, что я сделал лукавую мину, рассмеялись, впрочем, немного натянуто. После чего вернулись к своей беседе, и больше мы не заговаривали, только чуть позже пожелали друг другу доброй ночи.

В ту минуту, как этот остроумный ответ пришел мне в голову, я был им вполне доволен, и должен признаться, меня слегка огорчило, что его приняли без особого энтузиазма. Огорчило в первую очередь потому, что за последние месяцы я потратил немало сил и времени на развитие навыка именно по этой части. Другими словами, я стремился включить этот навык в арсенал моего профессионального мастерства, с тем чтобы честно оправдать ожидания мистера Фэррадея касательно «подыгрывания».

Так, например, с недавнего времени я начал слушать у себя в комнате радио, как только выпадет свободная минута, скажем, когда мистер Фэррадей проводит вечер вне дома. Одна программа, к которой я пристрастился, называется «Дважды в неделю, а то и больше», хотя на самом деле передается три раза еженедельно; в ней двое ведущих обмениваются веселыми замечаниями на разнообразные темы, поднятые в письмах слушателей.

the witticisms performed on it are always in the best of taste and, to my mind, of a tone not at all out of keeping with the sort of bantering Mr Farraday might expect on my part. Taking my cue from this programme, I have devised a simple exercise which I try to perform at least once a day; whenever an odd moment presents itself, I attempt to formulate three witticisms based on my immediate surroundings at that moment. Or, as a variation on this same exercise, I may attempt to think of three witticisms based on the events of the past hour.

You will perhaps appreciate then my disappointment concerning my witticism yesterday evening. At first, I had thought it possible its limited success was due to my not having spoken clearly enough. But then the possibility occurred to me, once I had retired, that I might actually have given these people offence. After all, it could easily have been understood that I was suggesting the landlord's wife resembled a cockerel — an intention that had not remotely entered my head at the time. This thought continued to torment me as I tried to sleep, and I had half a mind to make an apology to the landlord this morning. But his mood towards me as he served breakfast seemed perfectly cheerful and in the end I decided to let the matter rest.

But this small episode is as good an illustration as any of the hazards of uttering witticisms. By the very nature of a witticism, one is given very little time to assess its various possible repercussions be-

Я внимательно слежу за этой программой, так как звучащие в ней острооты неизменно отличаются безупречным вкусом и, на мой взгляд, весьма близки по своему тону к тем самым репликам, каких ждет от меня мистер Фаррадей. Руководствуясь этой программой, я разработал простое упражнение, которое по возможности выполняю хотя бы раз в день: как только выдается свободное время, я пытаюсь сформулировать три остроумных замечания по поводу того, что вижу вокруг себя в эту минуту. Или, как вариант все того же упражнения, пробую придумать три острых замечания о событиях последнего часа.

Так что можете представить себе мое огорчение из-за вчерашней острооты в баре. Сначала я объяснил ее неполный успех тем, что говорил недостаточно отчетливо. Но уже у себя в номере я внезапно подумал и о другой причине: вдруг я их ненароком обидел? Мою реплику можно было понять и в том смысле, что жена хозяина похожа на петуха, хотя у меня и в мыслях не было ничего подобного. Эта мысль, однако, терзала меня всю ночь, и я уже начал подумывать о том, чтобы утром принести хозяину извинения. Но, подавая мне завтрак, он, судя по всему, пребывал в прекрасном настроении, так что в конце концов я решил не касаться этой темы.

Тем не менее этот незначительный случай может служить прекрасным примером того, как опасны бывают остроумные ответы. По самой своей природе остроумный ответ не оставляет времени

fore one is called to give voice to it, and one gravely risks uttering all manner of unsuitable things if one has not first acquired the necessary skill and experience. There is no reason to suppose this is not an area in which I will become proficient given time and practice, but, such are the dangers, I have decided it best, for the time being at least, not to attempt to discharge this duty in respect of Mr Farraday until I have practised further.

In any case, I am sorry to report that what the local people had themselves offered last night as a witticism of sorts — the prediction that I would not have a good night owing to disturbances from below — proved only too true. The landlord's wife did not actually shout, but one could hear her talking incessantly both late into the night as she and her husband went about their tasks, and again from very early this morning. I was quite prepared to forgive the couple, however, for it was clear they were of diligent hardworking habits, and the noise, I am sure, was all attributable to this fact. Besides, of course, there had been the matter of my unfortunate remark. I thus gave no indication of having had a disturbed night when I thanked the landlord and took my leave to explore the market town of Taunton.

Perhaps I might have done better to have lodged here in this establishment where I now sit enjoying a pleasant mid-morning cup of tea. For indeed, the

продумать все многообразие возможных последствий — с ним не приходится медлить, и человек, не имеющий в этом отношении нужных навыков и опыта, серьезно рискует ляпнуть что-нибудь неусветное. Сказанное не дает оснований считать, будто я не могу — при наличии времени и практики — приобрести сноровку в этой области, однако, с учетом подстерегающих здесь опасностей, я почел за благо воздержаться, по крайней мере на ближайшее время, от исполнения этой обязанности по отношению к мистеру Фаррадею до тех пор, пока не потренируюсь как следует.

Во всяком случае, должен с сожалением констатировать: вчерашнее шутивное предсказание местных жителей, пообещавших, что шум снизу не даст мне спокойно выспаться, сбылось целиком и полностью. Крика как такового не было, но бесконечная болтовня хозяйки, стихшая только за полночь, когда они с хозяином завершили все свои дела, и возобновившаяся с раннего утра, так и лезла в уши. Я, впрочем, охотно извинил супругов — было ясно, что они усердные работяги, чем, думаю, и объяснялся весь этот гам. Разумеется, я не забывал и о неудачной остроте. Поэтому я скрыл от хозяина, что провел под его кровом беспокойную ночь, поблагодарил и отправился осматривать базарный городок Тонтон.

Возможно, мне лучше было бы заночевать здесь, в заведении, где я сейчас сижу и смакую утреннюю чашечку вкусного чая. Ведь объявление снаружи

notice outside advertises not only ‘teas, snacks and cakes’, but also ‘clean, quiet, comfortable rooms’. It is situated on the high street of Taunton, very close to the market square, a somewhat sunken building, its exterior characterized by heavy dark timber beams. I am at present sitting in its spacious tea-room, oak-panelled, with enough tables to accommodate, I would guess, two dozen people without a feeling of crowding. Two cheery young girls serve from behind a counter displaying a good selection of cakes and pastries. All in all, this is an excellent place to partake of morning tea, but surprisingly few of the inhabitants of Taunton seem to wish to avail themselves of it. At present, my only companions are two elderly ladies, sitting abreast one another at a table along the opposite wall, and a man — perhaps a retired farmer — at a table beside one of the large bay Windows. I am unable to discern him clearly because the bright morning sunlight has for the moment reduced him to a silhouette. But I can see him studying his newspaper, breaking off regularly to look up at the passers-by on the pavement outside. From the way he does this, I had thought at first that he was waiting for a companion, but it would seem he wishes merely to greet acquaintances as they pass by.

I am myself ensconced almost at the back wall, but even across the distance of this room, I can see clearly out into the sunlit street, and am able to make out on the pavement opposite a signpost

обещает не только «чай, закуски, пирожные», но и «чистые, спокойные, удобные комнаты». Заведение расположено на главной улице Тонтона, в двух шагах от рыночной площади, и представляет собой немного осевший дом с массивными наружными балками темного дерева. В настоящую минуту я нахожусь в чайной комнате этой гостиницы, просторном, обшитом дубом помещении с достаточным, по моей прикидке, количеством столиков, чтобы без тесноты рассадить две дюжины человек. Две бодрые молодые девушки обслуживают посетителей за прилавком, на котором выставлен изрядный выбор кондитерских изделий. В общем и целом весьма подходящее место, чтобы выпить чашечку чая, однако на удивление мало жителей Тонтона, судя по всему, спешат воспользоваться этой возможностью. Не считая меня, сейчас тут всего трое посетителей — две пожилые дамы, сидящие рядышком за столиком у противоположной стены, и мужчина, по виду ушедший на покой фермер, за столиком у одного из больших «фонарей». Разглядеть я его сейчас не могу — яркое утреннее солнце превратило его в силуэт, — но вижу, что он читает газету, время от времени поднимая голову и бросая взгляд на прохожих за окном. По тому, как он это делает, я решил было, что он кого-то ждет, но, видимо, он всего лишь здороваётся со знакомыми, проходящими мимо.

Сам я устроился почти у самой задней стены, но даже отсюда, через всю чайную комнату, ясно вижу залитую солнцем улицу и на противоположной стороне мостовой — указательный столб

pointing out several nearby destinations. One of these destinations is the village of Mursden. Perhaps 'Mursden' will ring a bell for you, as it did for me upon my first spotting it on the road atlas yesterday. In fact, I must say I was even tempted to make a slight detour from my planned route just to see the village. Mursden, Somerset, was where the firm of Giffen and Co. was once situated, and it was to Mursden one was required to dispatch one's order for a supply of Giffen's dark candles of polish, 'to be flaked, mixed into wax and applied by hand'. For some time, Giffen's was undoubtedly the finest silver polish available, and it was only the appearance of new chemical substances on the market shortly before the war that caused demand for this impressive product to decline.

As I remember, Giffen's appeared at the beginning of the twenties, and I am sure I am not alone in closely associating its emergence with that change of mood within our profession — that change which came to push the polishing of silver to the position of central importance it still by and large maintains today. This shift was, I believe, like so many other major shifts around this period, a generational matter; it was during these years that our generation of butlers 'came of age', and figures like Mr Marshall, in particular, played a crucial part in making silver-polishing so central. This is not to suggest, of course, that the polishing of silver — particularly those items that would appear at table — was not always regarded a serious duty. But it would not be

со стрелками, отсылающими к соседним населенным пунктам. Одна из них указывает дорогу к деревне Марсден. Возможно, название «Марсден» вам кое-что подскажет, как подсказало мне, когда я вчера увидел его на дорожной карте. Признаюсь, у меня даже возникло искушение несколько отклониться от намеченного маршрута, чтобы заглянуть в эту деревню. В Марсдене, графство Сомерсет, в свое время располагалась фирма «Гиффен и К°», и в Марсден же надлежало направлять оптовые заказы на черные полировальные свечи Гиффена — «настрогать, смешать с воском и носить вручную». Когда-то полироль Гиффена была, несомненно, лучшим средством для чистки серебра, и только появление на рынке в канун войны новых химических составов снизило спрос на этот первоклассный продукт.

Насколько я помню, фирма «Гиффен и К°» возникла в начале двадцатых годов, и, уверен, не я один непосредственно связываю ее появление с новыми веяниями в нашей профессии — веяниями, в результате которых чистка столового серебра вышла на первое место; его оно, в общем, занимает и поныне. Этот сдвиг, как, думаю, и многие другие, в те годы происходившие, был связан со сменой поколений. Именно тогда «достигло совершеннолетия» наше поколение дворецких, и такие фигуры, как мистер Маршалл, и он в особенности, сыграли важнейшую роль в выдвигании чистки столового серебра на передний план. Это отнюдь не значит, будто чистка серебра, в первую очередь столового, прежде считалась не очень серьезной обязан-

unfair to suggest that many butlers of, say, my father's generation did not consider the matter such a key one, and this is evidenced by the fact that in those days, the butler of a household rarely supervised the polishing of silver directly, being content to leave it to, say, the under-butler's whims, carrying out inspections only intermittently. It was Mr Marshall, it is generally agreed, who was the first to recognize the full significance of silver — namely, that no other objects in the house were likely to come under such intimate scrutiny from outsiders as was silver during a meal, and as such, it served as a public index of a house's standards. And Mr Marshall it was who first caused stupefaction amongst ladies and gentlemen visiting Charleville House with displays of silver polished to previously unimagined standards. Very soon, naturally, butlers up and down the country, under pressure from their employers, were focusing their minds on the question of silver-polishing. There quickly sprang up, I recall, various butlers, each claiming to have discovered methods by which they could surpass Mr Marshall — methods they made a great show of keeping secret, as though they were French chefs guarding their recipes. But I am confident — as I was then — that the sorts of elaborate and mysterious processes performed by someone like Mr Jack Neighbours had little or no discernible effect on the end result. As far as I was concerned, it was a simple enough matter: one used good polish, and one supervised closely. Giffen's was the polish ordered by all discerning butlers of the time, and if this product was used correctly, one

ностью. Однако я не погрешу против истины, заметив, что многие дворецкие, скажем, из поколения отца, не придавали сему вопросу ключевого значения, и это подтверждает тот факт, что тогда дворецкий редко надзирал за чисткой серебра самолично, охотно оставляя это дело на усмотрение, допустим, своего помощника, сам же лишь время от времени устраивал проверку. По общему мнению, не кто иной, как мистер Маршалл, первый осознал все значение столового серебра, а именно: ничто в доме не способно привлечь к себе пытливого взгляда посторонних лиц в такой степени, как выложенные на стол приборы, и в этом своем качестве столовое серебро служит общепризнанным мериллом принятых в доме критериев. И не кто иной, как мистер Маршалл, впервые заставил дам и джентльменов, гостей Чарлевиль-хауса, оцепенеть от восторга, продемонстрировав серебро, начищенное до немыслимого ранее блеска. Вскоре, естественно, по всей стране дворецкие по требованию хозяев сосредоточились на чистке столового серебра. Вспоминаю, как дворецкие один за другим похвалялись, будто изобрели методики чистки, оставляющие мистера Маршалла далеко позади, — методики, вокруг которых они устраивали много шума, пряча их от чужих глаз, словно французские кулинары — свои рецепты. Но я и сейчас, и тогда был уверен, что разного рода сложные таинственные манипуляции, каковые практиковались дворецкими типа мистера Джека Нейборса, заметного результата вообще не давали, а если и давали, то самый ничтожный. Что

had no fear of one's silver being second best to anybody's.

I am glad to be able to recall numerous occasions when the silver at Darlington Hall had a pleasing impact upon observers. For instance, I recall Lady Astor remarking, not without a certain bitterness, that our silver 'was probably unrivalled'. I recall also watching Mr George Bernard Shaw, the renowned playwright, at dinner one evening, examining closely the dessert spoon before him, holding it up to the light and comparing its surface to that of a nearby platter, quite oblivious to the company around him. But perhaps the instance I recall with most satisfaction today concerns the night that a certain distinguished personage — a cabinet minister, shortly afterwards to become foreign secretary — paid a very 'off the record' visit to the house. In fact, now that the subsequent fruits of those visits have become well documented, there seems little reason not to reveal that I am talking of Lord Halifax.

As things turned out, that particular visit was simply the first of a whole series of such 'unofficial' meetings between Lord Halifax and the German Ambassador of that time, Herr Ribbentrop. But on that first night, Lord Halifax had arrived in a mood of great wariness; virtually his first words on being shown in were:

до меня, то я решил проблему довольно просто: хороший состав и неусыпный надзор. В то время все понимающие толк в своем деле дворецкие закладывали состав у Гиффена, и если этим составом правильно пользоваться, можно было не опасаться, что ваше серебро в чем-то уступит чужому.

С удовольствием вспоминаю многие случаи, когда серебро Дарлингтон-холла производило на гостей самое благоприятное впечатление. Так, помнится, леди Астор не без некоторой горечи отметила, что наше серебро, «вероятно, не имеет себе равных». Помню и то, как мистер Джордж Бернارد Шоу, знаменитый драматург, однажды вечером за обедом принялся, не обращая внимания на соседей по столу, разглядывать десертную ложку из своего прибора, подняв ее к свету и сравнивая ее поверхность с поверхностью стоящего рядом блюда. Но, может быть, с наибольшим удовлетворением я вспоминаю сегодня тот вечер, когда некое значительное лицо — министр кабинета, вскоре ставший министром иностранных дел, — нанесло в Дарлингтон-холл весьма неофициальный визит. Впрочем, теперь, когда результаты всех этих посещений нашли отражение в многочисленных документах, не вижу особых причин скрывать его имя. Это был лорд Галифакс.

Как выяснилось впоследствии, тогдашний визит был просто первым в цепочке таких неофициальных встреч между лордом Галифаксом и германским послом в те годы, герром Риббентропом. Но в тот, первый, раз лорд Галифакс приехал чрезвычайно настороженный; фактически первыми его словами при виде хозяина дома были:

‘Really, Darlington, I don’t know what you’ve put me up to here. I know I shall be sorry.’

Herr Ribbentrop not being expected for a further hour or so, his lordship had suggested to his guest a tour of Darlington Hall — a strategy which had helped many a nervous visitor to relax. However, as I went about my business, all I could hear for some time was Lord Halifax, in various parts of the building, continuing to express his doubts about the evening ahead, and Lord Darlington trying in vain to reassure him. But then at one point I overheard Lord Halifax exclaiming:

‘My goodness, Darlington, the silver in this house is a delight.’

I was of course very pleased to hear this at the time, but what was for me the truly satisfying corollary to this episode came two or three days later, when Lord Darlington remarked to me:

‘By the way, Stevens, Lord Halifax was jolly impressed with the silver the other night. Put him into a quite different frame of mind altogether.’

These were — I recollect it clearly — his lordship’s actual words and so it is not simply my fantasy that the state of the silver had made a small, but significant contribution towards the easing of relations between Lord Halifax and Herr Ribbentrop that evening.

It is probably apt at this point to say a few words concerning Herr Ribbentrop. It is, of course, gener-

— Ей-богу, Дарлингтон, не знаю, зачем вы меня сюда вытащили. Знаю только, что потом буду жалеть.

Поскольку герр Риббентроп ожидался еще через час, его светлость предложил провести гостя по дому — процедура, которая не раз помогала нервничающим посетителям обрести равновесие. Однако до моего слуха, когда я ходил туда и сюда по своим делам, если что и доносилось из разных частей дома, так лишь одни сетования лорда Галифакса в связи с предстоящей встречей и тщетные разуверения лорда Дарлингтона. Потом я услышал, как лорд Галифакс воскликнул:

— Силы небесные, Дарлингтон, серебро у вас — чистый восторг!

Разумеется, мне и тогда было очень приятно это услышать, однако подлинное удовлетворение мне принесло воспоследовавшее два-три дня спустя замечание лорда Дарлингтона:

— Кстати, Стивенс, наше серебро произвело на лорда Галифакса весьма недурное впечатление. Настроение у него сразу улучшилось.

Именно с этими словами — они до сих пор звучат у меня в ушах — обратился ко мне тогда его светлость; поэтому я полагаю, что состояние столового серебра сыграло тем вечером свою незаметную, но важную роль в смягчении отношений между лордом Галифаксом и герром Риббентропом, и это едва ли всего лишь плод моего воображения.

Здесь, вероятно, не мешает сказать несколько слов о герре Риббентропе. Сегодня все, понятно,

ally accepted today that Herr Ribbentrop was a trickster: that it was Hitler's plan throughout those years to deceive England for as long as possible concerning his true intentions, and that Herr Ribbentrop's sole mission in our country was to orchestrate this deception. As I say, this is the commonly held view and I do not wish to differ with it here. It is, however, rather irksome to have to hear people talking today as though they were never for a moment taken in by Herr Ribbentrop — as though Lord Darlington was alone in believing Herr Ribbentrop an honourable gentleman and developing a working relationship with him. The truth is that Herr Ribbentrop was, throughout the thirties, a well-regarded figure, even a glamorous one, in the very best houses. Particularly around 1936 and 1937, I can recall all the talk in the servants' hall from visiting staff revolving around 'the German Ambassador', and it was clear from what was said that many of the most distinguished ladies and gentlemen in this country were quite enamoured of him. It is, as I say, irksome to have to hear the way these same people now talk of those times, and in particular, what some have said concerning his lordship. The great hypocrisy of these persons would be instantly obvious to you were you to see just a few of their own guest lists from those days; you would see then not only the extent to which Herr Ribbentrop dined at these same persons' tables, but that he often did so as guest of honour.

считают герра Риббентропа обманщиком; считают, что все эти годы Гитлер хотел как можно дольше держать Англию в заблуждении относительно своих истинных намерений и что у герра Риббентропа было в нашей стране единственное задание — организовать и направлять кампанию по обману общественного мнения. Как я сказал, такой точки зрения держатся все, и я не намерен предлагать здесь другую. Досадно тем не менее слышать, как иные рассуждают сегодня таким образом, словно они-то ни разу не попадались герру Риббентропу на удочку, словно никто, кроме лорда Дарлингтона, не принимал герра Риббентропа за благородного джентльмена и не вступал с ним в чисто рабочие отношения. Истина же заключается в том, что на протяжении тридцатых годов герра Риббентропа считали достойным и даже обаятельным человеком в самых лучших домах. Примерно в 1936—1937 годах, как мне помнится, все разговоры, что вели в лакейской приезжие слуги, вращались вокруг «господина немецкого посла», и из этих разговоров явствовало, что многие весьма видные дамы и джентльмены нашей страны были от него в полном восторге. И досадно становится, как я уже замечал, когда приходится слышать, что эти самые люди говорят теперь о том времени и, в особенности, что многие из них говорят о его светлости. Чудовищное лицемерие этих лиц предстало бы перед вами во всей наглядности, если б вы просмотрели два-три списка гостей, что эти лица сами составляли в те дни; вы бы тогда убедились: герр Риббентроп не просто постоян-

And then again, you will hear these same persons talking as though Lord Darlington did something unusual in receiving hospitality from the Nazis on the several trips he made to Germany during those years. I do not suppose they would speak quite so readily if, say, *The Times* were to publish even one of the guest lists of the banquets given by the Germans around the time of the Nuremberg Rally. The fact is, the most established, respected ladies and gentlemen in England were availing themselves of the hospitality of the German leaders, and I can vouch at first hand that the great majority of these persons were returning with nothing but praise and admiration for their hosts. Anyone who implies that Lord Darlington was liaising covertly with a known enemy is just conveniently forgetting the true climate of those times.

It needs to be said too what salacious nonsense it is to claim that Lord Darlington was anti-Semitic, or that he had close association with organizations like the British Union of Fascists. Such claims can only arise from complete ignorance of the sort of gentleman his lordship was. Lord Darlington came to abhor anti-Semitism; I heard him express his disgust on several separate occasions when confronted with anti-Semitic sentiments. And the allegation that his lordship never allowed Jewish people to enter the house or any Jewish staff to be employed is utterly

но приглашался к обеду в их собственные дома, но зачастую — в качестве почетного гостя.

Опять же слышишь, как эти самые лица рассуждают в таком духе, словно лорд Дарлингтон позволял себе нечто из ряда вон выходящее, когда пользовался гостеприимством нацистов во время нескольких своих поездок в Германию в те годы. Не уверен, что они стали бы так спешить с осуждением, опубликуй, скажем, «Таймс» список приглашенных хотя бы на один из банкетов, что немцы устраивали в период Нюрнбергского слета. На самом же деле гостеприимством немецких вождей пользовались наиболее влиятельные и уважаемые леди и джентльмены Англии, и я могу головой поручиться, что в подавляющем большинстве они по возвращении из Германии пели тем, кто их там принимал, одну хвалу и рассыпались в восторгах. Всякий, кто намекает, будто лорд Дарлингтон поддерживал тайные связи с заведомым врагом, всего лишь «забывает» ради собственного удобства о подлинной обстановке тех лет.

Необходимо также сказать и об утверждениях, касающихся антисемитизма лорда Дарлингтона и его тесных связей с организациями типа Британского союза фашистов, — это гнусные измышления, которые способно породить только полное незнание того, каким человеком был его светлость. Лорд Дарлингтон научился питать ненависть к антисемитизму; я лично слышал, как в ряде случаев он выказывал отвращение, сталкиваясь с антисемитскими настроениями. Заявления, будто его светлость евреев не пускал на порог или не брал

unfounded — except, perhaps, in respect to one very minor episode in the thirties which has been blown up out of all proportion. And as for the British Union of Fascists, I can only say that any talk linking his lordship to such people is quite ridiculous. Sir Oswald Mosley, the gentleman who led the ‘black-shirts’, was a visitor at Darlington Hall on, I would say, three occasions at the most, and these visits all took place during the early days of that organization before it had betrayed its true nature. Once the ugliness of the blackshirts’ movement became apparent — and let it be said his lordship was quicker than most in noticing it — Lord Darlington had no further association with such people.

In any case, such organizations were a complete irrelevance to the heart of political life in this country. Lord Darlington, you will understand, was the sort of gentleman who cared to occupy himself only with what was at the true centre of things, and the figures he gathered together in his efforts over those years were as far away from such unpleasant fringe groups as one could imagine. Not only were they eminently respectable, these were figures who held real influence in British life: politicians, diplomats, military men, clergy. Indeed, some of the personages were Jewish, and this fact alone should demonstrate how nonsensical is much of what has been said about his lordship.

еврейской прислуги, абсолютно голословны — за исключением, может быть, одного ничтожного случая, относящегося к тридцатым годам, который впоследствии был неимоверно раздут. Что касается Британского союза фашистов, могу сказать лишь одно: любые попытки связать его светлость с этими господами попросту смехотворны. Сэр Освальд Мосли, джентльмен, который возглавил «чернорубашечников», был в Дарлингтон-холле, я думаю, от силы три раза, и все три приезда имели место в самом начале деятельности этой организации, когда она еще не обнаружила своей истинной сути. Как только движение «чернорубашечников» проявилось во всей своей мерзости — на что, надобно заметить, его светлость обратил внимание раньше многих других, — лорд Дарлингтон сразу же прекратил связи с этими типами.

Во всяком случае, подобные организации никоим образом не определяли политической жизни в нашей стране. Лорд Дарлингтон, прошу вас понять, был из таких джентльменов, кто любит находиться в центре событий, и люди, которых он на протяжении тех лет объединил своими усилиями, невообразимо далеко отстояли от гнусных экстремистских группировок подобного толка. Это были не только в высшей степени достойные люди, но и по-настоящему влиятельные в британской жизни фигуры: политики, дипломаты, военные, духовенство. Более того, некоторые из них были евреями, что уже само по себе доказывает, насколько бессмысленны многие утверждения относительно его светлости.

But I drift. I was in fact discussing the silver, and how Lord Halifax had been suitably impressed on the evening of his meeting with Herr Ribbentrop at Darlington Hall. Let me make clear, I was not for a moment suggesting that what had initially threatened to be a disappointing evening for my employer had turned into a triumphant one solely on account of the silver. But then, as I indicated, Lord Darlington himself suggested that the silver might have been at least a small factor in the change in his guest's mood that evening, and it is perhaps not absurd to think back to such instances with a glow of satisfaction.

There are certain members of our profession who would have it that it ultimately makes little difference what sort of employer one serves; who believe that the sort of idealism prevalent amongst our generation — namely the notion that we butlers should aspire to serve those great gentlemen who further the cause of humanity — is just high-flown talk with no grounding in reality. It is of course noticeable that the individuals who express such scepticism invariably turn out to be the most mediocre of our profession — those who know they lack the ability to progress to any position of note and who aspire only to drag as many down to their own level as possible — and one is hardly tempted to take such opinions seriously. But for all that, it is still satisfying to be able to point to instances in one's career that highlight very clearly how wrong such people are. Of course, one seeks to provide a gener-

Впрочем, я отвлекся. Рассуждал-то я о столовом серебре и о том, какое впечатление оно произвело на лорда Галифакса в тот вечер, когда он встретился в Дарлингтон-холле с герром Риббентропом. Позвольте со всей определенностью заявить, что я ни в малейшей степени не намекаю, будто вечер, который поначалу не обещал оправдать надежды его светлости, завершился столь успешно только из-за столового серебра. Но с другой стороны, как я упоминал, лорд Дарлингтон сам высказался в том духе, что оно могло тогда сыграть свою скромную роль в перемене настроения гостя, так что, возможно, не столь уж нелепо вспоминать о таких случаях с чувством удовлетворения.

Отдельные представители нашей профессии считают в конечном итоге малосущественным, какому именно хозяину служить; по их мнению, распространенный в нашем поколении вид идеализма, то есть убеждение, что дворецкие должны стремиться служить тем великим людям, кто работает на благо человечества, — всего лишь высокопарная болтовня, далекая от реальной жизни. Примечательно, что лица, высказывающиеся в этом скептическом духе, неизменно оказываются самыми заурядными в профессиональном отношении; это те, кто понимает: им самим не дано дослужиться до видного положения, и поэтому они стремятся низвести других до своего уровня. Стало быть, едва ли возникнет желание принимать их взгляды всерьез. Однако же все равно приятно, когда можешь, опираясь на собственный опыт, привести примеры, ярко высвечивающие всю глу-

al, sustained service to one's employer, the value of which could never be reduced to a number of specific instances — such as that concerning Lord Halifax. But what I am saying is that it is these sorts of instances which over time come to symbolize an irrefutable fact; namely that one has had the privilege of practising one's profession at the very fulcrum of great affairs. And one has a right, perhaps, to feel a satisfaction those content to serve mediocre employers will never know — the satisfaction of being able to say with some reason that one's efforts, in however modest a way, comprise a contribution to the course of history.

But perhaps one should not be looking back to the past so much. After all, I still have before me many more years of service I am required to give. And not only is Mr Farraday a most excellent employer, he is an American gentleman to whom, surely, one has a special duty to show all that is best about service in England. It is essential, then, to keep one's attention focused on the present; to guard against any complacency creeping in on account of what one may have achieved in the past. For it has to be admitted, over these last few months, things have not been all they might at Darlington Hall. A number of small errors have surfaced of late, including that incident last April relating to the silver. Most fortunately, it was not an occasion on which Mr Farraday had

бину их заблуждения. Разумеется, хозяину стремишься исправно служить все время, и ценность такой службы не может быть сведена к веренице конкретных случаев вроде имевшего место в связи с лордом Галифаксом. Но я хочу сказать, что именно подобные случаи со временем начинают неопровержимо свидетельствовать о том, что дворецкому выпала честь исполнять свои профессиональные обязанности там, где вершились великие дела. И тогда, как мне кажется, можно испытывать законное удовлетворение, недоступное тем, кто согласен служить заурядным хозяевам, — удовлетворение от того, что можешь с известным правом сказать: твои труды явились пусть весьма скромным, но все же вкладом в движение исторического процесса.

Впрочем, не нужно так часто предаваться воспоминаниям. В конце концов, впереди еще многие годы службы. Мистер Фаррадей не только превосходный хозяин, он еще и американский джентльмен, в отношении которого, конечно же, у меня особая обязанность — продемонстрировать все лучшее, на что способен английский слуга. Поэтому так важно сосредоточиться на настоящем и не допускать никаких проявлений самодовольства по поводу достигнутых в прошлом успехов. Ибо приходится признать, что последние месяцы дела в Дарлингтон-холле шли не совсем так, как могли бы идти. Совсем недавно вскрылись кое-какие мелкие погрешности, включая инцидент с серебром в апреле месяце. К великому счастью,

guests, but even so, it was a moment of genuine embarrassment to me.

It had occurred at breakfast one morning, and for his part, Mr Farraday — either through kindness, or because being an American he failed to recognize the extent of the shortcoming — did not utter one word of complaint to me throughout the whole episode. He had, upon seating himself, simply picked up the fork, examined it for a brief second, touching the prongs with a fingertip, then turned his attention to the morning headlines. The whole gesture had been carried out in an absent-minded sort of way, but of course, I had spotted the occurrence and had advanced swiftly to remove the offending item. I may in fact have done so a little too swiftly on account of my disturbance, for Mr Farraday gave a small start, muttering:

‘Ah, Stevens.’

I had continued to proceed swiftly out of the room, returning without undue delay bearing a satisfactory fork. As I advanced again upon the table — and a Mr Farraday now apparently absorbed in his newspaper — it occurred to me I might slip the fork on to the tablecloth quietly without disturbing my employer’s reading. However, the possibility had already occurred to me that Mr Farraday was simply feigning indifference in order to minimize my embarrassment, and such a surreptitious delivery could be interpreted as complacency on my part towards my error — or worse, an attempt to cover it up. This was why, then, I decided it appropriate to

у мистера Фаррадея в тот раз никто не гостил, но мне все равно пришлось пережить несколько по-настоящему неприятных минут.

Случилось это как-то утром за завтраком, и мистер Фаррадей — то ли по доброте душевной, то ли потому, что, будучи американцем, не сумел осознать масштаб упущения, — ни единым словом не выразил своего недовольства. Усевшись за стол, он всего-навсего взял в руку вилку, повертел, посмотрел, потрогал пальцем зубья и снова уткнулся в утреннюю газету. Все это он проделал как-то рассеянно, но я, понятно, успел углядеть и был тут как тут, чтобы убрать злополучный предмет сервировки. Быть может, я, находясь в сильном волнении, подскочил к столу слишком поспешно, потому что мистер Фаррадей слегка вздрогнул и пробормотал:

— А, Стивенс.

Я столь же поспешно вышел из комнаты и не мешкая вернулся с приемлемой вилкой. Приблизившись к столу — а мистер Фаррадей, казалось, ушел с головой в газету, — я подумал, что можно было бы тихо и незаметно положить вилку на скатерть, дабы не отвлекать хозяина от чтения. Мне, однако, уже приходило в голову, что мистер Фаррадей только прикидывается безразличным, чтобы не смущать меня, а потому возвращение вилки украдкой может быть истолковано как попытка с моей стороны приуменьшить или, что еще хуже, покрыть упущение. Вот почему я счел уместным демонстративно положить новую вилку

put the fork down on to the table with a certain emphasis, causing my employer to start a second time, look up and mutter again:

‘Ah, Stevens.’

Errors such as these which have occurred over the last few months have been, naturally enough, injurious to one’s self-respect, but then there is no reason to believe them to be the signs of anything more sinister than a staff shortage. Not that a staff shortage is not significant in itself; but if Miss Kenton were indeed to return to Darlington Hall, such little slips, I am sure, would become a thing of the past. Of course, one has to remember there is nothing stated specifically in Miss Kenton’s letter — which, incidentally, I reread last night up in my room before putting out the light — to indicate unambiguously her desire to return to her former position. In fact, one has to accept the distinct possibility that one may have previously — perhaps through wishful thinking of a professional kind — exaggerated what evidence there was regarding such a desire on her part. For I must say I was a little surprised last night at how difficult it was actually to point to any passage which clearly demonstrated her wish to return.

But then again, it seems hardly worthwhile to speculate greatly on such matters now when one knows one will, in all likelihood, be talking face to face with Miss Kenton within forty-eight hours. Still, I must say, I did spend some long minutes turning those passages over in my mind last night as

на стол, так что хозяин опять вздрогнул, поднял глаза от газеты и пробормотал:

— А, Стивенс.

Подобные упущения, случавшиеся на протяжении нескольких последних месяцев, болезненно били по самолюбию, что вполне естественно, однако нет никаких оснований считать их следствием чего-то более серьезного, чем нехватка прислуги. Нехватка прислуги — само по себе дело, конечно, нешуточное, но если бы мисс Кентон и в самом деле вернулась в Дарлингтон-холл, то такие мелкие погрешности, уверен, сразу бы отошли в прошлое. Разумеется, не следует забывать о том, что в письме мисс Кентон — я как раз перечитывал его вчера вечером у себя в номере перед сном — нет точных формулировок, которые бы недвусмысленно говорили о ее желании вернуться на старое место. Больше того, вполне вероятно, что при первом прочтении — возможно, по чисто профессиональной привычке принимать желаемое за действительное — я преувеличил намеки на такое желание с ее стороны, если они вообще содержались в письме. Вчера вечером, должен признаться, я был несколько обескуражен тем, что в ее письме фактически нигде впрямую не говорится о желании вернуться.

Но опять же вряд ли имеет смысл ломать голову над этой проблемой, когда знаешь, что через двое суток сможешь, по всей вероятности, лично поговорить с мисс Кентон. И все же, должен сказать, я снова и снова мысленно возвращался к соответствующим местам письма прошлой ночью,

I lay there in the darkness, listening to the sounds from below of the landlord and his wife clearing up for the night.

Day three • evening
Moscombe, near Tavistock, Devon

I feel I should perhaps return a moment to the question of his lordship's attitude to Jewish persons, since this whole issue of anti-Semitism, I realize, has become a rather sensitive one these days. In particular, let me clear up this matter of a supposed bar against Jewish persons on the staff at Darlington Hall. Since this allegation falls very directly into my own realm, I am able to refute it with absolute authority. There were many Jewish persons on my staff throughout all my years with his lordship, and let me say furthermore that they were never treated in any way differently on account of their race. One really cannot guess the reason for these absurd allegations — unless, quite ludicrously, they originate from that brief, entirely insignificant few weeks in the early thirties when Mrs Carolyn Barnet came to wield an unusual influence over his lordship.

Mrs Barnet, the widow of Mr Charles Barnet, was at that point in her forties — a very handsome,

когда лежал в темноте, прислушиваясь, как хозяйин с хозяйкой наводят внизу порядок перед отходом ко сну.

День третий — вечер

МОСКОМ, БЛИЗ ТАВИСТОКА, ДЕВОН

Стоит, пожалуй, на минутку вернуться к вопросу об отношении его светлости к лицам еврейской национальности, поскольку, как я понимаю, проблема антисемитизма приобрела в наши дни довольно острый характер. В частности, позволю себе разъяснить, как в действительности обстояло дело с будто бы существовавшим запретом нанимать евреев на службу в Дарлингтон-холл. Поскольку подобные домыслы имеют непосредственное отношение к сфере моей деятельности, я способен их опровергнуть с фактами в руках. На протяжении долгих лет службы у его светлости в моем подчинении перебивало много слуг еврейской национальности, причем, позвольте заметить, их никто никогда и никоим образом не третировал из-за расовой принадлежности. Невозможно понять, откуда взялись эти нелепые обвинения, разве что — смешно сказать — начало им положил тот короткий и совершенно несущественный период в начале тридцатых годов, когда его светлость несколько недель находился под необыкновенно сильным влиянием миссис Кэролин Барнет.

Миссис Барнет, вдове мистера Чарльза Барнета, было тогда за сорок; это была очень красивая,

some might say glamorous lady. She had a reputation for being formidably intelligent, and in those days one often tended to hear of how she had humiliated this or that learned gentleman at dinner over some important contemporary issue. For much of the summer of 1932, she was a regular presence at Darlington Hall, she and his lordship often spending hour after hour deep in conversation, typically of a social or political nature. And it was Mrs Barnet, as I recall, who took his lordship on those 'guided inspections' of the poorest areas of London's East End, during which his lordship visited the actual homes of many of the families suffering the desperate plight of those years. That is to say, Mrs Barnet, in all likelihood, made some sort of contribution to Lord Darlington's developing concern for the poor of our country and as such, her influence cannot be said to have been entirely negative. But she was too, of course, a member of Sir Oswald Mosley's 'black-shirts' organization, and the very little contact his lordship ever had with Sir Oswald occurred during those few weeks of that summer. And it was during those same weeks that those entirely untypical incidents took place at Darlington Hall which must, one supposes, have provided what flimsy basis exists for these absurd allegations.

I call them 'incidents' but some of these were extremely minor. For instance, I recall overhearing at dinner one evening, when a particular newspaper had been mentioned, his lordship remarking: 'Oh, you mean that Jewish propaganda sheet.' And then

а по мнению многих, и пленительная дама. Она слыла жутко умной, и в те дни часто доводилось слышать о том, как за обедом она посрамила того или иного ученого джентльмена в споре на какую-нибудь важную современную тему. Летом 1932 года она постоянно гостила в Дарлингтон-холле и проводила долгие часы с его светлостью в беседах большей частью социально-политического характера. Помнится, именно она устраивала его светлости «инспекционные поездки» в беднейшие районы лондонского Ист-Энда, во время которых его светлость посещал дома, где множество семей влачило жалкое существование в страшных условиях тех лет. Другими словами, миссис Барнет, скорее всего, в известной мере способствовала усилению озабоченности лорда Дарлингтона отчаянным положением бедных в нашей стране, и с этой точки зрения ее влияние нельзя считать целиком отрицательным. Но с другой стороны, она состояла в организации «чернорубашечников» сэра Освальда Мосли, и весьма непродолжительные контакты его светлости с сэром Освальдом имели место как раз в упомянутые несколько летних недель. Тогда же в Дарлингтон-холле случились и те в высшей степени нетипичные происшествия, каковые, видимо, и послужили шатким основанием для нелепых обвинений в антисемитизме.

Я называю их происшествиями, хотя некоторые из них не заслуживают даже упоминания. Например, однажды вечером во время обеда зашел разговор о какой-то газете, и я, помнится, услышал, как его светлость заметил: «А, вы имеете в виду этот

on another occasion around that time, I remember his instructing me to cease giving donations to a particular local charity which regularly came to the door on the grounds that the management committee was 'more or less homogeneously Jewish'. I have remembered these remarks because they truly surprised me at the time, his lordship never previously having shown any antagonism whatsoever towards the Jewish race.

Then, of course, came that afternoon his lordship called me into his study. Initially, he made rather general conversation, inquiring if all was well around the house and so on. Then he said:

'I've been doing a great deal of thinking, Stevens. A great deal of thinking. And I've reached my conclusion. We cannot have Jews on the staff here at Darlington Hall.'

'Sir?'

'It's for the good of this house, Stevens. In the interests of the guests we have staying here. I've looked into this carefully, Stevens, and I'm letting you know my conclusion.'

'Very well, sir.'

'Tell me, Stevens, we have a few on the staff at the moment, don't we? Jews, I mean.'

'I believe two of the present staff members would fall into that category, sir.'

'Ah.' His lordship paused for a moment, staring out of his window. 'Of course, you'll have to let them go.'

пропагандистский еврейский листок». В другой раз, но тоже об эту пору, он дал мне распоряжение прекратить пожертвования одной местной благотворительной организации, которая регулярно обращалась за помощью, сказав, что в ее руководстве «более или менее сплошные евреи». Эти замечания запали мне в память, потому что и в самом деле сильно меня тогда удивили: до тех пор его светлость ни разу не выказывал ни малейшей неприязни к лицам еврейской национальности.

Ну а потом, конечно, наступил день, когда его светлость вызвал меня к себе в кабинет. Вначале он повел разговор на общие темы, спросив, все ли в доме в порядке и тому подобное. Затем произнес:

— Я тут подумал как следует, Стивенс. Подумал как следует. И пришел к определенному выводу. Здесь, в Дарлингтон-холле, мы не можем держать на службе евреев.

— Сэр?

— Для пользы дома, Стивенс. В интересах тех, кто приезжает к нам погостить. Я все тщательно взвесил, Стивенс, и ставлю вас об этом в известность.

— Да, сэр.

— Скажите-ка, Стивенс, у нас ведь сейчас есть несколько человек среди прислуги? Евреев, понятно.

— Полагаю, что двое из нынешнего персонала подпадают под эту категорию, сэр.

— Ага. — Его светлость помолчал, глядя в окно. — Разумеется, вам придется их рассчитать.

‘I beg your pardon, sir?’

‘It’s regrettable, Stevens, but we have no choice. There’s the safety and well-being of my guests to consider. Let me assure you, I’ve looked into this matter and thought it through thoroughly. It’s in all our best interests.’

The two staff members concerned were, in fact, both housemaids. It would hardly have been proper, then, to have taken any action without first informing Miss Kenton of the situation, and I resolved to do just this that same evening when I met her for cocoa in her parlour. I should perhaps say a few words here concerning these meetings in her parlour at the end of each day. These were, let me say, overwhelmingly professional in tone — though naturally we might discuss some informal topics from time to time. Our reason for instituting such meetings was simple: we had found that our respective lives were often so busy, several days could go by without our having an opportunity to exchange even the most basic of information. Such a situation, we recognized, seriously jeopardized the smooth running of operations, and to spend fifteen minutes or so together at the end of the day in the privacy of Miss Kenton’s parlour was the most straightforward remedy. I must reiterate, these meetings were predominantly professional in character; that is to say, for instance, we might talk over the plans for a forthcoming event, or else discuss how a new recruit was settling in.

— Прошу прощения, сэръ?

— Как ни печально, Стивенс, но выбора у нас нет. Следует подумать о безопасности и благополучии моих гостей. Смее уверить, что я все взвесил и тщательно обдумал. Это в наших общих жизненных интересах.

Двое из персонала, о которых шла речь, в действительности были две горничные. Приступать к действиям, не поставив мисс Кентон в известность о сложившемся положении, было бы неподобающе с моей стороны. Я решил сделать это в тот вечер за чашкой какао у нее в гостиной. Здесь, вероятно, следует сказать несколько слов об этих наших ежевечерних встречах в гостиной у мисс Кентон. Они, позволю заметить, в подавляющем большинстве были посвящены сугубо рабочим вопросам, хотя время от времени мы, естественно, могли поговорить и на неофициальные темы. Вводя практику таких встреч, мы исходили из элементарных соображений: как показала жизнь, мы были настолько заняты каждый, что, случалось, по нескольку дней друг друга не видели и не имели возможности обменяться даже наиболее существенной информацией. Мы осознали, что подобное положение чревато серьезной опасностью для налаженного управления домашним хозяйством, и решили, что простейший выход из затруднения — встречаться в конце каждого рабочего дня на четверть часа в гостиной у мисс Кентон, чтобы спокойно поговорить с глазу на глаз. Должен еще раз подчеркнуть — эти встречи носили по преимуществу чисто рабочий характер; мы, к примеру,

In any case, to return to my thread, you will appreciate I was not unperturbed at the prospect of telling Miss Kenton I was about to dismiss two of her maids. Indeed, the maids had been perfectly satisfactory employees and — I may as well say this since the Jewish issue has become so sensitive of late — my every instinct opposed the idea of their dismissal. Nevertheless, my duty in this instance was quite clear, and as I saw it, there was nothing to be gained at all in irresponsibly displaying such personal doubts. It was a difficult task, but as such, one that demanded to be carried out with dignity. And so it was that when I finally raised the matter towards the end of our conversation that evening, I did so in as concise and businesslike a way as possible, concluding with the words:

‘I will speak to the two employees in my pantry tomorrow morning at ten thirty. I would be grateful then, Miss Kenton, if you would send them along. I leave it entirely to yourself whether or not you inform them beforehand as to the nature of what I am going to say to them.’

At this point, Miss Kenton seemed to have nothing to say in response. So I continued:

‘Well, Miss Kenton, thank you for the cocoa. It’s high time I was turning in. Another busy day tomorrow.’

согласовывали наши планы в связи с каким-нибудь предстоящим событием или обсуждали, как обвыкает новая прислуга.

Во всяком случае, возвращаясь к прерванному рассказу, замечу: как вы понимаете, необходимость сообщить мисс Кентон о том, что я собираюсь расчитать двух ее девушек, отнюдь не приводила меня в восторг. К тому же обе горничные не вызывали решительно никаких нареканий, и — заодно уж скажу и об этом, раз еврейский вопрос приобрел в последнее время столь острый характер, — все во мне противилось мысли об их увольнении. Тем не менее мой долг в данном случае был совершенно ясен, и, как я понимал, я бы ровным счетом ничего не добился, безответственно выказав личное свое осуждение. Задача была трудная, и в силу этого ее надлежало исполнить с достоинством. Вот почему я, подняв в тот вечер под занавес эту тему, ограничился по возможности сухим и сжатым ее изложением и закончил словами:

— Я сам поговорю со служанками у себя в буфетной завтра утром в половине одиннадцатого. Буду вам очень обязан, мисс Кентон, если вы их пришлете. А поставить ли их заблаговременно в известность, о чем пойдет разговор, — это я оставляю целиком на ваше усмотрение.

В эту минуту у мисс Кентон, похоже, не нашлось что ответить, поэтому я продолжал:

— Что ж, мисс Кентон, благодарю за какао. Пора бы мне уже и откланяться. Завтра еще один трудный день.

It was then that Miss Kenton said:

‘Mr Stevens, I cannot quite believe my ears. Ruth and Sarah have been members of my staff for over six years now. I trust them absolutely and indeed they trust me. They have served this house excellently.’

‘I am sure that is so, Miss Kenton. However, we must not allow sentiment to creep into our judgement. Now really, I must bid you good night...’

‘Mr Stevens, I am outraged that you can sit there and utter what you have just done as though you were discussing orders for the larder. I simply cannot believe it. You are saying Ruth and Sarah are to be dismissed on the grounds that they are Jewish?’

‘Miss Kenton, I have just this moment explained the situation to you fully. His lordship has made his decision and there is nothing for you and I to debate over.’

‘Does it not occur to you, Mr Stevens, that to dismiss Ruth and Sarah on these grounds would be simply — wrong? I will not stand for such things. I will not work in a house in which such things can occur.’

‘Miss Kenton, I will ask you not to excite yourself and to conduct yourself in a manner befitting your position. This is a very straightforward matter. If his lordship wishes these particular contracts to be discontinued, then there is little more to be said.’

‘I am warning you, Mr Stevens, I will not continue to work in such a house. If my girls are dismissed, I will leave also.’

Вот тут мисс Кентон и сказала:

— Мистер Стивенс, я не верю собственным ушам. Руфь и Сара состоят у меня в штате вот уже шесть с лишним лет. Я полностью им доверяю, как и они мне. До сих пор они отлично справлялись со своими обязанностями в этом доме.

— Не сомневаюсь, мисс Кентон. Однако нельзя позволять чувствам влиять на наши суждения. А сейчас я и вправду должен пожелать вам спокойной ночи...

— Мистер Стивенс, меня просто бесит, что вы способны сидеть здесь и говорить то, что сказали, с таким видом, словно речь идет о заказе для кладовой. Я отказываюсь этому верить. Значит, по вашему, Руфи и Саре следует дать расчет, потому что они еврейки?

— Мисс Кентон, я ведь только что подробно вам все объяснил. Это решение его светлости, так что нам с вами тут нечего обсуждать.

— А вам не приходит в голову, мистер Стивенс, что увольнять Руфь и Сару на таком основании было бы просто... дурно? Я не желаю с этим мириться. Я не останусь в доме, где происходят подобные вещи.

— Мисс Кентон, прошу вас, сохраняйте спокойствие и ведите себя, как подобает в вашем положении. Все предельно просто. Раз его светлость требует, чтобы именно эти контракты были расторгнуты, о чем тут еще говорить!

— Предупреждаю вас, мистер Стивенс, я в таком доме служить не останусь. Если уволят моих девочек, я тоже уйду.

‘Miss Kenton, I am surprised to find you reacting in this manner. Surely I don’t have to remind you that our professional duty is not to our own foibles and sentiments, but to the wishes of our employer.’

‘I am telling you, Mr Stevens, if you dismiss my girls tomorrow, it will be wrong, a sin as any sin ever was one, and I will not continue to work in such a house.’

‘Miss Kenton, let me suggest to you that you are hardly well placed to be passing judgements of such a high and mighty nature. The fact is, the world of today is a very complicated and treacherous place. There are many things you and I are simply not in a position to understand concerning, say, the nature of Jewry. Whereas his lordship, I might venture, is somewhat better placed to judge what is for the best. Now, Miss Kenton, I really must retire. I thank you again for the cocoa. Ten thirty tomorrow morning. Send the two employees concerned, please.’

It was evident from the moment the two maids stepped into my pantry the following morning that Miss Kenton had already spoken to them, for they both came in sobbing. I explained the situation to them as briefly as possible, underlining that their work had been satisfactory and that they would, accordingly, receive good references. As I recall, neither of them said anything of note throughout the whole interview, which lasted perhaps three or four minutes, and they left sobbing just as they had arrived.

— Мисс Кентон, меня поражает ваша реакция. Должен ли я напоминать вам, что наш служебный долг состоит не в потакании собственным настроениям и капризам, а в исполнении приказов хозяина?

— А я заявляю вам, мистер Стивенс, если завтра вы уволите моих девочек, это будет дурно, самый что ни на есть настоящий грех, и я в таком доме служить не останусь.

— Позвольте вам заметить, мисс Кентон, что по своему положению вы едва ли способны судить о столь высоких и великих материях. Дело в том, что современный мир очень сложен и ненадежен. Есть много такого, что просто выше нашего с вами разумения, скажем, природа еврейства, тогда как его светлости в его положении, рискну утверждать, несколько удобней судить, что к лучшему. А теперь, мисс Кентон, мне действительно пора уходить. Еще раз благодарю за какао. Итак, завтра в половине одиннадцатого. Пришлите, пожалуйста, обеих упомянутых служанок.

Едва горничные вошли ко мне в буфетную, как стало ясно, что мисс Кентон успела с ними поговорить, — они обе рыдали. Я в двух словах объяснил им происходящее, подчеркнув, что бывал неизменно удовлетворен их работой и, следовательно, они получают хорошие рекомендации. Насколько я помню, ни та, ни другая не сказали ничего примечательного за все время разговора, который продолжался минуты три-четыре, и вышли в слезах, как и вошли.

Miss Kenton was extremely cold towards me for some days following the dismissal of the employees. Indeed, at times she was quite rude to me, even in the presence of staff. And although we continued our habit of meeting for cocoa in the evening, the sessions tended to be brief and unfriendly. When there had been no sign of her behaviour abating after a fortnight or so, I think you will understand that I started to become a little impatient. I thus said to her during one of our cocoa sessions, in an ironic tone of voice:

‘Miss Kenton, I’d rather expected you to have handed in your notice by now,’ accompanying this with a light laugh.

I did, I suppose, hope that she might finally relent a little and make some conciliatory response or other, allowing us once and for all to put the whole episode behind us. Miss Kenton, however, simply looked at me sternly and said:

‘I still have every intention of handing in my notice, Mr Stevens. It is merely that I have been so busy, I have not had time to see to the matter.’

This did, I must admit, make me a little concerned for a time that she was serious about her threat. But then as week followed week, it became clear that there was no question of her leaving Darlington Hall, and as the atmosphere between us gradually thawed, I suppose I tended to tease her every now and again by reminding her of her threatened resignation. For instance, if we were discussing some future large occasion to be held at the house, I might put in:

Несколько дней после увольнения служанок мисс Кентон была со мной крайне нелюбезна. Больше того, временами она мне просто грубила, даже в присутствии слуг. И хотя мы продолжали наши ежевечерние встречи за чашкой какао, сами встречи становились все короче и тягостней. Когда по прошествии двух недель в ее поведении не обозначилось перемены к лучшему, я, как вы можете понять, начал терять терпение. Поэтому однажды, когда мы сидели за чашкой какао, я не сдержался.

— Мисс Кентон, а я-то думал, что к нынешнему дню вы уже подадите уведомление об уходе, — заметил я, придав голосу иронический оттенок и сопроводив сказанное легким смешком.

Я, вероятно, рассчитывал, что она в конце концов смягчится и скажет в ответ что-нибудь примирительное, тем самым дав нам возможность раз и навсегда забыть об этом неприятном случае. Однако мисс Кентон лишь угрюмо на меня посмотрела и ответила:

— Я по-прежнему намерена подать уведомление, мистер Стивенс. Просто навалилось столько дел, что руки не доходили.

Должен признаться, ее ответ на какое-то время посеял во мне опасения, что она не шутит и исполнит свою угрозу. Однако проходили недели, и стало ясно, что она не собирается покидать Дарлингтон-холл; наши отношения помаленьку оттаивали, но я, кажется, иной раз позволял себе поддразнить ее, напоминая об угрозе уйти. Например, когда мы обсуждали какое-нибудь большое мероприятие, имеющее произойти в доме, я мог ввернуть:

‘That is, Miss Kenton, assuming you are still with us at that stage.’

Even months after the event, such remarks still tended to make Miss Kenton go quiet — though by this stage, I fancy, this was due more to embarrassment than anger.

Eventually, of course, the matter came to be, by and large, forgotten. But I remember it coming up one last time well over a year after the dismissal of the two maids.

It was his lordship who initially revived the matter one afternoon when I was serving his tea in the drawing room. By then, Mrs Carolyn Barnef’s days of influence over his lordship were well over — indeed, the lady had ceased to be a visitor at Darlington Hall altogether. It is worth pointing out, furthermore, that his lordship had by that time severed all links with the ‘blackshirts’, having witnessed the true, ugly nature of that organization.

‘Oh, Stevens,’ he had said to me. ‘I’ve been meaning to say to you. About that business last year. About the Jewish maids. You recall the matter?’

‘Indeed, sir.’

‘I suppose there’s no way of tracing them now, is there? It was wrong what happened and one would like to recompense them somehow.’

‘I will certainly look into the matter, sir. But I am not at all certain it will be possible to ascertain their whereabouts at this stage.’

‘See what you can do. It was wrong, what occurred.’

— То есть понятно, мисс Кентон, если вы к тому времени все еще будете с нами.

Даже через много месяцев после этого происшествия подобные реплики заставляли мисс Кентон замолкать, хотя теперь, как мне кажется, не столько от гнева, сколько от смущения.

В конце концов, разумеется, об этом деле забыли. Но я помню, как оно всплыло через год с лишним после увольнения двух горничных.

Его светлость сам вспомнил о нем, когда я в один прекрасный день подавал ему чай в гостиную. Тогда влиянию миссис Кэролин Барнет на его светлость давно пришел конец, больше того, и сама эта дама совершенно перестала бывать в Дарлингтон-холле. Стоит также отметить и то, что его светлость к тому времени порвал все связи с «чернорубашечниками», узрев подлинную мерзкую сущность этой организации.

— Кстати, Стивенс, — заметил он. — Давно собирался вам сказать. Об этом прошлогоднем деле. О горничных-еврейках. Вы помните?

— Разумеется, сэр.

— Думаю, теперь их уже не найти, а? Дурно тогда вышло, хотелось бы как-то им компенсировать.

— Непременно наведу справки, сэр. Боюсь, однако, вам обещать, что удастся установить их местонахождение в настоящее время.

— Выясните, что можно сделать. Дурно тогда получилось.

I assumed this exchange with his lordship would be of some interest to Miss Kenton, and I decided it was only proper to mention it to her — even at the risk of getting her angry again. As it turned out, my doing so on that foggy afternoon I encountered her in the summerhouse produced curious results.

I recall a mist starting to set in as I crossed the lawn that afternoon. I was making my way up to the summerhouse for the purpose of clearing away the remains of his lordship's taking tea there with some guests a little while earlier. I can recall spotting from some distance — long before reaching the steps where my father had once fallen — Miss Kenton's figure moving about inside the summerhouse. When I entered she had seated herself on one of the wicker chairs scattered around its interior, evidently engaged in some needlework. On closer inspection, I saw she was performing repairs to a cushion. I went about gathering up the various items of crockery from amidst the plants and the cane furniture, and as I did so, I believe we exchanged a few pleasantries, perhaps discussed one or two professional matters. For the truth was, it was extremely refreshing to be out in the summerhouse after many continuous days in the main building and neither of us was inclined to hurry with our tasks. Indeed, although one could not see out far that day on account of the encroaching mist, and the daylight too was rapidly fading by this stage, obliging Miss Kenton to hold her needlework up to the last of it, I remember our often breaking off from our respective ac-

Полагая, что мисс Кентон будет небезынтересно узнать про этот разговор с его светлостью, я решил, справедливости ради, ей о нем сообщить — даже с риском снова разбудить ее гнев. Так я и сделал в тот туманный день, когда неожиданно застал ее в беседке, но, как показало дальнейшее, это привело к непредвиденным последствиям.

Помнится, когда я в тот день шел напрямик по лужайке, туман уже опускался. Я направлялся в беседку за посудой после чая, которым чуть раньше его светлость угощал там гостей. Вспоминаю, я еще издали — задолго до каменных ступеней, где когда-то свалился отец, — заметил мисс Кентон, которая сновала в беседке. Когда я вошел, она сидела в одном из плетеных кресел, расставленных здесь и там, и, очевидно, занималась шитьем. Приглядевшись, я увидел, что она штопает подушечку. Я принялся собирать чашки и блюда, оставленные среди горшков с зеленью и на плетеных сиденьях, и между делом, кажется, перебросился с ней парой шуток, а может быть, обсудил один-два рабочих вопроса. Откровенно говоря, было крайне приятно выбраться в беседку на свежий воздух после многих безвылазных дней в доме, и ни я, ни она не спешили закончить и уйти. И хотя наползающий туман скрадывал вид, а день быстро угасал, клонясь к вечеру, так что мисс Кентон приходилось подносить подушечку к самым глазам, мы, помнится, частенько отвлекались от своих дел и просто глядели на то, что открывалось взору. Я как раз смотрел на дальний край лужайки, где вокруг тополей вдоль проселка

tivities simply to gaze out at the views around us. In fact, I was looking out over the lawn to where the mist was thickening down around the poplar trees planted along the cart-track, when I finally introduced the topic of the previous year's dismissals. Perhaps a little predictably, I did so by saying:

'I was just thinking earlier, Miss Kenton. It's rather funny to remember now, but you know, only this time a year ago, you were still insisting you were going to resign. It rather amused me to think of it.' I gave a laugh, but behind me Miss Kenton remained silent. When I finally turned to look at her, she was gazing through the glass at the great expanse of fog outside.

'You probably have no idea, Mr Stevens,' she said eventually, 'how seriously I really thought of leaving this house. I felt so strongly about what happened. Had I been anyone worthy of any respect at all, I dare say I would have left Darlington Hall long ago.' She paused for a while, and I turned my gaze back out to the poplar trees down in the distance. Then she continued in a tired voice: 'It was cowardice, Mr Stevens. Simple cowardice. Where could I have gone? I have no family. Only my aunt. I love her dearly, but I can't live with her for a day without feeling my whole life is wasting away. I did tell myself, of course, I would soon find some new situation. But I was so frightened, Mr Stevens. Whenever I thought of leaving, I just saw myself going out there and finding nobody who knew or cared about me. There, that's all my high principles amount to.

сгущался туман, когда наконец решил заговорить о прошлогодних увольнении. Начал я, как нетрудно догадаться, с напоминания:

— Я вот подумал тут, мисс Кентон. Теперь вспоминать об этом довольно забавно, но помните, всего год назад в это же время вы все еще настойчиво повторяли, что откажетесь от места. Теперь-то, конечно, смешно вспоминать. — Я рассмеялся, но мисс Кентон — я стоял к ней спиной — ничего не сказала; я помолчал, повернулся и посмотрел на нее: взгляд ее был устремлен к застекленному окну беседки, за которым расстилался туман.

— Вы, мистер Стивенс, вероятно, и не догадываетесь, — произнесла она после долгого молчания, — насколько серьезно я и в самом деле хотела уйти из этого дома. Я так сильно переживала случившееся. Да заслуживай моя особа хоть капельку уважения, уверяю вас, меня бы давно уже не было в Дарлингтон-холле. — Она замолчала, а я опять поглядел на дальние тополя; затем она продолжала усталым голосом: — Трусость, мистер Стивенс. Самая обычная трусость. Куда мне было идти? Семьи у меня нет, одна только тетя. Я ее нежно люблю, но стоит мне пробыть с нею день, как я чувствую, что вся моя жизнь пропадает впустую. Конечно же, я внушала себе, что скоро подыщу какое-нибудь новое место. Но мне было так страшно, мистер Стивенс. Всякий раз, как я надумывала уйти, я представляла себе: вот,

I feel so ashamed of myself. But I just couldn't leave, Mr Stevens. I just couldn't bring myself to leave.'

Miss Kenton paused again and seemed to be deep in thought. I thus thought it opportune to relate at this point, as precisely as possible, what had taken place earlier between myself and Lord Darlington. I proceeded to do so and concluded by saying:

'What's done can hardly be undone. But it is at least a great comfort to hear his lordship declare so unequivocally that it was all a terrible misunderstanding. I just thought you'd like to know, Miss Kenton, since I recall you were as distressed by the episode as I was.'

'I'm sorry, Mr Stevens,' Miss Kenton said behind me in an entirely new voice, as though she had just been jolted from a dream, 'I don't understand you.' Then as I turned to her, she went on: 'As I recall, you thought it was only right and proper that Ruth and Sarah be sent packing. You were positively cheerful about it.'

'Now really, Miss Kenton, that is quite incorrect and unfair. The whole matter caused me great concern, great concern indeed. It is hardly the sort of thing I like to see happen in this house.'

'Then why, Mr Stevens, did you not tell me so at the time?'

I gave a laugh, but for a moment was rather at a loss for an answer. Before I could formulate one, Miss Kenton put down her sewing and said:

ушла, и нет никого, кто бы знал меня или принял во мне участие. Вот вам и все мои высокие принципы. Мне так стыдно. Но я просто не могла уйти, мистер Стивенс. Не могла заставить себя уйти.

Мисс Кентон снова замолкла и, видимо, глубоко задумалась. Я решил, что теперь самое время пересказать ей, по возможности дословно, то, что утром говорил мне лорд Дарлингтон. Так я и поступил, а в заключение добавил:

— Сделанного не воротишь. Но немалое утешение уже то, что его светлость недвусмысленно назвал тот случай ужасным недоразумением. Мне показалось, мисс Кентон, что вам будет интересно об этом узнать, вы ведь тогда, помнится, огорчились не меньше моего.

— Простите, мистер Стивенс, — совсем другим голосом, словно очнувшись от сна, отозвалась мисс Кентон у меня за спиной, — я вас не понимаю. — Я повернулся к ней, и она продолжала: — Насколько я помню, вы тогда сочли очень правильным и разумным, что Руфь с Сарой выставляют за дверь, и исполнили свою миссию с большой охотой.

— Ну уж нет, мисс Кентон, это совершенно неверно и несправедливо. Вся эта история меня тогда очень, очень встревожила. Чтобы в этом доме случилось такое — увольте, тут радоваться нечему.

— Так почему, мистер Стивенс, вы мне тогда так прямо и не сказали?

Я рассмеялся, однако не нашелся с ответом. Пока я попытался собраться с мыслями, мисс Кентон отложила подушечку и молвила:

‘Do you realize, Mr Stevens, how much it would have meant to me if you had thought to share your feelings last year? You knew how upset I was when my girls were dismissed. Do you realize how much it would have helped me? Why, Mr Stevens, why, why, why do you always have to pretend?’

I gave another laugh at the ridiculous turn the conversation had suddenly taken.

‘Really, Miss Kenton,’ I said, ‘I’m not sure I know what you mean. Pretend? Why, really...’

‘I suffered so much over Ruth and Sarah leaving us. And I suffered all the more because I believed I was alone.’

‘Really, Miss Kenton ...’ I picked up the tray on which I had gathered together the used crockery. ‘Naturally, one disapproved of the dismissals. One would have thought that quite self-evident.’

She did not say anything, and as I was leaving I glanced back towards her. She was again gazing out at the view, but it had by this point grown so dark inside the summerhouse, all I could see of her was her profile outlined against a pale and empty background. I excused myself and proceeded to make my exit.

Now that I have recalled this episode of the dismissing of the Jewish employees, I am reminded of what could, I suppose, be called a curious corollary to that whole affair: namely, the arrival of the housemaid called Lisa. That is to say, we were obliged to find replacements for the two dismissed Jewish maids, and this Lisa turned out to be one of them.

— Вы хоть понимаете, мистер Стивенс, как могли бы тогда меня поддержать, если б поделились своими чувствами? Вы ведь знали, что увольнение девочек меня страшно расстроило. Вы хоть понимаете, как бы это мне помогло? Ну почему, мистер Стивенс, почему, почему, почему вы всегда должны притворяться?!

Я опять рассмеялся — разговор вдруг принял какой-то нелепый оборот.

— Право же, мисс Кентон, я вас что-то не понимаю. Притворяться? Вот уж действительно...

— Я страшно переживала уход Руфи и Сары, и тем горше, что думала — я одна так к этому отношусь.

— Нет, право же, мисс Кентон... — Я взялся за поднос с посудой. — Естественно, тогдашний прискорбный инцидент не мог не вызвать осуждения. Казалось бы, это само собой разумеется.

Она ничего не сказала, и я, уходя, оглянулся. Она снова смотрела в окно, но к этому часу в беседке стало темно, и я различал только профиль на фоне белесой пустоты за стеклом. Сославшись на дела, я оставил ее одну.

Теперь, когда я восстановил историю с увольнением служанок-евреек, мне приходит на память то, что я бы назвал непредсказуемым последствием, а конкретнее — появление в доме новой горничной по имени Лиза. Иными словами, нам понадобились две новые девушки на освободившиеся места, и одной из них оказалась Лиза.

This young woman had applied for the vacancy with the most dubious of references, which spelt out to any experienced butler that she had left her previous situation under something of a cloud. Moreover, when Miss Kenton and I questioned her, it became clear that she had never remained in any position for longer than a few weeks. In general, her whole attitude suggested to me that she was quite unsuitable for employment at Darlington Hall. To my surprise, however, once we had finished interviewing the girl, Miss Kenton began to insist we take her on.

‘I see much potential in this girl,’ she continued to say in the face of my protests. ‘She will be directly under my supervision and I will see to it she proves good.’

I recall we became locked in disagreement for some time, and it was perhaps only the fact that the matter of the dismissed maids was so recent in our minds that I did not hold out as strongly as I might against Miss Kenton. In any case, the result was that I finally gave way, albeit by saying:

‘Miss Kenton, I hope you realize that the responsibility for taking on this girl rests squarely with yourself. There is no doubt as far as I am concerned that at this present moment she is far from adequate to be a member of our staff. I am only allowing her to join on the understanding that you will personally oversee her development.’

‘The girl will turn out well, Mr Stevens. You will see.’

Эта молодая женщина представила весьма сомнительные рекомендации, из которых любой опытный дворецкий мог заключить, что обстоятельства ее ухода с предыдущего места были отнюдь не безоблачными. Больше того, когда мы с мисс Кентон устроили ей собеседование, стало ясно, что она нигде не задерживалась дольше нескольких недель. В общем, все в ней говорило о том, что к службе в Дарлингтон-холле она совершенно не пригодна. Однако, к моему удивлению, мисс Кентон после собеседования принялась настаивать, чтобы мы ее приняли.

— Я вижу в этой девушке большие возможности, — повторяла она в ответ на все мои возражения. — Я с нее глаз не спущу, она еще у меня станет прекрасной горничной.

Помнится, мы пререкались довольно долго, и, не будь история с увольнением свежа в памяти, я бы, вероятно, сумел успешнее противостоять мисс Кентон. Так или иначе, я в конце концов уступил, хотя и сказал при этом:

— Надеюсь, мисс Кентон, вы понимаете, что вся ответственность за наем этой девушки целиком и полностью ложится на вас. Лично у меня нет никаких сомнений, что в настоящий момент она далеко не отвечает тем требованиям, которые мы с вами предъявляем к слугам. Если я и соглашаюсь ее принять, то лишь с условием, что вы лично станете надзирать за ее профессиональным ростом.

— Девушка проявит себя с хорошей стороны, мистер Стивенс. Сами еще убедитесь.

And to my astonishment, during the weeks that followed, the young girl did indeed make progress at a remarkable rate. Her attitude seemed to improve by the day, and even her manner of walking and going about tasks — which during the first days had been so slovenly that one had to avert one's eyes — improved dramatically.

As the weeks went on, and the girl appeared miraculously to have been transformed into a useful member of staff, Miss Kenton's triumph was obvious. She seemed to take particular pleasure in assigning Lisa some task or other that required a little extra responsibility, and if I were watching, she would be sure to try and catch my eye with her rather mocking expression. And the exchange we had that night in Miss Kenton's parlour over cocoa was fairly typical of the sort of conversation we tended to have on the topic of Lisa.

'No doubt, Mr Stevens,' she said to me, 'you will be extremely disappointed to hear Lisa has still not made any real mistake worth speaking of.'

'I'm not disappointed at all, Miss Kenton. I'm very pleased for you and for all of us. I will admit, you have had some modest success regarding the girl thus far.'

'Modest success! And look at that smile on your face, Mr Stevens. It always appears when I mention Lisa. That tells an interesting story in itself. A very interesting story indeed.'

'Oh, really, Miss Kenton. And may I ask what exactly?'

К вящему моему удивлению, за сравнительно короткое время девушка и вправду добилась замечательных успехов. Она держалась все лучше день ото дня, и даже ее походка, которая в первые дни отличалась такой небрежностью, что я невольно отводил глаза, решительно выправилась.

Неделя шла за неделей, девушка каким-то чудом превратилась в расторопную горничную, и мисс Кентон откровенно торжествовала. Она словно получала особое удовольствие, давая Лизе то или иное с каждым разом все более ответственное задание, и всем своим видом показывала мне, как я ошибался. Пикировка, что однажды вечером произошла между нами за чашкой какао в гостиной мисс Кентон, довольно характерна для наших тогдашних разговоров о Лизе.

— Мистер Стивенс, — обратилась она ко мне, — вы наверняка крайне огорчитесь, узнав, что Лиза пока не допустила ни одного мало-мальски серьезного промаха.

— Я отнюдь не огорчен, мисс Кентон, напротив — рад и за вас, и за нас всех. Готов признать, что с этой девушкой у вас до сих пор все продвигается с известным успехом.

— С известным успехом! Полюбовались бы лучше на собственную ухмылку, мистер Стивенс. Она всегда появляется у вас на лице, стоит мне заговорить о Лизе, и это уже само по себе выдает вас с головой. Вот именно, с головой.

— Ну, мисс Кентон, так уж и с головой. А позвольте спросить, в чем именно выдает?

‘It is very interesting, Mr Stevens. Very interesting you should have been so pessimistic about her. Because Lisa is a pretty girl, no doubt about it. And I’ve noticed you have a curious aversion to pretty girls being on the staff.’

‘You know perfectly well you are talking nonsense, Miss Kenton.’

‘Ah, but I’ve noticed it, Mr Stevens. You do not like pretty girls to be on the staff. Might it be that our Mr Stevens fears distraction? Can it be that our Mr Stevens is flesh and blood after all and cannot fully trust himself?’

‘Really, Miss Kenton. If I thought there was one modicum of sense in what you are saying I might bother to engage with you in this discussion. As it is, I think I shall simply place my thoughts elsewhere while you chatter away.’

‘Ah, but then why is that guilty smile still on your face, Mr Stevens?’

‘It is not a guilty smile at all, Miss Kenton. I am slightly amused by your astonishing capacity to talk nonsense, that is all.’

‘It is a guilty little smile you have on, Mr Stevens. And I’ve noticed how you can hardly bear to look at Lisa. Now it is beginning to become very clear why you objected so strongly to her.’

‘My objections were extremely solid, Miss Kenton, as you very well know. The girl was completely unsuitable when she first came to us.’

— Весьма любопытно, мистер Стивенс. Весьма любопытно, что вы почему-то не ждете от нее ничего хорошего. А почему? Конечно же, потому, что Лиза — хорошенькая девушка. Я заметила — вам отчего-то не нравится, чтобы в доме работали хорошенькие девушки.

— Мисс Кентон, вы и сами знаете, что болтаете чепуху.

— Но я же заметила, мистер Стивенс. Вам не нравится, чтобы в доме работали хорошенькие девушки. Неужто наш мистер Стивенс так боится отвлечься? Неужто наш мистер Стивенс и впрямь создан из плоти и крови и поэтому не может полностью на себя положиться?

— Однако же, мисс Кентон. Если б я считал, что в ваших словах есть хоть крупица здравого смысла, может, я еще и поспорил бы на эту тему. А так я, пожалуй, буду думать себе о чем-нибудь постороннем, пока вы не кончите болтать чепуху.

— Да, но почему тогда, мистер Стивенс, вы все еще виновато ухмыляетесь?

— И вовсе не виновато, мисс Кентон. Просто меня слегка забавляет ваша поразительная способность болтать чушь, только и всего.

— Нет, мистер Стивенс, ухмылка-то у вас виноватая. И я заметила, что на Лизу вы едва смотрите. Теперь-то мне понятно, почему вы так упорно против нее возражали.

— Мои возражения, как вам, мисс Кентон, прекрасно известно, имели под собой весьма крепкие основания. Когда девушка к нам пришла, она совершенно никуда не годилась.

Now of course, you must understand we would never have carried on in such a vein within the hearing of staff members. But just around that time, our cocoa evenings, while maintaining their essentially professional character, often tended to allow room for a little harmless talk of this sort — which did much, one should say, to relieve the many tensions produced by a hard day.

Lisa had been with us for some eight or nine months — and I had largely forgotten her existence by this point — when she vanished from the house together with the second footman. Now, of course, such things are simply part and parcel of life for any butler of a large household. They are intensely irritating, but one learns to accept them. In fact, as far as these sorts of ‘moonlight’ departures were concerned, this was among the more civilized. Aside from a little food, the couple had taken nothing that belonged to the house, and furthermore, both parties had left letters. The second footman, whose name I no longer recall, left a short note addressed to me, saying something like: ‘Please do not judge us too harshly. We are in love and are going to be married.’ Lisa had written a much longer note addressed to ‘the Housekeeper’, and it was this letter Miss Kenton brought into my pantry on the morning following their disappearance. There were, as I recall, many misspelt, ill-formed sentences about how much in love the couple were, how wonderful the second footman was, and how marvellous the future was that awaited them both. One line, as I recall it, read something to the effect of: ‘We don’t have mon-

Вам, конечно, понятно, что мы ни в коем случае не позволяли себе беседовать в таком тоне, если слуги могли нас услышать. Но в эту пору наши вечерние разговоры за чашкой какао, сохраняя в целом свой профессиональный характер, стали частенько перемежаться невинной болтовней в таком вот духе, которая, следует заметить, немало помогала расслабиться после многотрудного рабочего дня.

Лиза прослужила у нас месяцев восемь или девять, и я уже почти забыл о ее существовании, когда в один прекрасный день она сбежала со вторым лакеем. Разумеется, подобные происшествия — элементарная бытовая неизбежность из тех, с какими приходится иметь дело любому дворецкому, когда в доме много прислуги. Они сильно досаждают, но с ними приучаешься мириться. И если уж говорить о таких вот исчезновениях «под покровом ночи», то Лизин случай еще был одним из самых пристойных. Не считая еды, парочка ничего не прихватила из дома, больше того — и он, и она оставили записки. Второй лакей, я уже забыл его имя, адресовал мне коротенькое послание примерно в таком духе: «Пожалуйста, не осуждайте нас слишком сурово. Мы любим друг друга и собираемся пожениться». Лиза написала куда больше, и с этим-то письмом, адресованным «экономке», мисс Кентон и явилась ко мне в буфетную наутро после их бегства. Письмо, насколько я помню, изобиловало безграмотными в орфографическом и стилистическом отношении фразами о том, как эти двое любят друг друга, что за чудесный человек второй лакей и какая удивительная совмест-

ey but who cares we have love and who wants anything else we've got one another that's all anyone can ever want.' Despite the letter being three pages long, there was no mention of any gratitude towards Miss Kenton for the great care she had given the girl, nor was there any note of regret at letting all of us down.

Miss Kenton was noticeably upset. All the while I was running my eye over the young woman's letter, she sat there at the table before me, looking down at her hands. In fact — and this strikes one as rather curious — I cannot really recall seeing her more bereft than on that morning. When I put the letter down on the table, she said:

'So, Mr Stevens, it seems you were right and I was wrong.'

'Miss Kenton, there is nothing to upset yourself over,' I said. 'These things happen. There really is little the likes of us can ever do to prevent these things.'

'I was at fault, Mr Stevens. I accept it. You were right all along, as ever, and I was wrong.'

'Miss Kenton, I really cannot agree with you. You did wonders with that girl. What you managed with her proved many times over that it was in fact I who was in error. Really, Miss Kenton, what has happened now might have happened with any employee. You did remarkably well with her. You may have every reason to feel let down by her, but no reason at all to feel any responsibility on your own part.'

ная жизнь их ожидает. Одна фраза, если не ошибаюсь, была примерно такая: «У нас нету денег ну и пусть мы любим и чево еще нужно у меня есть он у него есть я и нечево нам другово желать». Хотя письмо занимало целых три страницы, в нем не было ни слова благодарности мисс Кентон за ее великую заботу о девушке, не прозвучало и сожаления о том, что они всех нас подвели.

Мисс Кентон была явно расстроена. Пока я проглядывал письмо, она сидела напротив меня за столом, пристально рассматривая сложенные на коленях руки. Странно, но я и вправду не припомню, когда еще видел ее такой потерянной, как в то утро.

— Итак, мистер Стивенс, похоже, вы были правы, а я ошибалась.

— Да не расстраивайтесь вы, мисс Кентон, — ответил я. — Такие вещи случаются, и предотвратить их не в наших силах.

— Я заблуждалась, мистер Стивенс. Я признаю. Как всегда, вы кругом были правы, а я ошибалась.

— Никак не могу согласиться с вами, мисс Кентон. С этой девушкой вы добились чуда, и то, чем она стала с вашей помощью, многократно доказывает, что не прав был как раз я. Честное слово, мисс Кентон, такая накладка могла случиться с любым из слуг. Вы прекрасно над ней поработали. У вас все основания считать, что это она подвела вас, но решительно никаких — возлагать на себя ответственность за случившееся.

Miss Kenton continued to look very dejected. She said quietly:

‘You’re very kind to say so, Mr Stevens. I’m very grateful.’ Then she sighed tiredly and said: ‘She’s so foolish. She might have had a real career in front of her. She had ability. So many young women like her throw away their chances, and all for what?’

We both looked at the notepaper on the table between us, and then Miss Kenton turned her gaze away with an air of annoyance.

‘Indeed,’ I said. ‘Such a waste, as you say.’

‘So foolish. And the girl is bound to be let down. And she had a good life ahead of her if only she’d persevered. In a year or two, I could have had her ready to take on a housekeeper’s post in some small residence. Perhaps you think that far-fetched, Mr Stevens, but then look how far I came with her in a few months. And now she’s thrown it all away. All for nothing.’

‘It really is most foolish of her.’

I had started to gather up the sheets of notepaper before me, thinking I might file them away for reference. But then as I was doing so, I became a little uncertain as to whether Miss Kenton had intended me to keep the letter, or if she herself wished to do so, and I placed the pages back down on the table between the two of us. Miss Kenton, in any case, seemed far away.

Мисс Кентон по-прежнему выглядела очень подавленной. Она тихо произнесла:

— Спасибо на добром слове, мистер Стивенс. Я вам очень признательна. — Устало вздохнула и прибавила: — Какая глупенькая. Ведь могла бы по-настоящему преуспеть. Способностей ей было не занимать. Сколько молодых женщин, таких как она, отказываются от прекрасных возможностей — и ради чего?

Мы оба посмотрели на листки, лежавшие на столе между нами; мисс Кентон, досадливо поморщившись, отвела взгляд.

— Ваша правда, — заметил я. — Сама себя погубила.

— Так глупо. И он ее обязательно бросит. А ведь ее ожидала хорошая жизнь, сумеет она продержаться. Я бы так ее натаскала, что через год-другой она могла бы занять место экономки в каком-нибудь маленьком доме. Вам, мистер Стивенс, вероятно, покажется, что я преувеличиваю, но вспомните, чем она у меня стала всего за несколько месяцев. Теперь для нее все это потеряно. Все впустую.

— Действительно, весьма неразумно с ее стороны.

Я принялся собирать со стола листки почтовой бумаги, решив сохранить их на тот случай, если придется давать рекомендации. Но тут на меня напали сомнения — хочет ли мисс Кентон, чтобы я хранил письмо, или собирается держать его у себя, — и я положил листки на стол, где они лежали раньше. Однако мисс Кентон, кажется, думала совсем о другом.

‘She’s bound to be let down,’ she said again. ‘So foolish.’

But I see I have become somewhat lost in these old memories. This had never been my intention, but then it is probably no bad thing if in doing so I have at least avoided becoming unduly preoccupied with the events of this evening — which I trust have now finally concluded themselves. For these last few hours, it must be said, have been rather trying ones.

I find myself now in the attic room of this small cottage belonging to Mr and Mrs Taylor. That is to say, this is a private residence; this room, made so kindly available to me tonight by the Taylors, was once occupied by their eldest son, now long grown and living in Exeter. It is a room dominated by heavy beams and rafters, and the floorboards have no carpet or rug to cover them, and yet the atmosphere is surprisingly cosy. And it is clear Mrs Taylor has not only made up the bed for me, she has also tidied and cleaned; for aside from a few cobwebs near the rafters, there is little to reveal that this room has been unoccupied for many years. As for Mr and Mrs Taylor themselves, I have ascertained that they ran the village green grocery here from the twenties until their retirement three years ago. They are kind people, and though I have on more than one occasion tonight offered remuneration for their hospitality, they will not hear of it.

The fact that I am now here, the fact that I came to be to all intents and purposes at the mercy of Mr and Mrs Taylor’s generosity on this night, is attrib-

— Он ее обязательно бросит, — повторила она. — Как глупо.

Но я вижу, что слишком уж углубился в воспоминания о давно прошедшем. Это отнюдь не входило в мои намерения, но, вероятно, все к лучшему, потому что я, по крайней мере, отвлекся от неприятных мыслей о событиях нынешнего вечера, которые, надеюсь, подошли к концу. Несколько последних часов, нужно сказать, были для меня довольно мучительными.

Сейчас я сижу в мансарде маленького коттеджа, принадлежащего мистеру и миссис Тейлор. То есть в частном доме. А комнату, где Тейлоры столь любезно предложили мне заночевать, раньше занимал их старший сын, который давно уже взрослый и живет в Эксетере. Над головой нависают стропила и балки, на голых половицах нет ни коврика, ни половика, однако в этой комнате чувствуешь себя удивительно уютно. Ясно, что миссис Тейлор не только перестелила постель, но прибрала и вытерла пыль: у самых стропил осталось несколько паутинок, а так не скажешь, что комната много лет пустовала. Мистер и миссис Тейлор, как я выяснил, еще с двадцатых годов держали в Эксетере зеленую лавку, пока не ушли на покой три года тому назад. Они очень добрые люди, и хотя я нынче вечером неоднократно предлагал заплатить за гостеприимство, они не хотели об этом и слышать.

То, что я сейчас здесь и что мистер и миссис Тейлор, в сущности, просто меня пожалели и великодушно предоставили мне ночлег в своем до-

utable to one foolish, infuriatingly simple oversight: namely, I allowed the Ford to run out of petrol. What with this and the trouble yesterday concerning the lack of water in the radiator, it would not be unreasonable for an observer to believe such general disorganization endemic to my nature. It may be pointed out, of course, that as far as long-distance motoring is concerned, I am something of a novice, and such simple oversights are only to be expected. And yet, when one remembers that good organization and foresight are qualities that lie at the very heart of one's profession, it is hard to avoid the feeling that one has, somehow, let oneself down again.

But it is true, I had been considerably distracted during the last hour or so of motoring prior to the petrol running out. I had planned to lodge the night in the town of Tavistock, where I arrived a little before eight o'clock. At the town's main inn, however, I was informed all the rooms were occupied on account of a local agricultural fair. Several other establishments were suggested to me, but though I called at each, I was met every time with the same apology. Finally, at a boarding house on the edge of the town, the landlady suggested I motor on several miles to a roadside inn run by a relative of hers — which, she assured me, was bound to have vacancies, being too far out of Tavistock to be affected by the fair.

She had given me thorough directions, which had seemed clear enough at the time, and it is impossible to say now whose fault it was that I subsequently

ме, — все это объясняется идиотской, до обиды элементарной оплошностью с моей стороны: я не заметил, как в баке иссяк бензин. Если добавить к этому вчерашнее мое упущение с водой в радиаторе, то легко прийти к выводу, будто неорганизованность вообще свойственна мне от природы. Можно, разумеется, возразить, что по части дальних автомобильных поездок я в известном смысле новичок и таких элементарных оплошностей от меня естественно было ожидать. И все же, если вспомнить о том, что надлежащая организованность и предусмотрительность — качества, составляющие саму суть нашей профессии, трудно избавиться от чувства, что я снова оплошал.

Правда, в последний час перед тем, как кончиться бензину, у меня хватало других забот. Я наметил заночевать в городке Тависток, куда и приехал к восьми вечера. В главной гостинице, однако, извинились, сказали, что все комнаты заняты приехавшими на местную сельскохозяйственную ярмарку, и предложили попытаться счастья в нескольких других заведениях. Так я и сделал, но везде было то же самое. Наконец хозяйка пансионата на окраине города посоветовала отправиться за несколько миль в придорожную гостиницу, которую содержит кто-то из ее родни, заверив, что там обязательно будут свободные комнаты, потому что от Тавистока далековато и ярмарочные туда просто не доберутся.

Она подробнейшим образом объяснила мне, как доехать, и тогда все вроде было понятно, так что теперь невозможно установить, по чьей вине

failed to find any trace of this roadside establishment. Instead, after fifteen minutes or so of motoring, I found myself out on a long road curving across bleak, open moorland. On either side of me were what appeared to be fields of marsh, and a mist was rolling across my path. To my left, I could see the last glow of the sunset. The skyline was broken here and there by the shapes of barns and farmhouses some way away over the fields, but otherwise, I appeared to have left behind all signs of community.

I recall turning the Ford round at about this stage and doubling back some distance in search of a turning I had passed earlier. But when I found it, this new road proved, if anything, more desolate than the one I had left. For a time, I drove in near-darkness between high hedges, then found the road beginning to climb steeply. I had by now given up hope of finding the roadside inn and had set my mind on motoring on till I reached the next town or village and seeking shelter there. It would be easy enough, so I was reasoning to myself, to resume my planned route first thing in the morning. It was at this point, half-way up the hill road, that the engine stuttered and I noticed for the first time that my petrol was gone.

The Ford continued its climb for several more yards, then came to a halt. When I got out to assess my situation, I could see I had only a few more minutes of daylight left to me. I was standing on a steep road bound in by trees and hedgerows; much further up the hill, I could see a break in the hedg-

я не обнаружил указанного придорожного заведения. Вместо этого примерно через четверть часа я очутился на длинной дороге, вьющейся по унылой плоской вересковой пустоши. По обеим сторонам тянулись заболоченные, по всей видимости, луга, дорогу постепенно заволакивало туманом. Слева догорал закат. На фоне вечернего неба по ту сторону лугов здесь и там виднелись силуэты амбаров, хлевов и фермерских домиков, в остальном же складывалось впечатление, что я полностью оторван от цивилизации.

Я, помнится, развернулся и поехал назад, высматривая встретившийся до этого поворот. Я его отыскал, но новая дорога если чем и отличалась от старой, так только еще большей запущенностью. Какое-то время я ехал в полутьме между высоких живых изгородей, затем почувствовал, что дорога пошла круто в гору. Я уже распрощался с надеждой найти придорожную гостиницу и решил никуда не сворачивать, пока не доберусь до какого-нибудь города или деревни, где буду искать ночлег. А утром, убеждал я себя, первым делом выеду на старый маршрут, это будет несложно. Вот тогда-то, посередине подъема, двигатель захлебнулся, и я впервые заметил, что бензин кончился.

«Форд» прополз еще несколько ярдов и стал. Я вылез из машины разведать обстановку и понял, что минут через десять стемнеет. Я стоял на крутой дороге, с обеих сторон окаймленной деревьями и живыми изгородями; впереди, чуть выше, изгороди расступались и на фоне неба вырисовыва-

es where a wide barred gate stood outlined against the sky. I began to make my way up to it, supposing that a view from this gate would give me some sense of my bearings; perhaps I had even hoped to see a farmhouse near by where I could gain prompt assistance. I was a little disconcerted then by what eventually greeted my eyes. On the other side of the gate a field sloped down very steeply so that it fell out of vision only twenty yards or so in front of me. Beyond the crest of the field, some way off in the distance — perhaps a good mile or so as the crow would fly — was a small village. I could make out through the mist a church steeple, and around about it, clusters of dark-slanted roofs; here and there, wisps of white smoke were rising from chimneys. One has to confess, at that moment, to being overcome by a certain sense of discouragement. Of course, the situation was not by any means hopeless; the Ford was not damaged, simply out of fuel. A walk down to the village could be accomplished in a half-hour or so and there I could surely find accommodation and a can of petrol. And yet it was not a happy feeling to be up there on a lonely hill, looking over a gate at the lights coming on in a distant village, the daylight all but faded, and the mist growing ever thicker.

There was little to be gained in growing despondent, however. In any case, it would have been foolish to waste the few remaining minutes of daylight. I walked back down to the Ford where I packed a briefcase with some essential items. Then, arming myself with a bicycle lamp, which cast a surprisingly good beam, I went in search of a path by which

лись широкие ворота, запертые на перекладину. Я пошел к ним, рассчитывая, что открывшийся за воротами вид подскажет, где я нахожусь. Вид и вправду открылся, но изрядно меня разочаровал. Поле за воротами шло круто вниз и пропадало всего в каких-то двадцати ярдах. За гребнем холма довольно далеко — по прямой, пожалуй, с добрую милю — виднелась деревенька. Сквозь дымку я разглядел церковный шпиль и вокруг него — скопления крытых темным шифером крыш; здесь и там над трубами поднимались столбики белого дыма. В ту минуту, должен признаться, зрелище это привело меня в некоторое уныние. Конечно, положение мое ни в коем случае нельзя было назвать безнадежным; с «фордом» ничего не случилось, просто горючее кончилось. Спуститься в деревню я мог бы за полчаса, а уж там бы, конечно, нашел и ночлег, и канистру бензина. И все-таки мало радости было стоять на одиноком холме у закрытых ворот, когда свет дня вот-вот иссякнет, а туман на глазах густеет, и видеть, как в далекой деревне зажигаются огоньки.

Но что толку впадать в уныние? В любом случае глупо было бы не использовать остатки дневного света. Я вернулся к «форду», уложил в портфель кое-что из предметов первой необходимости и, вооружившись велосипедным фонариком, который давал неожиданно яркий луч, пошел искать ведущую вниз к деревне тропинку. Никакой тропинки,

I could descend to the village. But no such path offered itself, though I went some distance up the hill, a good way past my gate. Then when I sensed that the road had ceased to climb, but was beginning to curve slowly down in a direction away from the village — the lights of which I could glimpse regularly through the foliage — I was overcome again by a sense of discouragement. In fact, for a moment I wondered if my best strategy would not be to retrace my steps to the Ford and simply sit in it until another motorist came by. By then, however, it was very close to being dark, and I could see that if one were to attempt to hail a passing vehicle in these circumstances, one might easily be taken for a highwayman or some such. Besides, not a single vehicle had passed since I had got out of the Ford; in fact, I could not really remember having seen another vehicle at all since leaving Tavistock. I resolved then to return as far as the gate, and from there, descend the field, walking in as direct a line as possible towards the lights of the village, regardless of whether or not there was a proper path.

It was not, in the end, too arduous a descent. A series of grazing fields, one after the next, led the way down to the village and by keeping close to the edge of each field as one descended, one could be ensured of reasonable walking. Only once, with the village very close, could I find no obvious way to gain access to the next field down, and I had to shine my bicycle lamp to and fro along the hedgerow obstructing me. Eventually, I discovered a small gap through which I proceeded to squeeze my person, but only at

однако, не обнаружилось, хотя я поднялся довольно высоко, оставив позади закрытые ворота. Тут до меня дошло, что подъем кончился и дорога пошла вниз, плавно заворачивая в сторону от деревни, — а ее огоньки я время от времени различал сквозь листву, — и я снова потерял присутствие духа. Честно говоря, я уже подумывал возвратиться к «форду», залезть в машину и ждать, не проедет ли кто по дороге. Но вот-вот должно было совсем стемнеть, и я сообразил, что если попробую в таких обстоятельствах остановить проходящий транспорт, то меня, скорее всего, примут за дорожного грабителя или еще кого похуже в том же роде. А кроме того, с тех пор, как я вылез из «форда», не проехало ни одного автомобиля; да и вообще я что-то не помнил, чтобы после Тавистока мне попадались на дороге машины. Тогда я решил вернуться к воротам и оттуда спускаться полем, по возможности держа курс прямо на деревенские огоньки, а уж найдется там тропинка или нет — не имеет значения.

В конечном счете спуск оказался не таким уж и трудным. Несколько пастбищ, вытянувшись в цепочку, сбегали вниз прямо к деревне, и, двигаясь по краю одного пастбища за другим, можно было спуститься без особых усилий. Только раз, уже у самой деревни, я не сумел найти проход на соседнее пастбище, как ни водил фонариком по преградившей мне путь живой изгороди. Наконец я обнаружил в ней небольшую брешь, сквозь которую умудрился протиснуться, правда, не без

some cost to the shoulder of my jacket and the turn-ups of my trousers. The last few fields, furthermore, became increasingly muddy and I deliberately refrained from shining my lamp on to my shoes and turn-ups for fear of further discouragement.

By and by I found myself on a paved path going down into the village, and it was while descending this path that I met Mr Taylor, my kind host of this evening. He had emerged out of a turning a few yards in front of me, and had courteously waited for me to catch up, whereupon he had touched his cap and asked if he could be of any assistance to me. I had explained my position as succinctly as possible, adding that I would be most gratified to be guided towards a good inn. At this, Mr Taylor had shaken his head, saying:

‘I’m afraid there’s no inn as such in our village, sir. John Humphreys usually takes in travellers at the Crossed Keys, but he’s having work done to the roof at the moment.’ Before this distressing piece of information could have its full effect, however, Mr Taylor said: ‘If you didn’t mind roughing it a little, sir, we could offer you a room and a bed for the night. It’s nothing special, but the wife will see to it everything’s clean and comfortable enough in a basic sort of way.’

I believe I uttered some words, perhaps in a rather halfhearted way, to the effect that I could not inconvenience them to such an extent. To which Mr Taylor had said:

‘I tell you, sir, it would be an honour to have you. It’s not often we get the likes of yourself passing through Moscombe. And quite honestly, sir, I don’t

ущерба для рукава куртки и брючных манжет. Хуже того, несколько последних пастбищ оказались грязнее некуда; чтобы лишний раз не расстраиваться, я сознательно не светил себе на ботинки и брюки.

Постепенно я выбрался на мощеную дорожку, что вела в деревню, и, спускаясь по ней, повстречал мистера Тейлора, ставшего в тот вечер моим благодетелем. Он вышел впереди из-за поворота, любезно подождал, пока я с ним поравняюсь, и лишь тогда, тронув рукой кепку, осведомился, не может ли он чем мне помочь. Я в нескольких словах обрисовал свои трудности, добавив, что буду весьма обязан, если он укажет, где тут хорошая гостиница. В ответ мистер Тейлор покачал головой и сказал:

— Боюсь, сэр, у нас в деревне гостиницы вообще нету. Обычно Джон Хамфрис устраивает проезжих у себя в «Скрещенных ключах», но сейчас там ремонтируют крышу. — Не успел я, однако, проникнуться этой неутешительной новостью, как мистер Тейлор добавил: — Если вы не против переночевать без удобств, сэр, мы бы предложили вам комнату и постель. Ничего такого, но жена уж приглядит, чтобы в комнате было чисто и все, что надо.

По-моему, я забормотал в ответ что-то малоубедительное в том духе, что не смею причинять им такие хлопоты, на что мистер Тейлор ответил:

— Скажу вам, сэр, мы почтем за честь вас принять. Такие люди, как вы, нечасто оказываются проездом в Москоме. И, честное слово, сэр,

know what else you could do at this hour. The wife would never forgive me if I were to let you away into the night.'

Thus it was that I came to accept the kind hospitality of Mr and Mrs Taylor. But when I spoke earlier of this evening's events being 'trying', I was not referring simply to the frustrations of running out of petrol and of having to make such an uncouth journey down into the village. For what occurred subsequently — what unfolded once I sat down to supper with Mr and Mrs Taylor and their neighbours — proved in its own way far more taxing on one's resources than the essentially physical discomforts I had faced earlier. It was, I can assure you, a relief indeed to be able at last to come up to this room and to spend some moments turning over these memories of Darlington Hall from all those years ago.

The fact is, I have tended increasingly of late to indulge myself in such recollections. And ever since the prospect of seeing Miss Kenton again first arose some weeks ago, I suppose I have tended to spend much time pondering just why it was our relationship underwent such a change. For change it certainly did, around 1935 or 1936, after many years in which we had steadily achieved a fine professional understanding. In fact, by the end, we had even abandoned our routine of meeting over a cup of cocoa at the end of each day. But as to what really caused such changes, just what particular chain of events was really responsible, I have never quite been able to decide.

не представляю, куда вам деться в этот-то час. Жена никогда не простит, если я отпущу вас ночью на все четыре стороны.

Вот так и случилось, что я воспользовался сердечным гостеприимством мистера и миссис Тейлор. Но когда я раньше назвал события этого вечера «мучительными», я имел в виду не только оплошность с бензином и вынужденный спуск в деревню по бездорожью. Ибо то, что случилось после, — поворот событий за ужином, который я разделил с мистером и миссис Тейлор и их соседями, — на свой лад оказалось испытанием куда более тяжким, нежели неудобства преимущественно физического порядка, с какими я столкнулся незадолго до того. Уверяю вас, я почувствовал огромное облегчение, когда смог наконец подняться в эту комнату и предаться воспоминаниям о Дарлингтон-холле тех давних лет.

Последнее время я вообще все чаще обращаюсь к подобным воспоминаниям. А с той минуты, как несколько недель тому назад впервые обозначилась возможность снова увидеться с мисс Кентон, я, кажется, стал подолгу задумываться над тем, как и почему наши с ней отношения претерпели столь серьезные изменения. Ибо другим словом не назовешь то, что произошло в 1935 или 1936 году, после многих лет, на протяжении которых мы упорно шли — и пришли — к полному рабочему взаимопониманию. А кончилось все это тем, что мы отказались даже от ежевечерних встреч за чашкой какао. Но что именно вызвало эти изменения, какие конкретно события к ним привели — этого мне так и не удалось понять.

In thinking about this recently, it seems possible that that odd incident the evening Miss Kenton came into my pantry uninvited may have marked a crucial turning point. Why it was she came to my pantry I cannot remember with certainty. I have a feeling she may have come bearing a vase of flowers 'to brighten things up', but then again, I may be getting confused with the time she attempted the same thing years earlier at the start of our acquaintanceship. I know for a fact she tried to introduce flowers to my pantry on at least three occasions over the years, but perhaps I am confused in believing this to have been what brought her that particular evening. I might emphasize, in any case, that notwithstanding our years of good working relations, I had never allowed the situation to slip to one in which the housekeeper was coming and going from my pantry all day. The butler's pantry, as far as I am concerned, is a crucial office, the heart of the house's operations, not unlike a general's headquarters during a battle, and it is imperative that all things in it are ordered — and left ordered — in precisely the way I wish them to be. I have never been that sort of butler who allows all sorts of people to wander in and out with their queries and grumbles. If operations are to be conducted in a smoothly coordinated way, it is surely obvious that the butler's pantry must be the one place in the house where privacy and solitude are guaranteed.

Когда возвращаешься к событиям задним числом, представляется вероятным, что решающим, поворотным пунктом стала из ряда вон выходящая сцена, случившаяся в тот вечер, когда мисс Кентон вошла без приглашения ко мне в буфетную. Почему и зачем, сейчас уже точно не помню. Что-то подсказывает, что она могла принести вазу с цветами «оживить покои», но, возможно, я путаю и это произошло значительно раньше, в самом начале нашего знакомства. Я твердо помню, что за все эти годы она пыталась поставить у меня в буфетной цветы по меньшей мере три раза, но, возможно, ошибаюсь, полагая, что именно цветы послужили в тот вечер предлогом для ее прихода. Должен, во всяком случае, подчеркнуть, что, несмотря на наши многолетние прекрасные рабочие отношения, я никогда не позволял им доходить до такой степени чтобы экономка появлялась в моей буфетной когда ей заблагорассудится. Для меня лично буфетная дворецкого — ключевой пост, сердцевина, к которой сходятся нити всех домашних процессов, как к генеральскому штабу — нити боевых операций; все в ней обязано пребывать — и оставаться — именно в том порядке, который устанавливаю я сам. Я не из той породы дворецких, кто позволяет всем кому не лень толочься в буфетной со всякими вопросами и жалобами. Само собой разумеется, что в интересах спокойного и согласованного руководства домашними процессами буфетная дворецкого должна быть единственным местом в доме, надежно огражденным от любых вторжений извне.

As it happened, when she entered my pantry that evening, I was not in fact engaged in professional matters. That is to say, it was towards the end of the day during a quiet week and I had been enjoying a rare hour or so off duty. As I say, I am not certain if Miss Kenton entered with her vase of flowers, but I certainly do recall her saying:

‘Mr Stevens, your room looks even less accommodating at night than it does in the day. That electric bulb is too dim, surely, for you to be reading by.’

‘It is perfectly adequate, thank you, Miss Kenton.’

‘Really, Mr Stevens, this room resembles a prison cell. All one needs is a small bed in the corner and one could well imagine condemned men spending their last hours here.’

Perhaps I said something to this, I do not know. In any case, I did not look up from my reading, and a few moments passed during which I waited for Miss Kenton to excuse herself and leave. But then I heard her say:

‘Now I wonder what it could be you are reading there, Mr Stevens.’

‘Simply a book, Miss Kenton.’

‘I can see that, Mr Stevens. But what sort of book — that is what interests me.’

I looked up to see Miss Kenton advancing towards me. I shut the book, and clutching it to my person, rose to my feet.

‘Really, Miss Kenton.’ I said, ‘I must ask you to respect my privacy.’

Случилось так, что в тот вечер мисс Кентон застала меня совсем не за профессиональным занятием. Приближался к концу рабочий день спокойной недели, и я воспользовался свободным часом, который редко мне выпадал. Как было сказано, я не ручаюсь, что мисс Кентон вошла с вазой цветов, но прекрасно помню, что она заметила:

— Мистер Стивенс, вечером ваша комната выглядит еще уютней, чем днем. У лампочки слишком слабый накал, ну разве можно читать при таком свете!

— Меня вполне устраивает, благодарю, мисс Кентон.

— Честное слово, мистер Стивенс, эта комната похожа на тюремную камеру. Поставить в углу узкую койку — и можно поверить, что приговоренные проводят тут последние часы перед казнью.

Возможно, я что-то ей возразил, сейчас не припомню. Во всяком случае, глаз от книги я так и не поднял, надеясь, что мисс Кентон извинится и выйдет. Прошло несколько секунд, и снова раздался ее голос:

— Интересно, что вы тут читаете, мистер Стивенс?

— Читаю книгу, мисс Кентон.

— Это я и сама вижу, мистер Стивенс. Но мне интересно, что за книгу.

Я поднял взгляд и увидел, что мисс Кентон ко мне приближается. Я закрыл книгу, прижал к груди и поднялся.

— Право же, мисс Кентон, — заметил я, — приходится попросить вас считаться с моим желанием побыть одному.

‘But why are you so shy about your book, Mr Stevens? I rather suspect it may be something rather racy.’

‘It is quite out of the question, Miss Kenton, that anything “racy,” as you put it, should be found on his lordship’s shelves.’

‘I have heard it said that many learned books contain the most racy of passages, but I have never had the nerve to look. Now, Mr Stevens, do please allow me to see what it is you are reading.’

‘Miss Kenton, I must ask you to leave me alone. It is quite impossible that you should persist in pursuing me like this during the very few moments of spare time I have to myself.’

But Miss Kenton was continuing to advance and I must say it was a little difficult to assess what my best course of action would be. I was tempted to thrust the book into the drawer of my desk and lock it, but this seemed absurdly dramatic. I took a few paces back, the book still held to my chest.

‘Please show me the volume you are holding, Mr Stevens,’ Miss Kenton said, continuing her advance, ‘and I will leave you to the pleasures of your reading. What on earth can it be you are so anxious to hide?’

‘Miss Kenton, whether or not you discover the title of this volume is in itself not of the slightest importance to me. But as a matter of principle, I object to your appearing like this and invading my private moments.’

— Но почему вы так вцепились в книгу, мистер Стивенс? Можно подумать, это нечто фривольное.

— Абсолютно исключено, мисс Кентон, чтобы «фривольному», как вы это именуете, нашлось место на книжных полках его светлости.

— Мне говорили, что во многих ученых книгах встречаются весьма пикантные места, но самой не хватало смелости поглядеть. Ну-ка, мистер Стивенс, пожалуйста, покажите, что вы читаете.

— Мисс Кентон, я должен просить вас оставить меня в покое. Просто невероятно, что вы так упорно пристаёте ко мне, когда у меня выдалось несколько свободных минут.

Но мисс Кентон подходила все ближе, и, должен признаться, я немного растерялся, не зная, как надлежит вести себя в подобной ситуации. Меня подмывало бросить книгу в ящик конторки и закрыть на ключ, но это отдавало нелепой театральщиной. Я попятился, все еще прижимая книгу к груди.

— Ну, мистер Стивенс, ну, пожалуйста, покажите книгу, — повторила мисс Кентон, продолжая на меня надвигаться, — и я уйду, а вы читайте себе дальше на здоровье. Что же это за книга такая, если вы никак не даёте на нее посмотреть?

— Мисс Кентон, увидите вы или нет название этой книги, само по себе ни в малейшей степени меня не волнует. Но я в принципе возражаю против того, чтобы вы вот так появлялись и вторгались ко мне в минуты уединения.

‘I wonder, is it a perfectly respectable volume, Mr Stevens, or are you in fact protecting me from its shocking influences?’

Then she was standing before me, and suddenly the atmosphere underwent a peculiar change — almost as though the two of us had been suddenly thrust on to some other plane of being altogether. I am afraid it is not easy to describe clearly what I mean here. All I can say is that everything around us suddenly became very still; it was my impression that Miss Kenton’s manner also underwent a sudden change; there was a strange seriousness in her expression, and it struck me she seemed almost frightened.

‘Please, Mr Stevens, let me see your book.’

She reached forward and began gently to release the volume from my grasp. I judged it best to look away while she did so, but with her person positioned so closely, this could only be achieved by my twisting my head away at a somewhat unnatural angle. Miss Kenton continued very gently to prise the book away, practically one finger at a time. The process seemed to take a very long time — throughout which I managed to maintain my posture — until finally I heard her say:

‘Good gracious, Mr Stevens, it isn’t anything so scandalous at all. Simply a sentimental love story.’

I believe it was around this point that I decided there was no need to tolerate any more. I cannot re-

— Интересно, нет ли в этой книге чего неприличного, мистер Стивенс, и уж не оберегаете ли вы меня часом от ее гадкого влияния?

Мы оказались лицом к лицу, и вдруг вся обстановка странным образом изменилась — как если бы нас двоих внезапно выбросило в какое-то совершенно иное измерение бытия. Боюсь, нелегко дать вам ясное представление о том, что я имею в виду. Могу лишь сказать, что все вокруг нас вдруг застыло; мне показалось, что и с мисс Кентон тоже произошла внезапная перемена — лицо у нее стало непривычно серьезным, и меня поразило чуть ли не испуганное его выражение.

— Прошу вас, мистер Стивенс, дайте взглянуть на книгу.

Она протянула руку и принялась осторожно высвобождать книгу из моих судорожно сжатых пальцев. Я почел за благо отвернуться, пока она этим занималась, но мы стояли так близко, почти вплотную друг к другу, что сделать это я мог только одним способом — задрал голову вверх и вбок под довольно неестественным углом. Мисс Кентон продолжала очень осторожно вытягивать книгу, по очереди разжимая мои пальцы. Как мне показалось, это продолжалось очень долго — а я все время простоял в той же позе, — но наконец я услышал ее голос:

— Боже правый, мистер Стивенс, да в этой книге совсем нет ничего такого. Обычный сентиментальный любовный роман.

Вот тут-то, думаю, и пришел конец моему терпению. Не помню, что именно я сказал тогда мисс

call precisely what I said, but I remember showing Miss Kenton out of my pantry quite firmly and the episode was thus brought to a close.

I suppose I should add a few words here concerning the matter of the actual volume around which this small episode revolved. The book was, true enough, what might be described as a ‘sentimental romance’ — one of a number kept in the library, and also in several of the guest bedrooms, for the entertainment of lady visitors. There was a simple reason for my having taken to perusing such works; it was an extremely efficient way to maintain and develop one’s command of the English language. It is my view — I do not know if you will agree — that in so far as our generation is concerned, there has been too much stress placed on the professional desirability of good accent and command of language; that is to say, these elements have been stressed sometimes at the cost of more important professional qualities. For all that, it has never been my position that good accent and command of language are not attractive attributes, and I always considered it my duty to develop them as best I could. One straightforward means of going about this is simply to read a few pages of a well-written book during odd spare moments one may have. This had been my own policy for some years, and I often tended to choose the sort of volume Miss Kenton had found me reading that evening simply because such works tend to be written in good English, with plenty of elegant dialogue of much practical value to me. A weightier book — a scholarly study, say — while it might have been

Кентон, но помню, что твердой рукой указал ей на дверь буфетной, положив тем самым конец всему эпизоду.

Здесь, видимо, следует сказать несколько слов о самой книге, вокруг которой разгорелись такие страсти. Книга и вправду представляла собой то, что можно назвать «душещипательным романом» — они имелись в библиотеке и лежали в некоторых гостевых спальнях для развлечения приезжающих дам. К штудированию таких сочинений я пристрастился по другой простой причине — они успешно помогали избегать просторечия и совершенствоваться во владении английским языком. Я считаю — не знаю, согласитесь ли вы со мной, — что если речь идет о нашем поколении, слишком большой упор делается на то, чтобы дворецкий говорил грамотно и с хорошим произношением. Эти частности порой даже раздуваются в ущерб более важным профессиональным качествам. Тем не менее я всегда полагал, что хорошее произношение и грамотность — вещи привлекательные, и неизменно почитал своим долгом по возможности совершенствоваться в том и в другом. Тут одна из простейших методик — читать по несколько страниц какой-нибудь хорошо написанной книги всякий раз, как выпадает свободная минута. К тому времени я уже не первый год следовал этому правилу и частенько брал в руки книжки вроде той, за чтением которой меня застала тогда мисс Кентон, — брал всего лишь потому, что они, как правило, написаны хорошим языком и изобилуют изящными диалогами, из которых можно почерп-

more generally improving would have tended to be couched in terms likely to be of more limited use in the course of one's normal intercourse with ladies and gentlemen.

I rarely had the time or the desire to read any of these romances cover to cover, but so far as I could tell, their plots were invariably absurd — indeed, sentimental — and I would not have wasted one moment on them were it not for these aforementioned benefits. Having said that, however, I do not mind confessing today — and I see nothing to be ashamed of in this — that I did at times gain a sort of incidental enjoyment from these stories. I did not perhaps acknowledge this to myself at the time, but as I say, what shame is there in it? Why should one not enjoy in a light-hearted sort of way stories of ladies and gentlemen who fall in love and express their feelings for each other, often in the most elegant phrases?

But when I say this, I do not mean to imply the stance I took over the matter of the book that evening was somehow unwarranted. For you must understand, there was an important principle at issue. The fact was, I had been 'off duty' at that moment Miss Kenton had come marching into my pantry. And of course, any butler who regards his vocation with pride, any butler who aspires at all to a 'dignity in keeping with his position', as the Hayes Society once put it, should never allow himself to be 'off duty' in the presence of others. It really was immaterial whether it was Miss Kenton or a com-

нуть немало профессионально полезного. Книги посерьезнее, скажем ученые исследования, хотя и способны расширять кругозор, однако, как правило, изобилуют выражениями, не столь широко применяемыми в ходе профессионального общения с дамами и джентльменами.

У меня редко бывает время и желание читать эти романы от корки до корки, но, насколько могу судить, их сюжеты всегда нелепы, действительно «душещипательны», и я бы не брал подобных книг в руки, если б не извлекал из них вышеуказанной пользы. Сказав об этом, я, однако, готов сегодня признать — и не вижу в том ничего постыдного, — что подчас их чтение доставляло мне своеобразное удовольствие. Тогда, возможно, я и сам еще этого не сознавал, но повторю: чего тут стыдиться? Почему бы и не получать удовольствие от легковесных повествований про дам и джентльменов, которые друг в друга влюбляются и говорят о своих чувствах в самых изысканных выражениях?

Этим я вовсе не хочу сказать, что занятая мной в тот вечер по поводу книги позиция в чем-то была неоправданной. Вы должны понять — тогда речь шла о деле принципиальной важности. Суть в том, что перед появлением мисс Кентон в буфетной я позволил себе расслабиться. А всякий дворецкий, гордящийся своей профессией, всякий дворецкий, хоть сколько-нибудь стремящийся обладать, как некогда сформулировало Общество Хейса, «достоинством, отвечающим занимаемому им положению», разумеется, не может позволить себе расслабиться в присутствии других лиц. Не важно,

plete stranger who had walked in at that moment. A butler of any quality must be seen to inhabit his role, utterly and fully; he cannot be seen casting it aside one moment simply to don it again the next as though it were nothing more than a pantomime costume. There is one situation and one situation only in which a butler who cares about his dignity may feel free to unburden himself of his role; that is to say, when he is entirely alone. You will appreciate then that in the event of Miss Kenton bursting in at a time when I had presumed, not unreasonably, that I was to be alone, it came to be a crucial matter of principle, a matter indeed of dignity, that I did not appear in anything less than my full and proper role.

However, it had not been my intention to analyse here the various facets of this small episode from years ago. The main point about it was that it alerted me to the fact that things between Miss Kenton and myself had reached — no doubt after a gradual process of many months — an inappropriate footing. The fact that she could behave as she had done that evening was rather alarming, and after I had seen her out of my pantry, and had had a chance to gather my thoughts a little, I recall resolving to set about reestablishing our professional relationship on a more proper basis. But as to just how much that incident contributed to the large changes our relationship subsequently underwent, it is very dif-

в сущности, что тогда ко мне вошла именно мисс Кентон: на ее месте мог быть и совершенно незнакомый человек. Всякий мало-мальски серьезный дворецкий обязан на людях жить в своей роли, жить целиком и полностью, он не может на глазах у других выйти из роли, а через час войти, словно это не роль, а маскарадный костюм. Существует всего одна, и только одна, ситуация, в рамках которой дворецкий, пекущийся о своем достоинстве, может позволить себе выйти из роли, а именно — когда он остается в полном одиночестве. Теперь вам станет понятно, что в случае с мисс Кентон, ворвавшейся ко мне в то время, когда я предполагал, и небезосновательно, что побуду один, речь шла о проблеме принципиальной, жизненной важности, а именно о достоинстве, позволяющем мне являться перед другими не иначе как полностью и надлежащим образом проникнувшись ролью.

Я, однако, не собирался подвергать здесь этот незначительный эпизод многолетней давности всестороннему разбору. Главный его смысл состоял в том, что он заставил меня встать и осознать: наши с мисс Кентон отношения доказались — разумеется, незаметно, в течение многих месяцев, — до неуместного панибратства. То, что она позволила себе так держаться со мной в тот вечер, вызывало определенную тревогу, и после того, как я выпроводил ее из буфетной и получил возможность немного собраться с мыслями, я, помнится, принял решение перевести наши рабочие контакты на более приличествующую основу. Но в какой мере описанный случай способствовал

difficult now to say. There may well have been other more fundamental developments to account for what took place. Such as, for instance, the matter of Miss Kenton's days off.

From the time she first arrived at Darlington Hall right up until perhaps a month or so before that incident in my pantry. Miss Kenton's days off had followed a predictable pattern. She would, once every six weeks, take two days off to visit her aunt in Southampton; otherwise, following my own example, she would not really take days off as such unless we were going through a particularly quiet time, in which case she might spend a day strolling around the grounds and doing a little reading in her parlour. But then, as I say, the pattern changed. She began suddenly to take full advantage of her contracted time off, disappearing regularly from the house from early in the morning, leaving no information other than the hour she might be expected back that night. Of course, she never took more time than her entitlement, and thus I felt it improper to inquire further concerning these outings of hers. But I suppose this change did perturb me somewhat, for I remember mentioning it to Mr Graham, valet-butler to Sir James Chambers — a good colleague who, incidentally, I seem now to have lost touch with — as we sat talking by the fire one night during one of his regular visits to Darlington Hall.

In fact, all I had said was something to the effect that the housekeeper had been 'a little moody

радикальным изменениям, которые в дальнейшем претерпели наши отношения, теперь очень трудно сказать. То, что произошло потом, вполне может объясняться и другими, более значительными факторами. Такими, к примеру, как проблема свободных дней мисс Кентон.

С первого появления мисс Кентон в Дарлингтон-холле и почти до того случая в буфетной ее свободные дни распределялись по следующей схеме. Раз в полтора месяца она брала два дня и отправлялась в Саутгемптон проведать тетку или же, следуя моему примеру, вообще не брала свободных дней, разве что в доме наступало затишье, и тогда она весь день гуляла вокруг дома и читала у себя в гостиной. Но потом, как я говорил, все изменилось. Она вдруг начала пользоваться всеми положенными ей по контракту выходными; каждый раз исчезая с раннего утра, она никому ничего не говорила и только сообщала час, к которому собиралась вернуться вечером. Конечно, она брала только то, на что имела право, и поэтому я счел неуместным дознаваться об этих ее вылазках. Но, видимо, такая перемена меня все же тревожила, потому что, помнится, я коснулся ее в разговоре с мистером Грэмом, дворецким-камердинером сэра Джеймса Чемберса, — добрым моим коллегой, с которым, кстати, я, видимо, потерял теперь связь, — когда мы как-то вечером сидели у камина во время одного из его регулярных приездов в Дарлингтон-холл.

В действительности я и сказал всего одну какую-то фразу в том духе, что экономка-де «последнее

of late', and so had been rather surprised when Mr Graham nodded, leaned towards me and said knowingly:

'I'd been wondering how much longer it would be.'

When I asked him what he meant, Mr Graham went on:

'Your Miss Kenton. I believe she's now what? Thirty-three? Thirty-four? Missed out on the best of her mothering years, but it's not too late yet.'

'Miss Kenton', I assured him, 'is a devoted professional. I happen to know for a fact that she has no wish for a family.'

But Mr Graham had smiled and shook his head, saying:

'Never believe a housekeeper who tells you she doesn't want a family. Indeed, Mr Stevens, I should think you and I could sit here now and count up at least a dozen between us that once said as much, then got married and left the profession.'

I recall I dismissed Mr Graham's theory with some confidence that evening, but thereafter, I must admit, I found it hard to keep out of my mind the possibility that the purpose of these mysterious outings of Miss Kenton was to meet a suitor. This was indeed a disturbing notion, for it was not hard to see that Miss Kenton's departure would constitute a professional loss of some magnitude, a loss Darlington Hall would have some difficulty recovering from. Furthermore, I was obliged to recognize certain other little signs which tended to support Mr

время немного не в своей тарелке», так что мистер Грэм меня удивил, когда кивнул головой, подался ко мне и с пронизательным видом заметил:

— Я все ждал, сколько это еще протянется.

Я спросил, что он имеет в виду, и он продолжал:

— Вашу мисс Кентон. Сколько ей сейчас будет? Тридцать три? Тридцать четыре? Упустила лучшие годы для материнства, однако наверстать еще и теперь не поздно.

— Мисс Кентон, — заверил я, — преданная своему делу профессионалка. Так получилось, что мне достоверно известно — заводить семью она не намерена.

Но мистер Грэм только улыбнулся, покачал головой и сказал:

— Не верьте экономке, когда она заявляет, что не хочет семьи. Да что там говорить, мистер Стивенс, одни мы с вами, здесь сидючи, сможем припомнить добрую дюжину, которые заявляли то же самое, а после выходили замуж и бросали работу.

В тот вечер я, помнится, самонадеянно отмел теорию мистера Грэма, однако впоследствии, признаюсь, мне стало трудно гнать от себя мысли о том, что целью таинственных отлучек мисс Кентон могли быть встречи с поклонником. Эти мысли и вправду вселяли тревогу, ибо, как легко догадаться, уход мисс Кентон стал бы для нас с профессиональной точки зрения потерей весьма значительной, от которой Дарлингтон-холлу было бы сложно оправиться. Больше того, я вынужден был признать и наличие других мелких

Graham's theory. For instance, the collection of mail being one of my duties, I could not help noticing that Miss Kenton had started to get letters on a fairly regular basis — once a week or so — from the same correspondent, and that these letters bore a local postmark. I should perhaps point out here that it would have been well nigh impossible for me not to have noticed such things, given that throughout all her preceding years at the house, she had received very few letters indeed.

Then there were other more nebulous signs to support Mr Graham's view. For instance, although she continued to discharge her professional duties with all her usual diligence, her general mood tended to undergo swings of a sort I had hitherto never witnessed. In fact, the times when she became extremely cheerful for days on end — and for no observable reason — were almost as disturbing to me as her sudden, often prolonged sullen spells. As I say, she remained utterly professional throughout it all, but then again, it was my duty to think about the welfare of the house in the long term, and if indeed these signs tended to support Mr Graham's notion that Miss Kenton was contemplating departing for romantic purposes, I clearly had a responsibility to probe the matter further. I did then venture to ask her one evening during one of our sessions over cocoa:

признаков, косвенно подтверждающих правоту мистера Грэма. Так, поскольку получение почты входит в мои обязанности, я невольно обратил внимание на то, что мисс Кентон начала довольно регулярно — примерно раз в неделю — получать письма от одного и того же корреспондента, да еще и со штемпелем местной почты. Здесь, может быть, следует подчеркнуть, что я никак не мог всего этого не заметить, учитывая, что за все предыдущие годы ей пришлось на адрес Дарлингтонхолла очень немного писем.

Наконец, в пользу мнения мистера Грэма говорили и еще более неопределенные приметы. Например, при том, что свои рабочие обязанности мисс Кентон продолжала отправлять со свойственным ей усердием, общее ее настроение стало подвержено таким разительным колебаниям, каких до этого я за ней не замечал. Периоды, когда она целыми днями — и без всякой видимой причины — ходила весьма жизнерадостной и веселой, пугали меня почти так же, как ее внезапные и зачастую продолжительные приступы угрюмости. Как я сказал, она в любом настроении высоко держала свою профессиональную марку, но с другой стороны, заботиться о благополучии дома в долгосрочной перспективе было моей обязанностью, и коль скоро эти приметы действительно подтверждали точку зрения мистера Грэма, будто мисс Кентон замышляет оставить место из романтических побуждений, проверить такую версию было моим прямым долгом. Поэтому на одной из наших ежевечерних встреч за чашкой какао я отважился задать ей вопрос:

‘And will you be going off again on Thursday, Miss Kenton? On your day off, I mean.’

I had half expected her to be angry at this inquiry, but on the contrary, it was almost as though she had been long awaiting an opportunity to raise the very topic. For she said in something of a relieved way:

‘Oh, Mr Stevens, it’s just someone I knew once when I was at Granchester Lodge. As a matter of fact, he was the butler there at the time, but now he’s left service altogether and is employed by a business near by. He somehow learnt of my being here and started writing to me, suggesting we renew our acquaintance. And that, Mr Stevens, is really the long and short of it.’

‘I see. Miss Kenton. No doubt, it is refreshing to leave the house at times.’

‘I find it so, Mr Stevens.’

There was a short silence. Then Miss Kenton appeared to make some decision and went on:

‘This acquaintance of mine. I remember when he was butler at Granchester Lodge, he was full of the most marvellous ambitions. In fact, I imagine his ultimate dream would have been to become butler of a house like this one. Oh, but when I think now of some of his methods! Really, Mr Stevens, I can just imagine your face if you were to be confronted by them now. It really is no wonder his ambitions remained unfulfilled.’

I gave a small laugh.

‘In my experience,’ I said, ‘too many people believe themselves capable of working at these higher

— В четверг вы тоже уйдете, мисс Кентон? В ваш свободный день, я хочу сказать?

Я думал, она рассердится, но она, напротив, словно долго ждала случая поговорить на эту самую тему, ибо ответила даже как бы с облегчением:

— Ну, мистер Стивенс, это просто мой старый знакомый еще с тех времен, когда я была в Гранчестер-лодже. Он тогда служил там дворецким, но потом ушел и теперь работает неподалеку в одной фирме. Он как-то проведал, что я здесь служу, и стал мне писать, предлагая возобновить знакомство. Вот, собственно, и все, мистер Стивенс.

— Понимаю, мисс Кентон. Конечно, приятно время от времени отдохнуть от службы.

— Я тоже так считаю, мистер Стивенс.

Мы помолчали. Затем мисс Кентон, видимо, пришла к какому-то решению и продолжала:

— Так про этого моего знакомого. Помню, когда он служил дворецким в Гранчестер-лодже, то был полон самых благородных устремлений. Мне кажется даже, что его самой заветной мечтой было поступить дворецким в такой дом, как этот. Но стоит мне сейчас вспомнить кое о каких его рабочих привычках... Право же, мистер Стивенс, я представляю, что бы вы только сказали, если б на него посмотрели! Неудивительно, что его честолюбивые помыслы так и не осуществились.

Я хмыкнул.

— На своем веку, — заметил я, — я повидал слишком многих, кто считал, будто может слу-

levels without having the least idea of the exacting demands involved. It is certainly not suited to just anybody.'

'So true. Really, Mr Stevens, what would you have said if you had observed him in those days!'

'At these sorts of levels, Miss Kenton, the profession isn't for everybody. It is easy enough to have lofty ambitions, but without certain qualities, a butler will simply not progress beyond a certain point.'

Miss Kenton seemed to ponder this for a moment, then said:

'It occurs to me you must be a well-contented man, Mr Stevens. Here you are, after all, at the top of your profession, every aspect of your domain well under control. I really cannot imagine what more you might wish for in life.'

I could think of no immediate response to this. In the slightly awkward silence that ensued, Miss Kenton turned her gaze down into the depths of her cocoa cup as if she had become engrossed by something she had noticed there. In the end, after some consideration, I said:

'As far as I am concerned, Miss Kenton, my vocation will not be fulfilled until I have done all I can to see his lordship through the great tasks he has set himself. The day his lordship's work is complete, the day he is able to rest on his laurels, content in the knowledge that he has done all anyone could ever reasonably ask of him, only on that day, Miss

жить в таких вот домах высшего уровня, имея весьма смутное представление о предъявляемых требованиях. Конечно же, эта служба не всякому по плечу.

— Истинная правда. Нет, мистер Стивенс, жалко, что вы тогда его не видели!

— На уровне нашего порядка, мисс Кентон, не каждый способен работать. Легко вынашивать честолюбивые помыслы, но без определенных качеств дворецкому просто не переступить определенной черты.

Мисс Кентон, похоже, взвесила сказанное и произнесла:

— По-моему, мистер Стивенс, вы должны быть всем очень довольны. В конце концов, вы достигли высшей ступени в своей профессии, в подконтрольной вам области все происходит только с вашего ведома. Я просто не представляю, чего еще вам требовать от жизни.

Я не сразу нашелся с ответом. В наступившем чуть неловком молчании мисс Кентон устремила взор в свою чашку с какао, словно обнаружила там нечто крайне интересное. Подумав, я наконец сказал:

— Что касается меня, мисс Кентон, я сочту свою миссию выполненной лишь тогда, когда сделаю все, что в моих силах, дабы способствовать его светлости в достижении великих целей, какие он перед собой ставит. В тот день, когда его светлость завершит свои труды, в тот день, когда он сможет почтить на лаврах в сознании того, что оправдал

Kenton, will I be able to call myself, as you put it, a well-contented man.'

She may have been a little puzzled by my words; or perhaps it was that they had for some reason displeased her. In any case, her mood seemed to change at that point, and our conversation rapidly lost the rather personal tone it had begun to adopt.

It was not so long afterwards that these meetings over cocoa in her parlour came to an end. In fact, I recall quite clearly the very last time we met like that; I was wishing to discuss with Miss Kenton a forthcoming event — a weekend gathering of distinguished persons from Scotland. It is true the event was still a month or so away, but then it had always been our habit to talk over such events from an early stage. On this particular evening, I had been discussing various aspects of it for a little while when I realized Miss Kenton was contributing very little; indeed, after a time, it became perfectly obvious her thoughts were somewhere else altogether. I did on a few occasions say things like: 'Are you with me, Miss Kenton?' particularly if I had been making a lengthy point, and though whenever I did so she would become a little more alert, within seconds I could see her attention drifting again. After several minutes of my talking and her contributing only statements such as, 'Of course, Mr Stevens,' or, 'I quite agree, Mr Stevens,' I finally said to her:

все разумные ожидания, когда-либо на него возлагавшиеся, — только в этот день, мисс Кентон, я смогу назвать себя, как вы изволили выразиться, очень довольным.

Возможно, мои слова привели ее в легкое замешательство — или же, по какой-то непонятной причине, пришлось ей не по вкусу. Во всяком случае, у нее в эту минуту, видимо, переменялось настроение, и наша беседа быстро утратила доверительность, которую начала было приобретать.

А через несколько недель после этого разговора нашим встречам за чашкой какао у нее в гостиной вообще пришел конец. Да, я хорошо помню последнюю. Мне нужно было обсудить с мисс Кентон одно предстоящее событие — приезд на субботу и воскресенье группы видных лиц из Шотландии. Правда, до него оставался еще целый месяц, но мы взяли за правило обговаривать подобные мероприятия заблаговременно. В тот вечер я начал излагать свои соображения о различных сторонах этого вопроса, но вскоре до меня дошло, что мисс Кентон почти не участвует в разговоре; больше того, мне стало вполне очевидно, что мысли ее заняты совершенно другим. Я неоднократно обращался к ней со словами вроде: «Вы слушаете, мисс Кентон?» — особенно когда пускался в обстоятельные рассуждения; она всякий раз начинала слушать чуть внимательней, но я видел, что тут же мысли ее оказывались где-то далеко. Проговорив так несколько минут и слыша в ответ одни лишь короткие фразы типа «Разумеется, мистер

‘I am sorry, Miss Kenton, but I see little point in our continuing. You simply do not seem to appreciate the importance of this discussion.’

‘I’m sorry, Mr Stevens,’ she said, sitting up a little. ‘It’s simply that I’m rather tired this evening.’

‘You are increasingly tired now, Miss Kenton. It used not to be an excuse you needed to resort to.’

To my astonishment, Miss Kenton responded to this in a sudden burst:

‘Mr Stevens, I have had a very busy week. I am very tired. In fact, I have been wishing for my bed for the last three or four hours. I am very, very tired, Mr Stevens, can you not appreciate that?’

It is not as though I had expected an apology from her, but the stridency of this reply did, I must say, take me aback a little. However, I decided not to get drawn into an unseemly argument with her and made sure to pause for a telling moment or two before saying quite calmly:

‘If that is how you feel about it, Miss Kenton, there is no need at all for us to continue with these evening meetings. I am sorry that all this time I had no idea of the extent to which they were inconveniencing you.’

Mr Stevens, I merely said that I was tired tonight...’

Стивенс» или «Совершенно согласна с вами, мистер Стивенс», я наконец сказал:

— Простите, мисс Кентон, но я не вижу смысла продолжать. Вы, очевидно, просто не понимаете всей важности настоящего обсуждения.

— Простите, мистер Стивенс, — ответила она, слегка встрепенувшись. — Просто я нынче порядком устала.

— Последнее время, мисс Кентон, вы устаете все чаще. Прежде у вас не возникало необходимости на это ссылаться.

К моему удивлению, мисс Кентон реагировала на мои слова взрывом эмоций:

— Мистер Стивенс, у меня была очень тяжелая неделя. Я очень устала. Честно говоря, вот уже три или четыре часа я только и думаю, как бы прилечь. Я очень, очень устала, мистер Стивенс, разве вы не чувствуете?

Я не то чтобы ожидал от нее извинений, но резкость ее ответа, признаюсь, меня слегка ошеломила. Я, однако, решил не вступать в бессмысленную перепалку, выдержал многозначительную паузу и произнес:

— Если вы так настроены, мисс Кентон, нам нет никакого резона продолжать встречаться по вечерам. Сожалею, что до сих пор не имел представления, насколько это вам неудобно.

— Мистер Стивенс, я всего лишь сказала, что устала сегодня...

‘No, no, Miss Kenton, it’s perfectly understandable. You have a busy life, and these meetings are a quite unnecessary addition to your burden. There are many alternative options for achieving the level of professional communication necessary without our meeting on this basis.’

‘Mr Stevens, this is quite unnecessary. I merely said ...’

‘I mean it, Miss Kenton. In fact, I had been wondering for some time if we should not discontinue these meetings, given how they prolong our already very busy days. The fact that we have met here now for years is no reason in itself why we should not seek a more convenient arrangement from here on.’

‘Mr Stevens, please, I believe these meetings are very useful...’

‘But they are inconvenient for you, Miss Kenton. They tire you out. May I suggest that from now on, we simply make a special point of communicating important information during the course of the normal working day. Should we not be able to find each other readily, I suggest we leave written messages at one another’s doors. That seems to me a perfectly fine solution. Now, Miss Kenton, I apologize for keeping you up so long. Thank you very kindly for the cocoa.’

Naturally — and why should I not admit this — I have occasionally wondered to myself how things might have turned out in the long run had I not been so determined over the issue of our evening meetings; that is to say, had I relented on those several occasions over the weeks that followed when Miss

— Нет, нет, мисс Кентон, я все понимаю. У вас и так уйма дел, а эти встречи еще добавляют ненужных хлопот. Найдется много других способов общения на должном рабочем уровне и помимо подобных встреч.

— Мистер Стивенс, не нужно ничего менять. Я только сказала...

— Я серьезно, мисс Кентон. Я и сам последнее время подумывал прекратить эти встречи, поскольку они удлиняют наш и без того долгий рабочий день. Тот факт, что мы уже много лет так встречаемся, сам по себе не мешает нам перейти отныне к более удобной форме общения.

— Ну, пожалуйста, мистер Стивенс, мне эти встречи очень полезны...

— Но они причиняют вам неудобства, мисс Кентон. Они вас утомляют. Я бы предложил договориться таким образом: впредь мы в обязательном порядке обмениваемся важной информацией в течение рабочего дня. На тот случай, если мы не сразу найдем друг друга, предлагаю оставлять записки у дверей. По-моему, это прекрасное решение. А сейчас, мисс Кентон, приношу извинения, что отнял у вас столько времени. Весьма благодарен за какао.

Естественно — и я готов это признать — время от времени я задавался вопросом, как бы все в конце концов обернулось, не прояви я непреклонности в вопросе о наших вечерних встречах; то есть если бы я уступил, когда потом мисс Кентон несколько раз предлагала возобновить их. Сей-

Kenton suggested we reinstitute them. I only speculate over this now because in the light of subsequent events, it could well be argued that in making my decision to end those evening meetings once and for all, I was perhaps not entirely aware of the full implications of what I was doing. Indeed, it might even be said that this small decision of mine constituted something of a key turning point; that that decision set things on an inevitable course towards what eventually happened.

But then, I suppose, when with the benefit of hindsight one begins to search one's past for such 'turning points', one is apt to start seeing them everywhere. Not only my decision in respect of our evening meetings, but also that episode in my pantry, if one felt so inclined, could be seen as such a 'turning point'. What would have transpired, one may ask, had one responded slightly differently that evening she came in with her vase of flowers? And perhaps — occurring as it did around the same time as these events — my encounter with Miss Kenton in the dining room the afternoon she received the news of her aunt's death might be seen as yet another 'turning point' of sorts.

News of the death had arrived some hours earlier; indeed, I had myself knocked on the door of her parlour that morning to hand her the letter. I had stepped inside for a brief moment to discuss some professional matter, and I recall we were seated at her table and in mid-conversation at the moment she opened the letter. She became very still, but to her credit she remained composed, reading the let-

час я размышляю об этом лишь потому, что в свете дальнейших событий можно подумать и так: приняв решение раз и навсегда покончить с этим вечерним какао, я, должно быть, не отдавал себе полного отчета в вероятных последствиях этого шага. Больше того, скромное это решение можно даже назвать своего рода поворотным пунктом и сказать, что оно предопределило дальнейшее развитие событий вплоть до неизбежной развязки.

А впрочем, стоит задним числом углубиться в поиски таких вот «поворотных пунктов», как они начинают мерещиться на каждом шагу. Не только мое решение прекратить встречи по вечерам, но и тот случай в буфетной можно, при желании, считать этим самым «поворотным пунктом». Резонно спросить: что бы произошло, если б ее приход с вазой цветов был встречен несколько по-другому? Очередным «поворотным пунктом», возможно, покажется и наш разговор с мисс Кентон в столовой в тот день, когда она узнала о смерти тетушки, ибо случилось это примерно тогда же.

Известие о тетушкиной смерти пришло раньше, с утренней почтой; я сам принес мисс Кентон письмо и постучался в двери ее гостиной. Помнится, я на минутку вошел обсудить какой-то рабочий вопрос, мы присели за стол и повели разговор, она вскрыла конверт и вдруг застыла, но, к ее чести, самообладания не потеряла. Прочтя письмо по меньшей мере дважды, она осторожно

ter through at least twice. Then she put the letter carefully back in its envelope and looked across the table to me.

‘It is from Mrs Johnson, a companion of my aunt. She says my aunt died the day before yesterday.’ She paused a moment, then said: ‘The funeral is to take place tomorrow. I wonder if it might be possible for me to take the day off.’

‘I am sure that could be arranged, Miss Kenton.’

‘Thank you, Mr Stevens. Forgive me, but perhaps I may now have a few moments alone.’

‘Of course, Miss Kenton.’

I made my exit, and it was not until after I had done so that it occurred to me I had not actually offered her my condolences. I could well imagine the blow the news would be to her, her aunt having been, to all intents and purposes, like a mother to her, and I paused out in the corridor, wondering if I should go back, knock and make good my omission. But then it occurred to me that if I were to do so, I might easily intrude upon her private grief. Indeed, it was not impossible that Miss Kenton, at that very moment, and only a few feet from me, was actually crying. The thought provoked a strange feeling to rise within me, causing me to stand there hovering in the corridor for some moments. But eventually I judged it best to await another opportunity to express my sympathy and went on my way.

As it turned out, I did not see her again until the afternoon, when, as I say, I came across her in the dining room, replacing crockery into the sideboard.

вложила его в конверт и посмотрела на меня через стол.

— Пишет миссис Джонсон, тетина компаньонка. Тетя позавчера умерла. — Мисс Кентон замолчала, потом добавила: — Похороны завтра. Хотелось бы знать, смогу ли я взять свободный день.

— Это, безусловно, можно устроить, мисс Кентон.

— Спасибо, мистер Стивенс. Вы уж меня простите, но теперь мне бы хотелось побыть одной.

— Разумеется, мисс Кентон.

Я удалился и только за порогом сообразил, что так и не принес ей свои соболезнования. Нетрудно было представить, какой это для нее удар — ведь тетушка была для нее во всех отношениях как родная мать. Я остановился в коридоре, раздумывая, не стоит ли вернуться, постучаться и исправить оплошность. Но тут мне пришло в голову, что этим поступком я, скорее всего, бесцеремонно нарушу ее уединение. Больше того, я совсем не исключал, что в эту минуту мисс Кентон и в самом деле плачет в каких-нибудь нескольких футах от меня. При этой мысли во мне поднялось какое-то непонятное чувство, отчего я на минуту замешкался в коридоре. Однако в конце концов я почел за лучшее подождать другого случая для выражения своего сочувствия и отправился восвояси.

Вышло так, что случай подвернулся лишь далеко за полдень, когда я, как было сказано, застал ее в столовой, где она убирала в сервант посуду.

By this point, I had been preoccupied for some hours with the matter of Miss Kenton's sorrow, having given particular thought to the question of what I might best do or say to ease her burden a little. And when I had heard her footsteps entering the dining room — I was busy with some task out in the hall — I had waited a minute or so, then put down what I was doing and followed her in.

‘Ah, Miss Kenton,’ I said. ‘And how might you be this afternoon?’

‘Quite well, thank you, Mr Stevens.’

‘Is everything in order?’

‘Everything is quite in order, thank you.’

‘I had been meaning to ask you if you were experiencing any particular problems with the new recruits.’ I gave a small laugh. ‘Various small difficulties are apt to arise when so many new recruits arrive all at once. I dare say the best of us can often profit by a little professional discussion at such times.’

‘Thank you, Mr Stevens, but the new girls are very satisfactory to me.’

‘You don't consider any changes necessary to the present staff plans on account of the recent arrivals?’

‘I don't think any such changes will be necessary, Mr Stevens. However, if I change my view on this, I will let you know immediately.’

She turned her attention back to the sideboard, and for a moment, I thought about leaving the dining room. In fact, I believe I actually took a few

К этому времени я вот уже несколько часов раздумывал о беде, свалившейся на мисс Кентон, в особенности над тем, что мне сделать или сказать, чтобы хоть немного облегчить ее горе. Услышав, что она прошла в столовую — сам я был чем-то занят в холле, — я выждал примерно с минуту и проследовал за нею.

— А, мисс Кентон, — сказал я. — Позвольте узнать, как вы себя чувствуете.

— Очень хорошо, спасибо, мистер Стивенс.

— Все в порядке?

— Все в полном порядке, спасибо.

— Я все собирался спросить, нет ли у вас каких трудностей с новой прислугой. — Я коротко рассмеялся. — Когда разом принимают столько новеньких, всегда возникают разного рода мелкие затруднения. В таких случаях, осмелюсь сказать, небольшой рабочий обмен мнениями часто бывает полезен и лучшим из нас.

— Спасибо, мистер Стивенс, новые девушки меня вполне устраивают.

— Вам не кажется целесообразным пересмотреть нынешнее распределение обязанностей в связи с недавним пополнением?

— Не думаю, чтобы в этом была необходимость, мистер Стивенс. Однако в случае чего я сразу же дам вам знать.

Она вернулась к посуде, и я хотел было удалиться; помнится, я уже направился к дверям, но повернулся и сказал:

steps towards the doorway, but then I turned to her again and said:

‘So, Miss Kenton, the new recruits are getting on well, you say.’

‘They are both doing very well, I assure you.’

‘Ah, that is good to hear.’ I gave another short laugh. ‘I merely wondered, because we had established that neither girls had worked previously in a house of this size.’

‘Indeed, Mr Stevens.’

I watched her filling the sideboard and waited to see if she would say anything further. When after several moments it became clear she would not, I said:

‘As a matter of fact, Miss Kenton, I have to say this. I have noticed one or two things have fallen in standard just recently. I do feel you might be a little less complacent as regards new arrivals.’

‘Whatever do you mean, Mr Stevens?’

‘For my part, Miss Kenton, whenever new recruits arrive, I like to make doubly sure all is well. I check all aspects of their work and try to gauge how they are conducting themselves with other staff members. It is, after all, important to form a clear view of them both technically and in terms of their impact on general morale. I regret to say this, Miss Kenton, but I believe you have been a little remiss in these respects.’

— Значит, мисс Кентон, новые девушки, по-вашему, работают хорошо.

— Обе прекрасно работают, можете в этом не сомневаться.

— Что ж, рад слышать. — Я вновь коротко рассмеялся. — Просто интересно было узнать, мы же с вами выяснили, что ни одна не работала до этого в таком большом доме.

— Действительно, мистер Стивенс.

Я глядел, как она расставляет посуду по полкам, и ждал, скажет ли она еще что-нибудь. Когда стало ясно, что нет, я произнес:

— Кстати, мисс Кентон, вот что я должен сказать. Я обратил внимание, что в последнее время кое-где наблюдаются отступления от принятых норм. Мне кажется, вам не мешает быть чуть покритичней, когда дело касается новеньких.

— Что вы этим хотите сказать, мистер Стивенс?

— Я, мисс Кентон, со своей стороны, когда новенькие приступают к работе, предпочитаю проверить и перепроверить, все ли в порядке, — всесторонне инспектирую их работу и стремлюсь выяснить, каковы они в общении с другими слугами. В конце концов, важно иметь о них ясное представление и в рабочем аспекте, и под углом их влияния на моральное состояние персонала в целом. К сожалению, должен заметить, мисс Кентон, что в этом отношении вы, на мой взгляд, иногда допускаете небрежность.

For a second, Miss Kenton looked confused. Then she turned towards me and a certain strain was visible in her face.

‘I beg your pardon, Mr Stevens?’

‘For instance, Miss Kenton, although the crockery is being washed to as high a standard as ever, I have noticed it is being replaced on the kitchen shelves in a manner which, while not obviously dangerous, would nevertheless over time result in more breakages than necessary.’

‘Is that so, Mr Stevens?’

‘Yes, Miss Kenton. Furthermore, that little alcove outside the breakfast room has not been dusted for some time. You will excuse me, but there are one or two other small things I might mention.’

‘You needn’t press your point, Mr Stevens. I will, as you suggest, check the work of the new maids.’

‘It is not like you to have overlooked such obvious things, Miss Kenton.’

Miss Kenton looked away from me, and again an expression crossed her face as though she were trying to puzzle out something that had quite confused her. She did not look upset so much as very weary. Then she closed the sideboard, said:

‘Please excuse me, Mr Stevens,’ and left the room.

But what is the sense in forever speculating what might have happened had such and such a moment turned out differently? One could presumably drive oneself to distraction in this way. In any case, while it is all very well to talk of ‘turning points’, one can

На секунду мисс Кентон, похоже, растерялась. Затем она обернулась ко мне, и я заметил у нее на лице какое-то напряженное выражение.

— Прошу прощения, мистер Стивенс? — спросила она.

— Например, посуда, мисс Кентон. Ее хоть и моют на должном высоком уровне, однако, как я заметил, расставляют на кухонных полках не лучшим образом. На первый взгляд ничего страшного, но со временем это приведет к увеличению боя сверх неизбежного.

— Вот как, мистер Стивенс?

— Да, мисс Кентон. Кроме того, маленькая ниша у входа в малую столовую давно не протиралась. С вашего позволения, найдутся и еще две три мелочи, о которых я мог бы упомянуть.

— Все и так ясно, мистер Стивенс. Я проверю работу новых служанок, как вы советуете.

— Вы не похожи на того, кто пропустит столь очевидное, мисс Кентон.

Мисс Кентон отвернулась, и лицо ее снова стало сосредоточенным, словно она пытается разобраться, что именно привело ее в полное замешательство. Вид у нее был не столько расстроенный, сколько усталый. Затем она закрыла сервант и вышла, сказав:

— Извините, мистер Стивенс.

Но что это за смысл бесконечно рассуждать, что бы случилось, если б тогда-то и тогда-то все вышло по-другому? Эдак, вероятно, недолго себя и до беспамятства довести. Во всяком случае, можно сколь угодно рассуждать о «поворотных

surely only recognize such moments in retrospect. Naturally, when one looks back to such instances today, they may indeed take the appearance of being crucial, precious moments in one's life; but of course, at the time, this was not the impression one had. Rather, it was as though one had available a never-ending number of days, months, years in which to sort out the vagaries of one's relationship with Miss Kenton; an infinite number of further opportunities in which to remedy the effect of this or that misunderstanding. There was surely nothing to indicate at the time that such evidently small incidents would render whole dreams forever irredeemable.

But I see I am becoming unduly introspective, and in a rather morose sort of way at that. No doubt, this has to do with the late hour, and the trying nature of the events I have had to endure this evening. No doubt, too, my present mood is not unconnected with the fact that tomorrow — provided I am supplied with petrol by the local garage, as the Taylors assure me I will be — I should arrive in Little Compton by lunch-time and will, presumably, see Miss Kenton again after all these years. There is, of course, no reason at all to suppose our meeting will be anything but cordial. In fact, I would expect our interview — aside from a few informal exchanges quite proper in the circumstances — to be largely professional in character. That is to say, it will be my responsibility to determine whether or not Miss Kenton has any interest, now that her marriage, sadly, appears

пунктах», но распознать такие мгновения, разумеется, можно только в прошлом, не в настоящем. Естественно, когда сегодня возвращаешься мыслью к тем давним событиям, они и вправду могут показаться решающими, драгоценными минутами жизни, но тогда представление о них, конечно же, было другое. Тогда уж скорее казалось, что впереди — бесконечная череда дней, месяцев, лет, чтобы разобраться во всех сложностях отношений с мисс Кентон; что в будущем еще подвернется масса возможностей устранить последствия того или иного недопонимания. Ничто, решительно ничто не указывало тогда, что столь незначительные, казалось бы, происшествия вовек обрекут безнадежности все мечты и надежды.

Но, вижу, я предаюсь излишнему самокопанию, да еще и довольно мрачного толка. Повинны в этом, безусловно, поздний час и муки, что мне пришлось вынести нынче вечером. Безусловно и то, что мое теперешнее состояние как-то связано с тем, что завтра — если, конечно, в местном гараже мне, как уверяют Тейлоры, заправят «форд», — я к полудню доеду до Литтл-Комптона и, можно надеяться, через столько лет снова увижу мисс Кентон. Нет решительно никаких оснований ожидать, что наша встреча не будет сердечной. Мне бы, понятно, хотелось, чтобы наша беседа — исключая обмен новостями личного плана, что в данных обстоятельствах вполне правомерно, — носила по преимуществу профессиональный характер. То есть моей обязанностью будет установить, заинтересована ли мисс Кентон, когда ее

to have broken down and she is without a home, in returning to her old post at Darlington Hall. I may as well say here that having reread her letter again tonight, I am inclined to believe I may well have read more into certain of her lines than perhaps was wise. But I would still maintain there is more than a hint of nostalgic longing in certain parts of her letter, particularly when she writes such things as: 'I was so fond of that view from the second-floor bedrooms overlooking the lawn with the downs visible in the distance.'

But then again, what is the purpose in endlessly speculating as to Miss Kenton's present wishes when I will be able to ascertain these from her own person tomorrow? And in any case, I have drifted considerably from the account I was giving of this evening's events. These last few hours, let me say it, have proved unreasonably taxing ones. One would have thought that having to abandon the Ford on some lonely hill, having to walk down to this village in near-darkness by the unorthodox route one did, would be sufficient inconvenience to befall one for a single evening. And my kind hosts, Mr and Mrs Taylor, would never, I am certain, have knowingly put me through what I have just endured. But the fact is, once I had sat down to supper at their table, once a number of their neighbours had come calling, a most discomforting set of events began to unfold around me.

The room downstairs at the front of this cottage would appear to serve Mr and Mrs Taylor as both

брак, по-видимому, увы, распался и она осталась без крыши над головой, вернуться в Дарлингтон-холл на свое прежнее место. Скажу заодно, что нынче вечером я перечел ее письмо и склоняюсь к тому, что, пожалуй, и впрямь вычитал из него значительно больше, чем позволял здравый смысл. Но я по-прежнему настаиваю на том, что в отдельных строках тоска по прошлому выражена у нее отнюдь не намеком, особенно там, где она пишет что-нибудь вроде: «Я так любила вид из окон спален третьего этажа — на лужайку и дальнюю гряду известняковых холмов».

Но опять же, какой прок бесконечно раздумывать о том, как мисс Кентон настроена в настоящее время, когда завтра я выясню это у нее самой? Да и в любом случае я изрядно отклонился от рассказа о том, что произошло нынче вечером. Эти несколько последних часов, честно скажу, были для меня чудовищно трудными. Уж казалось бы, бросить «форд» на каком-то одиноком холме и добираться в полутьме до деревни по жуткому бездорожью — вполне достаточно для одного человека на один вечер. И мои добрые хозяева, мистер и миссис Тейлор, никогда бы, уверен, не захотели подвергнуть меня тому, что я был вынужден испытать. Но факт остается фактом: стоило мне сесть с ними ужинать, а кое-кому из соседей заглянуть на огонек, как вокруг меня стали развиваться весьма огорчительные события.

Комната на первом этаже коттеджа с окнами по фасаду, видимо, служит мистеру и миссис Тей-

dining room and general living quarters. It is a rather cosy room, dominated by a large, roughly hewn table of the sort one might expect to see in a farmhouse kitchen, its surface unvarnished and bearing many small marks left by choppers and bread-knives. These latter I could see quite clearly despite the fact that we were sitting in a low yellow light cast by an oil lamp on a shelf in one corner.

‘It’s not as though we don’t have electricity out here, sir,’ Mr Taylor remarked to me at one point, nodding towards the lamp. ‘But something went wrong with the circuit and we’ve been without it now for almost two months. To tell you the truth, we don’t miss it so much. There’s a few houses in the village that’s never had electricity at all. Oil gives a warmer light.’

Mrs Taylor had served us with a good broth, which we had eaten with helpings of crusty bread, and at that point, there had been little to suggest the evening held for me anything more daunting than an hour or so of pleasant conversation before retiring to bed. However, just as we had finished supper and Mr Taylor was pouring for me a glass of ale brewed by a neighbour, we heard footsteps approaching on the gravel outside. To my ears, there was something a little sinister in the sound of feet coming ever closer in the darkness up to an isolated cottage, but neither my host nor hostess seemed to anticipate any menace. For it was with curiosity and nothing else in his voice that Mr Taylor said:

‘Hello, now who could this be?’

лор столовой и гостиной одновременно. В этой довольно уютной комнате господствует огромный грубо вытесанный стол того типа, который скорее встретишь на кухне у фермера, с дощатой столешницей, испещренной многочисленными щербинками от сечек и хлебных ножей. Я отчетливо видел эти зарубки, хотя мы сидели при слабом желтом свете керосиновой лампы, стоявшей на полке в углу.

— Вы не думайте, сэр, у нас тут есть электричество, — заметил мистер Тейлор, кивнув на лампу. — Но что-то там вышло из строя, и мы скоро два месяца сидим без света. Да, сказать по правде, не так уж по нему скучаем. У нас в деревне есть несколько домов, куда электричество так и не провели. А от лампы свет потеплее.

Миссис Тейлор накормила нас вкусным супом, который мы съели с поджаристым хлебом, и в эту минуту ничто не предвещало, что вечер сулит мне кое-что пострашнее, чем час с небольшим приятной беседы перед отходом ко сну. Когда, однако, мы отужинали и мистер Тейлор стал наливать мне сваренный соседом эль, за окнами на песчаной дорожке раздались шаги. Мне почудилось нечто зловещее в самом звуке шагов, приближающихся в темноте к одинокому коттеджу, но ни хозяин, ни хозяйка, видимо, ничего плохого не ждали, ибо в голосе мистера Тейлора было одно любопытство, когда он заметил:

— Вот те на, кто бы это мог быть?

He had said this more or less to himself, but then we heard, as though in reply, a voice call outside:

‘It’s George Andrews. Just happened to be walking by.’

The next moment, Mrs Taylor was showing in a well-built man, perhaps in his fifties, who judging from his dress had spent the day engaged in agricultural work. With a familiarity which suggested he was a regular visitor, he placed himself on a small stool by the entrance and removed his Wellington boots with some effort, exchanging a few casual remarks with Mrs Taylor as he did so. Then he came towards the table and stopped, standing to attention before me as though reporting to an officer in the army.

‘The name’s Andrews, sir,’ he said. ‘A very good evening to you. I’m very sorry to hear about your mishap, but I hope you’re not too put out to be spending the night here in Moscombe.’

I was a little puzzled as to how this Mr Andrews had come to hear of my ‘mishap’, as he termed it. In any case, I replied with a smile that far from being ‘put out’, I felt extremely indebted for the hospitality I was receiving. By this I had of course been referring to Mr and Mrs Taylor’s kindness, but Mr Andrews seemed to believe himself included by my expression of gratitude, for he said immediately, holding up defensively his two large hands:

‘Oh no, sir, you’re most welcome. We’re very pleased to have you. It’s not often the likes of your-

Он произнес это более или менее про себя, но тут с дорожки словно в ответ донеслось:

— Это я, Джордж Эндрюс. Шел мимо, дай, думаю, загляну.

Миссис Тейлор открыла, и вошел статный мужчина лет пятидесяти с небольшим, который, судя по одежде, весь день проработал в поле. С раскованностью, говорящей о том, что он здесь свой человек, гость уселся у входа на низкую табуретку и принялся с трудом стягивать сапоги, одновременно перебрасываясь замечаниями с миссис Тейлор. Затем подошел к столу и остановился, вытянувшись передо мной по стойке «смирно», как солдат перед офицером.

— Звать меня Эндрюс, сэр, — сказал он. — Доброго вам вечера. Очень сожалею о вашем казусе, слышал о нем, но, надеюсь, вас не очень выбило из колеи, что вы проведете ночь у нас в Москоме.

Меня слегка удивило, откуда этот мистер Эндрюс прослышал о моем, как он выразился, «казусе». Во всяком случае, я с улыбкой ответил, что не только не «выбит из колеи», но, напротив, премного благодарен за оказанное гостеприимство. Я, понятно, имел в виду любезность мистера и миссис Тейлор, однако мистер Эндрюс, вероятно, решил, что благодарность распространяется и на него, ибо тотчас же возразил, протестуяще воздев огромные ручки:

— Ну что вы, сэр, милости просим. Очень рады вас видеть. Такие люди, как вы, нечасто загляды-

self comes through here. We're all very pleased you could stop by.'

The way he said this seemed to suggest the whole village was aware of my 'mishap' and subsequent arrival at this cottage. In fact, as I was soon to discover, this was very close to being the case; I can only imagine that in the several minutes after I had first been shown up to this bedroom — while I was washing my hands and doing what I could to make good the damage inflicted upon my jacket and trouser turn-ups — Mr and Mrs Taylor had conveyed news of me to passers-by. In any case, the next few minutes saw the arrival of another visitor, a man with an appearance much like that of Mr Andrews — that is to say, somewhat broad and agricultural, and wearing muddy Wellington boots, which he proceeded to remove in much the way Mr Andrews had just done. Indeed, their similarity was such that I supposed them to be brothers, until the newcomer introduced himself to me as,

'Morgan, sir, Trevor Morgan.'

Mr Morgan expressed regret concerning my 'misfortune', assuring me all would be well in the morning, before going on to say how welcome I was in the village. Of course, I had already heard similar sentiments a few moments earlier, but Mr Morgan actually said:

'It's a privilege to have a gentleman like yourself here in Moscombe, sir.'

вают в наши места. Мы все рады, что вы смогли задержаться.

По тому, как он это сказал, можно было понять, что вся деревня в курсе моего «казуса» и связанного с ним прибытия в этот коттедж. Как мне вскоре предстояло убедиться, это действительно было недалеко от истины. Не видел, но могу себе представить, что через несколько минут после того, как меня провели наверх в спальню, в то самое время, пока я мыл руки и пытался по мере сил устранить ущерб, нанесенный моему пиджаку и брючным манжетам, мистер и миссис Тейлор рассказывали обо мне всем, кто проходил мимо дома. Во всяком случае, через несколько минут объявился еще один гость, очень похожий на мистера Эндрюса, то есть такого же крепкого сельского вида и в таких же заляпанных грязью сапогах, которые он принялся стягивать тем же примерно манером, как до него мистер Эндрюс. Больше того, они так напоминали друг друга, что поначалу я принял их за родных братьев и понял свою ошибку, лишь когда новый гость представился:

— Морган, сэр, Тревор Морган.

Мистер Морган выразил сожаление по поводу постигшей меня «беды», заверил, что утром все образуется, и только затем перешел к тому, как мне рады в деревне. Я, понятно, всего несколько минут назад уже выслушал нечто подобное, но мистер Морган выразил это в таких словах:

— Большая честь видеть такого джентльмена, как вы, сэр, здесь, в Москоме.

Before I had had any time to think of a reply to this, there came the sound of more footsteps on the path outside. Soon, a middle-aged couple were shown in, who were introduced to me as Mr and Mrs Harry Smith. These people did not look at all agricultural; she was a large, matronly woman who rather reminded me of Mrs Mortimer, the cook at Darlington Hall through much of the twenties and thirties. In contrast, Mr Harry Smith was a small man with a rather intense expression that furrowed his brow. As they took their places around the table, he said to me:

‘Your car would be the vintage Ford up there on Thornley Bush Hill, sir?’

‘If that is the hill road overlooking this village,’ I said. ‘But I’m surprised to hear you’ve seen it.’

‘I’ve not seen it myself, sir. But Dave Thornton passed it on his tractor a short while ago as he was coming home. He was so surprised to see it sitting there, he actually stopped and got out.’ At this point, Mr Harry Smith turned to address the others around the table. ‘Absolute beauty, it is. Said he’d never seen anything like it. Put the car Mr Lindsay used to drive completely in the shade!’

This caused laughter around the table, which Mr Taylor next to me explained by saying:

‘That was a gent used to live in the big house not far from here, sir. He did one or two odd things and wasn’t appreciated around here.’

Не успел я сообразить, что ответить, как за окнами опять раздались шаги, и вскоре в комнате появилась супружеская пара средних лет, которую мне представили как мистера и миссис Гарри Смит. Эти двое отнюдь не походили на сельских тружеников. Она была полная, почтенного вида женщина и отчасти напомнила мне миссис Мортимер, служившую в Дарлингтон-холле кухаркой большую часть двадцатых и все тридцатые годы. Мистер Гарри Смит, напротив, был низкорослый мужчина с довольно напряженным выражением лица, кожа на лбу у него собиралась в морщины. Когда они сели за стол, он обратился ко мне с вопросом:

— «Форд» старой модели, что стоит на Терновом холме, — это не ваша машина, сэр?

— На дороге, которая идет по холму над этой деревней? — сказал я. — Удивительно, однако, что вы его видели.

— Сам я не видел, сэр. Но Дейв Торнтон недавно проезжал там на своем тракторе, когда возвращался домой. Он так удивился, заведя на дороге ваш «форд», что остановился и вылез. — Тут мистер Гарри Смит обратился к сидящим за столом: — Прелесть, а не машина. Дейв сказал, что в жизни такой не видел. Автомобиль, на котором разъезжал мистер Линдсей, не идет ни в какое сравнение.

Все за столом рассмеялись, а мистер Тейлор, сидевший рядом со мной, объяснил:

— Был у нас один джентльмен, жил в большом доме неподалеку, сэр. Отколол тут с парочку номеров, поэтому его не больно жаловали.

This brought a general murmur of assent. Then someone said:

‘Your health, sir,’

lifting one of the tankards of ale Mrs Taylor had just finished distributing, and the next moment I was being toasted by the whole company.

I smiled and said: ‘I assure you the privilege is all mine.’

‘You’re very kind, sir,’ Mrs Smith said. ‘That’s the way a real gentleman is. That Mr Lindsay was no gentleman. He may have had a lot of money, but he was never a gentleman.’

Again, there was agreement all round. Then Mrs Taylor whispered something in Mrs Smith’s ear, causing the latter to reply:

‘He said he’d try to be along as soon as he could.’

They both turned towards me with a self-conscious air, then Mrs Smith said:

‘We told Dr Carlisle you were here, sir. The doctor would be very pleased to make your acquaintance.’

‘I expect he has patients to see,’ Mrs Taylor added apologetically. ‘I’m afraid we can’t say for certain he’ll be able to call in before you’d be wanting to retire, sir.’

It was then that Mr Harry Smith, the little man with the furrowed brow, leaned forward again and said:

‘That Mr Lindsay, he had it all wrong, see? Acting the way he did. Thought he was so much better than

В ответ одобрительно зашумели. Потом кто-то сказал, подняв кружку с элем, которым миссис Тейлор только-только успела обнести гостей:

— Ваше здоровье, сэр.

Вся компания присоединилась к этому тосту. Я улыбнулся и ответил:

— Для меня это большая честь.

— Вы очень добры, сэр, — сказала миссис Смит. — Настоящего джентльмена узнаешь по поведению. А этот мистер Линдсей — никакой он не джентльмен. Пусть денег у него было навалом, а джентльменом он сроду не был.

Все опять выразили согласие. Потом миссис Тейлор шепнула что-то на ухо миссис Смит, на что та ответила:

— Сказал, постарается выбраться, как только сумеет.

Обе смущенно повернулись ко мне, и миссис Смит сообщила:

— Мы рассказали о вас доктору Карлейлю. Доктор рад будет с вами познакомиться.

— Его, видно, пациенты задерживают, — добавила миссис Тейлор извиняющимся тоном. — Не знаю, успеет ли он до того, как вы, сэр, пожелаете отойти ко сну.

В эту минуту мистер Гарри Смит, тот самый низкорослый мужчина с морщинами на лбу, подался вперед и заметил:

— Этот мистер Линдсей, он все делал не так, понимаете? Невесть чего из себя строил. Думал,

us, and he took us all for fools. Well, I can tell you, sir, he soon learnt otherwise. A lot of hard thinking and talking goes on in this place. There's plenty of good strong opinion around and people here aren't shy about expressing it. That's something your Mr Lindsay learnt quickly enough.'

'He was no gentleman,' Mr Taylor said quietly. 'He was no gentleman, that Mr Lindsay.'

'That's right, sir,' Mr Harry Smith said. 'You could tell just watching him he was no gentleman. All right, he had a fine house and good suits, but somehow you just knew. And so it proved in good time.'

There was a murmur of agreement, and for a moment all present seemed to be considering whether or not it would be proper to divulge to me the tale concerning this local personage. Then Mr Taylor broke the silence by saying:

That's true what Harry says. You can tell a true gentleman from a false one that's just dressed in finery. Take yourself, sir. It's not just the cut of your clothes, nor is it even the fine way you've got of speaking. There's something else that marks you out as a gentleman. Hard to put your finger on it, but it's plain for all to see that's got eyes.'

This brought more sounds of agreement around the table.

'Dr Carlisle shouldn't be long now, sir,' Mrs Taylor put in. 'You'll enjoy talking with him.'

мы ему в подметки не годимся, считал нас за дураков. Ну так я вам скажу, сэр, он живенько убедился в обратном. У нас тут народ и мозгами раскинуть умеет, и разговор поддержать. И взгляды у людей правильные и твердые, и высказывать их никто не стесняется. Ваш мистер Линдсей быстро это усвоил.

— Не был он никаким джентльменом, — спокойно произнес мистер Тейлор. — Не был он никаким джентльменом, этот мистер Линдсей.

— Верно, сэр, — подтвердил мистер Гарри Смит. — Стоило на него поглядеть, как сразу было понятно — никакой он не джентльмен. Ясное дело, дом у него был красивый и костюмы дорогие, но все равно почему-то было понятно, что он не джентльмен. В свое время оно и подтвердилось.

Все зашумели в знак согласия и замолкли, видимо обдумывая, прилично или нет поведать мне историю этой местной знаменитости. Молчание нарушил мистер Тейлор, который заметил:

— Гарри правду говорит. Настоящего джентльмена всегда можно отличить от поддельного, пушкой тот и разодет в пух и прах. Взять вот вас, сэр. Не в покрое вашего платья тут хитрость и даже не в том, как вы правильно говорите, нет, что-то другое выдает в вас джентльмена. Пальцем на это не укажешь, но у кого есть глаза, те сразу видят.

Вдоль стола прокатилась новая волна одобрения.

— Теперь недолго ждать доктора Карлейля, сэр, — вставила миссис Тейлор. — Вам будет приятно с ним поговорить.

‘Dr Carlisle’s got it too,’ Mr Taylor said. ‘He’s got it. He’s a true gent, that one.’

Mr Morgan, who had said little since his arrival, bent forward and said to me:

‘What do you suppose it is, sir? Maybe one that’s got it can better say what it is. Here we are all talking about who’s got it and who hasn’t, and we’re none the wiser about what we’re talking about. Perhaps you could enlighten us a bit, sir.’

A silence fell around the table and I could sense all the faces turn to me. I gave a small cough and said:

‘It is hardly for me to pronounce upon qualities I may or may not possess. However, as far as this particular question is concerned, one would suspect that the quality being referred to might be most usefully termed “dignity”.’

I saw little point in attempting to explain this statement further. Indeed, I had merely given voice to the thoughts running through my mind while listening to the preceding talk and it is doubtful I would have said such a thing had the situation not suddenly demanded it of me. My response, however, seemed to cause much satisfaction.

‘There’s a lot of truth in what you say there, sir,’ Mr Andrews said, nodding, and a number of other voices echoed this.

‘That Mr Lindsay could certainly have done with a little more dignity,’ Mrs Taylor said. ‘The trouble with his sort is they mistake acting high and mighty for dignity.’

— У доктора Карлейля это тоже имеется, — сказал мистер Тейлор. — Имеется. Он настоящий джентльмен, точно вам говорю.

Мистер Морган, за все время проронивший всего несколько слов, наклонился ко мне и спросил:

— Как по-вашему, сэр, что это такое? Может, тот, у кого это есть, лучше скажет. Вот мы сидим тут и рассуждаем, у кого это есть, а у кого нет, а о чем говорим — толком не знаем. Может, вы бы нас просветили, сэр?

За столом воцарилось молчание, и я почувствовал, что все взгляды устремлены на меня. Я прочистил горло и произнес:

— Мне не пристало судить о качествах, какие у меня то ли есть, то ли нет. Однако, раз уж речь зашла о конкретном вопросе, можно предположить, что это качество правильнее всего будет называть достоинством.

Я не видел смысла пускаться в дальнейшие объяснения. В сущности, я всего лишь высказал то, о чем думал, прислушиваясь к разговорам окружающих, и маловероятно, чтобы я вообще выступил с таким заявлением, если бы не заставили обстоятельства. Однако мой ответ был, видимо, воспринят с большим удовлетворением.

— Много правды в ваших словах, сэр, — сказал мистер Эндрюс, кивнув, и его поддержали со всех сторон.

— Этому мистеру Линдсею, уж конечно, не повредило бы чуть побольше достоинства, — заметила миссис Тейлор. — С такими вот типами в чем беда — они путают заносчивость с достоинством.

‘Mind you,’ put in Mr Harry Smith, ‘with all respect for what you say, sir, it ought to be said. Dignity isn’t just something gentlemen have. Dignity’s something every man and woman in this country can strive for and get. You’ll excuse me, sir, but like I said before, we don’t stand on ceremony here when it comes to expressing opinions. And that’s my opinion for what it’s worth. Dignity’s not just something for gentlemen.’

I perceived, of course, that Mr Harry Smith and I were rather at cross purposes on this matter, and that it would be far too complicated a task for me to explain myself more clearly to these people. I thus judged it best simply to smile and say:

‘Of course, you’re quite correct.’

This had the immediate effect of dispelling the slight tension that had built in the room while Mr Harry Smith had been speaking. And Mr Harry Smith himself seemed to lose all inhibitions, for now he leaned forward and continued:

‘That’s what we fought Hitler for, after all. If Hitler had had things his way, we’d just be slaves now. The whole world would be a few masters and millions upon millions of slaves. And I don’t need to remind anyone here, there’s no dignity to be had in being a slave. That’s what we fought for and that’s what we won. We won the right to be free citizens. And it’s one of the privileges of being born English that no matter who you are, no matter if you’re rich or poor, you’re born free and you’re born so that you can express your opinion freely, and vote in your

— Однако, — вставил мистер Гарри Смит, — при всем уважении к вашим словам, сэр, нельзя и не возразить. Достоинство есть не только у джентльменов. Достоинство — это то, к чему могут стремиться и чего могут добиться все мужчины и женщины нашей страны. Вы уж меня извините, сэр, но, как я раньше сказал, мы здесь привыкли запросто высказывать свои взгляды. А это — мое мнение, правильное оно там или нет. Достоинство — оно не только для одних джентльменов.

Я, разумеется, понимал, что тут мы с мистером Гарри Смитом несколько расходимся во взглядах и что объяснить этим людям мою точку зрения более доходчиво будет слишком сложно. Поэтому я счел за лучшее просто улыбнуться и сказать:

— Вы, разумеется, совершенно правы.

Это мгновенно рассеяло легкое напряжение, возникшее в комнате, пока говорил мистер Гарри Смит. Да и сам мистер Гарри Смит, судя по всему, совсем осмелел, ибо, подавшись вперед, продолжал:

— В конце концов, ради этого мы с Гитлером воевали. Если бы вышло, как хотел Гитлер, мы бы теперь в рабах ходили. Все человечество разделилось бы на горстку хозяев и множество миллионов рабов. А всем тут и без того понятно, что в рабском состоянии нет никакого достоинства. За это мы воевали и это завоевали. Мы завоевали право быть свободными гражданами. Одно из преимуществ родиться в Англии — то, что рождаешься свободным, не важно, кто ты есть, не важно, богат или беден, и рождаешься для того, чтобы свободно

member of parliament or vote him out. That's what dignity's really about, if you'll excuse me, sir.'

'Now now, Harry,' Mr Taylor said. 'I can see you're warming up to one of your political speeches.'

This brought laughter. Mr Harry Smith smiled a little shyly, but went on:

'I'm not talking politics. I'm just saying, that's all. You can't have dignity if you're a slave. But every Englishman can grasp it if only he cares to. Because we fought for that right.'

'This may seem like a small, out of the way place we have here, sir,' his wife said. 'But we gave more than our share in the war. More than our share.'

A solemnness hung in the air after she said this, until eventually Mr Taylor said to me:

'Harry here does a lot of organizing for our local member. Give him half a chance and he'll tell you everything that's wrong with the way the country's run.'

'Ah, but I was just saying what was right about the country this time.'

'Have you had much to do with politics yourself, sir?' Mr Andrews asked.

'Not directly as such,' I said. 'And particularly not these days. More so before the war perhaps.'

'It's just that I seem to remember a Mr Stevens who was a member of parliament a year or two ago.'

выражать свое мнение, выбирать в парламент своего представителя или, обратно же, отзываться его из парламента. Вот это и есть достоинство, прошу прощения, сэръ.

— Тише, Гарри, тише, — сказал мистер Тейлор, — а то, гляжу, ты так разгорячился, что сейчас разразишься очередной политической речью.

Все рассмеялись. Мистер Гарри Смит чуть смущенно улыбнулся, однако продолжал:

— Я не о политике, я просто говорю, что думаю, вот и все. Не может быть достоинства у раба. Но любой англичанин может его иметь, если только захочет. Потому что мы за это право воевали.

— Может показаться, сэръ, что деревенька у нас маленькая и на отшибе, — заметила его жена, — но войне мы отдали больше, чем нам было положено. Отдали с лихвой.

После этих слов все торжественно притихли. Наконец мистер Тейлор нарушил молчание, обратившись ко мне:

— Гарри тут большую агитацию разводит за нашего члена парламента. Дай ему волю, он все вам разобъяснит про то, как плохо наша страна управляется.

— Ну, я-то как раз говорил о том, что в нашей стране хорошо.

— А вам, сэръ, много ли доводится заниматься политикой? — спросил мистер Эндрюс.

— Не политикой как таковой, — ответил я, — и тем более не теперь. Пожалуй, разве что до войны.

— Дело в том, что мне вспомнился некий мистер Стивенс, который с год или два тому был чле-

Heard him on the wireless once or twice. Had some very sensible things to say about housing. But that wouldn't be yourself, sir?'

'Oh no,' I said with a laugh. Now I am not at all sure what made me utter my next statement; all I can say is that it seemed somehow called for in the circumstances in which I found myself. For I then said: 'In fact, I tended to concern myself with international affairs more than domestic ones. Foreign policy, that is to say.'

I was a little taken aback by the effect this seemed to have upon my listeners. That is to say, a sense of awe seemed to descend on them. I added quickly:

'I never held any high office, mind you. Any influence I exerted was in a strictly unofficial capacity.'

But the hushed silence remained for several more seconds.

'Excuse me, sir,' Mrs Taylor said eventually, 'but have you ever met Mr Churchill?'

'Mr Churchill? He did come to the house on a number of occasions. But to be quite frank, Mrs Taylor, during the time I was most involved in great affairs, Mr Churchill was not such a key figure and was not really expected to become one. The likes of Mr Eden and Lord Halifax were more frequent visitors in those days.'

'But you have actually met Mr Churchill, sir? What an honour to be able to say that.'

ном парламента. Раз-другой слышал его по радио. Очень дельно выступал по жилищной проблеме. Но это ведь не вы будете, сэръ?

— О нет, — ответил я, рассмеявшись. И уж не знаю, что на меня тогда нашло, могу только сказать, что обстановка и обстоятельства будто меня подтолкнули, но я вдруг заявил: — Вообще-то я был склонен больше заниматься делами международными, нежели внутренними. То есть внешней политикой.

Реакция слушателей меня несколько поразила: их словно охватил какой-то священный трепет. Я поспешил добавить:

— Сразу скажу — я никогда не занимал высоких постов, а если и оказывал на что-то влияние, то лишь по сугубо неофициальным каналам.

Однако испуганное молчание продлилось еще несколько секунд.

— Простите, сэръ, — осмелилась наконец спросить миссис Тейлор, — а вам доводилось встречаться с мистером Черчиллем?

— С мистером Черчиллем? Он несколько раз бывал в доме. Но, говоря откровенно, миссис Тейлор, в тот период, когда я глубже всего занимался большой политикой, мистер Черчилль еще не был главной фигурой на политической сцене, да тогда никто от него этого и не ждал. В те дни чаще приезжали такие деятели, как мистер Иден и лорд Галифакс.

— Но вы и в самом деле встречались с мистером Черчиллем? Ведь это какая честь — иметь право сказать, что встречался с мистером Черчиллем!

‘I don’t agree with many things Mr Churchill says.’ Mr Harry Smith said, ‘but there’s no doubt about it, he’s a great man. It must be quite something, sir, to be discussing matters with his like.’

‘Well, I must reiterate,’ I said, ‘I didn’t have a great deal to do with Mr Churchill. But as you rightly point out, it’s rather gratifying to have consorted with him. In fact, all in all, I suppose I have been very fortunate, I would be the first to admit that. It has been my good fortune, after all, to have consorted not just with Mr Churchill, but with many other great leaders and men of influence — from America and from Europe. And when you think that it was my good fortune to have had their ear on many great issues of the day, yes, when I think back, I do feel a certain gratitude. It’s a great privilege, after all, to have been given a part to play, however small, on the world’s stage.’

‘Excuse me asking, sir,’ Mr Andrews said, “but what sort of a man is Mr Eden? I mean, at the personal level. I’ve always had the impression he’s a jolly decent sort. The sort that can talk to anyone high or low, rich or poor. Am I right, sir?’

‘I would say that is, by and large, an accurate picture. But of course I have not seen Mr Eden in recent years, and he may have been much changed by

— Я не согласен со многими суждениями мистера Черчилля, — заметил мистер Гарри Смит, — но он, безусловно, великий человек. Нешуточное, наверное, дело, сэр, — обсуждать проблемы с такими, как он.

— Я должен повторить, — сказал я, — что мне не довелось много встречаться с мистером Черчиллем. Но как вы справедливо заметили, вспомнить об общении с ним довольно лестно. В общем, мне, пожалуй, действительно повезло в жизни, я первый готов это признать. В конце концов, мне выпало счастье общаться не только с мистером Черчиллем, но и со многими другими великими руководителями и влиятельными людьми, в том числе из Америки и из Европы. И как подумаешь, что мне посчастливилось пользоваться их благосклонным вниманием в связи с обсуждением многих важнейших проблем той эпохи, — да, когда я вспоминаю обо всем этом, я и в самом деле испытываю чувство глубокой благодарности. В конечном счете, иметь возможность сыграть пусть маленькую, но свою роль на всемирных подмостках — огромная честь.

— Извиняюсь за вопрос, сэр, — обратился ко мне мистер Эндрюс, — но что за человек мистер Иден? Я хочу сказать — в личном плане? Мне он всегда казался очень славным, из таких, знаете, кто найдет общий язык с лордом и с простым человеком, с богатым и с бедным. Я верно говорю, сэр?

— Я бы сказал, что в общем и целом это соответствует истине. Но в последние годы я, понятно, не встречался с мистером Иденом, он мог и пере-

pressures. One thing I have witnessed is that public life can change people unrecognizably in a few short years.'

'I don't doubt that, sir,' said Mr Andrews. 'Even Harry here. Got himself involved with his politics a few years back and he's never been the same man since.'

There was laughter again, while Mr Harry Smith shrugged and allowed a smile to cross his face. Then he said:

'It's true I've put a lot into the campaigning work. It's only at a local level, and I never meet anyone half as grand as the likes you associate with, sir, but in my own small way I believe I'm doing my part. The way I see it, England's a democracy, and we in this village have suffered as much as anyone fighting to keep it that way. Now it's up to us to exercise our rights, every one of us. Some fine young lads from this village gave their lives to give us that privilege, and the way I see it, each one of us here now owes it to them to play our part. We've all got strong opinions here, and it's our responsibility to get them heard. We're out of the way, all right, a small village, we're none of us getting younger, and the village is getting smaller. But the way I see it we owe it to the lads we lost from this village. That's why, sir, I give so much of my time now to making sure our voice gets heard in high places. And if it changes me, or sends me to an early grave, I don't mind.'

мениться под давлением обстоятельств. Уж одно-то я повидал на своем веку — как способна общественная жизнь всего за несколько коротких лет неузнаваемо изменить человека.

— Не сомневаюсь, сэр, — согласился мистер Эндриус. — Взять хоть нашего Гарри. Как ввязался несколько лет назад в политику, так его с тех пор не узнать.

Все опять рассмеялись, а мистер Гарри Смит пожал плечами, позволил себе улыбнуться и произнес:

— Верно, я много сил отдаю предвыборным кампаниям. Понятно, на местном уровне, и мне не доводилось встречать и вполовину таких важных персон, с какими общаетесь вы, сэр, но, думаю, на своем маленьком месте и я играю мою скромную роль. Я так понимаю: Англия — демократия, и мы в нашей деревне пожертвовали не меньше других, сражаясь за то, чтоб демократией она и осталась. А теперь только от нас зависит, от каждого из нас, воспользуемся ли мы своими правами, за которые хорошие молодые ребята из нашей деревни отдали жизнь, и я лично так понимаю: все мы здесь ради их памяти должны внести каждый свою лепту. У всех у нас твердые взгляды, и наша обязанность — громко о них заявить. Согласен, мы живем на отшибе, деревня маленькая, никто из нас моложе не становится, и в деревеньке народу все меньше. Но я так понимаю: мы в долгу перед нашими ребятами, которые полегли на войне. Поэтому, сэр, я теперь не жалею времени, чтобы наш голос услышали на самом

‘I did warn you, sir,’ Mr Taylor said with a smile. There was no way Harry was going to let an influential gentleman like yourself come through the village without giving you his usual earful.’

There was laughter again, but I said almost immediately:

‘I think I understand your position very well, Mr Smith. I can well understand that you wish the world to be a better place and that you and your fellow residents here should have an opportunity to contribute to the making of a better world. It is a sentiment to be applauded. I dare say it was a very similar urge which led me to become involved in great affairs before the war. Then, as now, world peace seemed something we had only the most fragile grasp of, and I wished to do my part.’

‘Excuse me, sir,’ said Mr Harry Smith, ‘but my point was a slightly different one. For the likes of yourself, it’s always been easy to exert your influence. You can count the most powerful in the land as your friends. But the likes of us here, sir, we can go year in year out and never even lay eyes on a real gentleman — other than maybe Dr Carlisle. He’s a first-class doctor, but with all respect, he doesn’t have connections as such. It gets easy for us here to forget our responsibility as citizens. That’s why I work so hard at the campaigning. Whether people agree or disagree — and I know there’s not one

верху. А если я через это переменюсь или раньше срока сойду в могилу, так я готов.

— Я же предупреждал вас, сэр, — с улыбкой заметил мистер Тейлор. — Гарри бы ни в жизнь не отпустил из деревни такого важного джентльмена, как вы, не прожужжав ему, по своему обыкновению, все уши.

Снова раздался смех, но я поторопился сказать:

— Думаю, мне ясна и понятна ваша позиция, мистер Смит. Я прекрасно понимаю — вы хотите, чтобы в мире стало жить лучше и чтобы вы и ваша община получили возможность внести вклад в строительство лучшего мира. Эти чувства можно только приветствовать. Рискну заметить, что аналогичные настроения побудили меня заняться перед войной делами огромной важности. Тогда, как и ныне, мир в мире, казалось, висел на волоске, и я хотел внести свою лепту в его сохранение.

— Прошу прощения, сэр, — возразил мистер Гарри Смит, — но я говорил не совсем об этом. Таким, как вы, легко влиять на ход событий. Вы можете числить среди своих друзей тех, кто стоит у власти в стране. Но люди вроде нас, сэр, мы живем себе тут и живем и, может, за все эти годы даже и не увидим настоящего джентльмена. Ну разве что доктора Карлейля. Доктор он замечательный, но, при всем почтении, связей как таковых у него нет. Нам здесь легко забыть о своих гражданских обязанностях. Вот почему я столько сил отдаю предвыборной агитации. И соглаша-

soul in this room now who'd agree with everything I say — at least I'll get them thinking. At least I'll remind them of their duty. This is a democratic country we're living in. We fought for it. We've all got to play our part.'

'I wonder what could have happened to Dr Carlisle,' Mrs Smith said. 'I'm sure the gentleman could just about use some educated talk now.'

This provoked more laughter.

'In fact,' I said, 'although it has been extremely enjoyable to meet you all, I must confess I'm beginning to feel rather exhausted ...'

'Of course, sir,' Mrs Taylor said, 'you must be very tired. Perhaps I'll fetch another blanket for you. It's getting much chillier at night now.'

'No, I assure you, Mrs Taylor, I'll be most comfortable.'

But before I could rise from the table, Mr Morgan said:

'I just wondered, sir, there's a fellow we like to listen to on the wireless, his name's Leslie Mandrake. I just wondered if you'd happened to have met him.'

I replied that I had not, and was about to make another attempt to retire only to find myself detained by further inquiries regarding various persons I may have met. I was, then, still seated at the table when Mrs Smith remarked:

ются там со мной или нет — а я знаю, что в этой комнате нет человека, который был бы со мной полностью согласен, — я хоть заставляю людей думать. Я хоть напоминаю им о долге. Мы живем в демократической стране. Мы за это сражались. Все мы призваны внести свою лепту.

— И куда только подевался доктор Карлейль? — заметила миссис Смит. — Я уверена, что джентльмену сейчас в самый раз бы поговорить с образованным человеком.

Все опять рассмеялись.

— Честно говоря, — сказал я, — хотя мне было очень приятно со всеми вами познакомиться, должен, однако, признаться, что усталость берет свое...

— А как же, сэр, — отозвалась миссис Тейлор, — вы, наверное, крепко притомились. Схожучка достану вам еще одно одеяло, а то ночи сейчас пошли холодные.

— Нет, нет, уверяю вас, миссис Тейлор, мне всего хватает.

Я уже собирался подняться из-за стола, но меня остановил мистер Морган:

— Вот интересно, сэр, мы тут любим слушать по радио одного человека, его звать Лесли Мандрейк. Интересно, сэр, вам не доводилось с ним встречаться?

Я ответил, что не доводилось, и еще раз попытался уйти, однако меня забросали вопросами, не встречался ли я с таким-то и таким-то. Поэтому я все еще сидел за столом, когда миссис Смит встрепенулась:

‘Ah, there’s someone coming. I expect that’s the doctor at last.’

‘I really ought to be retiring,’ I said. ‘I feel quite exhausted.’

‘But I’m sure this is the doctor now, sir,’ said Mrs Smith. ‘Do wait a few more minutes.’

Just as she said this, there came a knock and a voice said:

‘It’s just me, Mrs Taylor.’

The gentleman who was shown in was still fairly young — perhaps around forty or so — tall and thin; tall enough, in fact, that he was obliged to stoop to enter the doorway of the cottage. No sooner had he bade us all a good evening than Mrs Taylor said to him:

‘This is our gentleman here, Doctor. His car’s stuck up there on Thornley Bush and he’s having to endure Harry’s speeches as a result.’

The doctor came up to the table and held out his hand to me.

‘Richard Carlisle,’ he said with a cheerful smile as I rose to shake it. ‘Rotten bit of luck about your car. Still, trust you’re being well looked after here. Looked after rather too well, I imagine.’

‘Thank you,’ I replied. ‘Everyone has been most kind.’

‘Well, nice to have you with us.’ Dr Carlisle seated himself almost directly across the table from me. ‘Which part of the country are you from?’

‘Oxfordshire,’ I said, and indeed, it was no easy task to suppress the instinct to add ‘sir’.

— Ага, кто-то идет. Должно быть, наконец-то доктор.

— Мне и в самом деле пора, — сказал я. — Я очень, очень устал.

— Но я уверена, что это доктор, — сказала миссис Смит. — Погодите минуточку.

Не успела она закончить, как в дверь постучали, и мы услышали:

— Это я, миссис Тейлор.

Джентльмен, которому открыли, был сравнительно молод — возможно, лет сорока или около того, — худ и высок, настолько высок, что, входя, вынужден был нагнуться, чтобы не задеть головой о притолоку. Не успел он со всеми поздороваться, как миссис Тейлор ему сообщила:

— Вот он, наш джентльмен, док. У него стала машина на Терновом холме, вот Гарри и мучает его своими речами.

Доктор подошел к столу и подал мне руку.

— Ричард Карлейль, — представился он с бодрой улыбкой, когда я поднялся ответить на рукопожатие. — Чертовски не повезло вам на этом холме. Впрочем, думаю, тут о вас позаботились. И даже очень, как я погляжу.

— Спасибо, — ответил я. — Все были очень любезны.

— Что ж, хорошо, что вы к нам пожаловали, — произнес доктор Карлейль, усаживаясь за стол почти напротив. — Из каких вы мест?

— Из Оксфордшира, — сказал я, с большим трудом удержавшись от произвольного «сэр», которое так и рвалось на язык.

‘Fine part of the country. I have an uncle lives just outside Oxford. Fine part of the country.’

‘The gentleman was just telling us, Doctor,’ Mrs Smith said, ‘he knows Mr Churchill.’

‘Is that so? I used to know a nephew of his, but I’ve rather lost touch. Never had the privilege of meeting the great man, though.’

‘And not only Mr Churchill,’ Mrs Smith went on. ‘He knows Mr Eden. And Lord Halifax.’

‘Really?’

I could sense the doctor’s eyes examining me closely. I was about to make some appropriate remark, but before I could do so, Mr Andrews said to the doctor:

‘Gentleman was just telling us he’s had a lot to do with foreign affairs in his time.’

‘Is that so indeed?’

It seemed to me that Dr Carlisle went on looking at me for an inordinate length of time. Then he regained his cheerful manner and asked:

‘Touring around for pleasure?’

‘Principally,’ I said, and gave a small laugh.

‘Plenty of nice country around here. Oh, by the way, Mr Andrews, I’m sorry not to have returned that saw yet.’

‘No hurry at all, Doctor.’

For a little time, the focus of attention left me and I was able to remain silent. Then, seizing what seemed a suitable moment, I rose to my feet, saying:

— Красивые места. У меня там дядя живет, под самым Оксфордом. Красивые места.

— Джентльмен только что рассказывал, — доложила миссис Смит, — что знаком с мистером Черчиллем.

— Вот как? Я когда-то знал его племянника, но, кажется, потерял с ним связь. С самим великим человеком, однако, не имел чести встречаться.

— И не только с мистером Черчиллем, — продолжала миссис Смит. — Он знаком с мистером Иденом. И лордом Галифаксом.

— В самом деле?

Я чувствовал, как доктор пристально меня разглядывает, и собирался сказать что-нибудь подходящее к случаю, но меня опередил мистер Эндрюс, который обратился к доктору:

— Джентльмен нам рассказывал, что в свое время много занимался иностранными делами.

— Вот оно как?

Мне показалось, что доктор Карлейль разглядывал меня бесконечно долго; потом он бодро спросил:

— Разъезжаете для собственного удовольствия?

— В основном, — ответил я со смешком.

— Тут вокруг много красивых мест. Кстати, мистер Эндрюс, простите, что до сих пор не вернул вам пилу.

— Да не волнуйтесь, док, она мне не к спеху.

На какое-то время я перестал быть в центре внимания и смог помолчать. Затем выбрал подходящий, как мне показалось, момент, встал и сказал:

‘Please excuse me. It has been a most enjoyable evening, but I really must now retire.’

‘Such a pity you have to retire already, sir,’ Mrs Smith said. ‘The doctor’s only just arrived.’

Mr Harry Smith leaned across his wife and said to Dr Carlisle:

‘I was hoping the gentleman would have a few words to say about your ideas on the Empire, Doctor.’ Then turning to me, he went on: ‘Our doctor here’s for all kinds of little countries going independent. I don’t have the learning to prove him wrong, though I know he is. But I’d have been interested to hear what the likes of yourself would have to say to him on the subject, sir.’

Yet again, Dr Carlisle’s gaze seemed to study me. Then he said:

‘A pity, but we must let the gentleman go off to bed. Had a tiring day, I expect.’

‘Indeed,’ I said, and with another small laugh, began to make my way round the table. To my embarrassment, everyone in the room, including Dr Carlisle, rose to their feet.

‘Thank you all very much,’ I said, smiling. ‘Mrs Taylor, I did enjoy a splendid supper. I wish you all a very good night.’

There came a chorus of, ‘Good night, sir,’ in reply. I had almost left the room when the doctor’s voice caused me to halt at the door.

‘I say, old chap,’ he said, and when I turned, I saw he had remained on his feet. ‘I have a visit to

— Пожалуйста, извините. Очень приятный был вечер, но мне действительно пора удалиться.

— Какая жалость, что вам уже надо идти, сэр, — заметила миссис Смит. — Доктор только-только пришел.

Мистер Гарри Смит — он сидел рядом с женой — наклонился и сказал, обращаясь к доктору Карлейлю:

— А я-то надеялся, джентльмен скажет нам пару слов о ваших взглядах на Империю, доктор. — И, повернувшись ко мне, объяснил: — Наш доктор выступает за независимость всех малых стран. Мне не хватает учености доказать, что он ошибается, хоть я это и знаю. Но было бы интересно послушать, что сказали бы вы ему по этому поводу, сэр.

Мне опять показалось, что доктор Карлейль изучает меня цепким взглядом. Он помолчал и сказал:

— Жаль, конечно, но мы должны отпустить джентльмена спать. Думаю, ему выпал тяжелый денек.

— Несомненно, — согласился я со смешком и начал выбираться из-за стола. Все в комнате, включая доктора Карлейля, встали, чем привели меня в замешательство.

— Большое всем вам спасибо, — сказал я, улыбаясь. — Миссис Тейлор, ужин был превосходный. Доброй всем вам ночи.

Все хором ответили: «Доброй ночи, сэр». Я уже выходил из комнаты, когда голос доктора настиг меня в дверях, заставив остановиться.

— Послушайте, старина, — окликнул он, и я, повернувшись, увидел, что он остался стоять. —

make in Stanbury first thing in the morning. I'd be happy to give you a lift up to your car. Save you the walk. And we can pick up a can of petrol from Ted Hardacre's on the way.'

'That is most kind,' I said. 'But I don't wish to put you to any trouble.'

'No trouble at all. Seven thirty all right for you?'

'That would be most helpful indeed.'

'Right then, seven thirty it is. Make sure your guest's up and breakfasted for seven thirty, Mrs Taylor.' Then turning back to me, he added: 'So we can have our talk after all. Though Harry here won't have the satisfaction of witnessing my humiliation.'

There was laughter, and another exchange of good nights before I was at last allowed to ascend to the sanctuary of this room.

I trust I need hardly underline the extent of the discomfort I suffered tonight on account of the unfortunate misunderstanding concerning my person. I can only say now that in all honesty I fail to see how I might reasonably have prevented the situation developing as it did; for by the stage I had become aware of what was occurring, things had gone so far I could not have enlightened these people without creating much embarrassment all round. In any case, regrettable as the whole business was, I do not see that any real harm has been done. I will, after all, take my leave of these people in the morning

С утра пораньше мне нужно по вызову в Стэнбери. Буду рад подбросить вас до машины. А по пути разживемся у Теда Хардакра канистрой бензина.

— С вашей стороны это очень любезно, — ответил я, — но не хочется причинять вам лишние хлопоты.

— Какие там хлопоты. В полвосьмого устроит?

— Весьма подходящее время.

— Вот и прекрасно, значит, в семь тридцать.

Проследите, миссис Тейлор, чтобы к половине восьмого ваш гость был уже на ногах и накормлен. — И, снова повернувшись ко мне, добавил: — Таким образом, нам все же удастся поговорить. Правда, Гарри будет лишен удовольствия видеть, как меня уложат на обе лопатки.

Все засмеялись, мы еще раз пожелали друг другу доброй ночи, и мне наконец позволили подняться к себе и обрести убежище в стенах этой комнаты.

По-моему, нет необходимости лишний раз объяснять всю нелепость положения, в которое я попал нынче вечером из-за прискорбного недоразумения в связи с моей особой. Могу только сказать полага руку на сердце, что и сейчас не вижу, каким образом я мог бы помешать ситуации развиваться именно в этом направлении; ибо к тому времени, как до меня дошел смысл происходящего, все успело зайти так далеко, что я просто не мог сказать им правду, не поставив всех в крайне неловкое положение. Во всяком случае, сколь ни достойна сожаления вся эта история, я не вижу, чтобы она се-

and presumably never encounter them again. There seems little point in dwelling on the matter.

However, the unfortunate misunderstanding aside, there are perhaps one or two other aspects to this evening's events which warrant a few moments' thought — if only because otherwise they may come to niggle one throughout the coming days. For instance, there is the matter of Mr Harry Smith's pronouncements on the nature of 'dignity'. There is surely little in his statements that merits serious consideration. Of course, one has to allow that Mr Harry Smith was employing the word 'dignity' in a quite different sense altogether from my own understanding of it. Even so, even taken on their own terms, his statements were, surely, far too idealistic, far too theoretical, to deserve respect. Up to a point, no doubt, there is some truth in what he says: in a country such as ours, people may indeed have a certain duty to think about great affairs and form their opinions. But life being what it is, how can ordinary people truly be expected to have 'strong opinions' on all manner of things — as Mr Harry Smith rather fancifully claims the villagers here do? And not only are these expectations unrealistic, I rather doubt if they are even desirable. There is, after all, a real limit to how much ordinary people can learn and know, and to demand that each and every one of them contribute 'strong opinions' to the great debates of the nation cannot, surely, be wise. It is, in any case, absurd that anyone should presume to define a person's 'dignity' in these terms.

ррезно кого-нибудь задела. В конце концов, утром я со всеми распрощаюсь и, вероятно, никогда уже с ними не встречу, так что хватит об этом.

Тем не менее, если не считать прискорбного недоразумения, в событиях этого вечера можно, вероятно, выделить один-два момента, на которых стоит задержаться — хотя бы затем, чтобы не думать о них в предстоящие дни. Например, рассуждения мистера Гарри Смита о сущности достоинства. Конечно, в его высказываниях лишь немного заслуживает серьезного рассмотрения. Следует, естественно, исходить из того, что понятие «достоинство» мистер Гарри Смит трактовал совершенно иначе, чем я. Но даже в этом случае, с учетом именно его понимания, утверждения мистера Гарри Смита все равно были слишком идеалистичными, слишком абстрактными, чтобы принимать их всерьез. В известном смысле в его высказываниях, несомненно, есть рациональное зерно: в такой стране, как наша, люди, вероятно, и вправду обязаны размышлять о великих делах и иметь о них определенное мнение. Но жизнь есть жизнь, и можно ли требовать от простых людей «твердых взглядов» по самым разным вопросам, каковые взгляды, согласно несколько завиральным утверждениям мистера Гарри Смита, якобы имеют жители этой деревни? Подобное требование не только беспочвенно, но, как мне кажется, даже и нежелательно. В конце концов, простые люди способны усваивать и познавать до какого-то определенного предела, и ожидать от всех и каждого, чтобы они со своими «твердыми взглядами»

As it happens, there is an instance that comes to mind which I believe illustrates rather well the real limits of whatever truth may be contained in Mr Harry Smith's views. It is, as it happens, an instance from my own experience, an episode that took place before the war, around 1935.

As I recall, I was rung for late one night — it was past midnight — to the drawing room where his lordship had been entertaining three gentlemen since dinner. I had, naturally, been called to the drawing room several times already that night to replenish refreshments, and had observed on these occasions the gentlemen deep in conversation over weighty issues. When I entered the drawing room on this last occasion, however, all the gentlemen stopped talking and looked at me. Then his lordship said:

‘Step this way a moment, will you, Stevens? Mr Spencer here wishes a word with you.’

The gentleman in question went on gazing at me for a moment without changing the somewhat languid posture he had adopted in his armchair. Then he said:

‘My good man, I have a question for you. We need your help on a certain matter we've been debating. Tell me, do you suppose the debt situation regarding America is a significant factor in the present low

принимали участие в рассмотрении великих общенациональных проблем, разумеется, неразумно. И уж в любом случае нелепо выглядят те, кто берет на себя смелость определять достоинство личности в таком «ключе».

Кстати, на память приходит один случай, который, думается, довольно наглядно показывает, много ли истины найдем мы во взглядах мистера Гарри Смита. Случай, между прочим, из моей собственной практики, и произошел он еще до войны, году примерно в 1935-м.

Насколько мне помнится, однажды довольно поздно — было уже за полночь — меня вызвали в гостиную, куда его светлость и три других джентльмена удалились сразу после обеда. Меня, понятно, и до этого уже несколько раз призывали в гостиную — подать свежей закуски, и я тогда еще обратил внимание, что джентльмены увлечены обсуждением каких-то важных вопросов. Однако на сей раз джентльмены при моем появлении умолкли и все как один на меня посмотрели. Его светлость произнес:

— Подите сюда, пожалуйста, на минутку, Стивенс, — мистер Спенсер хочет с вами поговорить.

Указанный джентльмен, небрежно развалившийся в кресле, некоторое время разглядывал меня, не меняя позы, а затем сказал:

— У меня к вам один вопрос, милейший. Нам требуется ваш совет в связи с проблемой, которую мы тут обсуждаем. Вам не кажется, что положение с долгами применительно к Америке существенно

levels of trade? Or do you suppose this is a red herring and that the abandonment of the gold standard is at the root of the matter?’

I was naturally a little surprised by this, but then quickly saw the situation for what it was; that is to say, it was clearly expected that I be baffled by the question. Indeed, in the moment or so that it took for me to perceive this and compose a suitable response, I may even have given the outward impression of struggling with the question, for I saw all the gentlemen in the room exchange mirthful smiles.

‘I’m very sorry, sir,’ I said, ‘but I am unable to be of assistance on this matter.’

I was by this point well on top of the situation, but the gentlemen went on laughing covertly. Then Mr Spencer said:

‘Then perhaps you will help us on another matter. Would you say that the currency problem in Europe would be made better or worse if there were to be an arms agreement between the French and the Bolsheviks?’

‘I’m very sorry, sir, but I am unable to be of assistance on this matter.’

‘Oh dear,’ said Mr Spencer. ‘So you can’t help us here either.’

There was more suppressed laughter before his lordship said:

повлияло на наблюдаемое понижение уровня торговых операций? Или, может быть, вы, напротив, считаете, что это всего лишь отвлекающий маневр, а на самом деле все объясняется отказом от золотого стандарта?

Сначала я, понятно, слегка опешил, но быстро смекнул, в чем дело; иными словами, этим вопросом меня явно хотели поставить в тупик. Действительно, в те считанные секунды, которые мне понадобились, чтобы это понять и найтись с подходящим ответом, у джентльменов вполне могло сложиться впечатление, что я мучительно обдумываю вопрос; джентльмены, как я заметил, обменялись веселыми улыбками.

— Весьма сожалею, сэр, — заявил я, — но тут я не могу быть полезен.

Теперь я уже был хозяином положения, но джентльмены об этом не догадывались и продолжали укладкой пересмеиваться. Потом мистер Спенсер сказал:

— Ладно, в таком случае не поможете ли вы нам с другой проблемой? Как по-вашему, улучшится или ухудшится денежное обращение в Европе, если Франция заключит с большевиками соглашение по вооружениям?

— Весьма сожалею, сэр, но тут я не могу быть полезен.

— Вот незадача, — вздохнул мистер Спенсер. — Значит, и здесь вы нам ничем не можете помочь.

Последовали сдавленные смешки, и его светлость произнес:

‘Very well, Stevens. That will be all.’

‘Please, Darlington, I have one more question to put to our good man here,’ Mr Spencer said. ‘I very much wanted his help on the question presently vexing many of us, and which we all realize is crucial to how we should shape our foreign policy. My good fellow, please come to our assistance. What was M. Laval really intending, by his recent speech on the situation in North Africa? Are you also of the view that it was simply a ruse to scupper the nationalist fringe of his own domestic party?’

‘I’m sorry, sir, but I am unable to assist in this matter.’

‘You see, gentlemen,’ Mr Spencer said, turning to the others, ‘our man here is unable to assist us in these matters.’

This brought fresh laughter, now barely suppressed.

‘And yet,’ Mr Spencer went on, ‘we still persist with the notion that this nation’s decisions be left in the hands of our good man here and to the few million others like him. Is it any wonder, saddled as we are with our present parliamentary system, that we are unable to find any solution to our many difficulties? Why, you may as well ask a committee of the mothers’ union to organize a war campaign.’

— Прекрасно, Стивенс. Можете быть свободны.

— Минутку, Дарлингтон, с вашего позволения я бы хотел спросить нашего приятеля еще об одном, — сказал мистер Спенсер. — Мне бы очень хотелось знать его мнение по вопросу, который сейчас волнует многих из нас и от которого, как мы все понимаем, будет зависеть, какой внешне-политический курс нам избрать. Будьте добры, милейший, помогите нам в нем разобраться. Чего на самом деле хотел добиться мсье Лаваль, выступив со своей последней речью о положении в Северной Африке? Вы тоже считаете, что это просто хитрый маневр, имевший целью разделаться с националистическим охвостом в его собственной партии?

— Весьма сожалею, сэръ, но тут я не могу быть полезен.

— Вот видите, — обратился мистер Спенсер к остальным джентльменам, — наш приятель не способен оказать нам помощь в этих вопросах.

Все опять засмеялись, теперь уже почти не та-ясь.

— А мы тем не менее, — продолжал мистер Спенсер, — по-прежнему твердим, что принимать решения о судьбах нации следует вот этому нашему приятелю и миллионам ему подобных. Так стоит ли удивляться, что мы, обремененные к тому же нашей парламентской системой в ее нынешнем виде, никак не найдем выход из наших многочисленных трудностей? Да с таким же успехом можно требовать от руководства Союза матерей разработки плана военной кампании.

There was open, hearty laughter at this remark, during which his lordship muttered:

‘Thank you, Stevens,’

thus enabling me to take my leave.

While of course this was a slightly uncomfortable situation, it was hardly the most difficult, or even an especially unusual one to encounter in the course of one’s duties, and you will no doubt agree that any decent professional should expect to take such events in his stride. I had, then, all but forgotten the episode by the following morning, when Lord Darlington came into the billiard room while I was up on a step-ladder dusting portraits, and said:

‘Look here, Stevens, it was dreadful. The ordeal we put you through last night.’

I paused in what I was doing and said:

‘Not at all, sir. I was only too happy to be of service.’

‘It was quite dreadful. We’d all had rather too good a dinner, I fancy. Please accept my apologies.’

‘Thank you, sir. But I am happy to assure you I was not unduly inconvenienced.’

His lordship walked over rather wearily to a leather armchair, seated himself and sighed. From my vantage point up on my ladder, I could see practically the whole of his long figure caught in the winter sunshine pouring in through the french windows and streaking much of the room. It was, as I recall it, one of those moments that brought home how much the pressures of life had taken their toll on

Над этим все откровенно и от души рассмеялись, и его светлость между взрывами смеха проворкотал:

— Спасибо, Стивенс.

Таким образом, я смог удалиться.

Конечно, я оказался тогда в положении не из самых приятных, однако же и не из самых трудных; в нем не было ничего особенно необычного, за долгие годы службы со мной бывало и не такое, и вы, разумеется, согласитесь с тем, что для уважающего себя дворецкого подобные случаи должны быть в порядке вещей. Утром я, можно сказать, об этом уже и забыл и, взгромоздясь на стремянку, протирал в бильярдной семейные портреты, когда вошел лорд Дарлингтон и сказал:

— Право же, Стивенс, это было ужасно. Испытание, которое мы вчера вам устроили.

Оторвавшись от портретов, я ответил:

— Нисколько, сэр. Рад был оказаться полезным.

— Ужасно, ужасно. Боюсь, за обедом мы несколько перебрали. Примите мои извинения.

— Благодарю вас, сэр. Но рад заверить, что я не испытал никакого особого неудобства.

Его светлость усталой походкой направился к кожаному креслу, уселся и вздохнул. С верха стремянки я хорошо видел всю его рослую фигуру, освещенную лучами зимнего солнца, которые проникали через высокие, до пола, окна и заливали большую часть комнаты. Как мне помнится, это была одна из тех минут, когда я вдруг понял, насколько основательно тяготы жизни изменили

his lordship over a relatively small number of years. His frame, always slender, had become alarmingly thin and somewhat misshapen, his hair prematurely white, his face strained and haggard. For a while, he sat gazing out of the french windows towards the downs, then said again:

‘It really was quite dreadful. But you see, Stevens, Mr Spencer had a point to prove to Sir Leonard. In fact, if it’s any consolation, you did assist in demonstrating a very important point. Sir Leonard had been talking a lot of that old-fashioned nonsense. About the will of the people being the wisest arbitrator and so on. Would you believe it, Stevens?’

‘Indeed, sir.’

‘We’re really so slow in this country to recognize when a thing’s outmoded. Other great nations know full well that to meet the challenges of each new age means discarding old, sometimes well-loved methods. Not so here in Britain. There’s still so many talking like Sir Leonard last night. That’s why Mr Spencer felt the need to demonstrate his point. And I tell you, Stevens, if the likes of Sir Leonard are made to wake up and think a little, then you can take it from me your ordeal last night was not in vain.’

‘Indeed, sir.’

Lord Darlington gave another sigh.

‘We’re always the last, Stevens. Always the last to be clinging on to outmoded systems. But sooner

за сравнительно короткие годы облик его светлости. Он и от природы-то был худ, а теперь стал прямо кожа да кости, весь скособочился, волосы до поры побелели, лицо утомленное и осунувшееся. Он посидел, глядя в окна на дальние известняковые холмы, и повторил:

— Ужасно, и вправду ужасно. Но понимаете, Стивенс, мистер Спенсер должен был кое-что доказать сэру Леонарду. Вообще-то, если это послужит для вас хоть каким-то утешением, вы вчера помогли наглядно доказать одно чрезвычайно важное положение. Сэр Леонард наговорил кучу старомодных глупостей. Про то, что воля народа — самый лучший судья и так далее. Правда, Стивенс?

— Разумеется, сэр.

— Когда чему-то выходит срок, мы, англичане, это понимаем с большим опозданием. Другие великие нации прекрасно осознают, что встретить вызов каждой новой эпохи можно, лишь отбросив старые, подчас дорогие сердцу порядки. Но только не мы, не британцы. Многие из нас все еще рассуждают, как вчера рассуждал сэр Леонард. Вот почему мистеру Спенсеру понадобилось на наглядном примере продемонстрировать свою точку зрения. И еще я вам, Стивенс, скажу: если таких людей, как сэр Леонард, удастся разбудить да заставить немного подумать, тогда, поверьте мне, вчерашнее испытание вы претерпели не зря.

— Разумеется, сэр.

Лорд Дарлингтон снова вздохнул.

— И всегда-то мы плетемся в хвосте, Стивенс. Всегда до последнего цепляемся за отжившие си-

or later, we'll need to face up to the facts. Democracy is something for a bygone era. The world's far too complicated a place now for universal suffrage and such like. For endless members of parliament debating things to a standstill. All fine a few years ago perhaps, but in today's world? What was it Mr Spencer said last night? He put it rather well.'

'I believe, sir, he compared the present parliamentary system to a committee of the mothers' union attempting to organize a war campaign.'

'Exactly, Stevens. We are, quite frankly, behind the times in this country And it's imperative that all forward-looking people impress this on the likes of Sir Leonard.'

'Indeed, sir.'

'I ask you, Stevens. Here we are in the midst of a continuing crisis. I've seen it with my own eyes when I went north with Mr Whittaker. People are suffering. Ordinary, decent working people are suffering terribly. Germany and Italy have set their houses in order by acting. And so have the wretched Bolsheviks in their own way, one supposes. Even President Roosevelt, look at him, he's not afraid to take a few bold steps on behalf of his people. But look at us here, Stevens. Year after year goes by, and nothing gets better. All we do is argue and debate and procrastinate. Any decent idea is amended to ineffectuality by the time it's gone half-way through

стемы. Но рано или поздно нам придется взглянуть в лицо фактам. Демократия была хороша для ушедшей эпохи. А теперь мир слишком сложен, чтобы в нем оставалось место для всеобщего избирательного права и тому подобных вещей. Для бесконечных дебатов в парламенте, после которых дело застывает на мертвой точке. Все это, возможно, и было прекрасно еще несколько лет тому назад, но в наши дни? Как там вчера сказал мистер Спенсер? У него это удачно получилось.

— Если не ошибаюсь, сэр, он сравнил нынешнюю парламентскую систему с руководством Союза матерей, пытающимся разработать план военной кампании.

— Вот именно, Стивенс. Если уж говорить откровенно, то мы здесь отстаем от времени. И крайне необходимо, чтобы все дальновидные люди внушили это таким, как сэр Леонард.

— Разумеется, сэр.

— Хочу спросить вас, Стивенс. Мы здесь в самом разгаре бесконечного кризиса. Я видел это собственными глазами, когда ездил с мистером Уиттакером по северным графствам. Люди страдают. Простой достойный рабочий люд неизмеримо страдает. Германия с Италией взяли за дело и навели у себя порядок. Как, предполагаю, и эти мерзавцы большевики — на свой собственный лад. Даже президент Рузвельт, посмотрите, и то не боится пойти ради своего народа на решительные меры. А полюбуйтесь на нас, Стивенс. Годы проходят, а лучше не становится. Мы только тем и заняты, что спорим, обсуждаем да откла-

the various committees it's obliged to pass through. The few people qualified to know what's what are talked to a standstill by ignorant people all around them. What do you make of it, Stevens?'

'The nation does seem to be in a regrettable condition, sir.'

'I'll say. Look at Germany and Italy, Stevens. See what strong leadership can do if it's allowed to act. None of this universal suffrage nonsense there. If your house is on fire, you don't call the household into the drawing room and debate the various options for escape for an hour, do you? It may have been all very well once, but the world's a complicated place now. The man in the street can't be expected to know enough about politics, economics, world commerce and what have you. And why should he? In fact, you made a very good reply last night, Stevens. How did you put it? Something to the effect that it was not in your realm? Well, why should it be?'

It occurs to me in recalling these words that, of course, many of Lord Darlington's ideas will seem today rather odd — even, at times, unattractive. But surely it cannot be denied that there is an important element of truth in these things he said to me that morning in the billiard room. Of course, it is quite absurd to expect any butler to be in a posi-

дываем в долгий ящик. Любой приличный проект так обрастает поправками, пройдя всего через половину разных комиссий и комитетов, которые ему положено пройти, что уже никуда не годится. Тех немногих, кто способен со знанием дела разобратся, что к чему, до одурения заговаривают невежды. Что, по-вашему, из этого следует?

— Нация, по всей видимости, находится в плачевном состоянии, сэр.

— Именно. Посмотрите на Германию с Италией, Стивенс. Посмотрите, на что способно сильное руководство, если ему не мешают действовать. Им не до такой чепухи, как всеобщее избирательное право. Когда дом горит, никому не придет в голову созывать домочадцев и целый час обсуждать в гостиной различные способы тушения пожара, верно? Когда-то все это, может, и было прекрасно, но мир с тех пор стал сложнее. Нельзя требовать от обычного рядового человека, чтобы он разбирался в политике, экономике, мировой торговле и прочих материях. Да и с какой стати? Вчера, Стивенс, вы и в самом деле дали блестящий ответ. Как это вы сказали? Что-то в том духе, что это не входит в вашу сферу? И правильно, с какой стати должно входить?

Приводя здесь эти слова, я, конечно, понимаю, что многие идеи лорда Дарлингтона покажутся сегодня несколько странными и даже отчасти непривлекательными. Но, с другой стороны, невозможно отрицать, что в соображениях, которыми он поделился со мной тогда в бильярдной, было немало правды. Разумеется, глупо ожидать

tion to answer authoritatively questions of the sort Mr Spencer had put to me that night, and the claim of people like Mr Harry Smith that one's 'dignity' is conditional on being able to do so can be seen for the nonsense it is. Let us establish this quite clearly: a butler's duty is to provide good service. It is not to meddle in the great affairs of the nation. The fact is, such great affairs will always be beyond the understanding of those such as you and I, and those of us who wish to make our mark must realize that we best do so by concentrating on what is within our realm; that is to say, by devoting our attention to providing the best possible service to those great gentlemen in whose hands the destiny of civilization truly lies. This may seem obvious, but then one can immediately think of too many instances of butlers who, for a time anyway, thought quite differently.

Indeed, Mr Harry Smith's words tonight remind me very much of the sort of misguided idealism which beset significant sections of our generation throughout the twenties and thirties. I refer to that strand of opinion in the profession which suggested that any butler with serious aspirations should make it his business to be forever reappraising his employer — scrutinizing the latter's motives, analysing the implications of his views. Only in this way, so the argument ran, could one be sure one's skills were being employed to a desirable end. Although one sympathizes to some extent with the idealism contained

от дворецкого, что тот сумеет с пониманием дела ответить на такие вопросы, какие мне задавал мистер Спенсер, и утверждение мистера Гарри Смита и ему подобных, будто достоинство человека зависит от его способности разбираться в этих материях, оборачивается очевидной бессмыслицей. Давайте раз и навсегда договоримся: долг дворецкого — образцово служить, а не соваться в дела государственной важности. Ведь это же факт, что столь великие дела всегда будут выше нашего с вами разумения, и тем из нас, кто хочет оставить след в жизни, нужно понять, что лучший способ добиться этого — сосредоточиться на собственной деятельности, то есть отдавать все силы наилучшему обслуживанию тех благородных джентльменов, от которых по-настоящему зависят судьбы цивилизации. Казалось бы, это самоочевидно, но сразу приходят на память многочисленные примеры, когда дворецкие, по крайней мере какое-то время, думали совсем по-другому.

Вот и сегодняшние высказывания мистера Гарри Смита очень созвучны для меня с теми идеалистическими заблуждениями, которые охватили значительные слои нашего поколения в двадцатые и тридцатые годы. Я имею в виду бытовавшее среди лиц нашей профессии частное мнение о том, что всякому дворецкому с серьезными устремлениями следует вменить себе в обязанность все время переоценивать хозяина, критически изучая побудительные мотивы его действий и вникая в скрытый смысл его взглядов. Только так, согласно этой теории, дворецкий обретает уверенность,

in such an argument, there can be little doubt that it is the result, like Mr Smith's sentiments tonight, of misguided thinking. One need only look at the butlers who attempted to put such an approach into practice, and one will see that their careers — and in some cases they were highly promising careers — came to nothing as a direct consequence. I personally knew at least two professionals, both of some ability, who went from one employer to the next, forever dissatisfied, never settling anywhere, until they drifted from view altogether. That this should happen is not in the least surprising. For it is, in practice, simply not possible to adopt such a critical attitude towards an employer and at the same time provide good service. It is not simply that one is unlikely to be able to meet the many demands of service at the higher levels while one's attentions are being diverted by such matters; more fundamentally, a butler who is forever attempting to formulate his own 'strong opinions' on his employer's affairs is bound to lack one quality essential in all good professionals: namely, loyalty. Please do not misunderstand me here; I do not refer to the mindless sort of 'loyalty' that mediocre employers bemoan the lack of when they find themselves unable to retain the services of high-calibre professionals.

что его профессиональные способности служат достойной цели. Хотя идеализм, содержащийся в такой аргументации, и вызывает определенное сочувствие, не приходится сомневаться в том, что она, как и нынешние суждения мистера Гарри Смита, есть прямое следствие неверного хода мысли. Стоит обратиться к примеру тех дворецких, которые попытались воплотить в жизнь эти рекомендации, и мы увидим, что профессионально — а некоторых из них ожидала весьма многообещающая карьера — они так и не выросли, и только по этой самой причине. Я лично знал по крайней мере двух из числа таких — люди отнюдь не бездарные, они меняли одного хозяина за другим, в каждом разочаровывались, ни у кого не задерживались, и в конце концов след их пропал. Удивляться этому не приходится. Ибо в реальной жизни критическое отношение к хозяину и образцовая служба просто несовместимы. Тут сложность даже не в том, что на нашем высоком уровне невозможно соответствовать многообразным служебным требованиям, если все время отвлекаешься на такие наблюдения; важнее другое: дворецкий, постоянно стремящийся выработать собственные «твердые взгляды» на дела своего хозяина, непременно утрачивает одно принципиальное качество, необходимое каждому стоящему профессионалу, — преданность. Прошу понять меня правильно: я не имею в виду ту бессмысленную преданность, на отсутствие коей любят пенять бездарные хозяева, когда не способны удержать на службе профессионала высокого класса.

Indeed, I would be among the last to advocate bestowing one's loyalty carelessly on any lady or gentleman who happens to employ one for a time. However, if a butler is to be of any worth to anything or anybody in life, there must surely come a time when he ceases his searching; a time when he must say to himself: 'This employer embodies all that I find noble and admirable. I will hereafter devote myself to serving him.' This is loyalty intelligently bestowed. What is there 'undignified' in this? One is simply accepting an inescapable truth: that the likes of you and I will never be in a position to comprehend the great affairs of today's world, and our best course will always be to put our trust in an employer we judge to be wise and honourable, and to devote our energies to the task of serving him to the best of our ability. Look at the likes of Mr Marshall, say, or Mr Lane — surely two of the greatest figures in our profession. Can we imagine Mr Marshall arguing with Lord Camberley over the latter's latest dispatch to the Foreign Office? Do we admire Mr Lane any the less because we learn he is not in the habit of challenging Sir Leonard Gray before each speech in the House of Commons? Of course we do not. What is there 'undignified', what is there at all culpable in such an attitude? How can one possibly be held to blame in any sense because, say, the passage of time has shown that Lord Darlington's efforts were misguided, even foolish? Throughout the years I served him, it was he and he alone who weighed up evidence and judged it best to proceed in the way he did, while I simply confined myself, quite properly, to affairs within my own professional realm.

Больше того, я последним стану защищать неразборчивую преданность в отношении всякой дамы или всякого джентльмена, к которым доводится временно поступить в услужение. Тем не менее, если дворецкий хочет представлять собой хоть какую-то ценность, не важно, для кого или для чего, обязательно наступает время, когда он должен остановиться и сказать самому себе: «Этот хозяин олицетворяет все, что я считаю благородным и достойным восхищения. Отныне я всего себя отдаю ему в услужение». Такова разумная преданность. Так что же в ней недостойного? Просто-напросто признаешь истину, которую нельзя не признать: таким, как мы с вами, никогда не постичь огромных проблем современного мира, а поэтому лучше всего безоглядно положиться на такого хозяина, которого мы считаем достойным и мудрым, и честно и беззаветно служить ему по мере сил. Возьмем, скажем, мистера Маршалла или мистера Лейна — без сомнения, двух крупнейших представителей нашей профессии. Разве можно вообразить мистера Маршалла вступившим в пререкания с лордом Кемберли по поводу содержания последней депеши его светлости в Министерство иностранных дел? Или наше восхищение мистером Лейном становится меньше, если мы узнаём, что у него нет привычки оспаривать взгляды сэра Леонарда Грея перед каждым выступлением одного в палате общин? Да ни в коем случае. Так что же недостойного в такой позиции? Что тут заслуживает хоть малейшего порицания? И чем, собственно, виноват дворецкий, если, допустим, с ходом времени выясняется, что поступками лорда Дар-

And as far as I am concerned, I carried out my duties to the best of my abilities, indeed to a standard which many may consider 'first rate'. It is hardly my fault if his lordship's life and work have turned out today to look, at best, a sad waste — and it is quite illogical that I should feel any regret or shame on my own account.

Day four • afternoon

LITTLE COMPTON, CORNWALL

I have finally arrived at Little Compton, and at this moment, am sitting in the dining hall of the Rose Garden Hotel having recently finished lunch. Outside, the rain is falling steadily.

The Rose Garden Hotel, while hardly luxurious, is certainly homely and comfortable, and one cannot begrudge the extra expense of accommodating oneself here. It is conveniently situated on one corner of the village square, a rather charming ivy-covered manor house capable of housing, I would suppose, thirty or so guests. This 'dining hall' where I now sit, however, is a modern annexe built to adjoin the main building — a long, flat room characterized by rows of large windows on either side. On one side,

лингтона двигали заблуждения, а то и недомыслие? Все годы, что я служил у него, он, и только он, взвешивал факты и решал, что следует поступить так, а не иначе; я же, как мне и было положено, ограничивался тем, что входило в сферу моей профессиональной деятельности. Если уж речь зашла обо мне, то я исполнял свои обязанности по мере сил и на таком уровне, какой многие могут счесть первоклассным. И вряд ли именно я виноват в том, что жизнь и труды его светлости, как представляется ныне, в лучшем случае, увы, пошли прахом; у меня же со своей стороны нет решительно никаких оснований о чем-то жалеть или чего-то стыдиться.

День четвертый — после полудня

ЛИТТЛ-КОМПТОН, КОРНУОЛЛ

Я наконец добрался до Литтл-Комптона и в эту минуту сижу в ресторане гостиницы «Розовый сад», только что покончив с ланчем. На улице льет как из ведра.

«Розовый сад» хотя и не роскошная гостиница, но в ней по-домашнему уютно, так что не жаль было немного переплатить, чтобы снять тут номер. Этот очаровательный, увитый плющом особняк, где могут разместиться, как я прикинул, около тридцати постояльцев, удобно расположен на углу деревенской площади. Ресторан, где я сейчас нахожусь, — современная пристройка к главному зданию, прямое длинное помещение с рядами огромных окон по боковым стенам. С одной сто-

the village square is visible; on the other, the rear garden, from which this establishment presumably takes its name. The garden, which seems well sheltered from the wind, has a number of tables arranged about it, and when the weather is fine, I imagine it is a very pleasant place to partake of meals or refreshments. In fact, I know that a little earlier, some guests had actually commenced lunch out there, only to be interrupted by the appearance of ominous storm clouds. When I was first shown in here an hour or so ago, staff were hurriedly stripping down the garden tables — while their recent occupants, including one gentleman with a napkin still tucked into his shirt, were standing about looking rather lost. Then, very soon afterwards, the rain had come down with such ferocity that for a moment all the guests seemed to stop eating just to stare out of the windows.

My own table is on the village square side of the room and I have thus spent much of the past hour watching the rain falling on the square, and upon the Ford and one or two other vehicles stationed outside. The rain has now steadied somewhat, but it is still sufficiently hard as to discourage one from going out and wandering around the village. Of course, the possibility has occurred to me that I might set off now to meet Miss Kenton; but then in my letter, I informed her I would be calling at three o'clock, and I do not think it wise to surprise her by arriving any earlier. It would seem quite likely then, if the rain does not cease very shortly, that I will remain here drinking tea until the proper time comes for me to set off. I have ascertained from the young

роны открывается вид на деревенскую площадь, с другой — на сад за домом, по которому гостиница, вероятно, и получила свое название. В саду, который, похоже, хорошо защищен от ветра, расставлены столики; я представляю, как приятно за ними обедать или просто закусывать в солнечную погоду. Кстати, некоторые постояльцы чуть раньше как раз уселись в саду за ланч, но их прогнали зловещие грозовые облака. Когда примерно с час назад меня провели в ресторан, официанты лихорадочно убрали в саду со столиков, а только что сидевшие за ними клиенты, в том числе один джентльмен с запровленной за ворот салфеткой, топтались рядом с довольно потеряннм видом. Тут вскоре полило с такой силой, что едоки все как один оторвались от тарелок и устались в окна.

Мой столик стоит у выходящего на площадь окна, и я вот уже час как в основном созерцаю струи дождя, которые льются на землю, на «форд» и на стоящие рядом машины. Дождь, кажется, чуть поутих, но все еще слишком сильный, чтобы возникло желание выйти на улицу и погулять по деревне. Я, конечно, уже подумал: а не отправиться ли прямо сейчас к мисс Кентон? Однако я написал ей, что приду в три часа, поэтому, видимо, не стоит спешить, а то еще застаю ее врасплох, явившись раньше положенного. Поэтому вполне вероятно, что, если дождь вскоре не прекратится, я просижу здесь, попивая чай, пока не наступит пора выходить. Я разузнал у девушки, подававшей мне ланч, что до дома, где в настоящее время

woman who served me lunch that the address where Miss Kenton is presently residing is some fifteen minutes' walk away, which implies I have at least another forty minutes to wait.

I should say, incidentally, that I am not so foolish as to be unprepared for disappointment. I am only too aware that I never received a reply from Miss Kenton confirming she would be happy about a meeting. However, knowing Miss Kenton as I do, I am inclined to think that a lack of any letter can be taken as agreement; were a meeting for any reason inconvenient, I feel sure she would not have hesitated to inform me. Moreover, I had stated in my letter the fact that I had made a reservation at this hotel and that any last-minute message could be left for me here; that no such message was awaiting me can, I believe, be taken as further reason to suppose all is well.

This present downpour is something of a surprise, since the day started with the bright morning sunshine I have been blessed with each morning since leaving Darlington Hall. In fact, the day had generally begun well with a breakfast of fresh farm eggs and toast, provided for me by Mrs Taylor, and with Dr Carlisle calling by at seven thirty as promised, I was able to take my leave of the Taylors — who continued not to hear of remuneration — before any further embarrassing conversations had had a chance to develop.

'I found a can of petrol for you.' Dr Carlisle announced, as he ushered me into the passenger seat of his Rover.

проживает мисс Кентон, идти с четверть часа; значит, в моем распоряжении еще по меньшей мере сорок минут.

Должен, кстати, заметить, что у меня хватило ума подготовиться к разочарованию. Ведь мисс Кентон так и не написала, что рада будет со мной встретиться. Я, однако, хорошо знаю мисс Кентон и склонен думать, что отсутствие ответного письма следует расценить как согласие; если бы встреча оказалась по каким-то причинам для нее нежелательной, она бы, я уверен, сразу поставила меня об этом в известность. Больше того, в своем письме я указал, что остановлюсь именно в этой гостинице и по этому адресу мне можно сообщить, если в последнюю минуту что-то разладится. На мое имя, однако, не поступало никаких сообщений, и это тоже, как мне кажется, дает основания считать, что все в порядке.

Непонятно, откуда вдруг взялся ливень — утром на небе светило яркое солнце, мой постоянный и благодатный спутник с той минуты, как я покинул Дарлингтон-холл. И вообще день для меня начинался удачно: миссис Тейлор приготовила мне на завтрак свежие деревенские яйца и гренки, доктор Карлейль, как обещал, приехал ровно в половине восьмого, и я поспешил откланяться — Тейлоры по-прежнему не желали и слышать ни о каких деньгах, — пока не возникла угроза нового неприятного разговора вроде вчерашнего.

— Я привез вам канистру бензина, — объявил доктор Карлейль, предложив мне занять в своем «ровере» место на заднем сиденье.

I thanked him for his thoughtfulness, but when I made inquiries as to payment, I found that he, too, would hear none of it.

‘Nonsense, old boy. It’s only a little bit I found at the back of my garage. But it’ll be enough for you to reach Crosby Gate and you can fill up good and proper there.’

The village centre of Moscombe, in the morning sunshine, could be seen to be a number of small shops surrounding a church, the steeple of which I had seen from the hill yesterday evening. I had little chance to study the village, however, for Dr Carlisle turned his car briskly into the driveway of a farmyard.

‘Just a little short cut,’ he said, as we made our way past barns and stationary farm vehicles. There seemed to be no persons present anywhere, and at one point, when we were confronted by a closed gate, the doctor said:

‘Sorry, old chap, but if you wouldn’t mind doing the honours.’

Getting out, I went to the gate, and as soon as I did so, a furious chorus of barking erupted in one of the barns near by, so that it was with some relief that I rejoined Dr Carlisle again in the front of his Rover.

We exchanged a few pleasantries as we climbed a narrow road between tall trees, he inquiring after how I had slept at the Taylors and so forth. Then he said quite abruptly:

‘I say, I hope you don’t think me very rude. But you aren’t a manservant of some sort, are you?’

Я поблагодарил его за заботу и предложил возместить расходы, но он, как выяснилось, тоже не хотел об этом слышать.

— Пустяки, старина. Я раскопал канистру у себя в гараже, в ней и бензина-то кот наплакал, но до Кросби Гейта хватит, а там уж залыете полный бак.

В ярком утреннем свете центр деревеньки предстал предо мной в виде нескольких магазинчиков, сбившихся вокруг церкви, чей шпиль я вчера вечером заметил с холма. Однако мне не удалось разглядеть деревню получше — доктор Карлейль внезапно свернул на проселок к какой-то ферме.

— Тут мы немного срежем, — объяснил он. Мы миновали амбары и неподвижные сельскохозяйственные машины. Я не увидел ни одной живой души. Когда мы подъехали к закрытым воротам, доктор сказал:

— Виноват, старина, вы не будете добры?

Я вылез и пошел открыть ворота. В одном из ближайших сараев в несколько глоток остервенело залились псы, так что я с облегчением вернулся к доктору Карлейлю и захлопнул за собой дверцу «ровера».

Пока автомобиль полз вверх по узкой дороге между рядами высоких деревьев, мы обменивались любезностями. Он осведомился, как мне спалось у Тейлоров и еще о чем-то в этом роде, а потом вдруг сказал:

— Послушайте, надеюсь, вы не сочтете это за грубость, но вы ведь из слуг, верно?

I must confess, my overwhelming feeling on hearing this was one of relief.

‘I am indeed, sir. In fact, I am the butler of Darlington Hall, near Oxford.’

‘Thought so. All that about having met Winston Churchill and so on. I thought to myself, well, either the chap’s been lying his head off, or — then it occurred to me, there’s one simple explanation.’

Dr Carlisle turned to me with a smile as he continued to steer the car up the steep winding road. I said:

‘It wasn’t my intention to deceive anyone, sir. However ...’

‘Oh, no need to explain, old fellow. I can quite see how it happened. I mean to say, you are a pretty impressive specimen. The likes of the people here, they’re bound to take you for at least a lord or a duke.’ The doctor gave a hearty laugh. ‘It must do one good to be mistaken for a lord every now and then.’

We travelled on in silence for a few moments. Then Dr Carlisle said to me:

‘Well, I hope you enjoyed your little stay with us here.’

‘I did very much, thank you, sir.’

‘And what did you make of the citizens of Moscombe? Not such a bad bunch, are they?’

‘Very engaging, sir. Mr and Mrs Taylor were extremely kind.’

‘I wish you wouldn’t call me “sir” like that all the time, Mr Stevens. No, they’re not such a bad bunch

Должен признаться, у меня от его слов будто камень с души свалился.

— Действительно, сэра. Я и в самом деле служу дворецким в Дарлингтон-холле, неподалеку от Оксфорда.

— Так я и думал. А то эти встречи с Уинстоном Черчиллем и все такое прочее. Я про себя подумал: ну и ну, либо этот тип наврал с три короба, либо... тут мне и пришло в голову самое простое объяснение.

Доктор Карлейль повернулся ко мне с улыбкой, продолжая в то же время вести машину по петляющей крутой дороге. Я сказал:

— Я никого не хотел обманывать, сэра. Но так получилось...

— Не нужно объяснять, старина, мне и так понятно, как это вышло. Я хочу сказать, внешность у вас весьма представительная. Наши местные непременно должны были принять вас по меньшей мере за лорда или за герцога. — Доктор весело рассмеялся. — Должно быть, неплохо, когда тебя время от времени принимают за лорда.

Несколько минут мы молчали. Затем доктор Карлейль заметил:

— Что ж, надеюсь, вам было приятно немного у нас погостить.

— Очень приятно, благодарю вас, сэра.

— Интересно, что вы скажете о гражданах Москома? Не такая уж плохая компания, а?

— Очень симпатичная, сэра. Мистер и миссис Тейлор были ко мне чрезвычайно добры.

— Пожалуйста, не говорите мне «сэр» через каждое слово, мистер Стивенс. Да, не такая уж пло-

at all around here. As far as I'm concerned, I'd happily spend the rest of my life out here.'

I thought I heard something slightly odd in the way Dr Carlisle said this. There was, too, a curiously deliberate edge to the way he went on to inquire again:

'So you found them an engaging bunch, eh?'

'Indeed, Doctor. Extremely congenial.'

'So what were they all telling you about last night? Hope they didn't bore you silly with all the village gossip.'

'Not at all, Doctor. As a matter of fact, the conversation tended to be rather earnest in tone and some very interesting viewpoints were expressed.'

'Oh, you mean Harry Smith,' the doctor said with a laugh. 'You shouldn't mind him. He's entertaining enough to listen to for a while, but really, he's all in a muddle. At times you'd think he was some sort of Communist, then he comes out with something that makes him sound true blue Tory. Truth is, he's all in a muddle.'

'Ah, that is very interesting to hear.'

'What did he lecture you on last night? The Empire? The National Health?'

'Mr Smith restricted himself to more general topics.'

'Oh? For instance?'

I gave a cough.

'Mr Smith had some thoughts on the nature of dignity.'

'I say. Now that sounds rather philosophical for Harry Smith. How the devil did he get on to that?'

хая компания подобралась в наших местах. Лично я с радостью проживу здесь до самой смерти.

В том, как доктор Карлейль это сказал, мне слышалась какая-то странная интонация. Уловил я в его голосе и какую-то нарочитую резкость, когда он снова ко мне обратился:

— Значит, по-вашему, компания симпатичная, а?

— Да, доктор. В высшей степени подходящая.

— И что же они вам вчера вечером нарасказывали? Надеюсь, не задурили голову разными деревенскими сплетнями?

— Отнюдь, доктор. Разговор и вправду велся в довольно откровенных тонах, было высказано несколько весьма интересных точек зрения.

— А, вы это про Гарри Смита, — рассмеялся доктор. — Не нужно принимать его слишком всерьез. Его забавно послушать, но, честно говоря, в голове у него дикая каша. Иной раз уже подумаешь, что он без пяти минут коммунист, а он вдруг да ляпнет такое, что впору настоящему махровому тори. В голове у него дикая каша, это уж точно.

— Весьма интересно.

— Про что он вчера читал лекцию? Про Империю? Национальную службу здравоохранения?

— Мистер Смит ограничился более общими темами.

— Вот как? Какими же?

Я откашлялся.

— Мистер Смит поделился своими соображениями о сущности достоинства.

— Ну и ну. Для Гарри Смита это что-то слишком абстрактно. Какого черта его занесло в философию?

‘I believe Mr Smith was stressing the importance of his campaigning work in the village.’

‘Ah, yes?’

‘He was impressing upon me the point that the residents of Moscombe held strong opinions on all manner of great affairs.’

‘Ah, yes. Sounds like Harry Smith. As you probably guessed, that’s all nonsense, of course. Harry’s always going around trying to work everybody up over issues. But the truth is, people are happier left alone.’

We were silent again for a moment or two. Eventually, I said:

‘Excuse me for asking, sir. But may I take it Mr Smith is considered something of a comic figure?’

‘Hmm. That’s taking it a little too far, I’d say. People do have a political conscience of sorts here. They feel they ought to have strong feelings on this and that, just as Harry urges them to. But really, they’re no different from people anywhere. They want a quiet life. Harry has a lot of ideas about changes to this and that, but really, no one in the village wants upheaval, even if it might benefit them. People here want to be left alone to lead their quiet little lives. They don’t want to be bothered with this issue and that issue.’

I was surprised by the tone of disgust that had entered the doctor’s voice. But he recovered himself quickly with a short laugh and remarked:

‘Nice view of the village on your side.’

— По-моему, мистер Смит хотел подчеркнуть значение своей агитационной работы в деревне.

— Вот как?

— Он меня убеждал, что у жителей Москома твердые взгляды на различные проблемы огромнейшей важности.

— Ага, понятно. Это на него похоже. Вы, вероятно, догадались, что все это чушь. Гарри только тем и занят, что пытается каждого перетянуть на свою сторону. Но дело в том, что людям живется лучше, если их оставить в покое.

Мы снова помолчали. Наконец я сказал:

— Простите за вопрос, сэръ, но следует ли понимать вас так, что к мистеру Смицу относятся как к фигуре в некотором смысле комической?

— Хм. Да нет, это, пожалуй, будет уж слишком. У здешнего люда есть известные политические убеждения. Они считают, что обязаны иметь твердые взгляды на то да на это, как призывает их Гарри. Но, в сущности, они ничем не отличаются от других и так же хотят спокойной жизни. У Гарри полно идей, как изменить и это, и то, но на самом деле радикальные перемены никому в деревне не нужны, даже если жителям и будет от них какая-то польза. Местные хотят, чтобы их оставили в покое, позволили жить себе тихо и мирно. Не хотят они, чтобы к ним приставали со всякими проблемами.

К вящему моему удивлению, я уловил в голосе доктора нотки отвращения. Но он тут же взял себя в руки, коротко рассмеялся и произнес:

— Поглядите, с вашей стороны красивый вид на деревню.

Indeed, the village had become visible some way below us. Of course, the morning sunshine gave it a very different aspect, but otherwise it looked much the same view as the one I had first encountered in the evening gloom, and I supposed from this that we were now close to the spot where I had left the Ford.

‘Mr Smith seemed to be of the view,’ I said, ‘that a person’s dignity rested on such things. Having strong opinions and such.’

‘Ah, yes, dignity. I was forgetting. Yes, so Harry was trying to tackle philosophical definitions. My word. I take it it was a lot of rot.’

‘His conclusions were not necessarily those that compelled agreement, sir.’

Dr Carlisle nodded, but seemed to have become immersed in his own thoughts.

‘You know, Mr Stevens,’ he said, eventually, ‘when I first came out here, I was a committed socialist. Believed in the best services for all the people and all the rest of it. First came here in ‘forty-nine. Socialism would allow people to live with dignity. That’s what I believed when I came out here. Sorry, you don’t want to hear all this rot.’ He turned to me cheerily. ‘What about you, old chap?’

‘I’m sorry, sir?’

‘What do you think dignity’s all about?’

The directness of this inquiry did, I admit, take me rather by surprise.

‘It’s rather a hard thing to explain in a few words, sir,’ I said. ‘But I suspect it comes down to not removing one’s clothing in public’.

Действительно, внизу под нами открылась деревня. Под утренним солнцем она, понятно, выглядела совсем по-другому, но в остальном панорама очень напоминала ту, которую я впервые обозрел накануне в вечерних сумерках; из этого я заключил, что мы приближаемся к месту, где я оставил «форд».

— Мистер Смит, видимо, полагает, — заметил я, — что достоинство личности заключается именно в этом — в твердых взглядах и всем остальном.

— Ах да, достоинство. Я уже и забыл. Значит, Гарри попробовал заняться философскими определениями. Однако. Как я понимаю, он понес жуткую чушь.

— Его выводы не всегда убеждали слушателя в полной мере, сэр.

Доктор Карлейль кивнул, но, как мне показалось, ушел в свои мысли.

— А знаете, мистер Стивенс, — произнес он наконец, — ведь я приехал сюда ярым социалистом. Верил в лучшее медицинское обслуживание для всего народа и прочее в том же роде. Было это в сорок девятом. Социализм обеспечит людям достойную жизнь. Вот во что я верил, когда здесь появился. Впрочем, виноват, вам-то к чему выслушивать весь этот вздор? — И весело спросил: — Ну а как вы, старина?

— Прошу прощения, сэр?

— Как вы думаете, что такое достоинство?

Должен признаться, что прямо поставленный вопрос застал меня врасплох.

— Это довольно сложно изложить в немногих словах, сэр, — ответил я. — Но мне кажется, оно сводится к тому, чтобы не раздеваться на глазах у других.

‘Sorry. What does?’

‘Dignity, sir.’

‘Ah.’ The doctor nodded, but looked a little bemused. Then he said: ‘Now, this road should be familiar to you. Probably looks rather different in the daylight. Ah, is that it there? My goodness, what a handsome vehicle!’

Dr Carlisle pulled up just behind the Ford, got out and said again:

‘My, what a handsome vehicle.’

The next moment he had produced a funnel and a can of petrol and was most kindly assisting me in filling the tank of the Ford. Any fears I had that some deeper trouble was afflicting the Ford were laid to rest when I tried the ignition and heard the engine come to life with a healthy murmur. At this point, I thanked Dr Carlisle and we took leave of each other, though I was obliged to follow the back of his Rover along the twisting hill road for a further mile or so before our routes separated.

It was around nine o’clock that I crossed the border into Cornwall. This was at least three hours before the rain began and the clouds were still all of a brilliant white. In fact, many of the sights that greeted me this morning were among the most charming I have so far encountered. It was unfortunate, then, that I could not for much of the time give to them the attention they warranted; for one may as well declare it, one was in a condition of some preoccupation with the thought that — barring some unseen complication — one would be meeting Miss Kenton again before the day’s end.

— Виноват, что сводится?

— Достоинство, сэр.

— Ага, — кивнул доктор, однако с немного озадаченным видом; затем он сказал: — Ну вот, эта дорога должна быть вам знакома. Вероятно, при дневном свете у нее несколько другой вид. Постойте, постойте, что это там? Уж не ваш ли автомобиль? Господи, ну и красавец!

Доктор Карлейль остановился у «форда», вылез и повторил:

— Господи, ну и красавец.

Он тут же извлек воронку с канистрой и весьма любезно помог мне перелить бензин в бак «форда». Все мои страхи, что с «фордом» случилось что-то серьезное, мигом развеялись, когда я включил зажигание и услышал знакомое урчание мотора. Я поблагодарил доктора Карлейля, и мы распрощались, хотя мне пришлось еще с милю тащиться по извилистой дороге за его «ровером», пока наши пути не разошлись.

Около девяти я пересек границу Корнуолла. Дождь пошел часа через три, а тогда облака были все еще ослепительно белые. И вообще ландшафты, что открывались моему взору нынче утром, были из самых очаровательных, какие мне доводилось видеть. К несчастью, однако, я не мог уделить им внимания, которого они заслуживали, поскольку, не стану скрывать, мысли мои в основном были заняты тем, что еще до наступления вечера — если, понятно, не случится ничего непредвиденного — я снова увижу мисс Кентон.

So it was, then, that while speeding along between large open fields, no human being or vehicle apparent for miles, or else steering carefully through marvellous little villages, some no more than a cluster of a few stone cottages, I found myself yet again turning over certain recollections from the past. And now, as I sit here in Little Compton, here in the dining room of this pleasant hotel with a little time on my hands, watching the rain splashing on the pavements of the village square outside, I am unable to prevent my mind from continuing to wander along these same tracks.

One memory in particular has preoccupied me all morning — or rather, a fragment of a memory, a moment that has for some reason remained with me vividly through the years. It is a recollection of standing alone in the back corridor before the closed door of Miss Kenton's parlour; I was not actually facing the door, but standing with my person half turned towards it, transfixed by indecision as to whether or not I should knock; for at that moment, as I recall, I had been struck by the conviction that behind that very door, just a few yards from me, Miss Kenton was in fact crying. As I say, this moment has remained firmly embedded in my mind, as has the memory of the peculiar sensation I felt rising within me as I stood there like that. However, I am not at all certain now as to the actual circumstances which had led me to be standing thus in the back corridor. It occurs to me that elsewhere in attempting to gather such recollections, I may well have asserted that this memory derived from the minutes immediately after Miss Kenton's receiving news of her aunt's death; that is to say, the occasion when,

И вот, проезжая меж привольно раскинувшихся полей, где на многие мили вокруг не было видно ни человека, ни автомобиля, или осторожно пробираясь через чудесные деревеньки, многие из которых представляли собой всего лишь горстку каменных домиков, я незаметно опять улетел мыслями в прошлое. И сейчас здесь, в Литтл-Комптоне, когда я сижу в ресторане этой славной гостиницы, смотрю, как за окном по булыжникам деревенской площади пляшет дождь, и у меня остается еще немало времени, я против воли думаю все о том же.

Все утро меня преследует одно воспоминание, вернее, осколок воспоминания, мгновение, которое по какой-то непонятной причине живо в моей памяти. Я стою один в служебном коридоре перед закрытой дверью гостиной мисс Кентон; стою не лицом к двери, но вполоборота, застыв в нерешительности — постучаться или нет? — ибо, помнится, в этот миг мне подумалось, что за этой самой дверью, в каких-нибудь нескольких ярдах, мисс Кентон сидит и плачет. Как я сказал, это мгновение крепко засело у меня в голове, а с ним и память о непонятном чувстве, которое поднялось во мне, пока я там стоял. Мне сдается, что когда я раньше на этих страницах пытался собрать подобные воспоминания воедино, то отнес этот эпизод к тому часу, когда мисс Кентон получила известие о смерти тетушки. Точнее, к тем минутам, когда я удалился, оставив ее наедине с ее горем, но в коридоре сообразил, что не принес ей своих соболезнований. Но теперь, снова об этом подумав, я боюсь, не вкралась ли в мои воспоминания маленькая неточность, а именно не относится ли

having left her to be alone with her grief, I realized out in the corridor that I had not offered her my condolences. But now, having thought further, I believe I may have been a little confused about this matter; that in fact this fragment of memory derives from events that took place on an evening at least a few months after the death of Miss Kenton's aunt — the evening, in fact, when the young Mr Cardinal turned up at Darlington Hall rather unexpectedly.

Mr Cardinal's father, Sir David Cardinal, had been for many years his lordship's closest friend and colleague, but had been tragically killed in a riding accident some three or four years prior to the evening I am now recalling. Meanwhile, the young Mr Cardinal had been building something of a name for himself as a columnist, specializing in witty comments on international affairs. Evidently, these columns were rarely to Lord Darlington's liking, for I can recall numerous instances of his looking up from a journal and saying something like: 'Young Reggie writing such nonsense again. Just as well his father's not alive to read this.' But Mr Cardinal's columns did not prevent him being a frequent visitor at the house; indeed, his lordship never forgot that the young man was his godson and always treated him as kin. At the same time, it had never been Mr Cardinal's habit to turn up to dinner without any prior warning, and I was thus a little surprised when on answering the door that evening I found him standing there, his briefcase cradled in both arms.

'Oh, hello, Stevens, how are you?' he said. 'Just happened to be in a bit of a jam tonight and wondered if Lord Darlington would put me up for the night.'

в действительности сей эпизод к событиям, имевшим место вечером через несколько месяцев после тетушкиной кончины, то есть к тому самому вечеру, когда в Дарлингтон-холл несколько неожиданно нагрянул молодой мистер Кардинал.

Отец мистера Кардинала, сэр Дэвид Кардинал, многие годы был самым близким другом и единомышленником его светлости, но за три или четыре года до описываемых событий трагически погиб, упав с лошади. Тем временем молодой мистер Кардинал приобрел некоторую известность как автор остроумных комментариев на международные темы. Эти заметки, видимо, редко вызывали одобрение со стороны лорда Дарлингтона — я помню, как его светлость не раз, отрывая взгляд от газеты, приносил что-нибудь вроде: «Этот мальчишка Регги опять порет чушь. Хорошо, что его отец не сможет все это прочесть». Комментарии, однако, не мешали мистеру Кардиналу быть в доме частым гостем; его светлость никогда не забывал о том, что молодой человек — его крестник, и относился к нему как к родному. Мистер Кардинал со своей стороны никогда не являлся к обеду, не предупредив о своем приезде заранее; вот почему я слегка опешил, когда, открыв на звонок, увидел его на крыльце с прижатым к груди портфелем.

— Привет, Стивенс, как поживаете? — сказал он. — Тут вышло недоразумение, так, может, лорд Дарлингтон хоть пустит переночевать.

‘It’s very nice to see you again, sir. I shall tell his lordship you are here.’

‘I’d intended to stay at Mr Roland’s place, but there seems to have been some misunderstanding and they’ve gone away somewhere. Hope it’s not too inconvenient a time to call. I mean, nothing special on tonight, is there?’

‘I believe, sir, his lordship is expecting some gentlemen to call after dinner.’

‘Oh, that’s bad luck. I seem to have chosen a bad night. I’d better keep my head low. I’ve got some pieces I have to work on tonight anyway.’ Mr Cardinal indicated his briefcase.

‘I shall tell his lordship you are here, sir. You are, in any case, in good time to join him for dinner.’

‘Jolly good, I was hoping I might have been. But I don’t expect Mrs Mortimer’s going to be very pleased with me.’

I left Mr Cardinal in the drawing room and made my way to the study, where I found his lordship working through some pages with a look of deep concentration. When I told him of Mr Cardinal’s arrival, a look of surprised annoyance crossed his face. Then he leaned back in his chair as though puzzling something out.

‘Tell Mr Cardinal I’ll be down shortly,’ he said finally. ‘He can amuse himself for a little while.’

When I returned downstairs, I discovered Mr Cardinal moving rather restlessly around the drawing

— Приятно снова видеть вас, сэр. Я сообщу его светлости о вашем приезде.

— Я собирался погостить у мистера Роланда, но, вероятно, получилась накладка, и они куда-то уехали. Надеюсь, я не очень тут помешаю? То есть нынче вечером ничего такого не ожидается?

— Если не ошибаюсь, сэр, после обеда к его светлости прибывают какие-то джентльмены.

— Вот не повезло! Похоже, я не вовремя явился. Ну, постараюсь не высовываться. Как бы там ни было, у меня с собой несколько заготовок, так что есть чем заняться, — сказал мистер Кардинал, тряхнув портфелем.

— Я сообщу его светлости о вашем приезде. Во всяком случае, вы как раз подспели, чтобы с ним отобедать.

— Прекрасно, я, грешным делом, на это надеялся. Боюсь, впрочем, что мое присутствие не доставит миссис Мортимер особенной радости.

Я провел мистера Кардинала в гостиную, а сам направился в кабинет, где застал его светлость склонившимся над какими-то бумагами с видом глубокой сосредоточенности. Когда я сообщил ему о приезде мистера Кардинала, на лице у лорда Дарлингтона отразились удивление и досада. Он откинулся на спинку кресла и задумался, словно пытался решить головоломку.

— Передайте мистеру Кардиналу, что я сейчас выйду, — произнес он наконец. — Пусть пока чем-нибудь займется.

Я возвратился к мистеру Кардиналу и обнаружил, что тот беспокойно расхаживает по гостиной,

room examining objects he must long ago have become familiar with. I conveyed his lordship's message and asked him what refreshments I might bring him.

'Oh, just some tea for now, Stevens. Who's his lordship expecting tonight?'

'I'm sorry, sir, I'm afraid I am unable to help you.'

'No idea at all?'

'I'm sorry, sir.'

'Hmm, curious. Oh, well. Better keep my head low tonight.'

It was not long after this, I recall, that I went down to Miss Kenton's parlour. She was sitting at her table, though there was nothing before her and her hands were empty; indeed, something in her demeanour suggested she had been sitting there like that for some time prior to my knocking.

'Mr Cardinal is here, Miss Kenton,' I said. 'He'll be requiring his usual room tonight.'

'Very good, Mr Stevens. I shall see to it before I leave.'

'Ah. You are going out this evening, Miss Kenton?'

'I am indeed, Mr Stevens.'

Perhaps I looked a little surprised, for she went on:

'You will recall, Mr Stevens, we discussed this a fortnight ago.'

'Yes, of course, Miss Kenton. I beg your pardon, it had just slipped my mind for the moment.'

'Is something the matter, Mr Stevens?'

разглядывая вещицы, которые, верно, уже сотни раз попадались ему на глаза. Я передал ему поручение его светлости и спросил, не принести ли чего подкрепиться.

— Разве что чаю, Стивенс. Кого, кстати, ждет нынче его светлость?

— Весьма сожалею, сэр, но, боюсь, мне об этом ничего не известно.

— Так-таки ничего?

— Весьма сожалею, сэр.

— Хм, странно. Ну да ладно. Лучше мне сегодня не высовываться.

Помнится, после этого я отправился в гостиную мисс Кентон. Она сидела за столом, хотя на столе ничего не лежало, да и в руках у нее ничего не было, и вообще что-то в ее позе подсказывало, что она сидит так уже не одну минуту.

— Приехал мистер Кардинал, мисс Кентон, — сообщил я. — Он займет свою обычную комнату.

— Хорошо, мистер Стивенс. Я распоряжусь перед уходом.

— Понятно. Вы уходите вечером, мисс Кентон?

— Несомненно, мистер Стивенс.

У меня, вероятно, был слегка удивленный вид, потому что она добавила:

— Вы не забыли, мистер Стивенс, что мы договорились об этом еще две недели назад?

— Ну да, разумеется, мисс Кентон. Прошу прощения, у меня просто вылетело из головы.

— Что-нибудь не так, мистер Стивенс?

‘Not at all, Miss Kenton. Some visitors are expected this evening, but there is no reason why your presence will be required.’

‘We did agree to my taking this evening off a fortnight ago, Mr Stevens.’

‘Of course, Miss Kenton. I do beg your pardon.’

I turned to leave, but then I was halted at the door by Miss Kenton saying:

‘Mr Stevens, I have something to tell you.’

‘Yes, Miss Kenton?’

‘It concerns my acquaintance. Who I am going to meet tonight.’

‘Yes, Miss Kenton.’

‘He has asked me to marry him. I thought you had a right to know that.’

‘Indeed, Miss Kenton. That is very interesting.’

‘I am still giving the matter thought.’

‘Indeed.’

She glanced down a second at her hands, but then almost immediately her gaze returned to me.

‘My acquaintance is to start a job in the West Country as of next month.’

‘Indeed.’

‘As I say, Mr Stevens, I am still giving the matter some thought. However, I thought you should be informed of the situation.’

‘I’m very grateful, Miss Kenton. I do hope you have a pleasant evening. Now if you will excuse me.’

It must have been twenty minutes or so later that I encountered Miss Kenton again, this time

— Нет, нет, мисс Кентон. Вечером ожидаются гости, но в вашем присутствии нет необходимости.

— Мы же еще две недели назад договорились, что я возьму этот вечер, мистер Стивенс.

— Разумеется, мисс Кентон. Еще раз прошу прощения.

Я собрался уйти, но мисс Кентон остановила меня в дверях.

— Мистер Стивенс, мне нужно вам кое-что сообщить, — сказала она.

— Да, мисс Кентон?

— Это касается моего знакомого, с которым я сегодня встречаюсь.

— Да, мисс Кентон.

— Он сделал мне предложение. Я подумала, что вы вправе об этом знать.

— Понятно, мисс Кентон. Весьма интересно.

— Но я еще не решила.

— Понятно.

Она посмотрела на свои руки и тут же перевела взгляд на меня.

— Мой знакомый со следующего месяца приступает к работе в одном из западных графств.

— Понятно.

— Как я сказала, мистер Стивенс, я еще не решила, однако подумала, что вам следует знать об этом.

— Я весьма благодарен вам, мисс Кентон. Надеюсь, вы приятно проведете вечер. А сейчас я, с вашего позволения, удалюсь.

Должно быть, минут через двадцать после этого разговора я снова неожиданно повстречался

while I was busy with preparations for dinner. In fact, I was half-way up the back staircase, carrying a fully laden tray, when I heard the sound of angry footsteps rattling the floorboards somewhere below me. Turning, I saw Miss Kenton glaring up at me from the foot of the stairs.

Mr Stevens, do I understand that you are wishing me to remain on duty this evening?’

‘Not at all, Miss Kenton. As you pointed out, you did notify me some time ago.’

‘But I can see you are very unhappy about my going out tonight.’

‘On the contrary, Miss Kenton.’

‘Do you imagine that by creating so much commotion in the kitchen and by stamping back and forth like this outside my parlour you will get me to change my mind?’

‘Miss Kenton, the slight excitement in the kitchen is solely on account of Mr Cardinal coming to dinner at the last moment. There is absolutely no reason why you should not go out this evening.’

‘I intend to go with or without your blessing, Mr Stevens, I wish to make this clear. I made arrangements weeks ago.’

‘Indeed, Miss Kenton. And once again, I would wish you a very pleasant evening.’

At dinner, an odd atmosphere seemed to hang in the air between the two gentlemen. For long moments, they ate in silence, his lordship in particular seeming very far away. At one point, Mr Cardinal said:

с мисс Кентон. На сей раз я был занят подготовкой к обеду, а именно поднимался по задней лестнице с нагруженным подносом, когда снизу послышалась сердитая дробь каблучков по половицам. Я оглянулся и увидел у подножия лестницы мисс Кентон, которая смотрела на меня злыми глазами.

— Мистер Стивенс, правильно ли я поняла, что вы хотите, чтобы нынче вечером я осталась в доме?

— Отнюдь нет, мисс Кентон. Как вы подчеркнули, я был заблаговременно оповещен о вашем отсутствии.

— Но я вижу, что вы очень недовольны моей предстоящей отлучкой.

— Напротив, мисс Кентон.

— Уж не думаете ли вы, что, устроив на кухне весь этот тарарам и топая взад и вперед мимо моей гостиной, вы тем самым заставите меня поменять мои планы?

— Мисс Кентон, небольшое оживление на кухне объясняется исключительно тем, что в последнюю минуту к обеду пожаловал мистер Кардинал. Так что вашей вечерней отлучке решительно ничто не препятствует.

— Мистер Стивенс, я намерена отлучиться в любом случае, с вашего соизволения или без оно-го. Я условилась об этом две недели назад.

— Совершенно верно, мисс Кентон. Еще раз позвольте пожелать вам приятного вечера.

Во время обеда за столом царила какая-то странная напряженность. Оба джентльмена подолгу молчали, его светлость, казалось, вообще обрелась мыслями в другом месте. Один раз мистер Кардинал спросил:

‘Something special tonight, sir?’

‘Eh?’

‘Your visitors this evening. Special?’

‘Afraid I can’t tell you, my boy. Strictly confidential.’

‘Oh dear. I suppose this means I shouldn’t sit in on it.’

‘Sit in on what, my boy?’

‘Whatever it is that’s going to take place tonight.’

‘Oh, it wouldn’t be of any interest to you. In any case, confidentiality is of the utmost. Can’t have someone like you around. Oh no, that wouldn’t do at all.’

Mr Cardinal was watching his lordship very keenly, but the latter simply went back to his food without saying anything further.

The gentlemen retired to the smoking room for port and cigars. In the course of clearing the dining room, and also in preparing the drawing room for the arrival of the evening’s visitors, I was obliged to walk repeatedly past the smoking-room doors. It was inevitable, then, that I would notice how the gentlemen, in contrast to their quiet mood at dinner, had begun to exchange words with some urgency. A quarter of an hour later, angry voices were being raised. Of course, I did not stop to listen, but I could not avoid hearing his lordship shouting: ‘But that’s not your business, my boy! That’s not your business!’

I was in the dining room when the gentlemen eventually came out. They seemed to have calmed themselves, and the only words exchanged as they walked across the hall were his lordship’s:

— Вечером ожидается что-то важное, сэръ?

— А?

— К вам вечером приезжают. Что-то важное?

— Этого, мой мальчик, я, к сожалению, не могу вам сказать. Дело строго конфиденциальное.

— Ух ты. Стало быть, как я понимаю, мое участие не требуется.

— Какое участие, мой мальчик?

— В том, что будет иметь место вечером.

— Ну, это не представляет для вас интереса.

Да и в любом случае самое важное — конфиденциальность. Вам там нечего делать. Ни-ни, тут и говорить не о чем.

Мистер Кардинал посмотрел на его светлость пронизательным взглядом, но тот просто-напросто снова уткнулся в тарелку и больше ничего не сказал.

Джентльмены удалились в курительную, где их ждали сигары и портвейн. Убирая со стола, а также готовя гостиную к приему вечерних гостей, я по необходимости все время проходил мимо двери курительной и в силу этого не мог не обратить внимание, что джентльмены, несколько минут назад мирно обедавшие, резко о чем-то заспорили. Через четверть часа спор перешел на раздраженные повышенные тона. Я, конечно, не подслушивал под дверями, однако до моих ушей донесся крик его светлости: «Но это вас не касается, мой мальчик! Совершенно не касается!»

Я находился в столовой, когда джентльмены вышли из курительной. Они, видимо, успокоились и, проходя холлом, обменялись всего тремя фразами.

‘Now remember, my boy. I’m trusting you.’ To which Mr Cardinal muttered with irritation:

‘Yes, yes, you have my word.’

Then their footsteps separated, his lordship’s going towards his study, Mr Cardinal’s towards the library.

At almost precisely eight thirty, there came the sound of motor cars pulling up in the courtyard. I opened the door to a chauffeur, and past his shoulder I could see some police constables dispersing to various points of the grounds.

The next moment, I was showing in two very distinguished gentlemen, who were met by his lordship in the hall and ushered quickly into the drawing room. Ten minutes or so later came the sound of another car and I opened the door to Herr Ribbentrop, the German Ambassador, by now no stranger to Darlington Hall. His lordship emerged to meet him and the two gentlemen appeared to exchange complicit glances before disappearing together into the drawing room. When a few minutes later I was called in to provide refreshments, the four gentlemen were discussing the relative merits of different sorts of sausage, and the atmosphere seemed on the surface at least quite convivial.

Thereafter I took up my position out in the hall — the position near the entrance arch that I customarily took up during important meetings — and was not obliged to move from it again until some two hours later, when the back door bell was rung. On

— Так имейте в виду, мой мальчик. Я на вас полагаюсь, — произнес его светлость, на что мистер Кардинал раздраженно ответил:

— Ну конечно, конечно, я же вам обещал.

Затем их шаги разошлись в разные стороны — его светлость удалился к себе в кабинет, мистер Кардинал прошел в библиотеку.

Почти ровно в половине девятого я услышал, что во двор въехали и остановились несколько автомобилей. Открыв дверь на звонок шофера, я заметил, как по дорожкам в разных направлениях разбегаются полицейские.

Я впустил в дом двух весьма высокопоставленных джентльменов, которых его светлость встретил в холле и быстро проводил в гостиную. Примерно через десять минут подъехала еще одна машина, и я открыл дверь германскому послу герру Риббентропу, к тому времени уже неоднократно бывавшему в Дарлингтон-холле. Его светлость вышел навстречу гостю, и оба джентльмена, как мне показалось, многозначительно переглянулись, прежде чем исчезнуть за дверями гостиной. Когда через несколько минут мне велели подать закуски, все четверо обсуждали сравнительные достоинства различных сортов колбасы, и атмосфера в комнате, по крайней мере на поверхностный взгляд, была самая непринужденная.

После этого я прошел в холл и стал на свое место под парадной аркой — я обычно его занимаю, когда в гостиной происходит что-нибудь важное. Я покинул его только часа через два, когда позвонили с черного хода. Спустившись, я обнаружил

descending, I discovered a police constable standing there with Miss Kenton, requesting that I verify the latter's identity.

'Just security, miss, no offence meant,' the officer muttered as he wandered off again into the night.

As I was bolting the door, I noticed Miss Kenton waiting for me, and said:

'I trust you had a pleasant evening, Miss Kenton.'

She made no reply, so I said again, as we were making our way across the darkened expanse of the kitchen floor:

'I trust you had a pleasant evening, Miss Kenton.'

'I did, thank you, Mr Stevens.'

'I'm pleased to hear that.'

Behind me, Miss Kenton's footsteps came to a sudden halt, and I heard her say:

'Are you not in the least interested in what took place tonight between my acquaintance and I, Mr Stevens?'

'I do not mean to be rude, Miss Kenton, but I really must return upstairs without further delay. The fact is, events of a global significance are taking place in this house at this very moment.'

'When are they not, Mr Stevens? Very well, if you must be rushing off, I shall just tell you that I accepted my acquaintance's proposal.'

'I beg your pardon, Miss Kenton?'

'His proposal of marriage.'

там мисс Кентон и полицейского, который попросил подтвердить, что это и в самом деле она.

— Меры безопасности, мисс, не принимайте на свой счет, — пробормотал констебль, прежде чем исчезнуть во мраке.

Закрыв дверь на засов, я заметил, что мисс Кентон еще не ушла, и сказал:

— Надеюсь, мисс Кентон, вы приятно провели вечер.

Она не ответила, поэтому я повторил, когда мы пересекали большую темную кухню:

— Надеюсь, мисс Кентон, вы приятно провели вечер.

— Да, благодарю вас, мистер Стивенс.

— Рад это слышать.

Мисс Кентон — она шла позади — вдруг остановилась, и я услышал в темноте ее голос:

— Разве вам ни капельки не интересно, о чем мы говорили сегодня с моим знакомым, мистер Стивенс?

— Не хочу показаться невежливым, мисс Кентон, но мне и в самом деле нужно безотлагательно вернуться наверх. Дело в том, что в эту минуту в доме происходят события всемирного значения.

— А когда они у нас не происходят, мистер Стивенс? Что ж, если вам так надо бежать, я всего лишь сообщу, что приняла предложение моего знакомого.

— Прошу прощения, мисс Кентон?

— Предложение выйти за него замуж.

‘Ah, is that so, Miss Kenton? Then may I offer you my congratulations.’

‘Thank you, Mr Stevens. Of course, I will be happy to serve out my notice. However, should it be that you are able to release me earlier, we would be very grateful. My acquaintance begins his new job in the West Country in two weeks’ time.’

‘I will do my best to secure a replacement at the earliest opportunity, Miss Kenton. Now if you will excuse me, I must return upstairs.’

I started to walk away again, but then when I had all but reached the doors out to the corridor, I heard Miss Kenton say: ‘Mr Stevens,’ and thus turned once more. She had not moved, and consequently she was obliged to raise her voice slightly in addressing me, so that it resonated rather oddly in the cavernous spaces of the dark and empty kitchen.

‘Am I to take it,’ she said, ‘that after the many years of service I have given in this house, you have no more words to greet the news of my possible departure than those you have just uttered?’

‘Miss Kenton, you have my warmest congratulations. But I repeat, there are matters of global significance taking place upstairs and I must return to my post.’

‘Did you know, Mr Stevens, that you have been a very important figure for my acquaintance and I?’

‘Really, Miss Kenton?’

‘Yes, Mr Stevens. We often pass the time amusing ourselves with anecdotes about you. For instance, my acquaintance is always wanting me to

— Вот как, мисс Кентон? Тогда примите мои поздравления.

— Спасибо, мистер Стивенс. Я, понятно, готова отслужить срок, положенный после подачи уведомления об уходе, но если вы сможете отпустить меня раньше, мы будем вам очень признательны. Мой знакомый приступает к новой работе в одном из западных графств через две недели.

— Приложу все усилия, чтобы как можно скорее подыскать вам замену, мисс Кентон. А теперь, с вашего позволения, я должен вернуться наверх.

Я двинулся дальше и уже было взялся за ручку двери, которая вела в коридор, когда услышал позади: «Мистер Стивенс» — и снова обернулся. Мисс Кентон стояла все там же и поэтому, обращаясь ко мне, была вынуждена немного повисить голос, который прозвучал как-то странно и гулко под сводами пустой, темной кухни.

— Должна ли я понимать, — сказала она, — что после стольких лет, которые я отдала службе в этом доме, у вас при известии о моем возможном отъезде не нашлось никаких других слов?

— Мисс Кентон, примите мои самые искренние поздравления. Но, повторяю, наверху происходят события мирового значения, и я обязан быть на своем месте.

— А знаете ли вы, мистер Стивенс, что для меня и моего знакомого вы представляете собой очень важную личность?

— В самом деле, мисс Кентон?

— Да, мистер Стивенс. Мы часто потешаемся на ваш счет. Например, знакомый постоянно просит меня изобразить, как вы двумя пальцами за-

show him the way you pinch your nostrils together when you put pepper on your food. That always gets him laughing.'

'Indeed.'

'He's also rather fond of your staff "pep-talks". I must say, I've become quite expert in re-creating them. I only have to do a few lines to have the pair of us in stitches.'

'Indeed, Miss Kenton. Now you will please excuse me.'

I ascended to the hall and took up my position again. However, before five minutes had passed, Mr Cardinal appeared in the doorway of the library and beckoned me over.

'Hate to bother you, Stevens,' he said. 'But I couldn't trouble you to fetch a little more brandy, could I? The bottle you brought in earlier appears to be finished.'

'You are very welcome to whatever refreshments you care for, sir. However, in view of the fact that you have your column to complete, I wonder if it is entirely wise to partake further.'

'My column will be fine, Stevens. Do get me a little more brandy, there's a good fellow.'

'Very well, sir.'

When I returned to the library a moment later, Mr Cardinal was wandering around the shelves, scrutinizing spines. I could see papers scattered untidily over one of the writing desks nearby. As I approached, Mr Cardinal made an appreciative sound and slumped down into a leather armchair. I went over to him, poured a little brandy and handed it to him.

жимаете нос, когда перчите еду, и каждый раз заходитесь смехом.

— Вот как.

— Он также любит смотреть, как вы устраиваете персоналу «накачку». В моем, понятно, исполнении, но, признаюсь, я поднаторела по этой части. Стоит мне произнести две фразы, и мы оба прямо покатываемся со смеху.

— Понятно, мисс Кентон. А теперь прошу меня извинить.

Я поднялся в холл и стал на свое место. Не прошло, однако, и пяти минут, как в дверях библиотеки появился мистер Кардинал и кивнул, чтобы я подошел.

— Не хочется вас дергать, Стивенс, — сказал он, — но не могли бы вы принести еще бренди? А то в этой бутылке уже ничего не осталось.

— В вашем распоряжении, сэр, любые напитки. Но, принимая во внимание, что вам предстоит дописать комментарий, может быть, вы сочтете разумным воздержаться?

— Комментарию это не повредит, Стивенс. Ну пожалуйста, принесите еще капельку бренди.

— Будет исполнено, сэр.

Когда я через минуту вернулся в библиотеку, мистер Кардинал бродил вдоль полок, разглядывая корешки. На одном из столов я заметил беспорядочно разбросанные бумаги. При моем появлении мистер Кардинал удовлетворенно хмыкнул и повалился в обитое кожей кресло. Я подошел, налил бренди и протянул ему бокал.

‘You know, Stevens,’ he said, ‘we’ve been friends for some time now, haven’t we?’

‘Indeed, sir.’

‘I always look forward to a little chat with you whenever I come here.’

‘Yes, sir.’

‘Won’t you care to join me in a little drink?’

‘That’s very kind of you, sir. But no, thank you, I won’t.’

‘I say, Stevens, are you all right there?’

‘Perfectly all right, thank you, sir,’ I said with a small laugh.

‘Not feeling unwell, are you?’

‘A little tired, perhaps, but I’m perfectly fine, thank you, sir.’

‘Well, then, you should sit down. Anyway, as I was saying. We’ve been friends for some time. So I really ought to be truthful with you. As you no doubt guessed, I didn’t happen by tonight just by accident. I had a tip-off, you see. About what’s going on. Over there across the hall at this very moment.’

‘Yes, sir.’

‘I do wish you’d sit down, Stevens. I want us to talk as friends, and you’re standing there holding that blasted tray looking like you’re about to wander off any second.’

‘I’m sorry, sir.’

I put down my tray and seated myself — in an appropriate posture — on the armchair Mr Cardinal was indicating.

‘That’s better,’ Mr Cardinal said. ‘Now, Stevens, I don’t suppose the Prime Minister is presently in the drawing room, is he?’

— А знаете, Стивенс, — сказал он, — мы ведь с вами уже порядком знакомы, верно?

— Действительно, сэр.

— Каждый раз, приезжая сюда, я предвкушаю, как мы с вами поболтаем.

— Да, сэр.

— А что бы вам не выпить со мной?

— С вашей стороны это очень любезно, сэр. Нет, сэр, благодарю вас, но я не могу.

— Может, Стивенс, у вас с этим делом не все в порядке?

— В полном порядке, благодарю вас, сэр, — ответил я, вежливо рассмеявшись.

— И чувствуете вы себя хорошо?

— Возможно, устал немного, но в остальном все прекрасно, спасибо, сэр.

— Ну, тогда присядьте-ка. Так о чем бишь я? Да, мы с вами порядком знакомы. Так что не буду темнить. Вы наверняка догадались, что я сюда неспроста пожаловал. Мне намекнули, понимаете? Что тут сейчас происходит. В эту самую минуту на той стороне холла.

— Да, сэр.

— Да сядьте же, Стивенс. Я хочу поговорить с вами по-дружески, а вы стоите с этим проклятым подносом в руках, и вид у вас такой, как будто вы вот-вот сорветесь и убежите.

— Виноват, сэр.

Я поставил поднос и сел на самый краешек кресла, на которое показал мистер Кардинал.

— Так-то лучше, — заметил мистер Кардинал. — А теперь послушайте, Стивенс. Уж не премьер ли министр сейчас в гостиной, а?

‘The Prime Minister, sir?’

‘Oh, it’s all right, you don’t have to tell me. I understand you’re in a tricky position.’ Mr Cardinal heaved a sigh, and looked wearily towards his papers scattered over the desk. Then he said: ‘I hardly need to tell you, do I, Stevens, what I feel towards his lordship. I mean to say, he’s been like a second father to me. I hardly need to tell you, Stevens.’

‘No, sir.’

‘I care deeply for him.’

‘Yes, sir.’

‘And I know you do too. Care deeply for him. Don’t you, Stevens?’

‘I do indeed, sir.’

‘Good. So we both know where we stand. But let’s face facts. His lordship is in deep waters. I’ve watched him swimming further and further out and let me tell you, I’m getting very anxious. He’s out of his depth, you see, Stevens.’

‘Is that so, sir?’

‘Stevens, do you know what is happening at this very moment as we sit here talking? What’s happening just several yards from us? Over in that room — and I don’t need you to confirm it — there is gathered at this moment the British Prime Minister, the Foreign Secretary and the German Ambassador. His lordship has worked wonders to bring this meeting about, and he believes — faithfully believes — he’s doing something good and honourable. Do you know why his lordship has brought these gentlemen here tonight? Do you know, Stevens, what is going on here?’

— Премьер-министр, сэр?

— Ну ладно, ладно, не нужно ничего отвечать.

Я понимаю, у вас чертовски щекотливое положение. — Мистер Кардинал глубоко вздохнул, устало покосился на разбросанные по столу бумаги и произнес: — Мне ведь не надо вам объяснять, Стивенс, как я отношусь к его светлости. Он мне как второй отец. Этого мне не надо вам объяснять, Стивенс.

— Нет, сэр.

— Он мне очень дорог.

— Да, сэр.

— Знаю, что и вам тоже. Глубоко дорог. Дорог, Стивенс?

— Несомненно, сэр.

— Прекрасно. Тут мы друг друга понимаем. Но взглянем фактам в лицо. Его светлость оказался в опасном положении. Я вижу, как он увязает все глубже и глубже, и, скажу вам, меня это очень тревожит. Ему уже не за что ухватиться, понимаете, Стивенс?

— Вот как, сэр?

— Стивенс, вы хоть знаете, что происходит прямо сейчас, пока мы с вами тут разговариваем? Всего в нескольких ярдах от нас? В комнате по другую сторону холла — я даже не требую от вас подтверждения — находятся сейчас премьер-министр Великобритании, министр иностранных дел и германский посол. Его светлость сотворил чудо, собрав их всех вместе, и он верит — искренне верит, — что делает нечто полезное и достойное. А знаете, Стивенс, для чего его светлость собрал этих джентльменов нынче вечером? Знаете, Стивенс, что именно там происходит?

‘I’m afraid not, sir.’

‘You’re afraid not. Tell me, Stevens, don’t you care at all? Aren’t you curious? Good God, man, something very crucial is going on in this house. Aren’t you at all curious?’

‘It is not my place to be curious about such matters, sir.’

‘But you care about his lordship. You care deeply, you just told me that. If you care about his lordship, shouldn’t you be concerned? At least a little curious? The British Prime Minister and the German Ambassador are brought together by your employer for secret talks in the night, and you’re not even curious?’

‘I would not say I am not curious, sir. However, it is not my position to display curiosity about such matters.’

‘It’s not your position? Ah, I suppose you believe that to be loyalty. Do you? Do you think that’s being loyal? To his lordship? Or to the Crown, come to that?’

‘I’m sorry, sir, I fail to see what it is you are proposing.’

Mr Cardinal sighed again and shook his head.

‘I’m not proposing anything, Stevens. Quite frankly, I don’t know what’s to be done. But you might at least be curious.’

He was silent for a moment, during which time he seemed to be gazing emptily at the area of carpet around my feet.

‘Sure you won’t join me in a drink, Stevens?’ he said eventually.

— Боюсь, что нет, сэр.

— Бойтесь, что нет. Скажите, Стивенс, вам это совсем не интересно? Даже не любопытно? Черт побери, в этом доме происходит событие чрезвычайной важности, и вам совсем не любопытно?

— Мне не положено любопытствовать о таких вещах, сэр.

— Но его светлость вам дорог. Очень дорог, вы сами только что говорили. А раз его светлость вам дорог, то должны вы о нем беспокоиться или нет? Хотя бы немного поинтересоваться, а? Ваш хозяин под покровом ночи сводит премьер-министра и германского посла для тайных переговоров, а вам даже не любопытно?

— Любопытно-то любопытно, сэр. Но не положено мне о таких вещах любопытствовать.

— Не положено? А-а, понимаю, вы, видно, считаете, что этого требует верность. Правда? Думаете, в этом и заключается верность? Преданность его светлости? Или, коли на то пошло, королю?

— Простите, сэр, я не понимаю, что вы предлагаете.

Мистер Кардинал снова вздохнул и покачал головой.

— Ничего я, Стивенс, не предлагаю. Говоря откровенно, я сам не знаю, что делать. Но вы могли бы хоть проявить любопытство.

Он замолчал и уставился пустым взглядом на ковер у меня под ногами.

— Вы точно со мной не выпьете, Стивенс? — наконец спросил он.

‘No, thank you, sir.’

‘I’ll tell you this, Stevens. His lordship is being made a fool of. I’ve done a lot of investigating, I know the situation in Germany now as well as anyone in this country, and I tell you, his lordship is being made a fool of.’

I gave no reply, and Mr Cardinal went on gazing emptily at the floor. After a while, he continued:

‘His lordship is a dear, dear man. But the fact is, he is out of his depth. He is being manoeuvred. The Nazis are manoeuvring him like a pawn. Have you noticed this, Stevens? Have you noticed this is what has been happening for the last three or four years at least?’

‘I’m sorry, sir, I have failed to notice any such development.’

‘Haven’t you even had a suspicion? The smallest suspicion that Herr Hitler, through our dear friend Herr Ribbentrop, has been manoeuvring his lordship like a pawn, just as easily as he manoeuvres any of his other pawns back in Berlin?’

‘I’m sorry, sir, I’m afraid I have not noticed any such development.’

‘But I suppose you wouldn’t, Stevens, because you’re not curious. You just let all this go on before you and you never think to look at it for what it is.’

Mr Cardinal adjusted his position in the armchair so that he was a little more upright, and for a moment he seemed to be contemplating his unfinished work on the desk near by. Then he said:

‘His lordship is a gentleman. That’s what’s at the root of it. He’s a gentleman, and he fought a war

— Нет, сэр, благодарю вас.

— Вот что я вам скажу, Стивенс. Его светлость ставят в дурацкое положение. Я тут как следует все разузнал и о том, что происходит в Германии, имею теперь прекрасное представление. Так я вам скажу: его светлость ставят в дурацкое положение.

Я промолчал, а мистер Кардинал все так же бессмысленно глазел на ковер. Потом продолжал:

— Его светлость — милый, замечательный человек. Но беда в том, что он крепко увяз. Им играют. Наци играют им как пешкой. Вы это заметили, Стивенс? Вы заметили, что эта игра ведется по меньшей мере уже три или четыре года?

— Прошу прощения, сэр, но я ничего подобного не заметил.

— У вас даже подозрений не возникало? Даже тени подозрения, что герр Гитлер руками нашего милого друга герра Риббентропа играет его светлостью, как простой пешкой, играет так же легко, как другими своими пешками в Берлине?

— Прошу прощения, сэр, но я ничего подобного не заметил.

— Ну да, откуда вам было заметить, Стивенс, вы ведь нелюбопытны. Все происходит у вас на глазах, но вам и в голову не придет задаться вопросом: а что же, собственно, происходит?

Мистер Кардинал поерзал, чуть выпрямился в кресле, затем задумчиво поглядел на свою неоконченную работу, разбросанную на соседнем столе, и произнес:

— Его светлость — джентльмен. С этого все и пошло. Он джентльмен, он воевал против нем-

with the Germans, and it's his instinct to offer generosity and friendship to a defeated foe. It's his instinct. Because he's a gentleman, a true old English gentleman. And you must have seen it, Stevens. How could you not have seen it? The way they've used it, manipulated it, turned something fine and noble into something else — something they can use for their own foul ends? You must have seen it, Stevens.'

Mr Cardinal was once again staring at the floor. He remained silent for a few moments, then he said:

'I remember coming here years ago, and there was this American chap here. We were having a big conference, my father was involved in organizing it. I remember this American chap, even drunker than I am now, he got up at the dinner table in front of the whole company. And he pointed at his lordship and called him an amateur. Called him a bungling amateur and said he was out of his depth. Well, I have to say, Stevens, that American chap was quite right. It's a fact of life. Today's world is too foul a place for fine and noble instincts. You've seen it yourself, haven't you, Stevens? The way they've manipulated something fine and noble. You've seen it yourself, haven't you?'

'I'm sorry, sir, but I can't say I have.'

'You can't say you have. Well, I don't know about you, but I'm going to do something about it. If Father were alive, he would do something to stop it.'

цев, у него в крови относиться к побежденному противнику великодушно и по-дружески. В крови. Потому что он джентльмен, настоящий английский джентльмен старой закалки. Вы наверняка поняли их игру, Стивенс, да и как можно было не понять? Поняли, как они использовали его душевные качества, сыграли на них, обратили деликатность и благородство в нечто другое — нечто такое, что могут теперь поставить на службу своим собственным грязным целям. Да не могли вы этого не понять, Стивенс.

Мистер Кардинал снова уставился в пол. Помолчал и продолжил:

— Помню, я приезжал сюда много лет тому назад, тут еще был этот американец. Мы устроили тогда большую конференцию, отец участвовал в подготовке. Помню, как этот американец — а он поддал еще крепче, чем я сейчас, — как он поднялся из-за обеденного стола перед всей честной компанией. Он показал на его светлость и назвал его любителем. Да, назвал его неумелым любителем и сказал, что он крепко увяз. Что ж, приходится, Стивенс, признать, что американец тогда правду сказал. От этого никуда не денешься. Нынешний мир слишком грязен для деликатных и благородных людей. Вы и сами это видите, Стивенс. Как они используют чужую деликатность и благородство в собственных целях. Вы и сами это видите.

— Прошу прощения, сэр, но не могу утверждать, будто вижу.

— Не можете утверждать, будто видите. Ну, не знаю, как вы, а я должен что-то сделать. Будь жив отец, уж он бы попытался это остановить.

Mr Cardinal fell silent again and for a moment — perhaps it was to do with his having evoked memories of his late father — he looked extremely melancholy.

‘Are you content, Stevens,’ he said finally, ‘to watch his lordship go over the precipice just like that?’

‘I’m sorry, sir, I don’t fully understand what it is you’re referring to.’

‘You don’t understand, Stevens. Well, we’re friends and so I’ll put it to you frankly. Over the last few years, his lordship has probably been the single most useful pawn Herr Hitler has had in this country for his propaganda tricks. All the better because he’s sincere and honourable and doesn’t recognize the true nature of what he’s doing. During the last three years alone, his lordship has been crucially instrumental in establishing links between Berlin and over sixty of the most influential citizens of this country. It’s worked beautifully for them. Herr Ribbentrop’s been able virtually to bypass our foreign office altogether. And as if their wretched Rally and their wretched Olympic Games weren’t enough, do you know what they’ve got his lordship working on now? Do you have any idea what is being discussed now?’

‘I’m afraid not, sir.’

‘His lordship has been trying to persuade the Prime Minister himself to accept an invitation to visit Herr Hitler. He really believes there’s a terrible misunderstanding on the Prime Minister’s part concerning the present German regime.’

Мистер Кардинал опять замолчал, и лицо у него — возможно, в связи с воспоминанием о покойном отце — приняло тоскливое выражение.

— Ну что, Стивенс, — спросил он наконец, — вы и дальше будете так же спокойно смотреть, как его светлость балансирует над пропастью?

— Прошу прощения, сэр, я не вполне понимаю, о чем вы говорите.

— Вы не понимаете, Стивенс. Хорошо, раз уж мы с вами друзья, буду откровенен. Последние несколько лет его светлость, вероятно, является единственной в своем роде и исключительно полезной пешкой в хитрой пропагандистской игре, какую герр Гитлер ведет с нашей страной. Тем более полезной, что он искренен, честен и не отдает себе отчета в истинном смысле своих поступков. Только за эти три года его светлость сыграл решающую роль в установлении связей между Берлином и шестью с лишним десятками самых влиятельных граждан нашей страны. Для немцев это было королевским подарком. Герр Риббентроп фактически получил возможность действовать в обход нашего Министерства иностранных дел. Мало им их проклятого нюрнбергского сборища и этой проклятой Олимпиады, так они еще и другое придумали. Знаете, чем занят теперь его светлость? Имеете хоть малейшее представление о том, что они сейчас там обсуждают?

— Боюсь, что нет, сэр.

— Его светлость пытается уговорить самого премьер-министра принять приглашение герра Гитлера и отправиться с официальным визитом в Германию. Его светлость и вправду считает, что премьер-министр заблуждается в отношении нынешнего немецкого режима.

‘I cannot see what there is to object to in that, sir. His lordship has always striven to aid better understanding between nations.’

‘And that’s not all, Stevens. At this very moment, unless I am very much mistaken, at this very moment, his lordship is discussing the idea of His Majesty himself visiting Herr Hitler. It’s hardly a secret our new king has always been an enthusiast for the Nazis. Well, apparently he’s now keen to accept Herr Hitler’s invitation. At this very moment, Stevens, his lordship is doing what he can to remove Foreign Office objections to this appalling idea.’

‘I’m sorry, sir, but I cannot see that his lordship is doing anything other than that which is highest and noblest. He is doing what he can, after all, to ensure that peace will continue to prevail in Europe.’

‘Tell me, Stevens, aren’t you struck by even the remote possibility that I am correct? Are you not, at least, curious about what I am saying?’

‘I’m sorry, sir, but I have to say that I have every trust in his lordship’s good judgement.’

‘No one with good judgement could persist in believing anything Herr Hitler says after the Rhineland, Stevens. His lordship is out of his depth. Oh dear, now I’ve really offended you.’

‘Not at all, sir,’ I said, for I had risen on hearing the bell from the drawing room. ‘I appear to be required by the gentlemen. Please excuse me.’

In the drawing room, the air was thick with tobacco smoke. Indeed, the distinguished gentlemen

— Не вижу, что в этом плохого, сэр. Его светлость всегда стремился помогать народам добиваться лучшего взаимопонимания.

— И это, Стивенс, еще не все. Именно сейчас — если только я не последний дурак, — именно сейчас его светлость обсуждает возможность визита к герру Гитлеру самого его величества. Ни для кого не секрет, что наш новый король всегда симпатизировал нацистам. Что ж, судя по всему, он охотно примет приглашение герра Гитлера. В эту самую минуту, Стивенс, его светлость делает все возможное, чтобы Министерство иностранных дел перестало противиться этому чудовищному плану.

— Прошу прощения, сэр, но в деятельности его светлости я вижу одно только благородство и высоту помыслов. В конце концов, он делает все, что может, дабы в Европе продолжал царить мир.

— Скажите, Стивенс, вы не допускаете, что я хоть в чем-то, но прав? Неужели вам и вправду ни капельки не любопытно?

— Прошу прощения, сэр, но могу ответить только одно — я целиком полагаюсь на здравомыслие его светлости.

— После захвата Рейнской зоны, Стивенс, ни один здравомыслящий человек не станет слепо верить ни единому слову герра Гитлера. Его светлость крепко увяз. Господи, теперь вы и вправду обиделись.

— Ни в коем случае, сэр, — возразил я, ибо встал только потому, что услышал звонок из гостиной. — Я, кажется, понадобился джентльменам. Позвольте удалиться.

В гостиной было не продохнуть от дыма. Пока его светлость отдавал мне распоряжение принести

continued to smoke their cigars, solemn expressions on their faces, not uttering a word, while his lordship instructed me to bring up a certain exceptionally fine bottle of port from the cellar.

At such a time of night, one's footsteps descending the back staircase are bound to be conspicuous and no doubt they were responsible for arousing Miss Kenton. For as I was making my way along the darkness of the corridor, the door to her parlour opened and she appeared at the threshold, illuminated by the light from within.

'I am surprised to find you still down here. Miss Kenton,' I said as I approached.

'Mr Stevens, I was very foolish earlier on.'

'Excuse me. Miss Kenton, but I have no time to talk just now.'

'Mr Stevens, you mustn't take anything I said earlier to heart. I was simply being foolish.'

'I have not taken anything you have said to heart, Miss Kenton. In fact, I cannot recall what it is you might be referring to. Events of great importance are unfolding upstairs and I can hardly stop to exchange pleasantries with you. I would suggest you retire for the night.'

With that I hurried on, and it was not until I had all but reached the kitchen doors that the darkness falling again in the corridor told me Miss Kenton had closed her parlour door.

It did not take me long to locate the bottle in question down in the cellar and to make the neces-

из погребца бутылку редкого старого портвейна, великие джентльмены с самым серьезным видом и в полном молчании затягивались сигарами.

Когда в столь поздний час спускаешься по черной лестнице, шаги звучат как-то особенно громко; они-то, безусловно, и привлекли внимание мисс Кентон. Ибо, когда я шел по темному служебному коридору, дверь ее гостиной открылась и на пороге возник ее силуэт на фоне освещенной комнаты.

— Удивлен, что вы еще не удалились наверх в свою спальню, мисс Кентон, — заметил я, проходя мимо.

— Мистер Стивенс, я наговорила вам много глупостей.

— Извините, мисс Кентон, но как раз сейчас мне недосуг разговаривать.

— Мистер Стивенс, не принимайте близко к сердцу, что я вам раньше сказала. Я просто болтала глупости.

— Я не принял близко к сердцу того, что вы мне раньше сказали, мисс Кентон. Больше того, я уж и не помню, что вы тогда говорили. Наверху происходят события чрезвычайной важности, у меня сейчас просто нет времени обмениваться с вами любезностями. Я бы вам посоветовал идти спать.

С этими словами я поспешил дальше и успел дойти почти до самой кухни, когда в коридоре снова стало темно, и я понял, что мисс Кентон закрыла дверь.

На то, чтобы отыскать в погребе затребованную бутылку и привести ее в пригодный для употреб-

sary preparations for its serving. It was, then, only a few minutes after my short encounter with Miss Kenton that I found myself walking down the corridor again on my return journey, this time bearing a tray. As I approached Miss Kenton's door, I saw from the light seeping around its edges that she was still within. And that was the moment, I am now sure, that has remained so persistently lodged in my memory — that moment as I paused in the dimness of the corridor, the tray in my hands, an ever-growing conviction mounting within me that just a few yards away, on the other side of that door, Miss Kenton was at that moment crying. As I recall, there was no real evidence to account for this conviction — I had certainly not heard any sounds of crying — and yet I remember being quite certain that were I to knock and enter, I would discover her in tears. I do not know how long I remained standing there; at the time it seemed a significant period, but in reality, I suspect, it was only a matter of a few seconds. For, of course, I was required to hurry upstairs to serve some of the most distinguished gentlemen of the land and I cannot imagine I would have delayed unduly.

When I returned to the drawing room, I saw that the gentlemen were still in a rather serious mood. Beyond this, however, I had little chance to gain any impression of the atmosphere, for no sooner had I entered than his lordship was taking the tray from me, saying:

‘Thank you, Stevens, I’ll see to it. That’ll be all.’

ления вид, у меня ушло не много времени. Поэтому через несколько минут после короткого разговора с мисс Кентон я снова проходил коридором, на этот раз с подносом в руках. Поравнявшись с дверью мисс Кентон, я понял по свету, который пробивался из щели вдоль притолоки, что она все еще у себя. Именно эта минута — теперь я в этом уверен — и засела у меня в памяти, минута, когда я замер в сумраке коридора с подносом в руках, почувствовав, как во мне стремительно нарастает уверенность, что совсем рядом, всего в нескольких футах от меня, за этой закрытой дверью сейчас плачет мисс Кентон. Помнится, эта моя уверенность не основывалась ни на чем конкретном — я, безусловно, не слышал рыданий, — но при этом я ничуть не сомневался, что если постучусь и войду, то застаю ее в слезах. Не помню, сколько я так простоял; тогда мне показалось, что довольно долго, но на самом деле, вероятно, всего несколько секунд, ибо мне, разумеется, надлежало поторопиться наверх, где меня ждали с портвейном великие люди страны, так что исключено, чтобы я позволил себе неоправданную задержку.

Вернувшись в гостиную, я отметил, что джентльмены по-прежнему сохраняют глубокую серьезность. У меня, однако, не было времени составить впечатление об общей атмосфере, ибо не успел я войти, как его светлость, забрав у меня поднос, сказал:

— Спасибо, Стивенс, дальше я сам справлюсь. Можете идти.

Crossing the hall again, I took up my usual position beneath the arch, and for the next hour or so, until, that is, the gentlemen finally departed, no event occurred which obliged me to move from my spot. Nevertheless, that hour I spent standing there has stayed very vividly in my mind throughout the years. At first, my mood was — I do not mind admitting it — somewhat downcast. But then as I continued to stand there, a curious thing began to take place; that is to say, a deep feeling of triumph started to well up within me. I cannot remember to what extent I analysed this feeling at the time, but today, looking back on it, it does not seem so difficult to account for. I had, after all, just come through an extremely trying evening, throughout which I had managed to preserve a ‘dignity in keeping with my position’ — and had done so, moreover, in a manner even my father might have been proud of. And there across the hall, behind the very doors upon which my gaze was then resting, within the very room where I had just executed my duties, the most powerful gentlemen of Europe were conferring over the fate of our continent. Who would doubt at that moment that I had indeed come as close to the great hub of things as any butler could wish? I would suppose, then, that as I stood there pondering the events of the evening — those that had unfolded and those still in the process of doing so — they appeared to me a sort of summary of all that I had come to achieve thus far in my life. I can see few other explanations for that sense of triumph I came to be uplifted by that night.

Я снова пересек холл и занял свое привычное место под аркой. Там я простоял с час или около того, то есть до отбытия всех джентльменов, поскольку не произошло ничего такого, что могло бы заставить меня покинуть мой пост. Тем не менее этот час отчетливо и навсегда мне запомнился. Сперва — готов в этом признаться — настроение у меня было довольно подавленное. Но потом со мной приключилась любопытная вещь — во мне начало нарастать чувство глубокого торжества. Не могу вспомнить, в какой степени я тогда понимал происхождение этого чувства, но сегодня, когда я мысленно к нему возвращаюсь, объяснить его, кажется, не так уж и трудно. В конце концов, я только что выдержал на редкость трудный вечер, на всем протяжении которого умудрялся сохранить «достоинство, отвечающее моему положению», более того, выдержал так, что сам отец мог бы гордиться, будь он на моем месте. А напротив, по ту сторону холла, за дверями, к которым был прикован мой взгляд, в той самой комнате, где я только что исполнял свои обязанности, могущественнейшие джентльмены Европы обсуждали судьбу нашего континента. Кто усомнился бы в эту минуту, что я доподлинно пребываю у самой ступицы великого колеса истории? А о большем никакому дворецкому не дано и мечтать. Поэтому я склонен считать, что, когда я стоял в холле, размышляя о событиях этого вечера — тех, что уже совершились, и тех, что совершались у меня на глазах, — я увидел в них своего рода итог того, чего достиг в жизни к этому часу. И это, пожалуй, лучше всего объясняет чувство торжества, которое охватило меня в тот вечер.

Day six • evening

WEYMOUTH

This seaside town is a place I have thought of coming to for many years. I have heard various people talk of having spent a pleasant holiday here, and Mrs Symons too, in *The Wonder of England*, calls it a 'town that can keep the visitor fully entertained for many days on end'. In fact, she makes special mention of this pier, upon which I have been promenading for the past half-hour, recommending particularly that it be visited in the evening when it becomes lit up with bulbs of various colours. A moment ago, I learnt from an official that the lights would be switched on 'fairly soon', and so I have decided to sit down here on this bench and await the event. I have a good view from here of the sun setting over the sea, and though there is still plenty of daylight left — it has been a splendid day — I can see, here and there, lights starting to come on all along the shore. Meanwhile, the pier remains busy with people; behind me, the drumming of numerous footsteps upon these boards continues without interruption.

I arrived in this town yesterday afternoon, and have decided to remain a second night here so as to allow myself this whole day to spend in a leisurely manner. And I must say, it has been something of a relief not to be motoring; for enjoyable though the activity can be, one can also get a little weary of it after a while. In any case, I can well afford the time to remain this further day here; an early start tomorrow will ensure that I am back at Darlington Hall by tea-time.

День шестой — вечер УЭЙМУТ

В этом прибрежном городе я давно хотел побывать. Многие говорили мне, что прекрасно здесь отдохнуть, да и миссис Симонс в «Чудесах Англии» называет Уэймут «городом, где достопримечательностями можно любоваться с утра до вечера в течение многих дней». Она, кстати, особо упоминает об этом моле, по которому я прогуливаюсь вот уже полчаса, и советует, в частности, приходить сюда вечером, когда над ним загораются разноцветные фонарики. С минуту назад я узнал у служащего, что освещение включат «довольно скоро», и решил дожидаться иллюминации здесь, на этой скамейке. Отсюда открывается хорошая панорама заката над морем, и, хотя еще вполне светло — день выдался великолепный, я вижу, как вдоль берега здесь и там зажигаются огоньки. А на молу между тем полным-полно народа; за спиной у меня раздается непрерывная дробь шагов по доскам настила.

Я приехал в этот город вчера днем и решил остаться еще на одну ночь, с тем чтобы сегодня провести целый день в праздности. Должен сказать, я почувствовал известное облегчение, что не надо садиться за руль; езда хоть и приятное занятие, но в конце концов от нее и устать можно. Во всяком случае, у меня в запасе достаточно времени, чтоб задержаться здесь на день: если выехать завтра пораньше, я как раз успеваю вернуться в Дарлингтон-холл к пяти вечера.

It is now fully two days since my meeting with Miss Kenton in the tea lounge of the Rose Garden Hotel in Little Compton. For indeed, that was where we met, Miss Kenton surprising me by coming to the hotel. I had been whiling away some time after finishing my lunch — I was, I believe, simply staring at the rain from the window by my table — when a member of the hotel staff had come to inform me that a lady was wishing to see me at the reception. I rose and went out into the lobby, where I could see no one I recognized. But then the receptionist had said from behind her counter:

‘The lady’s in the tea lounge, sir.’

Going in through the door indicated, I discovered a room filled with ill-matching armchairs and occasional tables. There was no one else present other than Miss Kenton, who rose as I entered, smiled and held out her hand to me.

‘Ah, Mr Stevens. How nice to see you again.’

‘Mrs Benn, how lovely.’

The light in the room was extremely gloomy on account of the rain, and so we moved two armchairs up close to the bay window. And that was how Miss Kenton and I talked for the next two hours or so, there in the pool of grey light while the rain continued to fall steadily on the square outside.

She had, naturally, aged somewhat, but to my eyes at least, she seemed to have done so very gracefully. Her figure remained slim, her posture as upright as ever. She had maintained, too, her old way of holding her head in a manner that verged on the defiant. Of course, with the bleak light falling on her face, I could hardly help but notice the lines that

Прошло уже двое суток, как я увиделся с мисс Кентон в чайной гостиной отеля «Розовый сад» в Литтл-Комптоне. Ибо именно там мы и встретились — мисс Кентон, к моему удивлению, сама пришла в гостиницу. Я коротал время, закончив ланч, — по-моему, просто глазел из-за столика на дождь за окном, — когда подошел кто-то из слушающих и сообщил, что у конторки портье меня ожидает дама. Я встал и вышел в вестибюль, где, однако, не оказалось ни одного знакомого лица. Но тут женщина за конторкой сказала:

— Дама в чайной гостиной, сэр.

Пройдя в указанную мне дверь, я очутился в комнате, забитой непарными креслами и запасными столиками. Мисс Кентон была там одна; увидев меня, она поднялась и протянула мне руку:

— А, мистер Стивенс. Рада снова вас видеть.

— И я очень рад, миссис Бенн.

Из-за дождя в комнате стоял полумрак, и мы подвинули кресла к самому эркеру. Так мы и проговорили с мисс Кентон около двух часов, сидя там точно в аквариуме с сероватой водой, а за окном дождь упорно поливал деревянную площадь.

Она, понятно, немного состарилась, но, по крайней мере на мой взгляд, это вышло у нее очень изящно. Она сохранила стройную фигуру и былую прямую осанку. Сохранила она и старую свою привычку чуть ли не с вызовом задирать подбородок. Конечно, в тусклом холодном свете, падавшем ей на лицо, я не мог не заметить морщи-

had appeared here and there. But by and large the Miss Kenton I saw before me looked surprisingly similar to the person who had inhabited my memory over these years. That is to say, it was, on the whole, extremely pleasing to see her again.

For the first twenty or so minutes, I would say we exchanged the sort of remarks strangers might; she inquired politely about my journey thus far, how I was enjoying my holiday, which towns and landmarks I had visited and so on. As we continued to talk, I must say I thought I began to notice further, more subtle changes which the years had wrought on her. For instance, Miss Kenton appeared, somehow, slower. It is possible this was simply the calmness that comes with age, and I did try hard for some time to see it as such. But I could not escape the feeling that what I was really seeing was a weariness with life; the spark which had once made her such a lively, and at times volatile person seemed now to have gone. In fact, every now and then, when she was not speaking, when her face was in repose, I thought I glimpsed something like sadness in her expression. But then again, I may well have been mistaken about this.

After a little while, what little awkwardness as existed during the initial minutes of our meeting had dissipated completely, and our conversation took a more personal turn. We spent some time reminiscing about various persons from the past, or else exchanging any news we had concerning them, and this was, I must say, most enjoyable. But it was not so much the content of our conversation as the little smiles she gave at the end of utterances, her small

нок, появившихся тут и там. Но в общем и целом мисс Кентон, которая сидела передо мной, удивительно напоминала женщину, которая все эти годы жила у меня в памяти. Иными словами, видеть ее было чрезвычайно приятно.

Сначала мы минут двадцать обменивались с ней репликами, какими, я бы сказал, обычно обмениваются незнакомые люди; она вежливо осведомилась, хорошо ли я доехал, как провожу отпуск, какие повидал города и веси и тому подобное. По ходу нашей беседы мне, признаюсь, начало казаться, что я распознаю и другие, менее заметные перемены, привнесенные бегом лет. Например, в мисс Кентон появилась какая-то медлительность. Вполне возможно, то была всего лишь степенность, которая приходит с годами, и я внушал себе, что так оно и есть. Но все же чувствовал, что на самом деле это усталость от жизни; та искра, которая некогда делала ее такой живой, а порой и капризной, теперь, казалось, потухла. И правда, когда она время от времени замолкала и лицо у нее делалось совсем спокойным, я улавливал в его выражении некую печаль. Но, опять же, я вполне мог и ошибаться.

От легкой скованности, возникшей в первые минуты встречи, вскоре ничего не осталось, и разговор принял более личный характер. Мы вспомнили общих знакомых из прошлого, обменивались сведениями, если таковыми располагали, об их теперешней жизни, и, должен сказать, я получал от этого огромное удовольствие. Не столько содержание разговора, сколько мимолетная улыбка, которой она сопровождала каждое свое высказыва-

ironic inflexions here and there, certain gestures with her shoulders or her hands, which began to recall unmistakably the rhythms and habits of our conversations from all those years ago.

It was around this point, also, that I was able to establish some facts concerning her present circumstances. For instance, I learnt that her marriage was not in quite as parlous a state as might have been supposed from her letter; that although she had indeed left her home for a period of four or five days — during which time the letter I received had been composed — she had returned home and Mr Benn had been very pleased to have her back.

‘It’s just as well one of us is sensible about these things,’ she said with a smile.

I am aware, of course, that such matters were hardly any of my business, and I should make clear I would not have dreamt of prying into these areas were it not that I did have, you might recall, important professional reasons for doing so; that is to say, in respect to the present staffing problems at Darlington Hall. In any case, Miss Kenton did not seem to mind at all confiding in me over these matters and I took this as a pleasing testimony to the strength of the close working relationship we had once had.

For a little while after that, I recall. Miss Kenton went on talking more generally about her husband, who is to retire soon, a little early on account of poor health, and of her daughter, who is now married and expecting a child in the autumn. In fact. Miss Kenton gave me her daughter’s address in Dorset, and

ние, легкая ирония, время от времени сквозившая в ее интонациях, манера по-особому передергивать плечами, характерные жесты медленно, но верно восстанавливали в памяти ритмы и атмосферу наших бесед той далекой поры.

К этому времени я сумел кое-что прояснить для себя касательно ее нынешнего положения. В частности, оказалось, что в семейной ее жизни все отнюдь не так страшно, как можно было вычитать из письма. Она и вправду уходила из дому на несколько дней — именно тогда было написано и отправлено мне это письмо, — однако потом вернулась, и мистер Бенн очень обрадовался ее возвращению.

— И слава богу, что хоть один из нас здраво относится к таким вещам, — заметила она с улыбкой.

Я понимаю, конечно, что едва ли имел право касаться подобной темы, и хочу подчеркнуть, что мне бы и в голову не пришло ее об этом расспрашивать, если б — как вы, может быть, помните, — не важные причины рабочего порядка, связанные с проблемами персонала в Дарлингтон-холле. Во всяком случае, мисс Кентон, кажется, довольно охотно поделилась со мной своими семейными трудностями, что лично я воспринял как приятное доказательство прочности тесных рабочих отношений, которые нас некогда связывали.

Помню, чуть погодя мисс Кентон подробнее рассказала о муже, который должен был скоро уйти на пенсию, немного раньше положенного — из-за плохого здоровья, и о дочери, которая уже замужем и осенью ждет ребенка. Больше того, мисс Кентон дала мне адрес дочери — та живет в Дорсе-

I must say, I was rather flattered to see how keen she was that I call in on my return journey. Although I explained that it was unlikely I would pass through that part of Dorset, Miss Kenton continued to press me, saying:

‘Catherine’s heard all about you, Mr Stevens. She’d be so thrilled to meet you.’

For my own part, I tried to describe to her as best I could the Darlington Hall of today. I attempted to convey to her what a genial employer Mr Farraday is; and I described the changes to the house itself, the alterations and the dust-sheetings, as well as the present staffing arrangements. Miss Kenton, I thought, became visibly happier when I talked about the house and soon we were recollecting together various old memories, frequently laughing over them.

Only once do I recall our touching upon Lord Darlington. We had been enjoying some recollection or other concerning the young Mr Cardinal, so that I was then obliged to go on to inform Miss Kenton of the gentleman’s being killed in Belgium during the war. And I had gone on to say:

‘Of course, his lordship was very fond of Mr Cardinal and took it very badly.’

I did not wish to spoil the pleasant atmosphere with unhappy talk, so tried to leave the topic again almost immediately. But as I had feared, Miss Kenton had read of the unsuccessful libel action, and inevitably, took the opportunity to probe me a little. As I recall, I rather resisted being drawn in, though in the end I did say to her:

те — и очень просила, чтобы я заехал к ней на обратном пути, что, должен сказать, мне польстило. Я объяснил мисс Кентон, что, скорее всего, вообще не проеду через тот район графства, но она продолжала настойчиво меня уговаривать, повторяя:

— Кэтрин столько о вас наслышана, мистер Стивенс. Она будет просто в восторге.

Я, со своей стороны, как умел, описал ей нынешний Дарлингтон-холл. Постарался, чтобы она поняла, какой добрый хозяин мистер Фаррадей, и рассказал о переменах в самом доме — обо всех перестановках и перемещениях, о законсервированных комнатах и о нынешнем распределении обязанностей между слугами. Мисс Кентон заметно повеселела, когда пошел разговор о доме, и скоро мы с ней пустились вспоминать разные случаи из прошлого, над которыми то и дело смеялись.

О лорде Дарлингтоне, если не ошибаюсь, разговор зашел всего один раз. Мы вспоминали что-то забавное о юном мистере Кардинале, в связи с чем мне пришлось сообщить мисс Кентон, что этот джентльмен погиб в Бельгии во время войны. После чего я добавил:

— Конечно, его светлость тяжело переживал утрату — он очень любил мистера Кардинала.

Мне не хотелось омрачать легкую, непринужденную атмосферу нашей беседы разговором на грустные темы, поэтому я сразу попытался перейти на другое. Однако, как я и опасался, мисс Кентон читала об отказе в иске по обвинению в клевете и, конечно же, воспользовалась случаем, чтобы кое-что у меня разузнать. Я, помнится, упирался, но в конце концов сказал:

‘The fact is, Mrs Benn, throughout the war, some truly terrible things had been said about his lordship — and by that newspaper in particular. He bore it all while the country remained in peril, but once the war was over, and the insinuations simply continued, well, his lordship saw no reason to go on suffering in silence. It’s easy enough to see now, perhaps, all the dangers of going to court just at that time, what with the climate as it was. But there you are. His lordship sincerely believed he would get justice. Instead, of course, the newspaper simply increased its circulation. And his lordship’s good name was destroyed for ever. Really, Mrs Benn, afterwards, well, his lordship was virtually an invalid. And the house became so quiet. I would take him tea in the drawing room and, well ... It really was most tragic to see.’

‘I’m very sorry, Mr Stevens. I had no idea things had been so bad.’

‘Oh yes, Mrs Benn. But enough of this. I know you remember Darlington Hall in the days when there were great gatherings, when it was filled with distinguished visitors. Now that’s the way his lordship deserves to be remembered.’

As I say, that was the only time we mentioned Lord Darlington. Predominantly, we concerned ourselves with very happy memories, and those two hours we spent together in the tea lounge were, I would say, extremely pleasant ones. I seem to remember various other guests coming in while we were talking, sitting down for a few moments and leaving again, but they did not distract us in any way at all. Indeed, one could hardly believe two whole hours had

— Дело в том, миссис Бенн, что в годы войны о его светлости писали ужасные вещи — и эта газета в особенности. Пока стране грозила смертельная опасность, он терпел, но война закончилась, а выпады все продолжались, и его светлость решил, что нет смысла их безропотно сносить. Теперь-то, может, и ясно, что не стоило обращаться в суд именно в то время, учитывая господствующие настроения и все прочее. Но так уж получилось. Его светлость искренне верил, что все будет по справедливости. Вместо этого, разумеется, у газеты просто взлетел тираж, а доброе имя его светлости было напрочь загублено. Честно, миссис Бенн, после этой истории его светлость, ну, стал фактически инвалидом. И дом как вымер. Бывало, принесешь ему в гостиную чай и... ну... Нет, просто сердце разрывалось глядеть на него.

— Мне очень жаль, мистер Стивенс. Я и не подозревала, что все было так плохо.

— Увы, миссис Бенн. Но хватит об этом. Я знаю, что Дарлингтон-холл запомнился вам таким, каким он бывал в дни больших приемов, когда наезжали блестящие гости. Его светлость заслуживает, чтобы о нем вспоминали именно так.

Как я сказал, больше о лорде Дарлингтоне разговора не было. После этого пошли преимущественно счастливые и радостные воспоминания, и два часа, что мы провели с мисс Кентон в чайной гостиной, оказались, на мой взгляд, чрезвычайно приятными. Во время нашей беседы в гостиную, кажется, входили другие постояльцы, присаживались, вставали и уходили, но мы не обращали на них никакого внимания. И когда мисс Кентон,

elapsed when Miss Kenton looked up at the clock on the mantelshelf and said she would have to be returning home. On establishing that she would have to walk in the rain to a bus stop a little way out of the village, I insisted on running her there in the Ford, and so it was that after obtaining an umbrella from the reception desk, we stepped outside together.

Large puddles had formed on the ground around where I had left the Ford, obliging me to assist Miss Kenton a little to allow her to reach the passenger door. Soon, however, we were motoring down the village high street, and then the shops had gone and we found ourselves in open country. Miss Kenton, who had been sitting quietly watching the passing view, turned to me at this point, saying:

‘What are you smiling to yourself about like that, Mr Stevens?’

‘Oh ... You must excuse me, Mrs Benn, but I was just recalling certain things you wrote in your letter. I was a little worried when I read them, but I see now I had little reason to be.’

‘Oh? What things in particular do you mean, Mr Stevens?’

‘Oh, nothing in particular, Mrs Benn.’

‘Oh, Mr Stevens, you really must tell me.’

‘Well, for instance, Mrs Benn,’ I said with a laugh, ‘at one point in your letter, you write — now let me see — “the rest of my life stretches out like an emptiness before me.” Some words to that effect.’

‘Really, Mr Stevens,’ she said, also laughing a little. ‘I couldn’t have written any such thing.’

бросив взгляд на часы на каминной полке, сказала, что ей пора домой, трудно было поверить, что прошло целых два часа. Узнав, что ей предстоит идти под дождем до автобусной остановки, находящейся за деревней, я предложил подбросить ее на «форде». Позаимствовав в гостинице зонт, мы вместе вышли на улицу.

На земле вокруг «форда» образовались огромные лужи, но с моей помощью мисс Кентон благополучно добралась до дверцы. Вскоре мы уже катили по главной деревенской улице, потом лавочки кончились, пошел сельский простор. Тут мисс Кентон, которая до этого спокойно сидела и глядела по сторонам, повернулась ко мне и сказала:

— Чему это вы так про себя улыбаетесь, мистер Стивенс?

— Ой... Вы уж простите, миссис Бенн, но мне только что вспомнились некоторые фразы из вашего письма. Тогда они меня несколько встревожили, но теперь я вижу, что к тому не было достаточных оснований.

— Да? А какие именно фразы, мистер Стивенс?

— Да так, ничего особенного, миссис Бенн.

— Нет, мистер Стивенс, вы должны мне сказать.

— Ну хорошо, миссис Бенн. Вот, к примеру, — произнес я со смехом, — в одном месте вы писали — сейчас, дайте вспомнить, — «оставшиеся годы лежат передо мной как пустыня». Да, в таком духе.

— Ну уж нет, мистер Стивенс, — возразила она тоже со смехом, — я такого написать не могла.

‘Oh, I assure you you did, Mrs Benn. I recall it very clearly.’

‘Oh dear. Well, perhaps there are some days when I feel like that. But they pass quickly enough. Let me assure you, Mr Stevens, my life does not stretch out emptily before me. For one thing, we are looking forward to the grandchild. The first of a few perhaps.’

‘Yes, indeed. That will be splendid for you.’

We drove on quietly for a few further moments. Then Miss Kenton said:

‘And what about you, Mr Stevens? What does the future hold for you back at Darlington Hall?’

‘Well, whatever awaits me, Mrs Benn, I know I’m not awaited by emptiness. If only I were. But oh no, there’s work, work and more work.’

We both laughed at this. Then Miss Kenton pointed out a bus shelter visible further up the road. As we approached it, she said:

‘Will you wait with me, Mr Stevens? The bus will only be a few minutes.’

The rain was still falling steadily as we got out of the car and hurried towards the shelter. This latter — a stone construct complete with a tiled roof — looked very sturdy, as indeed it needed to be, standing as it did in a highly exposed position against a background of empty fields. Inside, the paint was peeling everywhere, but the place was clean enough. Miss Kenton seated herself on the bench provided, while I remained on my feet where I could command a view of the approaching bus. On the other side of the road, all I could see were more farm fields; a line of telegraph poles led my eye over them into the far distance.

— Уверяю вас, миссис Бенн, именно так вы и написали. Я хорошо запомнил.

— Господи. Что ж, может, в иные дни я и чувствую что-то похожее, но это довольно скоро проходит. Поверьте, мистер Стивенс, жизнь отнюдь не лежит передо мной как пустыня. Хотя бы потому, что мы с нетерпением ждем внука или внучку. А дальше, кто знает, может, пойдут и еще.

— Да, действительно. То-то будет чудесно.

Мы помолчали. Затем мисс Кентон спросила:

— А как у вас, мистер Стивенс? Что за будущее вас там ждет, в Дарлингтон-холле?

— Точно не скажу, миссис Бенн, но знаю одно — не пустыня. Пустыня бы еще куда ни шло, а то — работа, работа и еще больше работы.

Мы оба посмеялись. Впереди у обочины показался навес для ожидающих пассажиров. Мисс Кентон показала на него и спросила:

— Подождете со мной, мистер Стивенс? Автобус подойдет через несколько минут.

Дождь по-прежнему лил как из ведра. Мы выбрались из машины и бросились под навес. Это было каменное сооружение с черепичной крышей, на вид очень надежное, каковым, впрочем, ему и полагалось быть, раз стояло оно среди голых полей, открытое всем ветрам. Краска внутри облупилась, но было довольно чисто. Мисс Кентон присела на скамеечку, а я остался стоять, высматривая автобус. По ту сторону дороги, насколько хватало взгляда, тянулись поля с убегающей вдаль цепочкой телеграфных столбов.

After we had been waiting in silence for a few minutes, I finally brought myself to say:

‘Excuse me, Mrs Benn. But the fact is we may not meet again for a long time. I wonder if you would perhaps permit me to ask you something of a rather personal order. It is something that has been troubling me for some time.’

‘Certainly, Mr Stevens. We are old friends, after all.’

‘Indeed, as you say, we are old friends. I simply wished to ask you, Mrs Benn. Please do not reply if you feel you shouldn’t. But the fact is, the letters I have had from you over the years, and in particular the last letter, have tended to suggest that you are — how might one put it? — rather unhappy. I simply wondered if you were being ill-treated in some way. Forgive me, but as I say, it is something that has worried me for some time. I would feel foolish had I come all this way and seen you and not at least asked you.’

‘Mr Stevens, there’s no need to be so embarrassed. We’re old friends, after all, are we not? In fact, I’m very touched you should be so concerned. And I can put your mind at rest on this matter absolutely. My husband does not mistreat me at all in any way. He is not in the least a cruel or ill-tempered man.’

‘I must say, Mrs Benn, that does take a load from my mind.’

I leaned forward into the rain, looking for signs of the bus.

‘I can see you are not very satisfied, Mr Stevens,’ Miss Kenton said. ‘Do you not believe me?’

Мы несколько минут помолчали, и тогда я наконец, собравшись с духом, сказал:

— Прошу прощения, миссис Бенн, но мы, должно быть, теперь не скоро увидимся. Может, вы разрешите задать вам один вопрос довольно личного свойства. Вопрос, который давно уже не дает мне покоя.

— Разумеется, мистер Стивенс. Мы же с вами как-никак старые друзья.

— Мы и вправду, как вы заметили, старые друзья. Мне просто хотелось спросить об одной вещи, миссис Бенн. Прошу вас, не отвечайте, если вопрос покажется вам неуместным. Но дело в том, что из писем, которые я от вас получил за все эти годы, и особенно из последнего вашего письма можно было заключить, что вы — как бы это лучше сказать? — не очень счастливы. Я просто подумал, может, с вами плохо обращаются. Прошу прощения, но, как я сказал, это давно не дает мне покоя. Глупо было бы заехать в такую даль, увидеться с вами и даже не спросить.

— Мистер Стивенс, вам незачем так смущаться. В конце концов, мы же с вами старые друзья, правда? Я очень тронута, что вас это так волнует, и могу полностью вас успокоить. От мужа я ни разу ни в чем не видела плохого обращения. Он человек совершенно незлой и невздорный.

— Признаюсь, миссис Бенн, что от ваших слов у меня камень с души свалился.

Я высунулся под дождь поглядеть, не идет ли автобус.

— Вижу, мой ответ вас не очень успокоил, мистер Стивенс, — заметила мисс Кентон. — Вы мне не верите?

‘Oh, it’s not that, Mrs Benn, not that at all. It’s just that the fact remains, you do not seem to have been happy over the years. That is to say — forgive me — you have taken it on yourself to leave your husband on a number of occasions. If he does not mistreat you, then, well ... one is rather mystified as to the cause of your unhappiness.’

I looked out into the drizzle again. Eventually, I heard Miss Kenton say behind me:

‘Mr Stevens, how can I explain? I hardly know myself why I do such things. But it’s true, I’ve left three times now.’ She paused a moment, during which time I continued to gaze out towards the fields on the other side of the road. Then she said: ‘I suppose, Mr Stevens, you’re asking whether or not I love my husband.’

‘Really, Mrs Benn, I would hardly presume ...’

‘I feel I should answer you, Mr Stevens. As you say, we may not meet again for many years. Yes, I do love my husband. I didn’t at first. I didn’t at first for a long time. When I left Darlington Hall all those years ago, I never realized I was really, truly leaving. I believe I thought of it as simply another ruse, Mr Stevens, to annoy you. It was a shock to come out here and find myself married. For a long time, I was very unhappy, very unhappy indeed. But then year after year went by, there was the war, Catherine grew up, and one day I realized I loved my husband. You spend so much time with someone, you find you get used to him. He’s a kind, steady man, and yes, Mr Stevens, I’ve grown to love him.’

— Ну что вы, миссис Бенн, дело совсем не в этом. Но факт — он и остается фактом: все эти годы вы, похоже, были не очень счастливы. Другими словами — вы уж меня простите, — вы несколько раз принимали решение бросить мужа. Но если он не обращается с вами дурно, то... то непонятно, отчего вы несчастливы.

Я снова высунулся под дождь. Наконец мисс Кентон произнесла у меня за спиной:

— Ну как мне вам объяснить, мистер Стивенс? Я и сама не совсем понимаю, почему на меня находит такое. Но я и в самом деле три раза от него уходила. — Она сделала паузу, а я стоял, не отрывая взгляда от полей за дорогой. Потом она продолжала: — Вероятно, мистер Стивенс, вы спрашиваете о том, люблю я мужа или нет?

— Что вы, миссис Бенн, я бы не осме...

— Но я чувствую, мистер Стивенс, что должна вам ответить. Как вы справедливо сказали, мы теперь навряд ли скоро увидимся. Да, я люблю мужа. Сперва не любила. Сперва долго не любила. Когда я много лет тому назад ушла из Дарлингтон-холла, я не понимала, что ухожу всерьез и совсем. Может, я считала это всего лишь очередной уловкой, чтобы расшевелить вас, мистер Стивенс. А когда я сюда приехала и вышла замуж, тут-то меня и проняло. Долгое время я была очень несчастна, очень, очень несчастна. Но годы убегали, война началась и закончилась, Кэтрин выросла, и вот однажды до меня вдруг дошло, что я люблю мужа. Живешь-живешь с человеком и, оказывается, привыкаешь к нему. Он человек надежный и добрый, и — да, мистер Стивенс, я научилась его любить.

Miss Kenton fell silent again for a moment. Then she went on:

‘But that doesn’t mean to say, of course, there aren’t occasions now and then — extremely desolate occasions — when you think to yourself: “What a terrible mistake I’ve made with my life.” And you get to thinking about a different life, a better life you might have had. For instance, I get to thinking about a life I may have had with you, Mr Stevens. And I suppose that’s when I get angry over some trivial little thing and leave. But each time I do so, I realize before long — my rightful place is with my husband. After all, there’s no turning back the clock now. One can’t be forever dwelling on what might have been. One should realize one has as good as most, perhaps better, and be grateful.’

I do not think I responded immediately, for it took me a moment or two to fully digest these words of Miss Kenton. Moreover, as you might appreciate, their implications were such as to provoke a certain degree of sorrow within me. Indeed — why should I not admit it? — at that moment, my heart was breaking. Before long, however, I turned to her and said with a smile:

‘You’re very correct, Mrs Benn. As you say, it is too late to turn back the clock. Indeed, I would not be able to rest if I thought such ideas were the cause of unhappiness for you and your husband. We must each of us, as you point out, be grateful for what we do have. And from what you tell me, Mrs Benn, you have reason to be contented. In fact, I would venture, what with Mr Benn retiring, and with grandchildren on the way, that you and Mr Benn have

Мисс Кентон помолчала и продолжала:

— Но это вовсе не значит, конечно, что время от времени не бывает минут — минут крайнего одиночества, — когда думаешь: «Господи, что же это я сделала с моей жизнью». И приходят мысли о том, что ведь могла бы быть и другая жизнь, по-счастливее. Я, например, любила думать о той жизни, которую могла бы прожить с вами, мистер Стивенс. Вот тут-то я, вероятно, начинаю беситься из-за какого-нибудь пустяка и ухожу. Но всякий раз быстро понимаю, что мое настоящее место — рядом с мужем. В конце концов, упущенного не воротишь. Нельзя же всю жизнь думать только о том, что могло бы быть. Пора понять, что жизнь у тебя не хуже, чем у других, а может, и лучше, и сказать спасибо.

По-моему, я не сразу ответил, потому что эти слова мисс Кентон тоже не сразу дошли до меня в своем полном значении. Больше того, как вы можете догадаться, их тайный смысл породил во мне известные сожаления. А если честно — чего уж скрывать? — в эту минуту у меня разрывалось сердце. Однако я быстро взял себя в руки, обернулся и сказал с улыбкой:

— Вы совершенно правы, миссис Бенн. Как вы верно заметили, упущенного не воротишь. Я не мог бы спокойно спать, если б знал, что подобные мысли омрачают жизнь и вам, и вашему мужу. Каждый из нас, как вы говорили, должен сказать спасибо за то, что имеет. А судя по вашим словам, миссис Бенн, у вас есть основания быть довольной. Пожалуй, я даже рискну предположить — после того как мистер Бенн удалится

some extremely happy years before you. You really mustn't let any more foolish ideas come between yourself and the happiness you deserve.'

'Of course, you're right, Mr Stevens. You're so kind.'

'Ah, Mrs Benn, that appears to be the bus coming now.'

I stepped outside and signalled, while Miss Kenton rose and came to the edge of the shelter. Only as the bus pulled up did I glance at Miss Kenton and perceive that her eyes had filled with tears. I smiled and said:

'Now, Mrs Benn, you must take good care of yourself. Many say retirement is the best part of life for a married couple. You must do all you can to make these years happy ones for yourself and your husband. We may never meet again, Mrs Benn, so I would ask you to take good heed of what I am saying.'

'I will, Mr Stevens, thank you. And thank you for the lift. It was so very kind of you. It was so nice to see you again.'

'It was a great pleasure to see you again, Mrs Benn.'

The pier lights have been switched on and behind me a crowd of people have just given a loud cheer to greet this event. There is still plenty of daylight left — the sky over the sea has turned a pale red — but it would seem that all these people who have been gathering on this pier for the past half-hour

от дел и пойдут внучата, вас с мужем ожидают очень счастливые годы. И не позволяйте впредь никаким глупым мыслям мешать счастью, которого вы заслуживаете.

— Конечно, вы правы, мистер Стивенс. Вы очень добры.

— Похоже, идет ваш автобус, миссис Бенн.

Я вышел под дождь и поднял руку, мисс Кентон встала и подошла к краю навеса. И только когда автобус остановился, я посмотрел на мисс Кентон и увидел, что глаза у нее полны слез. Я улыбнулся и сказал:

— Так вот, миссис Бенн, вы обязаны хорошо о себе заботиться. Многие утверждают, что с уходом от дел для супругов только начинается лучшая пора жизни. Вы должны обязательно постараться, чтобы эти годы стали счастливыми и для вас, и для вашего мужа. Мы, возможно, никогда уже не встретимся, миссис Бенн, так что прошу вас крепко запомнить эти мои слова.

— Я их запомню, мистер Стивенс, спасибо. И спасибо, что подвезли. С вашей стороны это было очень любезно. Очень приятно было снова повидаться с вами.

— Я был очень, очень рад снова повидаться с вами, миссис Бенн.

Над молотом зажглись фонарики, по каковому случаю толпа у меня за спиной только что разразилась ликующими возгласами. Света еще вполне достаточно — небо над морем сделалось светло-розовым, — но возникает впечатление, что все, кто пришел на мол в последние полчаса, хотят, чтобы

are now willing night to fall. This confirms very aptly, I suppose, the point made by the man who until a little while ago was sitting here beside me on this bench, and with whom I had my curious discussion. His claim was that for a great many people, the evening was the best part of the day, the part they most looked forward to. And as I say, there would appear to be some truth in this assertion, for why else would all these people give a spontaneous cheer simply because the pier lights have come on?

Of course, the man had been speaking figuratively, but it is rather interesting to see his words borne out so immediately at the literal level. I would suppose he had been sitting here next to me for some minutes without my noticing him, so absorbed had I become with my recollections of meeting Miss Kenton two days ago. In fact, I do not think I registered his presence on the bench at all until he declared out loud:

‘Sea air does you a lot of good.’

I looked up and saw a heavily built man, probably in his late sixties, wearing a rather tired tweed jacket, his shirt open at the neck. He was gazing out over the water, perhaps at some seagulls in the far distance, and so it was not at all clear that he had been talking to me. But since no one else responded, and since I could see no other obvious persons close by who might do so, I eventually said:

‘Yes, I’m sure it does.’

‘The doctor says it does you good. So I come up here as much as the weather will let me.’

поскорей наступила ночь. Это, как мне кажется, весьма удачно подтверждает правоту одного высказывания, принадлежащего человеку, который был моим соседом по этой скамейке и лишь недавно ушел. С ним у меня случился любопытный разговор. Он утверждал, что для многих вечер — лучшее время суток, лучшее и самое долгожданное. Что ж, как я сказал, в его словах, судя по всему, содержится доля истины, а то с чего бы всем этим людям ликовать в едином порыве лишь потому, что над молом зажглись фонарики?

Человек этот, разумеется, говорил в переносном смысле, но довольно примечательно, что его слова немедленно подтвердились в самом прямом. Я, видимо, не заметил, как он подсел ко мне на скамейку и просидел рядом несколько минут, — настолько я погрузился в воспоминания о встрече с мисс Кентон два дня тому назад. Мне вообще сдается, что я обратил на него внимание только после того, как он громким голосом заявил:

— Полезная штука — морской воздух.

Я поднял глаза и увидел крепко сбитого мужчину лет под семьдесят в довольно потертом твидовом пиджаке и рубашке с расстегнутым воротом. Он смотрел на море, а может, на чаек вдаль, так что я сперва не понял, ко мне он обращается или к кому-то другому. Поскольку, однако, поблизости никого не было и никто ему не ответил, я наконец сказал:

— Согласен с вами.

— Доктор говорит, что полезная. Вот я и прихожу сюда всякий раз, как позволяет погода.

The man went on to tell me about his various ailments, only very occasionally turning his eyes away from the sunset in order to give me a nod or a grin. I really only started to pay any attention at all when he happened to mention that until his retirement three years ago, he had been a butler of a nearby house. On inquiring further, I ascertained that the house had been a very small one in which he had been the only full-time employee. When I asked him if he had ever worked with a proper staff under him, perhaps before the war, he replied:

‘Oh, in those days, I was just a footman. I wouldn’t have had the know-how to be a butler in those days. You’d be surprised what it involved when you had those big houses you had then.’

At this point, I thought it appropriate to reveal my identity, and although I am not sure ‘Darlington Hall’ meant anything to him, my companion seemed suitably impressed.

‘And here I was trying to explain it all to you,’ he said with a laugh. ‘Good job you told me when you did before I made a right fool of myself. Just shows you never know who you’re addressing when you start talking to a stranger. So you had a big staff, I suppose. Before the war, I mean.’

He was a cheerful fellow and seemed genuinely interested, so I confess I did spend a little time telling him about Darlington Hall in former days. In the main, I tried to convey to him some of the ‘know-how’, as he put it, involved in overseeing large events of the sort we used often to have. Indeed, I believe I even revealed to him several of my

Незнакомец пустился в рассказы о своих разнообразных недугах, все так же любуясь закатом и лишь изредка отрываясь, чтобы кивнуть мне или улыбнуться. Я только-только начал к нему прислушиваться, как он упомянул, что ушел на покой три года назад, а до этого служил дворецким в одном доме неподалеку. Расспросив его, я выяснил, что дом был очень маленький, а вся прислуга, кроме него, — проходящая. Я спросил, не доводилось ли ему когда-нибудь, может, еще до войны, работать, имея в своем подчинении положенный штат. Он ответил:

— Ну, до войны я был простым лакеем. В те годы я бы не потянул на дворецкого. Это ж только подумать, сколько всего нужно знать, чтоб служить в больших домах, какие тогда были.

После таких его слов я счел уместным открыть-ся, и, хотя название «Дарлингтон-холл», видимо, ничего ему не сказало, самый факт, похоже, произвел должное впечатление.

— А я-то все вам объясняю, — расхохотался он. — Молодец, что сразу сказали, пока я совсем дураком не вышел. Лишний урок — нипочем не знаешь, на кого нарвешься, когда заговариваешь с незнакомыми. Штат у вас, думаю, был большой. До войны то есть.

Видя его живой интерес, я, должен признаться, порассказал ему о Дарлингтон-холле, каким он был в прежние времена. В основном я попытался ему объяснить, как, по его собственному выражению, «потянуть» там, где требуется надзор за обслуживанием больших приемов, подобных тем, что часто у нас происходили. Больше того, я даже раскрыл

professional ‘secrets’ designed to bring that extra bit out of staff, as well as the various ‘sleights-of-hand’ — the equivalent of a conjuror’s — by which a butler could cause a thing to occur at just the right time and place without guests even glimpsing the often large and complicated manoeuvre behind the operation. As I say, my companion seemed genuinely interested, but after a time I felt I had revealed enough and so concluded by saying:

‘Of course, things are quite different today under my present employer. An American gentleman.’

‘American, eh? Well, they’re the only ones can afford it now. So you stayed on with the house. Part of the package.’ He turned and gave me a grin.

‘Yes,’ I said, laughing a little. ‘As you say, part of the package.’

The man turned his gaze back to the sea again, took a deep breath and sighed contentedly. We then proceeded to sit there together quietly for several moments.

‘The fact is, of course,’ I said after a while, ‘I gave my best to Lord Darlington. I gave him the very best I had to give, and now — well — I find I do not have a great deal more left to give.’

The man said nothing, but nodded, so I went on:

‘Since my new employer Mr Farraday arrived, I’ve tried very hard, very hard indeed, to provide the sort of service I would like him to have. I’ve tried

ему кое-какие из своих профессиональных секретов, позволяющих добиться от персонала почти невозможного, а также разного рода хитрости — вроде «ловкость рук — никакого обмана» у фокусников, — с помощью которых дворецкий способен устроить то, что нужно, там, где нужно, и в нужное время, да так, что гости даже не догадаются о подготавливаемых маневрах, зачастую крупномасштабных и сложных. Мой собеседник оказался благодарным слушателем, но в конце концов я почувствовал, что достаточно его просветил, и закончил:

— Конечно, теперь, когда у нас новый хозяин, американский джентльмен, все уже по-другому.

— Американский, вот как? Что ж, нынче это им одним только и по карману. Значит, вы остались при доме. Перешли, стало быть, заодно с обстановкой, — произнес он, повернувшись ко мне с широкой ухмылкой.

— Да, — сказал я, усмехнувшись, — как вы верно заметили, перешел заодно с обстановкой.

Мужчина снова уставился на море, набрал полную грудь воздуха и удовлетворенно вздохнул. Мы несколько минут помолчали, сидя бок о бок.

— Дело, видите ли, в том, — сказал я, нарушив молчание, — что все лучшее я отдал лорду Дарлингтону. Отдал все лучшее, что у меня было, и теперь у меня... в общем... оказалось, что у меня не осталось почти ничего, что можно отдать.

Сосед мой молча кивнул, и я продолжал:

— С самого приезда моего нового хозяина, мистера Фаррадея, я стараюсь изо всех сил, действительно изо всех сил, служить ему наилучшим образом.

and tried, but whatever I do I find I am far from reaching the standards I once set myself. More and more errors are appearing in my work. Quite trivial in themselves — at least so far. But they're of the sort I would never have made before, and I know what they signify. Goodness knows, I've tried and tried, but it's no use. I've given what I had to give. I gave it all to Lord Darlington.'

'Oh dear, mate. Here, you want a hankie? I've got one somewhere. Here we are. It's fairly clean. Just blew my nose once this morning, that's all. Have a go, mate.'

'Oh dear, no, thank you, it's quite all right. I'm very sorry, I'm afraid the travelling has tired me. I'm very sorry.'

'You must have been very attached to this Lord whatever. And it's three years since he passed away, you say? I can see you were very attached to him, mate.'

'Lord Darlington wasn't a bad man. He wasn't a bad man at all. And at least he had the privilege of being able to say at the end of his life that he made his own mistakes. His lordship was a courageous man. He chose a certain path in life, it proved to be a misguided one, but there, he chose it, he can say that at least. As for myself, I cannot even claim that. You see, I trusted. I trusted in his lordship's wisdom. All those years I served him, I trusted I was doing something worthwhile. I can't even say I made my own mistakes. Really — one has to ask oneself — what dignity is there in that?'

Стараюсь и стараюсь, но что бы я ни делал, каждый раз вижу, что далеко не дотягиваю до того уровня, который сам для себя когда-то определил. У меня случается все больше и больше оплошностей. Мелких, пустячных — по крайней мере, пока что. Но таких, которых раньше я никогда бы не допустил, и я понимаю, что это значит. Видит Бог, стараюсь и стараюсь, но ничего не выходит. Я отдал все, что у меня было. Я все отдал лорду Дарлингтону.

— Господи, дружище, да что это с вами? Дать вам платок? Сейчас, он у меня где-то тут. Ага, вот он. Почти совсем чистый, только с утра высморкался, а больше ни разу. Нате, держите.

— О господи, нет, спасибо, я и так обойдусь. Вы уж простите, поездка, видно, меня вконец вымотала. Так нехорошо получилось.

— Вы, верно, были крепко привязаны к вашему лорду Как-его-там. Говорите, он три года как помер? Вижу, дружище, крепко вы к нему были привязаны.

— Лорд Дарлингтон был неплохим человеком. Совсем неплохим. И он хотя бы имел преимущество — мог в конце жизни сказать, что сам виноват в собственных ошибках. Его светлость был человеком отважным. Он выбрал в жизни свой путь, как потом оказалось, неверный, но выбрал сам, уж это, по крайней мере, он мог утверждать. А я — я даже этого не могу про себя сказать. Я, понимаете, верил. Верил в мудрость его светлости. Все годы службы я верил, что приношу пользу. А теперь я даже не имею права сказать, что сам виноват в своих ошибках. Вот и приходится задаваться вопросом: а много ли в этом достоинства?

‘Now, look, mate, I’m not sure I follow everything you’re saying. But if you ask me, your attitude’s all wrong, see? Don’t keep looking back all the time, you’re bound to get depressed. And all right, you can’t do your job as well as you used to. But it’s the same for all of us, see? We’ve all got to put our feet up at some point. Look at me. Been happy as a lark since the day I retired. All right, so neither of us are exactly in our first flush of youth, but you’ve got to keep looking forward.’ And I believe it was then that he said: ‘You’ve got to enjoy yourself. The evening’s the best part of the day. You’ve done your day’s work. Now you can put your feet up and enjoy it. That’s how I look at it. Ask anybody, they’ll all tell you. The evening’s the best part of the day.’

‘I’m sure you’re quite correct,’ I said. ‘I’m so sorry, this is so unseemly. I suspect I’m over-tired. I’ve been travelling rather a lot, you see.’

It is now some twenty minutes since the man left, but I have remained here on this bench to await the event that has just taken place — namely, the switching on of the pier lights. As I say, the happiness with which the pleasure-seekers gathering on this pier greeted this small event would tend to vouch for the correctness of my companion’s words; for a great many people, the evening is the most enjoyable part of the day. Perhaps, then, there is something to his advice that I should cease looking back so much, that I should adopt a more positive outlook and try to make the best of what remains of

— Вот что, дружище, послушайте-ка меня. Не скажу, чтобы я все так уж понял, что вы тут говорили, но коли хотите знать мое мнение, так вы кругом ошибаетесь. Ясно? Не оглядывайтесь вы все время на прошлое, от этого вам одно расстройство. Ладно, согласен, вы не так споро управляетесь с делом, как раньше. Но ведь так оно с нами со всеми, правда? Всем нам когда-то приходит срок уходить на покой. Вы на меня посмотрите — никаких забот с того самого дня, как уволился с должности. Согласен, и я и вы — далеко не первой молодости, но нужно глядеть вперед. — Именно тут он, по моему, и сказал: — Нужно радоваться жизни. Вечер — лучшее время суток. Кончился долгий рабочий день, можно отдыхать и радоваться жизни. Вот как я на это гляжу. Да вы любого спросите — услышите то же самое. Вечер — лучшее время суток.

— Вы, разумеется, правы, — ответил я. — Простите, что получилось так неприлично. Я, вероятно, сильно переутомился. Понимаете, столько времени провел за рулем.

Он ушел минут, наверное, двадцать тому назад, а я остался сидеть на этой скамейке и ждать того, чего дождался, — иллюминации над молом. Как я уже говорил, все собравшиеся с ликованием встретили это маленькое событие, что вроде бы подтверждает правоту моего недавнего собеседника: для очень и очень многих вечер — самое приятное время суток. Так, может, стоит прислушаться к его совету — перестать все время оглядываться на прошлое, научиться смотреть в будущее с надеждой и постараться как можно лучше использовать дарованный мне остаток дня? В кон-

my day. After all, what can we ever gain in forever looking back and blaming ourselves if our lives have not turned out quite as we might have wished? The hard reality is, surely, that for the likes of you and I, there is little choice other than to leave our fate, ultimately, in the hands of those great gentlemen at the hub of this world who employ our services. What is the point in worrying oneself too much about what one could or could not have done to control the course one's life took? Surely it is enough that the likes of you and I at least try to make our small contribution count for something true and worthy. And if some of us are prepared to sacrifice much in life in order to pursue such aspirations, surely that is in itself, whatever the outcome, cause for pride and contentment.

A few minutes ago, incidentally, shortly after the lights came on, I did turn on my bench a moment to study more closely these throngs of people laughing and chatting behind me. There are people of all ages strolling around this pier: families with children; couples, young and elderly, walking arm in arm. There is a group of six or seven people gathered just a little way behind me who have aroused my curiosity a little. I naturally assumed at first that they were a group of friends out together for the evening. But as I listened to their exchanges, it became apparent they were strangers who had just happened upon one another here on this spot behind me. Evidently, they had all paused a moment for the lights coming on, and then proceeded to fall into conversation with one another. As I watch them now, they are laughing

це концов, много ли проку от постоянных оглядок на прошлое и сожалений, что жизнь сложилась не совсем так, как нам бы хотелось? Ведь таким, как мы с вами, не уйти от суровой правды: наш единственный выбор — полностью передоверить свою судьбу тем выдающимся джентльменам, кто, пребывая у ступицы всемирного колеса, берет нас в услуженье. Какой смысл слишком тревожиться о том, что можно, а чего нельзя было бы сделать, чтобы самому распорядиться собственной жизнью? Безусловно, достаточно и того, что мы с вами хотя бы стремимся внести наш маленький вклад и надеемся, что его сочтут искренним и полезным. И если некоторые из нас готовы многим пожертвовать во имя таких устремлений, это уже само по себе, независимо от конечного результата, дает основания для удовлетворения и гордости.

Кстати, всего несколько минут назад, когда включили иллюминацию, я обернулся — поглядеть на тех, кто со смехом и шутками толпится у меня за спиной. По молу гуляют самые разные люди: семьи с детьми, молодые и пожилые пары — и те и другие под ручку. Мое внимание привлекла собравшаяся неподалеку небольшая компания, человек шесть или семь. Сперва я, понятно, решил, что это приятели, надумавшие вместе провести вечер. Но, прислушавшись к репликам, я понял, что просто незнакомые люди случайно сошлись на пяточке за моей скамейкой. Вероятно, все они на минуту остановились, дожидаясь, когда зажгутся фонарики, а затем понемногу разговорились. Я смотрю на них — они весело над чем-то смеются. Диву даешься, как люди успевают так

together merrily. It is curious how people can build such warmth among themselves so swiftly. It is possible these particular persons are simply united by the anticipation of the evening ahead. But, then, I rather fancy it has more to do with this skill of bantering. Listening to them now, I can hear them exchanging one bantering remark after another. It is, I would suppose, the way many people like to proceed. In fact, it is possible my bench companion of a while ago expected me to banter with him — in which case, I suppose I was something of a sorry disappointment. Perhaps it is indeed time I began to look at this whole matter of bantering more enthusiastically. After all, when one thinks about it, it is not such a foolish thing to indulge in — particularly if it is the case that in bantering lies the key to human warmth.

It occurs to me, furthermore, that bantering is hardly an unreasonable duty for an employer to expect a professional to perform. I have of course already devoted much time to developing my bantering skills, but it is possible I have never previously approached the task with the commitment I might have done. Perhaps, then, when I return to Darlington Hall tomorrow — Mr Farraday will not himself be back for a further week — I will begin practising with renewed effort. I should hope, then, that by the time of my employer's return, I shall be in a position to pleasantly surprise him.

быстро проникнуться друг к другу сердечностью. В данном случае я, правда, не исключаю, что их просто объединяет предвкушение приятного вечера, однако скорее склоняюсь к тому, что это связано с умением весело и непринужденно болтать. Я слышу, как они все время друг над другом подтрунивают. Видимо, такая форма общения по вкусу очень и очень многим. Возможно, мой недавний сосед по скамейке тоже рассчитывал, что я затею с ним такую же шутовскую болтовню, — и, значит, жестоко во мне обманулся. Может, мне и впрямь пришло время подойти к проблеме подтрунивания с большим рвением. В конце концов, как подумать, не такое это и глупое дело, особенно если шутовская болтовня и вправду служит ключом к теплomu человеческому общению.

Более того, мне теперь кажется, что у хозяев есть немалые основания требовать от профессиональных дворецких умения поддерживать подобную болтовню. Сам я, разумеется, потратил много времени на развитие навыков «подыгрывания», но, вероятно, до сих пор относился к этому делу без должного усердия. Так что, вернувшись завтра в Дарлингтон-холл — а мистер Фаррадей задержится еще на неделю, — я, пожалуй, с удвоенной силой возобновлю тренировки. Поэтому, будем надеяться, к возвращению хозяина я окажусь в состоянии преподнести ему приятный сюрприз.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
И85

Kazuo Ishiguro
THE REMAINS OF THE DAY

Copyright © 1989 by Kazuo Ishiguro

Перевод с английского *Владимира Скороденко*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

В коллаже на обложке использованы репродукции работ художников *Филиппа де Ласло, Джона Сарджента и Вильгельма Хаммерсхёя*

Исигуро, Кадзуо.

И85 Остаток дня = The Remains of the Day / Кадзуо Исигуро ; [перевод с английского В. А. Скороденко]. — Москва : Эксмо, 2020. — 608 с.

ISBN 978-5-04-112761-9

Кадзуо Исигуро — урожденный японец, выпускник литературного курса Малькольма Брэдбери, написавший самый английский роман конца XX века! Лауреат Нобелевской премии 2017 года.

«Остаток дня» — дневник дворецкого, жизнь с точки зрения Бэрримора. В основе его стилистики лежит сдержанность, выявляющая себя в самой механике речи. Герой не считает возможным проявлять свои чувства, и на лингвистическом уровне эта своеобразная аскеза приводит к замечательным результатам — перед нами этакая оборотная сторона Достоевского с его неуправляемым потоком эмоций.

В 1989 году за «Остаток дня» Исигуро единогласно получил Букера (и это было, пожалуй, единственное решение Букеровского комитета за всю историю премии, ни у кого не вызвавшее протеста). Одноименная экранизация Джеймса Айвори с Энтони Хопкинсом в главной роли пользовалась большим успехом. А Борис Акунин написал своего рода римейк «Остатка дня» — роман «Коронация».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Скороденко В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112761-9

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Исигуро Кадзуо

**ОСТАТОК ДНЯ
THE REMAINS OF THE DAY**

Ответственный редактор *М. Яновская*

Художественный редактор *Н. Ярусова*

Технический редактор *О. Лёвкин*

Компьютерная верстка *О. Шувалова*

Корректор *Е. Сербина*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.06.2020. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92.

Тираж

экз. Заказ

16+

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»
Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.

Телефон: +7 (495) 411-50-74. **E-mail:** reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде
Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). **E-mail:** reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге
Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. **E-mail:** server@szko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге
Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. **E-mail:** RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону
Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7(863) 303-62-10. **E-mail:** info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске
Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7(383) 289-91-42. **E-mail:** eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске
Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006
Телефон: (4212) 910-120, 910-211. **E-mail:** eksmo-khv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Пермякова, 1а, 2 этаж. ТЦ «Перестрой-ка»
Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си»
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минск
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92
Режим работы: с 10.00 до 22.00. **E-mail:** exmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»
Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3А
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99). **E-mail:** RDC-Almaty@eksmo.kz

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
«ЭКСМО-АСТ»

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

eksmolive

eksmo

eksmolive

eksmo.ru

eksmo_live

eksmo_live

ISBN 978-5-04-112761-9

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

БИЛИНГВА В BESTSELLER

Для тех, кто хочет быть лучшим!

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ И ПЕРЕВОД
НА СТРАНИЦАХ ОДНОЙ КНИГИ —
ЭТО ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ
ЗНАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.

Самый английский роман конца XX века от лауреата
Нобелевской премии по литературе 2017 года
Кадзуо Исигуро.

Дворецкий Стивенс, без страха и упрёка служивший
лорду Дарлингтону, рассказывает о том, как у него
развивалось чувство долга и умение ставить
нужных людей на нужное место,
демонстрируя поистине самурайскую замкнутость
в рамках своего кодекса служения.

В 1989 году за «Остаток дня» Исигуро единогласно
получил Букера. Одноименная экранизация
Джеймса Айвори с Энтони Хопкинсом в главной роли
пользовалась большим успехом. А Борис Акунин
написал своего рода римейк «Остатка дня» —
роман «Коронация».

ISBN 978-5-04-112761-9

